

ISSN 1815-9176

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ и ИСКУССТВ

1 (45) / 2016

Scientific journal
**«HERALD
of Chelyabinsk State Academy
of Culture and Arts»**
1 (45) 2016

Included into the list of leading scientific editions under review

Journal is being issued since 2002

Founder

Federal State Budget-funded Educational Institution of Higher
Education "Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts"

Editor-in-chief Rushanin Vladimir

Deputy editor-in-chief Shtoler Andrei

Editorial director Berestova Tatiana

Responsible editor of the issue Makarycheva Vera

The Herald publishes materials on the problems of documental information,
art criticism, and culturology
(including only the problems of higher education sphere)
The journal is registered by the Federal Service of Supervision
in the sphere of mass media, mass communications and security
of cultural heritage

Registration certificate ПИ ФЦ77-30894 of 29.12.2007

All rights for the materials published
in the issue are reserved by the journal
«HERALD of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts».

No part of this publication may be reproduced
without the editorial board permission.

The articles of the journal are being reviewed.
The circulation of the «Herald of the Chelyabinsk
State Academy of Culture and Arts»
is 500 copies.

Publishing house address:

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
36a Ordzhonikidze ul., office 3601,
Chelyabinsk, 454091, Russia.
Phone/fax: +7 (351) 263-28-45; 263-94-67;
E-mail: vestnik@chgaki.ru

**Subscription index of the journal
in the United Catalogue "Pressa Rossii" ["Russian press"]
is 48677**

It is printed in the printing house of Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts:
36a Ordzhonikidze ul., office 3602,
Chelyabinsk, Russia

Editorial stuff

The editors: Makarycheva V., Bozhe E., Cheremina A.
Translated by Meshcheriakov V.
Cover design by Khudiakova A.

© Chelyabinsk State
Institute of Culture and Arts, 2016

The Editorial Board

Kolin K. (Chairman) – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Science
Honored Worker of the Russian Federation, full-fledged Member of Academy of
Science of Higher School, Chief Researcher of the Federal Research Centre of
"Informatics and Management" of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Astaŭjeva O. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, director of
scientific-educational center "Civil society and social communications" of the
Russian Academy of National Economy and State Service under the President
of the Russian Federation, a member of the Council for State Cultural Policy
under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the
Russian Federation (Moscow)

Hood P. – Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of
Rituals and Festivals Directing at the Byelorussian State University of Culture
and Arts (Minsk, Belarus)

Imhanitsky M. – Doctor of Arts, Professor of the Gnessins Russian Academy of
Music (Moscow)

Matsijewsky I. – Doctor of Arts, Professor, Academician of the Russian
Academy of Natural Sciences and the International Academy of Informatization
of the UN, Honored Artist of Ukraine and Poland, Head of Instrumentation
sector Russian Institute of Art History (St. Petersburg)

Nikonorova E. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of
periodicals, editor in chief of the Russian State Library (Moscow)

Pavlovskaya E. – Candidate of Engineering Sciences, Professor of the University
of Library Studies and Information Technologies (Sofia, Bulgaria)

Sokolov A. – Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Engineering,
Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences,
Honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the
Informational Technologies Faculty of St. Petersburg State University of Culture
and Arts, Professor, honored worker of culture of the Russian Federation
(St. Petersburg)

Stoliarov I.U. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Chief Researcher of
Scientific Analytical Department of the Academic scientific publishing printing
and book-distributing centre of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Suleneva N. – Doctor of Culturology, Professor of St. Petersburg Theatre Arts
Academy (St. Petersburg)

Ursul A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of
Russia, Head of the Center for Global Studies, Professor at the Faculty of
Global Processes of the Lomonosov Moscow State University, Academician of
the Academy of Sciences of Moldova (Moscow)

Iudin B. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member
of Russian Academy of Sciences (Moscow)

The scientific editorial staff

(Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts)

Apukhtina N. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Philosophical
Sciences Department

Berestova T. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of
of Tourism and Museology Department

Bychkov V. – Doctor of Art Criticism, Professor of Variety Orchestra Activities
Department

Zubanova L. – Doctor of Culturology, Head of Culturology and Sociology
Department

Kaluzhskikh E. – Candidate of Pedagogic Sciences, Professor, Head
of Theatrical Art Department

Lazareva L. – Candidate of Pedagogic Sciences, Professor of Mass-Scale
Performances and Festivals Directing Chair

Neveleva V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of
Philosophical Sciences Department

Rubanova T. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of Librarian-
Informational Activity Department

Tolstikov V. – Doctor of Historical Sciences, Head of the History Department

Khudiakov V. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of Computer
Science Department

ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Научный журнал

1 (45) 2016

Включен в Перечень ведущих научных рецензируемых изданий
(действует с 1 декабря 2015 г.)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ ФС77-30894 от 29 декабря 2007 г.

Издается с 2002 г.

Учредитель
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный
институт культуры»

Публикуются материалы
по следующим группам специальностей:
05.25.00 Документальная информация,
24.00.00 Культурология,
17.00.00 Искусствоведение

Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат журналу.
Перепечатка публикаций
без разрешения редакции запрещена.
Статьи рецензируются.

ISSN 1815-9176

Подписной индекс журнала
в каталогах «Российская Федерация» и «Современная Россия»
48677

Главный редактор
Рушанин Владимир Яковлевич
Зам. главного редактора
Штолер Андрей Владимирович
Шеф-редактор
Берестова Татьяна Федоровна
Ответственный редактор
Макарычева Вера Александровна

Редакция журнала
Редакторы: Е. В. Боже, А. И. Черёмина

Перевод В. Б. Мещерякова
Дизайн обложки А. Н. Худяковой

Адрес редакции: Российская Федерация,
454091, г. Челябинск,
ул. Орджоникидзе, 36а, к. 201

Тел./факс: (351) 263-28-45, 263-94-67;
e-mail: vestnik@chgaki.ru,
science@chgaki.ru;
URL: www.chgaki.ru

Отпечатано: г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а,
к. 3602

© Челябинский государственный
институт культуры, 2016

Состав редакционного совета журнала

Колин Константин Константинович (председатель) – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии наук высшей школы, президент международного общества по изучению информации (Австрия), член Академического совета Международного исследовательского центра философии информации (Китай). Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, главный научный сотрудник

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Международный институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ: директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО

Гуд Пётр Адамович – кандидат исторических наук, профессор. Белорусский государственный университет культуры и искусств, заведующий кафедрой режиссуры обрядов и праздников

Имханицкий Михаил Иосифович – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ. Российская академия музыки им. Гнесиных, профессор кафедры баяна и аккордеона

Мацневский Игорь Владимирович – доктор искусствоведения, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации ООН, заслуженный деятель искусств Украины и Польши. Российский институт истории искусств, заведующий сектором инструментоведения

Никонорова Екатерина Васильевна – доктор философских наук, профессор, член Национального координационного совета Российского комитета ЮНЕП, действительный член Международной академии ноосферы (устойчивого развития), член-корреспондент Российской академии естественных наук. Российская государственная библиотека, начальник Управления специальных проектов

Павловска Елена Юрьевна – кандидат технических наук, профессор. Университет библиотековедения и информационных технологий (г. София, Болгария), профессор кафедры коммуникации и информации

Соколов Аркадий Васильевич – доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Санкт-Петербургский государственный институт культуры, профессор кафедры информационно-управляющих и мультимедиа систем

Столяров Юрий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор. Научно-издательский производственно-полиграфический и книгораспространительный центр Российской академии наук, главный научный сотрудник научно-аналитического отдела

Суленёва Наталья Васильевна – доктор культурологии, профессор Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства, кафедра театрального искусства

Урсул Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии наук Молдавии. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, руководитель Центра глобальных исследований, профессор факультета глобальных процессов

Юдин Борис Григорьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук, профессор сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики

Состав научной редакции журнала

(Челябинский государственный институт культуры)

Апухтина Нина Георгиевна – доктор философских наук, профессор кафедры философских наук

Берестова Татьяна Фёдоровна – доктор педагогических наук, профессор

Бычков Владимир Васильевич – доктор искусствоведения, профессор кафедры эстрадно-оркестрового творчества

Зубанова Людмила Борисовна – доктор культурологии, заведующая кафедрой культурологии и социологии

Калужских Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства

Лазарева Людмила Николаевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников

Невелева Вера Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философских наук

Рубанова Татьяна Давыдовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры документоведения и издательского дела

Толстиков Виталий Семёнович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории

Худяков Виктор Никитевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ

<i>Андреева И. В.</i> Парадигмальный подход в музеологии и интегративная методология П. ван Менша.....	7
<i>Пилко И. С., Дворовенко О. В.</i> Педагог-библиотекарь: стандартная модель и нестандартная реальность.....	20
<i>Рубанова Т. Д.</i> Универсальный гений эпохи просвещения: книжные новации Бенджамина Франклина (к 310-летию со дня рождения)	27
<i>Шицкова М. А.</i> Развитие провинциального книгоношества (на примере Оренбургской губернии)	36
<i>Буриев К. Б.</i> Тазкира (антология) как источник библиографической информации	42
СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	
<i>Дискан Н. И.</i> Библиотека как центр культурного разнообразия: проблемы, перспективы развития в региональном пространстве	50
<i>Сумро Н. А.</i> Конкурентоспособность библиотечно-информационных специалистов на внепрофессиональном рынке труда Самарской области	59

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Астафьева О. Н., Аванесова Г. А.</i> Стратегический вектор и семантические основания включения России в гуманитарное пространство межкультурных союзов: взаимодействие в сфере образования	65
<i>Кислов А. Г., Сюзева Н. В.</i> Амбивалентность культуры в процессах воспроизводства и предупреждения коррупции	81
<i>Ефимов В. Ф.</i> Отражение историко-философских идей патриотизма в современном образовании	90
<i>Яковлева Т. А.</i> Понятие «переходный объект» как когнитивный инструмент культурологии	96
<i>Емченко Е. П.</i> Ценностная трансформация повседневности в медиареальности	102
<i>Южалина Н. С.</i> Геокультурные модели региона и провинции	110
<i>Павлова А. Ю., Сколова Н. В.</i> Театральность и субкультурность в актуальных субкультурных практиках	119
СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	
<i>Солдаткин В. Е.</i> Личностный юбилей: концептуальные положения исследования	125
<i>Эрдэнэбат Д.</i> Сохранение культурного наследия Монгольской империи в Монгольском государстве: об актуальности исследования исторической преемственности	129
НА СТОЛЕ УЧЕНОГО	
<i>Рушанин В. Я.</i> Осень патриарха	135

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Серегин Н. В.</i> Формирование исполнительского мастерства музыканта.....	149
<i>Ульмасов Ф. А.</i> Восточная монодия в контексте сольного музицирования и проблемы генезиса одноголосия и многоголосия	154
<i>Бычков В. В., Путилов В. Д.</i> Музыка для баяна уральских композиторов (соната № 1 В. Веккера)	161
<i>Ананьев В. Г.</i> «В России следует подумать государству об искусстве»: министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.).....	173
СЛОВО СОИСКАТЕЛЮ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	
<i>Гусев А. О.</i> Морфология повествования вариативных структур (на примере фильма Тома Тиквера «Принцесса и воин»)	182
<i>Малофеева И. В.</i> Нетрадиционные способы звукоизвлечения на фортепиано в симфоническом произведении Дж. Крама.....	188

НАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

К 75-ЛЕТИЮ Т. М. СИНЕЦКОЙ	
<i>Харишина В. И.</i> Слово о мастере.....	197
К 60-ЛЕТИЮ Г. Я. ГРЕВЦЕВОЙ	
Служить науке!	201
К 65-ЛЕТИЮ З. В. РУССАК	
<i>Сокольская Л. В.</i> Лично причастна: ответственность как жизненное кредо	204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

Диссертационные советы.....	209
Научные и творческие проекты	209
О новых изданиях.....	212
Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике ЧГАКИ» в 2015 г.....	217
Сведения об авторах	221
Правила рецензирования и опубликования научных статей	223

CONTENTS

Part I. INFORMATION AND COMMUNICATION SCIENCES

<i>Andreeva I.</i> Paradigmatic approach in museology and an integrative methodology in the works of P. van Mensch.....	7
<i>Pilko I., Dvorovenko O.</i> Teacher-librarians: standard model and non-standard reality	20
<i>Rubanova T.</i> The book democracy lessons from Benjamin Franklin (to 310 anniversary from the day of birth)	27
<i>Shitskova M.</i> Provincial book peddling development (by Orenburg province example).....	36
<i>Buriev K.</i> Tazkira (anthology) as a bibliographic information source	42

SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS

<i>Diskaia N.</i> Library as a cultural diversity centre: problems, perspectives of development in regional environment.....	50
<i>Sumro N.</i> Competitiveness of library and information professionals out of the professional labor market of Samara region	59

PART II. CULTUROLOGY

<i>Astafyeva O., Avanesova G.</i> Strategic vector and semantic grounds of the including Russia in the humanitarian space of intercivilization unions: interaction in education	65
<i>Kislov A., Siuzeva N.</i> Duality of culture is in the processes of reproduction and warning of corruption	81
<i>Efimov V.</i> The reflection of historical-philosophical ideas of patriotism in modern education	90
<i>Iakovleva T.</i> The notion of a "transitional object" as a cognitive instrument in cultural science.....	96
<i>Emchenko E.</i> Daily world in the context of modern media.....	102
<i>Iuzhalina N.</i> Geocultural model of the region and the province	110
<i>Pavlova A., Skolova N.</i> Theatricality and sublevel of culture in actual subcultural practitioners.....	119
<i>Soldatkin V.</i> Personal anniversary: conceptual theses of the research	125

SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS

<i>Erdenebat D.</i> The preservation of the cultural heritage of the Mongol Empire in the Mongolian State: the relevance of the study of historical continuity	129
--	-----

ON THE DESK OF A SCIENTIST

<i>Rushanin V.</i> Patriarch's autumn.....	135
--	-----

PART III. ART STUDY

<i>Seregin N.</i> The formation of the musician performance skills.....	149
<i>Ulmasov F.</i> Eastern homophony in the context of solo music playing and monophony and polyphony genesis problem	154
<i>Bychkov V., Putilov V.</i> Ural composers button accordion music (Sonata No. 1 by V. Vekker).....	161
<i>Ananiev V.</i> "In Russia state should think on art" (Ministry of arts in discussions during the revolution time, 1917). Pt. 1.	173

SCIENTIFIC DEGREE APPLICANT SPEAKS

<i>Gusev A.</i> The morphology of narration of varied structures (Tom Tykwer's film "The princess and the warrior" as an example)	182
<i>Malofeeva I.</i> Piano extended techniques in George Crumb's orchestra work "Echoes of time and the river"	188

SCIENTIFIC PROFILE

TO T. SINETSKAIA'S 75 ANNIVERSARY

<i>Kharishina V.</i> A word about master.....	197
---	-----

TO G. GREVTSEVA'S 60 ANNIVERSARY

To serve science!	201
-------------------------	-----

TO Z. RUSSAK'S 65 ANNIVERSARY

<i>Sokolskaia L.</i> Personally involved: responsibility as a credo.....	204
--	-----

SCIENTIFIC LIFE OF THE CHELYABINSK STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ARTS

Dissertation councils	209
Research and creative projects	209
New publication	210
Index of materials published in "Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts" in 2015	217
Authors	221
Rules of review and publication of scientific articles	223

Раздел I

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ
И КОММУНИКАЦИОННЫЕ
НАУКИ**

И. В. Андреева

канд. пед. наук, доцент

Челябинский государственный институт культуры

E-mail: andreevairina7@gmail.com

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД В МУЗЕОЛОГИИ И ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ П. ВАН МЕНША

Рассматривается методология парадигмального подхода и перспективы ее применения для описания теоретического наследия в области музеологии. Источниковой базой исследования является диссертация голландского ученого П. ван Менша (1992, Загреб), которая содержит обширную историографию музеологии преимущественно европейских стран 1960–1980 гг. Парадигмальный подход, разработанный Т. Куном, понимается как логико-гноссеологическая схема, включающая систему взаимосвязанных компонентов – дисциплинарную матрицу, выступающую в качестве основы теоретической и практической деятельности профессионального сообщества музеологов в определенный период времени. Она включает «образцы», модели решения проблем, «символические обобщения», ценности. Последовательное вычленение данных компонентов в системе музеологического знания дает возможность выделить основные типы парадигм и представить эволюцию музеологии как циклическое чередование периодов «нормальной науки», кризисов, научных революций и утверждения новой парадигмы. В рамках классической рациональности в XX в. сформировались коллекционистская и музейноцентристская парадигмы. В рамках базового концепта «коллекция» профессиональное сознание и ценности были сосредоточены на приоритете потребностей науки, для изучения предметов музейной коллекции использовались методы профильных дисциплин (классификация, систематизация, интерпретация). Музейноцентристская парадигма формировалась под влиянием процессов социальной инклюзии. Она концентрируется на изучении целей и функций, основных направлений деятельности музеев, специфики их организации; характеризуется раздвоением профессионального кредо: ученый-вещевед конкурирует в значимости статуса с музейным педагогом. Неклассическая парадигма музеологии опирается на концепт музеальности З. Странского, который характеризует специфическую музейную потребность. На платформе музеальности новую музеологическую парадигму – документально-информационно-коммуникационную – в 1990-е гг. разрабатывает П. ван Мениш.

Ключевые слова: музеология, парадигмальный подход, парадигма, музей, коллекция, музейный предмет, документационная ценность музейного предмета, П. ван Мениш, документный подход

Для цитирования: Андреева, И. В. Парадигмальный подход в музеологии и интегративная методология П. ван Менша / И. В. Андреева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 7–19.

В 2012 г. журнал «Музей» опубликовал интервью с вице-президентом Международного комитета по музеологии, заведующим кафедрой ЮНЕСКО по музеологии и мировому наследию Университета Масарика (Брно, Чехия) доктором Я. Долаком [20, с. 17]. При ответе на вопрос о базовом минимуме литературы для интересующихся музеологией среди десятка наименований им была названа диссертация голландского музеолога П. ван Менша¹ «К методологии музеологии». Спустя два года у рос-

сийского читателя появилась возможность с ней познакомиться: журнал «Вопросы музеоло-

¹ Петер ван Мениш – профессор (Амстердам, Нидерланды), видный деятель европейской музеологии второй половины XX – начала XXI в. В лаконичных биографических справках [5; 15] приводятся сведения о его музейно-практической деятельности, связанной с рядом нидерландских музеев; профессорско-преподавательской (Академия Рейнхарта, директор магистерских программ в 1998–2001, 2005–2010 гг.); международной научной деятельности (с 1983 г. – член Международного комитета по музеологии Международного совета музеев, ИКОМ, а в 1989–1993 гг. – президент; 1989–1991 г. – руководитель рабочей группы по терминологии при Международном комитете по документации; 2010 г. – первый президент Комитета по коллекционированию ИКОМ; с 2011 г. – член Комитета по этике ИКОМ).

логии» опубликовал работу ван Менша в переводе петербургского ученого В. Г. Ананьева [18]. Защищенная в 1992 г. в Загребском университете (Хорватия) с присвоением докторской степени, она впервые увидела свет на русском языке. Случись это раньше, не сомневаюсь, и без того авторитетный рейтинг цитирования автора существенно бы повысился, поскольку в отечественной научной практике до сих пор отсутствуют монографии, посвященные анализу отдельных методологических проблем теоретического музееведения [26, с. 5, 7, 11]. Автор перевода обосновал значение публикации как оригинальностью изложенной концепции музеологии, так и ценностью историографического анализа музеологической мысли на рубеже перехода от эмпирически-описательного этапа к этапу теории и синтеза, непосредственно связанному с деятельностью Международного совета музеев (ИКОМ) и созданного в его составе в 1976 г. Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ) [5, с. 3]. Вместе с тем хронологические границы описанной П. ван Меншем музеологической ситуации гораздо шире указанного периода.

В европейской музеологии 1970–1980-е гг. были отмечены «сменой перспективы» при «отсутствии общепринятой обобщающей парадигмы» [17, с. 29]. П. ван Менш, сосредоточившись на широчайшем спектре идей и мнений относительно идентичности музеологии и ее особой когнитивной ориентации, в итоге обосновал концептуальные рамки музеологической парадигмы, назвав ее «интегративной музеологией». В ее построении автор последовательно придерживался методологии парадигмального подхода, разработанной американским ученым Т. Куном [16], охарактеризовал основные параметры парадигмы в формате «дисциплинарной матрицы». Стремясь ответить на основные вопросы о целях музеологического познания, структуре музеологии и сферах музеологической перспективы, автор диссертации не стремился проанализировать смену парадигм науки (если таковая имела место) в исторической ретроспективе, оговорив лишь «общее количество ее теоретических вариан-

тов» [18, с. 19], но дал богатую почву для размышлений о перспективах парадигмального подхода как направления исследования музеологической мысли. Методология парадигмального подхода до сих пор не применялась ни при анализе эволюции музеологии, ни при создании историографических обзоров по отдельным проблемам. Данный материал является попыткой интерпретации результатов исследования П. ван Менша в парадигмальном ключе, которая, возможно, позволит ввести парадигмальный подход в копилку методологии, нацеленной на изучение/осмысление теоретического наследия.

Парадигмальный подход в последнее время завоевывает все большее количество сторонников, в том числе в системе гуманитарных наук [См., например: 7; 11; 24; 28]. Как любой теоретический подход, он задает логико-гносеологическую и методологическую направленность научного исследования, ограничивая его одним аспектом [27, с. 7–8]. Его автор, Т. Кун, понимал под парадигмой «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [16, с. 3]. Смена парадигм – кульминационная точка научных революций, приводящих к новым правилам и стандартам научной практики, названных Т. Куном «нормальной наукой» [Там же, с. 12]. Это «реконструкция области на новых основаниях», новая научная «картина мира», разделяемая научным сообществом. «Нормальная наука» – модус исследований, опирающихся на принцип общепризнанной парадигмы, направленных на классификацию и иллюстрацию явлений, теорий и проблем, существование которых парадигмой заведомо предполагается. В конце концов «нормальная наука» влечет за собой осознание аномалий и кризис, что приводит к торжеству новой парадигмы. Таким образом, Т. Кун описывает структуру научного процесса как цикл, где чередуются периоды «нормальной науки», конкуренции концепций и кризиса, приводящего к научной революции, становления новой парадигмы («экстраординарная нау-

ка») и дальнейшего развития науки на ее основе в «нормальном» ключе. Возвращаясь к метафоре «смены перспективы», период, оказавшийся в фокусе внимания П. ван Менша, можно было бы отнести к кризисному состоянию музеологии.

В свете куновской концепции, парадигма – научный конструкт, фундаментом которого является «дисциплинарная матрица» – упорядоченные элементы парадигмы, образующие единое целое и функционирующие как единое целое [Там же, с. 122]. Современные исследователи парадигмального подхода исходят из принципов системно-целостного строения зрелой парадигмы, научной эвристичности, доминирования одной парадигмы и ее временной ограниченности, революционной смены и качественной несоизмеримости парадигм [10, с. 164–165]. Автор исследования о парадигмальном анализе науки О. А. Ермолаева называет также четыре метода парадигмального подхода, с помощью которых может быть выполнено структурирование парадигм, проведен анализ их возникновения и скачкообразного перехода от одной к другой, дано описание истории науки. Нам представляется, что данные принципы и методы являются грузоподъемным инструментарием для социально-философского осмысления эволюции музеологии в рамках специального исследования.

Научная практика применения парадигмального подхода привела как к использованию парадигм фундаментальных наук в качестве эпистемологического инструмента в частных науках¹, так и к формированию отраслевых понятий типа *библиографическая парадигма* [28], *образовательная парадигма* [24] и т. п., а значит, и соответствующих им научных конструктов². В большинстве случаев па-

радигмальный подход используется, когда обнаруживаются ограничения описательно-хронологического метода с целью воссоздания ретроспективной панорамы науки с элементами прогностической практики. По этому поводу социолог искусства Г. Г. Дадамян остроумно заметил: «немудреная логика хронологического “шампура” – исторический шашлык – вид пиршественного научного блюда, но в действительности это всего лишь муляж, неспособный насытить жаждущего истины» [7, с. 14]. Логикогносеологическая схема парадигмального подхода оказывается весьма удобной для анализа эволюции идей и концепций в системе науки. Возможны ли в этом контексте анализ эволюции музеологии и собственно понятие *музеологическая парадигма*? Если да, то, очевидно, эволюция музеологической мысли³ может быть рассмотрена как чередование периодов «нормальной» науки и кризисов, а конфигурация музеологической парадигмы, согласно методу дисциплинарной матрицы, должна связать во едино такие компоненты, как:

- 1) общепризнанные (прикладные) образцы – правила и стандарты научной практики;
- 2) метафизические части парадигмы – специфические модели, центральные вопросы исследования (в терминологии Куна – «головоломки», которые помогает решать парадигма), характеристика музеологического феномена;
- 3) символические обобщения – базовый концепт парадигмы;
- 4) ценности (ценностные установки), связанные с характеристикой научного форума, в рамках которого развивается музеологический дискурс. Ценности, кредо представителей научного сообщества, регулирующие их деятельность в течение длительного периода.

Становлению любой науки предшествует продолжительный этап допарадигмального (по П. ван Меншу – предпарадигматического) развития. Несмотря на попытку утверждения музеологического дискурса еще в 1878 г. в «Журнале по общей музеологии и родствен-

¹ Например, О. С. Сапанжа в работе «Теория музея и музейности: историографический обзор и историческая типология» подробно анализирует применение в музеологии культурологической парадигмы как способа включения музейной культуры в многоуровневый универсум культуры [23, с. 42].

² Так, авторы очерков «Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс» определяют библиографическую парадигму как «выраженные отраслевыми терминами общепризнанные смыслы библиографического социального института в данный период времени» [26, с. 11].

³ Соотношение понятий *история музеологии* и *история музеологической мысли* было критически рассмотрено В. В. Астафьевым и Л. А. Сыченковой [1, с. 16].

ным ей наукам», создателем которого был директор дрезденского музея «Зеленые своды» И. Г. Т. фон Грассе [4, с. 11], эмансипация музеологии от профильных наук и практической музейной работы происходит только в середине 1960-х гг., когда в учебные планы европейских университетов вводятся курсы теоретической музеологии [31]. Предшествующий ей период вместил в себя, согласно периодизации музеологии З. Странского, донаучную (XVI – конец XIX в., необходимыми и достаточными рамками музейной работы являлись концептуальные рамки профильной дисциплины) и эмпирически-описательную стадии музеологии (конец XIX – вторая половина 1960-х гг., объектом исследовательского интереса стал музейный институт) [3].

Соотнесение донаучного периода с предпарадигматическим этапом, с нашей точки зрения, является поводом для полемики с П. ван Меншем, так как уже в описаниях ренессансных коллекций и более поздних музеографических трудах содержались зачатки музеологического знания, формировавшегося вокруг концепта *коллекция*. Интерес профильных наук к музеям как к потенциальным объектам исследования на донаучной стадии нашел отражение в прикладном статусе музеологии. «Museum studies» – музеология с точки зрения профильных дисциплин, «специальная музеология» – в центр исследований помещала предметы музейной коллекции как источники и руководствовалась методами профильных дисциплин – научной классификацией, систематизацией, интерпретацией, которые и диктовали правила и стандарты применения в науке мультидисциплинарного подхода. Закономерно, что институционализация музея как культурной формы во второй половине XIX в. осуществлялась в формате «дворца науки», «лаборатории ученого».

Профессиональное сознание, активно формировавшееся профессиональными журналами и ассоциациями первых десятилетий XX в. [4], концентрировалось вокруг «приоритета в музейном деле науки (как содержания), научности (как способа презентации) и ученого

(как образа музейного деятеля)» [11, с. 108]. Кредо формирующейся на этом этапе профессии выражалось в источниковом обеспечении науки – систематизации, описании музейных предметов, введении их в научный оборот. В музее заседали научные общества, при музеях формировались университетские кафедры. Неслучайно авторами ранних трактатов были философы, ученые, практикующие врачи, профессора европейских университетов (С. фон Квикхеберг, Ф. Бэкон, О. Ворм, И. Д. Майор, М. Б. Валентини, К. Линней и др.), стремившиеся через рефлексию практики коллекционирования и через создание «каталогов вещей» воссоздать модель мира. На следующем этапе, когда развернулись процессы профессионализации музейного сектора (первая половина XX в.), эта тенденция нашла поддержку в том, что в качестве главной фигуры теоретической музеологии стал выступать куратор [18, с. 26]. Таким образом, базовым концептом, вокруг которого формировалось музейное знание вплоть до середины XX в., являлась коллекция; источником методологического инструментария – парадигмы профильных наук, их принципы и методы.

Две аномалии предопределили назревающий в научной практике кризис. Первая – невозможность с помощью профильных дисциплин удовлетворить требования времени, поскольку становление идеи публичности музеев повлекло за собой «движение за музейную модернизацию», т. е. активное включение музеев в социальную жизнь. Вторая – внутренние обстоятельства, связанные со специфическими вопросами коллекционирования, консервации, учета, хранения и экспонирования коллекций, на которые профильные дисциплины тоже не могли дать ответа. Как писал Кун, «банкротство существующих правил означает прелюдию к поиску новых» [16, с. 49]. Ситуация расшатывания чисто научной коллекционистской концепции открывала две области музеологической перспективы. Одна из них была связана с осмыслением трансформаций музея на основе требований общества, другая – с формированием музеологии как независимой

области знаний с базовым технологическим (музографическим) подходом.

Закономерно, что попытки создания новой парадигмы во второй половине 1960-х – 1970-е гг. концентрируются вокруг базового концепта *музей*. На фоне общего кризиса культуры и политизации населения возникло «новое понимание взаимоотношений между музеями и сообществами, в которых они существуют» [4, с. 24]. Ядро профессиональных ценностей формируется вокруг представления о содействии развитию общества, обновление музейного института видится в большей социальной вовлеченности, «культуре участия». Происходит смещение музологического дискурса в поле социальной значимости музеев и музеологии. Музейный институт демонстрирует способность к моделированию и презентации образов истории, инвариантных профильной науке. Идеал просветительства формирует образовательную концепцию музея. Как пишет культуролог Т. П. Калугина, «“большая наука” становится все более умозрительной, отрывается от зримых, осязаемых вещей – музеи же по-прежнему интересуются лишь тем, что соразмерно человеку» [11, с. 142].

В сфере международного сотрудничества и формирования профессионального сознания, организационным ядром которого становится созданный в 1976 г. ИКОФОМ, формируются две школы. Первая – движение за «новую музеологию». Его сторонники – англофилы и франкофоны – выдвигают концепцию экомuzeя и рассматривают музеологию как теорию практики интеграции музея в общество на основе рыночно ориентированных подходов. Дискуссии музологов восточноевропейских стран концентрируются вокруг когнитивной ориентации музеологии, поиска специфического «языка» музея и обращаются к теориям и методам других социальных наук.

Эмансипация музеологии от профильных наук в это время связана с формированием новой области познания – изучением целей и функций, основных направлений деятельности музеев, специфики их организации. В проблемном поле музеологии активно развивается

музографическое направление. С точки зрения технических дисциплин описывается технология форм музейной деятельности, направленных на сохранение и использование предметов, чему в значительной степени способствует признание одними из музейных профессий реставратора и хранителя, ослабление позиций куратора в музеях, а также утверждение музеологии в качестве университетской дисциплины. Как и предполагает логика научных революций, новая музеецентристская парадигма встречает сопротивление, так как несет в себе «угрозу для существующего баланса сил» в организационной структуре музея [18, с. 31]. Профессиональное кредо музейного деятеля раздваивается: с одной стороны, абсолютизируется статус ученого-вещоведа, «жреца музейного собрания» [11, с. 142], с другой – крепнет «голос» музейного педагога. За неимением собственного метода познания, музеология обращается к методологиям других наук – педагогике, социологии, научной информатике – и в работах некоторых музологов получает статус субдисциплины. Например, немецкий музолог Ю. Ромедер предлагает рассматривать музеологию как субдисциплину социальных коммуникаций [18, с. 26], музеологи социалистического лагеря относят ее к комплексу документационных дисциплин наряду с информатикой, архивоведением, библиотековедением, книговедением, библиографоведением [Там же, с. 67]. Но ни одна из этих наук оказывается не способной объяснить первопричину феномена музея. Возникла новая «головоломка», которую невозможно было разрешить средствами музеецентристской парадигмы.

Коллекционноцентристская и музеецентристская парадигмы характеризуют этап классической рациональности в развитии музеологии (П. ван Менш называет его «традиционной музеологией»). Автор типологии научной рациональности В. С. Степин этап классической науки связывал с познанием простых систем путем объяснения и описания их характеристик и обобщения опытных фактов [30]. Коллекции и музейные технологии требовали именно такого эмпирического под-

хода на этапе эмансипации музеологии от профильных наук. Логика следующего шага предполагала выделение в качестве объекта исследования сложных саморегулирующихся систем и использование в качестве метода гипотез и абстрактных моделей. Эти характеристики неклассической рациональности, согласно выводам В. С. Степина, позволяют «на основе небольшого числа принципов объяснить расширяющийся массив разнородных явлений, связывая в единой системе теоретического описания и объяснения и такие области опыта, которые могли казаться несовместимыми до создания теории» [Цит. по: 28, с. 16]. «В противоположность идеалу единственно истинной теории» [Там же, с. 144] укореняется норма мультиконцептуальной науки.

Формирование неклассической парадигмы в музеологии во многом происходит благодаря критике музеецентристской парадигмы, что и становится симптомом кризиса и перехода музеологии от эмпирико-описательной к стадии теории и синтеза и фактически к научной революции. Оппоненты музеецентристской парадигмы настаивали на «вторичности» музея, признании музейной институции всего лишь «организационной системой координат» [18, с. 75]. Суть музеологического феномена, по словам В. Глузинского, следовало искать в «М-факторе» – символическом и коммуникативном поведении, с помощью которого происходит атрибуция и передача символических ценностей, воплощаемых предметами [Там же]. Переход к новой стадии исследований был связан «с признанием ценности предмета/коллекции как носителя культурной документации» [Там же, с. 69]. «Переключение гештальта»¹ произошло под влиянием теории музеальности, разработанной чешским музеологом З. Странским.

Отечественные музеологи последнего десятилетия неоднократно анализировали тео-

рию музеальности [2, с. 79–80; 25, с. 25–26]. П. ван Менш в своей диссертации рассмотрел и ее эволюцию в системе взглядов Странского (от ценностной категории к особой ценностной ориентации), и дискуссии профессионального сообщества вокруг этой теории. Компактное изложение теории музеальности и ее современную интерпретацию (выполненную французскими музеологами А. Девалье и Ф. Мересом) можно найти в *avant premiere* фундаментального «Музеологического словаря», подготовленного ИКОМ, – брошюре «Ключевые понятия музеологии» [13]. Музеальность в ней рассматривается как термин, однопорядковый обозначению феноменов «политическое поле», «религиозное поле», «сфера экономики», «социальное поле», «демографическая сфера». Деятельность в музеальном поле характеризуется «специфическим подходом, который устанавливает точку зрения на реальность относительно мира наследия (рассматривать что-либо с музеальной точки зрения, например, означает спрашивать себя, возможно ли это сохранить для экспонирования публике)» [Там же, с. 43]. «Реальность как таковая становится культурной метареальностью» [2, с. 79–80]. Музеальность, таким образом, – теоретическая область, характеризующая музейную потребность (потребность в отборе предметов реального мира для сохранения и экспонирования) во всех возможных сферах человеческой деятельности, не обязательно связанных с музейной институцией. Критерием отграничения музеальных явлений от других, присущих, например, таким институтам документальных коммуникаций, как библиотека или архив, является сенсорное документирование реальности. Музеальность предполагает чувственное восприятие (главным образом, визуальное) на основе опыта – более абстрактного и теоретического способа познания, чем, например, печатное слово, письмо, книга, которые требуют как минимум знания языка и умения читать. Музеальное пространство – «пространство для чувственного показа... через обособление и деконтекстуализацию, т. е. отражение реальности через образы» [13, с. 45].

¹ Под «переключением гештальта» Т. Кун понимал сдвиг восприятия, благодаря которому «одни и те же совокупности объектов» оказываются «преобразованными во многих своих деталях». Кун сравнивает это новое видение с взглядом «через линзу, переворачивающую изображение» [14, с. 83].

Дискуссии вокруг теории музеальности в 1970–1980-е гг. подвели к пониманию возможности особого музеологического подхода – музеологии как самостоятельной академической дисциплины с собственным предметом познания, формулировавшимся как «познание музеальности» [18, с. 98]. Не музей, таким образом, стал причиной появления музеологии, а музеология как «совокупность всех попыток построения теорий или критических размышлений по поводу музеального пространства» [13, с. 43] способствовала познанию и реализации социальной значимости культурной информации на институциональном и музеографическом уровнях.

Основным концептом неклассической парадигмы в музеологии соответственно становится концепт *музеальность*. Новая методология получает признание на волне беспрецедентного обновления музейного мира в начале 1980-х гг. На фоне демократизации музейного института, стремления избавиться от черт элитаризма ИКОМ формулирует миссию музея и профессиональное кредо музейщика в понятиях «института на службе обществу и его развитию» [Там же, с. 20]. В отличие от предшествующего этапа музейное служение понимается с позиций социального прагматизма как генератора ресурсов через вовлеченность в решение проблем местного сообщества, связанных с культурными меньшинствами, идентичностью, межкультурной коммуникацией. Внешним фактором развития музеологической мысли становятся также успехи научной информатики и становление документоцентристской парадигмы в системе документационно-коммуникационных наук.

В рамках неклассики набирающие силу национальные школы и направления развивают философско-критический подход. Утверждается междисциплинарность как методология музеологии. Человек рассматривается в природном, социальном и культурном окружении, поэтому особое значение приобретают концепты среды и контекста. Изменяется конфигурация концепций, сложившихся ранее. В рамках предметноориентированного подхода происхо-

дит смещение акцентов с музеологии предметов к музеологии идей. Общественно ориентированный (антропологический) подход видит идеал в «новом освоении территории и наследия для индивидуального и коллективного развития» [18, с. 85] и формулирует концепт наследия как «ресурса, который следует развивать в интересах общины» [Там же, с. 85].

На платформе музеальности новую музеологическую парадигму разрабатывает П. ван Менш. Опираясь термином *музеологический контекст*¹, автор диссертации обосновывает компромиссный вариант между «традиционной», ориентированной на предмет, и «новой», ориентированной на сообщество, концепциями науки. Взаимосвязь основных параметров – культурное и природное наследие, музейный институт и общество – им интерпретирована с позиций коперниканской модели, в центре которой – предмет/наследие (микроуровень музеологии), а внешние орбиты образуют институт/территорию, а также их функции (мезоуровень), и общество (макроуровень музеологии). «Общество создает и использует наследие, а в роли посредника между ними выступает музейный институт» [Там же, с. 140].

Все базовые параметры музеологии основываются на наследии (его единица – предмет). Но поскольку музеология занимается не одними предметами, а еще концепциями и идеями, которые они помогают передавать [Там же, с. 142], насущной необходимостью становится разработка модели, соединяющей предмет, ценность и отношения. Такую модель П. ван Менш обосновывает на основе структурного подхода к информационной ценности предметов, что позволяет четко отграничить музеологию от профильных наук, также занимающихся материальной культурой.

По сути, концепция исследователя является документоцентристской, так как предме-

¹ Под музеологическим контекстом П. ван Менш понимает «особый концептуальный и материальный контекст», в котором объекты физического окружения человека «приобретают особое значение, основывающееся не столько на экономической, сколько на культурной их ценности» [16, с. 143].

ты как «неисчерпаемые источники информации» [Там же, с. 151] рассматриваются в качестве документов, а музеологические институты – в качестве инструментов реализации социальной значимости этой информации. Условием преобразования предмета реального мира в документ является «документационное намерение» [18, с. 182] – объективация информации, необходимая для документирования того или иного феномена социальной жизни или природы в форме селекции – отбора предметов на основе репрезентационных и других свойств и деконтекстуализации. Ссылаясь на З. Странского, ван Менш подчеркивает, что «центральная ценность предмета в музеологическом контексте – это документационная ценность» [Там же, с. 184], связанная с функцией аутентичного свидетельства. Из этого следует, что выявление документационной ценности предмета и есть отношение музейности. Музейные предметы «онтологически совпадают с предметами вообще, но в отношении семантики они имеют новую функцию, т. е. функцию аутентичных свидетельств». В итоге «как таковая (музейная) коллекция дублирует скорее аксиологическую, чем онтологическую структуру реальности» [Там же].

В модели информационной структуры предмета (музеологического документа) П. ван Менш выделяет три уровня: физических, функциональных свойств (структурная и функциональная идентичность), а также связей предмета с контекстом (контекстуальная идентичность – отношения между предметом и его окружением). Каждый из этих уровней диахронно связан с «культурной биографией» предмета: структурные, функциональные и контекстуальные свойства артефакта специфичны для каждой стадии его жизненного цикла, включая стадию музеализации (музеефикации). В результате селекции и научной обработки предмет приобретает документационную ценность – становится источником информации и о самом себе, и о множестве контекстуальных связей с эпохой, событиями, идеями, людьми и пр. П. ван Менш выделяет три сис-

темных состояния предмета: состояние использования – первичный контекст, состояние вне использования – археологический, состояние сохранения – музеологический контекст. Переходные состояния составляют отдельный предмет авторского интереса.

Все названные структурные измерения в модели информационного потенциала предмета анализируются в диалектическом единстве, при этом каждое детально дифференцируется. Дальнейшее развитие теории в диссертации П. ван Менша связано с анализом музеологических функций (сохранение, изучение, коммуникация), что в итоге дает автору возможность теоретически воспроизвести музейность и в функциональном, и в институциональном аспектах. Предмет в итоге музеализации становится коммуникационным артефактом, объединяющим в себе «режим символизации» и «режим коммуникации» [18, с. 182].

Ф. Мересс, сопроводивший недавнее русское издание диссертации «несколькими замечаниями», горячо поддержал актуальность теоретической модели музеологии П. ван Менша для современности, «так как начинала она отнюдь не с музея, а предполагала гораздо более широкую перспективу, включающую античные тезаурусы, ренессансные кабинеты редкостей или современные виртуальные музеи (о которых автор, конечно, не писал в своей диссертации по той простой причине, что тогда их еще не существовало)... Музеи могут исчезнуть, но музеологический способ мыслить, свойственный человеку, останется» [17, с. 9].

С точки зрения современной отечественной документологии концепцию П. ван Менша при более детальном рассмотрении, возможно, следует квалифицировать как документально-информационно-коммуникационную. Примечательно, что в то время, когда она создавалась, в российском музееведении шел параллельный процесс формирования документного подхода. На страницах профессиональной печати обсуждались документный статус музейных предметов [9; 14; 15; 21; 23; 32], соотношение понятий *документ* и *исторический источник* [12]. В отличие от зару-

бежных коллег, поиски и дискуссии¹ отечественных музееведов развивались в рамках музеецентристской парадигмы, поэтому были сосредоточены не на информационной структуре предмета, а на процессах научного документирования (результатом которого документ и является) в ракурсе функций и направлений деятельности музея. Ученые так и не пришли к единому мнению относительно их содержания. Ю. П. Пищулин рассматривал функцию документирования в качестве одной из основных у музея и формулировал ее как «целенаправленное отражение в музейном собрании с помощью музейных предметов тех исторических, социальных или природных процессов и явлений, которые изучает музей в соответствии со своим профилем и местом в музейной сети» [19, с. 52; 21, с. 3]. Как направление научно-фондовой работы рассматривал документирование и А. М. Разгон [23, с. 839]. В. Ю. Дукельский, избегая термина *документ*, разрабатывал аксиологический подход к музейному предмету, сближая понятия *научная ценность* и *информативность* [9, с. 32]. И. В. Ключкина предлагала понимать под документированием в узком смысле фиксацию результатов научной обработки и атрибуции предметов в научно-фондовой документации; а широкое содержание понятия связывала с вышеназванной функцией [14; 15]. В этом спектре мнений так и не выясненным осталось множество вопросов. В их числе – перспективность применения для музейной теории понятия документа, феноменология музейного документа: что же все-таки следует рассматривать с точки зрения этого понятия – предмет, коллекцию или музейное собрание? Какое место в данной системе занимают копийные материалы и научно-фондовая документация, относятся ли названные феномены к первичному или вторично-документальному уровню документной коммуникации в музее? На каком этапе музейной работы с предметами возникает документ – на

этапе отбора («разрыва значений»), когда предмет еще является «обычной» вещью, но уже утрачивает свои первичные функциональные смыслы, а иногда и морфологические качества и становится предметом музейного значения? На этапе включения предмета в собрание, когда он становится музейным предметом и подвергается процедурам атрибуции и научной обработки? Или на этапе коммуникации со зрителем, когда он становится экспонатом и, соответственно, транслятором информации? Может ли рассматриваться с точки зрения документных коммуникаций музейная экспозиция? Каков в итоге документный статус предмета музейного значения, музейного предмета, экспоната, экспозиции?

Дискуссии по этому поводу возобновились только в 2000-е гг. в связи со становлением общей теории документа и не в музееведческой, а в среде библиографоведов и документологов [6; 22; 29]. Опыт зарубежных коллег, с которым знакомит диссертация П. ван Менша, и разработанная им концепция, несмотря на необходимость экспликации центрального понятия *документационная ценность предмета*, имеют безусловное значение для дальнейшего развития информационного и документного подходов в музееведении. Что же касается практического применения модели П. ван Менша, то и тогда, когда она была предложена, и сейчас она открывает перспективу оптимизации документационной ценности предмета через выбор адекватных процедур производства данных предмета и их документальной фиксации, исследования, экспонирования.

Таким образом, работа П. ван Менша представила эволюцию музеологии от прикладной науки, тесно связанной с профильными дисциплинами, к прикладной дисциплине с эмпирическим описательным содержанием и далее – к академической дисциплине, независимой области знания с собственной идентичностью и когнитивной ориентацией (предметом познания). Применение парадигмального подхода к анализу этого процесса позволило рассмотреть основные этапы эво-

¹ Историография этих поисков и дискуссий нашла отражение в статье Е. Плешкевича [20].

люции музеологии с точки зрения базовых концептов, вокруг которых формировалось теоретическое ядро музеологических концепций. Исторически первая стадия была связана с концептом коллекции, ее сменила парадигма, опирающаяся на концепт музея. Музеологи этого периода, завершившегося к середине 1960-х гг., основывались на методологии классической рациональности.

Стадия теории и синтеза в развитии музеологической мысли стартовала благодаря принятию неклассической парадигмы, сформировавшейся на основе концепта музейности. Последние десятилетия XX в. стали началом эпохи концептуального плюрализма в музеологии, проявившего себя в деятельности национальных музеологических школ (чехословацкой, хорватской, канадской, франкфуртской, лестерской и др.) и международных организаций. Работа П. ван Менша «К методологии музеологии» резюмировала их деятельность в XX столетии. Помимо глобального анализа историографии в ней была обоснована документально-информационно-коммуникационная концепция, открывающая дальнейшие перспективы разработки информационного и документного подходов в музеологии.

«Музеологический контекст», радикально изменившийся в первые десятилетия XXI в.

под влиянием глобализации, роста капитализма во всем мире, стремительного приращения знаний, развития информационных технологий и виртуализации пространства, безусловно, повлек за собой появление новых «головоломок». В их числе, например, феномены виртуальных музеев, электронных мест наследия, кибер-музеев, музейно-туристических кластеров, нематериального культурного наследия, «живые» и антропологические музеи, сосредоточенные на современных, не обязательно традиционных и аутентичных, реалиях. Динамика внешних факторов и изменение музейного ландшафта стали предпосылками развития современных философско-культурологических и социально-коммуникационных концепций в музеологии. Недостаточность их методологического ресурса регулярно артикулируется в проблемных музеологических публикациях [8]. Современный этап развития музееведения отечественный музеолог О. С. Сапанжа вновь характеризует как точку бифуркации, состояние кризиса [25, с. 8]. Очевидно, место музеологической парадигмы вновь вакантно, а перспективы ее появления будут связаны с постнеклассической рациональностью и разработкой гуманитарно и гуманистически ориентированной парадигмы, в которой нуждается наше время.

1. Астафьев, В. В. Судьба музеологии и культурологии в России: опыт историографического осмысления / В. В. Астафьев, Л. А. Сыченкова // Обсерватория культуры. – 2013. – № 6. – С. 4–19.
2. Ананьев, В. Г. История зарубежной музеологии: учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев; Ин-т истории С.-Петерб. гос. ун-та. – Санкт-Петербург, 2014. – 136 с.
3. Ананьев, В. Г. К вопросу о периодизации музеологии / В. Г. Ананьев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 38–42.
4. Ананьев, В. Г. Национальные и международные музейные организации: учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. – 140 с.
5. Ананьев, В. Г. Музеология в трудах Петера ван Менша / В. Г. Ананьев // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1 (9). – С. 3–5.
6. Берестова, Т. Ф. Документ: методологические основания изучения, предыстория возникновения, сущность и явление / Т. Ф. Берестова // Постигение. Избранное. 1977–2012. – Челябинск, 2012. – С. 241–258.
7. Дадамян, Г. Г. Атлантида советского искусства. 1917–1991: моногр. / Г. Г. Дадамян. – Москва: ГИТИС, 2010. – Ч. 1. 1917–1932. – 524 с., ил.
8. Долак, Я. Музеология – настоящее и будущее / Я. Долак; авториз. пер. с англ. В. Г. Ананьев // Музеология – музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 12–19.

9. Дукельский, В. Ю. Терминологические проблемы теории музейного предмета / В. Ю. Дукельский // Терминологические проблемы музееведения. – Москва, 1986. – С. 27–34.
10. Ермолаева, О. А. Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода / О. А. Ермолаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 163–168.
11. Калугина, Т. П. Художественный музей как феномен культуры / Т. П. Калугина. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. – 244 с.
12. Каштанов, С. М. С. О. Шмидт и проблема определения исторического источника / С. М. Каштанов // Источниковедение. Проблемные лекции: учеб.-метод. модуль. – Москва, 2005. – С. 130–134.
13. Ключевые понятия музеологии [Электронный ресурс] / сост.: A. Desvallées, F. Mairesse. – Режим доступа: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/key_concepts_ru.pdf.
14. Ключкина, И. В. Документирование как общенаучное понятие и его содержание в музееведении / И. В. Ключкина // Актуальные проблемы советского музееведения: сб. науч. тр. – Москва, 1987. – С. 57–67.
15. Ключкина, И. В. Документирование современности музеями РСФСР в 1960-х – начале 1980-х гг. (Теория и практика) / И. В. Ключкина // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: сб. науч. тр. – Москва, 1989. – С. 87–93.
16. Кун, Т. Структура научных революций [с вводной статьей и дополнениями 1969 г.] / Т. Кун. – Москва: Прогресс, 1977. – 300 с.
17. Мересс, Ф. О будущем музеологии: несколько замечаний к русскому изданию диссертации Петера ван Менша / Ф. Мересс // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1 (9). – С. 6–14.
18. Менш, П. ван. К методологии музеологии / П. ван Менш // Вопросы музеологии. – 2014. – № 1 (9). – С. 15–291.
19. Музейные термины. Терминологические проблемы музееведения: сб. науч. тр. – Москва: Центральный музей революции СССР, 1986. – С. 35–135.
20. Музеология – музееведение в XXI веке [Интервью с Я. Долаком, Х. Фирегг, М. Беспалой] // Музей. – 2012. – № 8. – С. 14–23.
21. Пищулин, Е. П. Социальные функции советского музея / Е. П. Пищулин, Д. А. Равикович // Терминологические проблемы музееведения. – Москва, 1986. – С. 3–10.
22. Плешкевич, Е. Общая теория документа и теория музееведения / Е. Плешкевич // Мир музея. – 2009. – № 3. – С. 43–46; № 4. – С. 43–46.
23. Разгон, А. М. К вопросу о научном комплектовании фондов в музеях исторического и краеведческого профиля / А. М. Разгон // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков. – Москва, 2010. – С. 839–843.
24. Романенко, И. Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии / И. Б. Романенко. – Санкт-Петербург: РХГА, 2002. – 304 с.
25. Сапанжа, О. С. Теория музея и музейности: историографический обзор и историческая типология: моногр. / О. С. Сапанжа. – Санкт-Петербург, 2011. – 98 с.
26. Сапанжа, О. С. Методология теоретического музееведения / О. С. Сапанжа. – Санкт-Петербург, 2008. – 108 с.
27. Семенюк, Э. П. Информационный подход к познанию действительности / Э. П. Семенюк. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 240 с.
28. Соколов, А. В. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс: очерки о прошлом и будущем библиографической науки / А. В. Соколов, Т. Ф. Берестова. – Челябинск, 2014. – 490 с.
29. Столяров, Ю. Н. Документология: учеб. пособие / Ю. Н. Столяров. – Орел: Горизонт, 2013. – 370 с.
30. Степин, В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 125–133.
31. Труевцев, Н. В. История образования и деятельность Комитета музеологии Международного совета музеев: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Труевцев. – Томск, 2012. – 26 с.
32. Хан-Пира, Э. Что такое «документ» / Э. Хан-Пира // Советский музей. – 1991. – № 1. – С. 33–35.

Получено: 11.01.2016

PARADIGMATIC APPROACH IN MUSEOLOGY AND AN INTEGRATIVE METHODOLOGY IN THE WORKS OF P. VAN MENSCH

Abstract. *The methodology of paradigmatic approach and the possibility of its application for the description of the theoretical heritage in the field of museology is considered. The research is based on the thesis of Dutch museologist Peter van Mensch (1992, Zagreb) that contains an extensive historiography of museology of mainly European countries in 1960–1980.*

Paradigmatic approach developed by T. Kuhn is understood as the logico epistemological scheme which includes a system of interconnected components – a disciplinary matrix that is presented as the basis of theoretical and practical activities of the professional museological community during a certain period of time.

It includes "samples", problem-solving models, "symbolic generalizations", values.

Sequential isolation of these components in the museological knowledge system gives an opportunity to distinguish the main types of paradigms and to present the evolution of museology as cyclical periods of Normal Science, crises, scientific revolutions and Paradigm Change.

Within the bounds of classical rationality in the 20th century collectable centrist and museum centrist paradigms were created.

Within the scope of a basic concept the "collection" a professional consciousness and values were concentrated on a priority of science requirements, methods of the profile disciplines (classification, systematization, interpretation) were used for the study of the museum collections.

Museum centrist paradigm has been forming under the influence of social inclusion processes. It concentrates on studying of the purposes and functions, basic directions of museum activities, the specifics of its organization; it is characterized as bifurcation of professional credo: the scientist competes in the importance of the status with the museum teacher.

Non-classical museological paradigm is based on the concept of museal that was developed by Z. Stransky and characterizes specific term known as museality.

In 1990s Peter van Mensch develops a new documentary and information and communication paradigm that is based on museality.

Keywords: *museology, paradigmatic approach, paradigm, museum, collection, museum object, documentary value of a Museum object, Peter van Mensch, documentary approach*

For citing: *Andreeva I. 2016. Paradigmatic approach in museology and an integrative methodology in the works of P. van Mensch. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1(45): 7–19.*

References

1. Astafev V., Sychenkova L. 2013. The fate of museology and cultural studies in Russia: experience of historiographical reflection. *Observatoriya kultury* [Observatory of Culture]. № 6: 4–19. (In Russ.).
2. Ananov V. 2014. *Istoriya zarubezhnoy muzeologii* [The history of foreign musicology]. Saint Petersburg: Institute of History of Saint Petersburg State University. 136 p. (In Russ.).
3. Ananyev V. 2013. Due to the topic of museology periodization. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. № 2 (34): 38–42. (In Russ.).
4. Ananov V. 2013. *Natsional'nye i mezhdunarodnye muzeynye organizatsii* [National and international museum organizations]. Saint Petersburg: Faculty of History of Saint Petersburg State University. 140 p. (In Russ.).
5. Ananiev V. 2014. Museology in the works of Peter van Mensch. *Voprosy muzeologii* [The problems of museology]. № 1 (9): 3–5. (In Russ.).
6. Berestova T. 2012. Document: methodological foundations of the study, the background history, essence and phenomenon. *Postizhenie. Izbrannoe. 1977–2012* [Comprehension. Favorites. 1977–2012]. Chelyabinsk. P. 241–258. (In Russ.).
7. Dadamian G. 2010. *Atlantida sovetskogo iskusstva. 1917–1991* [Atlantis of Soviet art. 1917–1991]. Moscow: The Russian University of Theatre Arts. Part 1. 1997–1932. 524 p. (In Russ.).
8. Dolac J. 2009. Museology – the present and the future. Authorized translation from Eng. by Ananov V. *Muzeologiya – muzeovedenie v XXI veke: problemy izucheniya i prepodavaniya* [Museology – museology in the 21 century: problems of learning and teaching]. Saint Petersburg. P. 12–19. (In Russ.).

9. Dukelskii V. 1986. Terminological problems of the theory of an museum object. Terminologicheskie problemy muzevedeniya [Terminological problems of Museum study]. Moscow. P. 27–34. (In Russ.).
10. Ermolaeva O. 2008. Basic principles, methods and levels modern paradigmatic approach. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod. Series: Social Sciences. № 1 (9): 163–168. (In Russ.).
11. Kalugina T. 2008. Khudozhestvennyy muzey kak fenomen kul'tury [Museum of art as a phenomenon of culture]. Saint Petersburg: Petropolis. 244 p. (In Russ.).
12. Kashtanov S. 2005. S. O. Schmidt and the problem of determining the historical source of. Istochnikovedenie [Chronology]. Moscow. P. 130–134. (In Russ.).
13. Kluchevye ponyatiya muzeologii [Key concepts of museology] [Electronic Resource]. 2012. Desvallées A., Mairesse F., comp. Available from: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/key_concepts_ru.pdf. (In Russ.).
14. Klushkina I. 1987. Documentation as a scientific concept and its content in museology. Aktual'nye problemy sovetskogo muzevedeniya [Current problems of Soviet museology]. Moscow. P. 57–67. (In Russ.).
15. Klushkina I. 1989. Documentation contemporary museums of the RSFSR during the 1960s – early 1980s (Theory and practice). Muzevedenie. Problemy kul'turnoy kommunikatsii v muzeynoy deyatel'nosti [Museology. The problems of cultural communications in museum activity]. Moscow. P. 87–93. (In Russ.).
16. Kun T. 1977. Struktura nauchnykh revolutsiy [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress. 300 p. (In Russ.).
17. Mairesse F. 2014. On the future of museology: some notes to the Russian translation Ph. D. thesis by Peter van Mensch. Problemy muzeologii [The problems of Museology]. № 1 (9): 6–14. (In Russ.).
18. Mensch P. van. 2014. To the methodology of museology [The problems of Museology]. № 1 (9): 15–291. (In Russ.).
19. Museum terms. 1986. Terminologicheskie problemy muzevedeniya [Terminological problems of museum studies]. Moscow. P. 35–135. (In Russ.).
20. Museology – Museum studies in the 21 century [Muzeologiya – muzevedenie v XXI veke] [Interview with J. Dolac, H. Viereg, M. Bepalaia]. 2012. Muzey [Museum]. № 8: 14–23. (In Russ.).
21. Pishchulin E. 1986. Social functions of the soviet museum. Terminologicheskie problemy muzevedeniya [Terminological problems of museum studies]. Moscow. P. 3–10. (In Russ.).
22. Pleshkevich E. 2009. The General theory of document and theory of museology. Mir muzeya [The museum world]. № 3: 43–46; № 4: 43–46. (In Russ.).
23. Razgon A. 2010. To the question of academic collection development in museums of history and local lore profile. Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov [Museological thought in Russia of the 18–20 centuries]. Moscow. P. 839–843. (In Russ.).
24. Romanenko I. 2002. Obrazovatel'nye paradigmy v istorii antichnoy i srednevekovoy filosofii [Educational paradigm in the history of ancient and medieval philosophy]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. 304 p. (In Russ.).
25. Sapanzha O. 2011. Teoriya muzeya i muzeynosti: istoriograficheskiy obzor i istoricheskaya tipologiya [Theory the Museum and musealium: historiographical and historical overview of typology]. Saint Petersburg. 98 p. (In Russ.).
26. Sapanzha O. 2008. Metodologiya teoreticheskogo muzevedeniya [Methodology theoretical museology]. Saint Petersburg. 108 p. (In Russ.).
27. Semenuk E. 1988. Informatsionnyy podkhod k poznaniyu deystvitel'nosti [Information approach to cognition of reality]. Kiev: Naukova Dumka. 240 p. (In Russ.).
28. Sokolov A., Berestova T. 2014. Paradigmy bibliografovedeniya: kniga, document, resurs: ocherki o proshlom i budushchem bibliograficheskoy nauki [Paradigm of bibliography: book, document, resource: essays about the past and the future bibliography]. Chelyabinsk. 490 p. (In Russ.).
29. Stoliarov IU. 2013. Dokumentologiya [Documentology]. Orel: Gorizont. 370 p. (In Russ.).
30. Stepin V. 2012. Scientific rationality in a technological culture: types and historical evolution. Voprosy filosofii [The problems of philosophy]. № 5: 125–133. (In Russ.).
31. Truevtsev N. 2012. Istoriya obrazovaniya i deyatel'nost' Komiteta muzeologii Mezhdunarodnogo soveta muzeev [The history of formation and activities of the Committee of museology International Council of museums]. Tomsk. 26 p. (In Russ.).
32. Khan-Pira E. 1991. What is a “document”. Sovetskiy muzey [The Soviet Museum]. № 1: 33–35. (In Russ.).

Received: 11.01.2016

И. С. Пилко

д-р пед. наук, профессор,
Кемеровский государственный институт культуры
E-mail: isp@kemtgui.ru

О. В. Дворовенко

канд. пед. наук, доцент,
Кемеровский государственный институт культуры
E-mail: os.ui@kemtgui.ru

ПЕДАГОГ-БИБЛИОТЕКАРЬ: СТАНДАРТНАЯ МОДЕЛЬ И НЕСТАНДАРТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Разработка и внедрение профессиональных стандартов является важным условием развития российской экономики и социальной сферы. Утвержден и реализуется правительственный план разработки профессиональных стандартов. В библиотечно-информационной сфере подготовлены проекты двух профессиональных стандартов: «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» и «Педагог-библиотекарь». Преподаватели Кемеровского государственного института культуры приняли участие в разработке этих документов.

В Челябинской государственной академии культуры и искусств состоялось обсуждение проектов профессиональных стандартов. Повышенный интерес аудитории вызвал профессиональный стандарт педагога-библиотекаря.

Разработка проекта профессионального стандарта «Педагог-библиотекарь» исследовательским коллективом КемГИК осуществлена по заказу президента Русской школьной библиотечной ассоциации Т. Д. Жуковой. Проект учитывает традиции кемеровской библиотечной школы, отражает педагогическую деятельность педагога-библиотекаря, связанную с проектированием и реализацией образовательного процесса в общеобразовательных организациях и формированием основ информационной культуры личности.

В основу концепции профстандарта педагога-библиотекаря были положены следующие принципы: 1) системность, целостность; 2) технологический подход; 3) позиционирование школьной библиотеки как института социализации; 4) включенность в систему информационного образования; 5) совместимость с профессиональными стандартами в области библиотечной и педагогической деятельности.

Изучение нормативной документации, практического опыта работы, анализ трудовой деятельности педагогических работников различных уровней общего образования (дошкольное и начальное общее, основное общее и среднее (полное) общее) и практической деятельности школьных библиотекарей позволили сформулировать обобщенные трудовые функции педагога-библиотекаря, которые в свою очередь состоят из трудовых функций, дифференцированных на трудовые действия и соответствующие им профессиональные умения и знания.

Состоялось широкое обсуждение проекта профессионального стандарта педагога-библиотекаря в профессиональной среде. В результате были уточнены некоторые трудовые функции и действия. Дискутируется вопрос по конкретизации трудовой функции «развивающая деятельность педагога-библиотекаря». Разработчики призывают заинтересованных представителей профессионального сообщества подключиться к обсуждению проекта профессионального стандарта педагога-библиотекаря.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, педагог-библиотекарь, опыт разработки, обсуждение, библиотечно-информационная деятельность

Для цитирования: Пилко, И. С. Педагог-библиотекарь: стандартная модель и нестандартная реальность / И. С. Пилко, О. В. Дворовенко // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 20–26.

В Челябинской государственной академии культуры и искусств (ЧГАКИ) 20 ноября 2015 г. состоялся региональный научно-практический семинар «Профессиональный стандарт библиотечного специалиста: проблемы имплементации в библиотечную практику и образование». В его работе приняли участие представители образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования, осуществляющих подготовку специалистов библиотечного профиля, руководители и ведущие специалисты публичных и вузовских библиотек, школьные библиотекари, руководители методических объединений школьных библиотек Челябинска и Челябинской области, студенты и аспиранты ЧГАКИ. Участники форума приехали из Челябинска, Уфы, Кургана, Златоуста, Кусы, Кемерово.

В рамках семинара был запланирован и при высокой активности присутствующих проведен круглый стол «Сферы применения профессионального стандарта специалиста в области библиотечно-информационной деятельности».

Вниманию участников представили простую историю разработки двух новых регламентов библиотечной профессии: от инициативной идеи до проектов официальных документов. Речь идет о профессиональных стандартах «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» и «Педагог-библиотекарь», к проектированию которых авторы настоящей статьи имели непосредственное отношение. Повышенный интерес аудитории, чью значительную часть составили школьные библиотекари Южного Урала, вызвал проект профессионального стандарта педагога-библиотекаря. На характеристике моментов, получивших одобрение, а также вызвавших оживленную дискуссию в ходе публичного обсуждения документа, хотелось бы остановиться.

Профессиональные стандарты являются собой описательную модель профессии, построенную на основе *компетентностного подхода*. Это отличает их от профессиональных программ, квалификационных характеристик, должностных инструкций, технологической документации и других профессиографиче-

ских документов, предъявляющих требования к личности специалиста и его профессиональной деятельности.

Специфика профессионального стандарта обусловлена его двухуровневой структурой, которая формализована и включает характеристику:

- обобщенных трудовых функций (возможные наименования должностей, требования к уровню образования и к практическому опыту, особые условия допуска к работе);
- конкретных трудовых функций (трудовые действия, необходимые умения, знания, другие характеристики).

Профессиональный стандарт многоаспектно характеризует область профессиональной деятельности, связывая ее с должностной структурой работников, выполняемыми трудовыми функциями, необходимыми знаниями, умениями и другими характеристиками. Важным объектом регламентации являются уровни квалификации. Они применяются для описания трудовых функций, требований к образованию и специальной подготовке, определяют уровень знаний и умений в зависимости от полномочий и ответственности работника. Национальной рамкой квалификаций [2] предусмотрено 9 уровней профессиональной квалификации, детальная характеристика которых дана в монографии [1, с. 167–170].

При всей жесткости структуры профессиональный стандарт задумывался как документ с вариативным набором атрибутов профессиональной деятельности. Так, раздел документа «Другие характеристики» позволяет включать требования к личностным качествам специалиста, соблюдению им этических норм, норм безопасности на производстве, условиям труда и т. д.

Постановлением Правительства РФ от 22 января 2013 г. № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» установлены два варианта разработки проектов этих документов: 1) в инициативном порядке – за счет собственных средств разработчиков; 2) на основе государственных контрактов на выполнение

работ – за счет средств федерального бюджета. Разработка проекта профессионального стандарта «Педагог-библиотекарь» осуществлялась на инициативной основе.

В июле 2014 г. в адрес ректора Кемеровского государственного университета культуры и искусств Е. Л. Кудриной поступило обращение президента Русской школьной библиотечной ассоциации Т. Д. Жуковой с предложением принять участие в разработке профессионального стандарта педагога-библиотекаря. К тому времени в библиотечном сообществе, на его контактных и виртуальных форумах, сайте РШБА и в профессиональной печати уже велось активное обсуждение авторского проекта этого документа, подготовленного доктором педагогических наук профессором А. В. Соколовым (<http://rusla.ru/rsba/standart/>). В статусе «Педагог-библиотекарь» А. В. Соколов увидел «не новую должность, как было указано в квалификационном справочнике, а новую профессию, в основе которой лежит библиотечная педагогика» [3]. Направленный на гуманистическое воспитание личности учащихся средствами книги и чтения проект стандарта содержал целевую установку на библиотечно-педагогическое обеспечение основных общеобразовательных программ образовательных организаций и участие педагогов-библиотекарей в совершенствовании учебного процесса за счет мотивации преподавательского состава; был выполнен в гуманистической парадигме (его отличительная особенность – направленность на гуманизацию детей и взрослых и реализацию их творческого потенциала).

Сформированный в нашем вузе временный творческий коллектив (ВТК) по разработке проекта профстандарта «Педагог-библиотекарь», разделяя гуманистические взгляды на профессию А. В. Соколова, опирался на традиции кемеровской библиотечной школы, связывая педагогическую деятельность педагога-библиотекаря не только с проектированием и реализацией образовательного процесса в общеобразовательных

организациях, но и с формированием основ информационной культуры всех участников образовательных отношений. В основу концепции проектируемого документа были положены следующие принципы:

Системность, целостность – учет компетенций, отражающих педагогическую и библиотечную составляющие профессиональной деятельности.

Технологический подход к педагогической и библиотечно-информационной деятельности с акцентом на использование информационно-коммуникационных технологий.

Позиционирование школьной библиотеки как института социализации, приобщения к традиционным гуманистическим ценностям, продвижения чтения, формирования высококультурной творческой личности, способной адекватно реагировать на социальные и технологические изменения позитивного и негативного характера.

Включенность в систему информационного образования путем формирования информационной культуры как условия информационной безопасности личности в информационном обществе.

Совместимость с профессиональным стандартом «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном, общем, основном общем, среднем общем образовании (воспитатель, учитель)» и проектом профессионального стандарта «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности».

Выявление обобщенных трудовых функций проведено на основе изучения квалификационных характеристик, должностных инструкций, практического опыта, анализа и декомпозиции трудовой деятельности педагогических работников различных уровней общего образования (дошкольное и начальное общее, основное общее и среднее (полное) общее) и практической деятельности школьных библиотекарей. Результатом проделанной работы стала функциональная карта профессиональной деятельности педагога-библиотекаря, включающая три основные функции (табл. 1).

Таблица 1

Обобщенные трудовые функции педагога-библиотекаря

Код	Наименование функции	Уровень квалификации
А	Педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в общеобразовательных организациях	6
В	Педагогическая деятельность по формированию основ информационной культуры и обеспечению информационной безопасности личности участников образовательных отношений	6
С	Библиотечно-информационное сопровождение основных образовательных программ общего образования	6

Таблица 2

Дифференциация обобщенных трудовых функций

Обобщенная трудовая функция	Трудовая функция
Педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в общеобразовательных организациях	Общепедагогическая функция. Обучение
	Воспитательная деятельность
	Развивающая деятельность
Педагогическая деятельность по формированию основ информационной культуры и обеспечению информационной безопасности личности участников образовательных отношений	Педагогическая деятельность по реализации парциальной программы по основам информационной культуры личности в рамках познавательной области основной программы дошкольного образования
	Педагогическая деятельность по реализации рабочих программ учебных курсов по основам информационной культуры личности в начальном общем, основном общем и среднем (полном) общем образовании
	Педагогическая деятельность по реализации программ повышения профессиональной компетентности педагогических работников общеобразовательной организации по основам информационной культуры личности в условиях внутришкольной методической службы
	Модуль «Внеурочная деятельность. Общеинтеллектуальное направление развития личности. Основы информационной культуры личности»
Библиотечно-информационное сопровождение основных образовательных программ общего образования	Выполнение работ по комплектованию учету, обработке, организации и сохранению фонда
	Организация справочно-библиографического аппарата библиотеки общеобразовательной организации
	Создание информационных продуктов и ресурсов библиотеки общеобразовательной организации
	Организация обслуживания пользователей библиотеки общеобразовательной организации
	Предоставление культурно-просветительных и досуговых услуг воспитанникам, учащимся, педагогическим работниками, родителям (законным представителям) и другим участникам образовательных отношений
	Организация деятельности библиотеки общеобразовательной организации

Методика разработки профессионального стандарта предусматривает декомпозицию *обобщенных трудовых функций* на *трудовые функции*, которые состоят из *трудовых действий* и соответствующих им *профессиональных умений и знаний*. На этом этапе предстояло принять решение об уровне дифференциации трудовых функций и действий, их содержательной характеристике.

Состав обобщенных трудовых функций «Педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в общеобразовательных организациях» и «Педагогическая деятельность по формированию основ информационной культуры и обеспечению информационной безопасности личности участников образовательных отношений» был гармонизирован с требованиями профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном, общем, основном общем, среднем общем образовании (воспи-

татель, учитель)» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 № 544н) и адаптирован к деятельности педагога-библиотекаря (табл. 2).

Содержание обобщенной трудовой функции «Библиотечно-информационное сопровождение основных образовательных программ общего образования» согласовано с требованиями проекта профессионального стандарта «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» (табл. 2). Специфика функционального назначения библиотеки образовательной организации нашла выражение в описании трудовых действий, характеризующих работу с традиционными и электронными ресурсами, обслуживание различных категорий пользователей (руководители образовательной организации, учителя, учащиеся всех возрастов, их родители и законные представители), просветительскую и культурно-досуговую деятельность педагога-библиотекаря.

Проведя декомпозицию профессиональной деятельности, группа разработчиков профессионального стандарта приступила к трудозатратному и интеллектуально емкому процессу установления соответствий между трудовыми действиями и необходимыми для их реализации умениями, знаниями, личностными характеристиками специалиста и условиями его работы. К сожалению, формат стандарта не предусматривает формулирования требований к общекультурным и профессиональным компетенциям работника, что затруднит его использование при разработке образовательных стандартов среднего профессионального и высшего образования.

Проект профессионального стандарта «Педагог-библиотекарь» был представлен для публичного обсуждения на официальном сайте РШБА и КемГИК, портале открытого голосования (<http://www.vote.ruscenter.ru>). Его обсуждение состоялось в рамках 43-й Ежегодной международной конференции Международной ассоциации школьных библиотек (ИАСЛ), 18-го международного форума по исследованиям в области школьных библиотек (25–30 августа 2014 г., Москва), XX конгресса РБА (17–22 мая 2015 г., Самара), IX Всероссийского форума школьных библиотекарей (29 июня – 3 июля 2015 г., Пушкинские Горы), на многочисленных вебинарах и конференциях.

Участники этих форумов, школьные библиотекари, педагоги-библиотекари, выражая свое мнение, делали конструктивные замечания по содержательному наполнению профессионального стандарта. Многие из них были учтены при доработке документа. Особенно это касается формулировок трудовых функций, раскрывающих педагогическую деятельность по формированию основ информационной культуры и обеспечению информационной безопасности личности участников образовательных отношений.

По поступившим предложениям были внесены частные изменения в формулировки отдельных трудовых действий, например, из характеристики процесса комплектования библиотечного фонда школьной библиотеки исключено умение, связанное с проведением конкурсных процедур по закупке литературы.

Справедливой представляется критика трактовки развивающей деятельности исключительно в контексте работы с категориями обучающихся с особенностями развития, в частности, с ограниченными возможностями здоровья. Разработчики опирались на положения профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном, общем, основном общем, среднем общем образовании (воспитатель, учитель))», где развивающая деятельность ориентирована на обучающихся, у которых выявлены поведенческие и личностные проблемы, связанные с особенностями их развития. При дальнейшей доработке профессионального стандарта «Педагог-библиотекарь» это замечание, безусловно, должно быть учтено. Хотелось бы услышать от практикующих библиотечных специалистов, коллег-преподавателей их предложения по конкретизации трудовой функции «развивающая деятельность педагога-библиотекаря».

Было отвергнуто часто повторяющееся предложение переименовать должность «педагог-библиотекарь» в более «благозвучное», по мнению многих практиков, словосочетание «библиотекарь-педагог». Аргумент о преобладающей в деятельности библиотекаря общеобразовательной организации библиотечной составляющей может быть признан справедливым в отношении школьного библиотекаря. Однако не следует забывать, что в 2011 г. должность «педагог-библиотекарь» была введена в раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» «Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих». И в таком качестве специалист, занимающий данную должность, имеет основания претендовать на льготы, полагающиеся педагогическим работникам.

Ряд замечаний и предложений, поступивших в адрес обсуждаемого варианта профессионального стандарта, требует, на наш взгляд, дополнительной проработки. Например, это касается уровня квалификации, присвоенного трудовым функциям. В ранних редакциях документа существовала версия определения отдельным трудовым функциям 5-го, 6-го или 7-го уровней квали-

фикации. В ходе одного из обсуждений представители образовательных организаций среднего профессионального образования вышли с предложением «ограничиться» для всех трудовых функций 6-м уровнем квалификации, аргументируя это тем, что 1) в большинстве школьных библиотек работает **один** библиотекарь, который не может одновременно обладать разными квалификационными уровнями; 2) 6-й квалификационный уровень позволяет занимать должность педагога-библиотекаря лицам со средним профессиональным образованием. Этот аргумент был принят нами в качестве весомого.

Участники обсуждения проекта профессионального стандарта в ЧГАКИ единодушно высказались за присвоение педагогу-библиотекарю 7-го квалификационного уровня по всем трудовым функциям, полагая, что это поднимет престиж новой должности. Данное мнение тоже имеет право на существование, но такое решение резко сузит кадровую базу профессии.

Многочисленные комментарии поступили в отношении модуля «Внеурочная деятельность. Общеинтеллектуальное направление развития личности. Основы информационной культуры личности». Часть экспертов ратовала за создание федеральных учебных программ по этому модулю, забыв, вероятно, о существовании комплекта разноуровневых учебных программ «Основы информационной культуры школьника», разработанных Научно-исследовательским институтом информационных технологий социальной сферы КемГИК под руководством Н. И. Гендиной и изданных при содействии РШБА. Нередко звучали предложения возложить ответственность за разработку рабочих программ по информационной культуре на методиста образовательной организации либо ограничить содержание этой дисциплины библиотечно-библиографическими знаниями. Полагаем, содержание и масштабы деятельности по формированию информационной культуры различных групп участников образовательных отношений заслуживает дополнительного обсуждения.

Особенно оживленную дискуссию в любой аудитории вызывает педагогическая составляющая профессионального стандарта. Не-

которые практики предлагают не привязывать деятельность педагога-библиотекаря к учебной и направить всю работу на воспитание подрастающего поколения посредством традиционных для библиотечной практики форм (бесед, обзоров книг, уроков мужества, конференций).

Много вопросов и возражений вызвало трудовое действие «Осуществление объективной оценки знаний учащихся на основе тестирования и других методов контроля в соответствии с реальными учебными возможностями с учетом специфики особых образовательных потребностей одаренных детей, детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов». Практики отмечали, что формулировка требует уточнений, но пока мы не нашли достойной альтернативы предложенному варианту.

В отношении обобщенной трудовой функции «Библиотечно-информационное сопровождение основных образовательных программ общего образования» сомнений и замечаний оказалось значительно меньше. Так, мы согласились с рекомендацией исключить из содержания профессионального стандарта умение, связанное с проведением конкурсных процедур в процессе комплектования библиотечного фонда, но не могли принять пожелание отказаться от ведения карточного и/или электронного каталога, исключить требование владения мультимедийными средствами при проведении учебных, просветительских, культурно-досуговых мероприятий.

Острым и заслуживающим особого внимания остается вопрос о подготовке, переподготовке и повышении квалификации педагогов-библиотекарей, без решения которого трудно представить внедрение данного регламента в практику школьных библиотек. На рынке образовательных услуг появились первые предложения неизвестных профессиональному сообществу коммерческих фирм о реализуемых в дистанционной форме курсах повышения квалификации для педагогов-библиотекарей. Готова ли российская библиотечная школа противопоставить этой инициативе собственные образовательные проекты, в том числе в формате сетевого взаимодействия?

Полагаем, что у читателей данной статьи, у всех, кто заинтересован в том, чтобы профес-

сиональный стандарт педагога-библиотекаря как можно ближе соответствовал практической реальности, фиксируя ее современное состояние и задавая некоторый вектор развития этой уникальной профессии, есть собственное мне-

ние по ряду поднятых или не затронутых авторами вопросов. Будем признательны, если его выскажут на страницах журнала, на портале открытого голосования, в социальных сетях или в личной переписке.

1. Библиотечно-информационное образование: новые концепции и технологии развития: моногр. / И. С. Пилко, Л. Г. Тараненко, М. Г. Ли, О. В. Абалакова; науч. ред. И. С. Пилко. – Москва: Литера, 2014. – С. 165–203.
2. «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов»: приказ Министерства труда от 12.04.2013 г. № 148н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/48>. – Дата обращения 24.01.2016.
3. Тихомирова, И. И. Мыслить гуманистично, действовать технологично / И. И. Тихомирова // Библиотечное дело. – 2014. – № 1. – С. 39–40.

Получено 01.02.2016

I. Pilko

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Kemerovo State Institute of Culture
E-mail: isp@kemguki.ru

O. Dvorenko

Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Kemerovo State Institute of Culture
E-mail: os.ui@kemguki.ru

TEACHER-LIBRARIANS: STANDARD MODEL AND NON-STANDARD REALITY

Abstract. Development and implementation of professional standards is an important condition for development of the Russian economy and social sphere. The government's plan to develop professional standards is approved and realized. In the library and information sphere there were developed the drafts of two professional standards "The specialist of library and information activities" and "The teacher-librarian". Teachers of Kemerovo State Institute of Culture participated in drafting of these documents.

The discussion of professional standards took place at Chelyabinsk State Academy of Culture and Art. The audience demonstrated the heightened interest to the professional standards of the teacher-librarian.

The project of the professional standard "Teacher-librarian" was developed by scientists of KemGIK on the request of the President of the Russian School Library Association T. Zhukova. The project is based on the traditions of Kemerovo library school, reflects the pedagogical activity of the teacher-librarian connected to projecting and implementing the educational process in educational institutions and developing of the foundation of personal information culture. In the teacher-librarian professional standard there were the next principles: 1) the systematic approach and integrity; 2) the technological approach; 3) the school library as an institution of socialization; 4) the inclusion in the information education; 5) the compatibility with professional standard in the sphere of librarians and pedagogical activity.

Study of regulatory documentation, practical experience, analysis of the work of teachers of different levels of education (preschool and elementary general, basic general and secondary (complete) and the practice of school librarians allowed to formulate generalized labor functions of the teacher-librarian that in their turn consists of labor functions differentiated on labor activities and professional skills and knowledge corresponding to them.

Discussing of the draft professional standard of the teacher-librarian was held among representatives of the professional community. As a result there were specified some labor functions and some labor actions. The question of defining of labor function "development activity of the teacher-librarian" is debated. Developers urge interested members of the professional community to contribute to the discussion of the draft professional standard of the teacher-librarian.

Keywords: professional standard, teacher-librarian, development experience, discussion, library and information activities

For citing: Pilko I., Dvorenko O. 2016. Teacher-librarians: standard model and non-standard reality. Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 20–26.

References

1. Pilko I., Taranenko L., Li M., Abalakova O. 2014. Bibliotechno-informatsionnoe obrazovanie: novye konseptsii i tekhnologii razvitiya [Library and information education: new concepts and technology development]. Pilko I., ed. Moscow: Litera. P. 165–203.
2. On approval of the qualification levels in order to develop professional standards projects: Order of the Ministry of Labour on 12.04.2013 № 148n [Electronic resource]. Available from: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/48> (accessed: 24.01.2016).
3. Tikhomirova I. 2014. Humanistic thinking, act-tech. Bibliotechnoe delo [Library science]. № 1: 39–40.

Received 01.02.2016

УРОКИ КНИЖНОЙ ДЕМОКРАТИИ ОТ БЕНДЖАМИНА ФРАНКЛИНА (К 310-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Посвящается 310-летию со дня рождения выдающегося деятеля эпохи Просвещения Б. Франклина. В предлагаемом материале автором дана краткая характеристика разносторонней научной и политической деятельности Франклина. Освещены последовательные этапы его профессионального становления как типографа и журналиста. Показаны основные результаты издательской деятельности Франклина. Определен его вклад в развитие книжного дела в североамериканских колониях. Раскрыты обстоятельства создания первой подписной библиотеки и дана характеристика условий ее функционирования. Показана роль подписной библиотеки Франклина в общей эволюции библиотечного дела.

Ключевые слова: Бенджамин Франклин, книжное дело, типография, газета, альманах, библиотека, подписная библиотека

Для цитирования: Рубанова, Т. Д. Уроки книжной демократии от Бенджамина Франклина (к 310-летию со дня рождения) / Т. Д. Рубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 27–35.

Тело Бенджамина Франклина, книгопечатника, – подобно переплету старой книги, листы на которой вырваны, позолота и обложка уничтожены, – лежит здесь, как пища для червей. Но сочинение не погребло, ибо оно выйдет – таково его вера – еще раз в новом и лучшем издании, пересмотренное и исправленное создателем.

Б. Франклин

Имя Бенджамина Франклина широко известно. Разносторонность его личности и продуктивная деятельность в разных сферах породили широкий спектр публикаций, посвященных его биографии и деятельности. Русскоязычная библиография Б. Франклина ведет начало с 1791 г., когда в России было опубликовано его собрание сочинений, включавшее «Автобиографию». В 1799 г. в Университетской типографии в Москве была издана первая биография Франклина на русском языке «Жизнь Вениамина Франклина», автором которой был друг Карамзина и будущий наставник Пушкина А. И. Тургенев. В последующем Б. Франклин трижды (в 1891, 1934 и 1972 гг.) становился героем биографической серии «Жизнь замечательных людей» [1; 4; 6].

Хотя данная статья посвящена новациям Б. Франклина в книжном деле, без характеристики масштаба его личности и деятельности она будет неполной, поскольку книги и чтение создали основу блестящей карьеры этого чело-

века, успешная издательская деятельность обеспечила его финансовую состоятельность, а заслуги Франклина в политике и науке в свою очередь усилили кумулятивный эффект его книжных нововведений.

Попытаемся кратко обозначить заслуги Франклина в разных сферах общественной и научной жизни.

«Человек, который сам себя создал» [5]. «Архетипический “образцовый американец”» [Там же]

Б. Франклин – это человек, который сделал себя сам (*self-made man*). Родившись в семье небогатого ремесленника, будучи младшим (пятнадцатым по счету) ребенком (всего в семье было 17 детей), он в 12 лет начал трудиться подручным в типографии старшего брата, но уже в 21 год стал владельцем маленькой типографии. Благодаря таланту и трудолюбию поднялся к вершинам богатства и славы.

Франклин не только сумел создать себя сам, но и сформировал в «Автобиографии» архетип «образцового американца». Не случайно этот литературный труд называют пособием для *self-made man*, а Франклина – автором знаменитой концепции о неограниченных возможностях американцев и пресловутой американской мечте.

«Универсальный гений эпохи Просвещения» [13, с. 47]

Основной областью научных интересов Франклина была физика: он занимался измерением теплопроводности различных материалов, изучал явления охлаждения жидкости при испарении, исследовал распространение звука в воде и воздухе, был автором ряда работ по электричеству. Собрал обширные данные о штормовых ветрах и предложил теорию, объяснявшую их происхождение; инициировал измерения скорости, ширины и глубины Гольфстрима (само название было предложено Франклином), после чего течение было нанесено на карту.

Многими идеями Б. Франклина человечество пользуется до сих пор (в частности, он вел общепринятое теперь обозначение электрически заряженных состояний «+» и «-», доказал электрическую природу молнии, выдвинул идею электрического двигателя и пр.). Франклин изобрел бифокальные очки, громоотвод, кресло-качалку и особую конструкцию малогабаритной печи для дома, которая так и называлась «печь Франклина».

Звание почетного члена Петербургской академии наук получил в 1789 г. как физик.

М. Оссовская, польский философ и социолог, историк этики: Франклин создал «классическую модель буржуазной морали» [11]

Этическая программа Б. Франклина нашла воплощение в «списке добродетелей», перечисленных в его «Автобиографии»: трудолюбие, справедливость, умеренность, воздержанность, молчаливость, любовь к порядку, решительность, бережливость, искренность, чистоплотность, спокойствие, целомудрие, кротость [12]. Этот «список добродетелей» отражал принципы поведения «полезного гражданина», был его «кодексом чести» [Там же].

Великий наставник «юного капитализма» [7]

Американцы называют Б. Франклина наставником «юного капитализма» не за успехи в бизнесе, а потому, что он, принимаясь за печатание бумажных денежных знаков, попытался осмыслить вопрос о роли денег в процессе производства, обмена, торговли и разо-

браться в природе стоимости. Его попытка взглянуть на проблему денег сквозь призму политэкономии была высоко оценена К. Марксом: «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени – мы находим у человека Нового Света... Этот человек – Бенджамин Франклин, который в своей юношеской работе, написанной в 1729 г. и напечатанной в 1731 г., сформулировал основной закон современной политической экономии. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера – труд» [Цит. по: 6].

Н. М. Карамзин, русский историк и писатель: «Франклин... смирил гордость британцев, даровал вольность почти всей Америке» [Цит. по: 9, с. 62].

О. Мирабо, деятель Великой французской революции: «Гений, отпустивший на волю Америку» [Цит. по: 3]

Франклин сыграл заметную роль в становлении США. До войны за независимость он был представителем колоний в Англии. В год провозглашения независимости Штатов (1776) он отправился во Францию, став первым американским дипломатом. «Мастер дипломатии и искусства компромиссов» [10, с. 34], он сумел в трудные годы становления молодого государства добиться поддержки Франции.

Франклин был единственным из «отцов-учредителей», кто скрепил своей подписью все три важнейших исторических документа, лежащих в основе создания США как независимого государства: Декларацию независимости, Конституцию и Версальский мирный договор (1783), который формально завершил войну за независимость тринадцати колоний Соединенных Штатов от Англии.

Б. Франклин – типограф и журналист

Профессиональную карьеру в книжном деле Франклин начал рано: в 12 лет. К этому времени он успел немного поучиться: окончил неполный класс грамматической школы (аналог гимназии), один год посещал школу, где обучали только письму и арифметике. С десяти лет начал помогать отцу в мастерской лить свечи и варить мыло. Видя, что сыну не по

душе это занятие, Франклин-старший начал водить его по мастерским плотников, каменщиков, токарей, медников, но ни одно из ремесел не заинтересовало мальчика. В конце концов, как пишет Франклин в «Автобиографии», «отец решил сделать из меня печатника» [12], построив подмастерьем в типографию одного из своих старших сыновей. Решающее значение сыграла страстная любовь Бенджамина к чтению. 12-летний подросток подписал контракт, согласно которому до 21 года он обязывался работать подмастерьем, причем жалование ему полагалось только в последний год работы. «В те времена ученичество было своеобразной формой долголетнего рабского услужения. За кусок хлеба и крышу над головой подмастерье должен был не только во всем помогать хозяину в работе и одновременно осваивать профессию, но и быть домашним слугой, мальчиком на побегушках, нянькой – всем, кем прикажет быть хозяин. Укоренившейся традицией было подкреплять воспитание ученика телесными наказаниями. Многие не выдерживали этого каторжного режима, и бегство учеников от своих хозяев было очень распространенным явлением. В случае поимки нарушителя контракта ожидало тяжелое наказание и еще более суровые условия... это было своеобразное долголетнее тюремное заключение, которому подвергался ученик за право овладеть тем или иным ремеслом» [6]. Наставник в свою очередь по условиям контракта обязывался «с полным старанием обучать своего ученика типографскому делу и предоставлять ему в течение девяти лет пищу, питье, квартиру и все необходимое» [12].

За нелегкие годы ученичества Б. Франклин полностью освоил основы типографского мастерства: мог разобрать и починить оборудование, сделать набор текста, научился отливать новые шрифты и даже вносил усовершенствования в технику печати. Тогда же он начал писать для газеты, которую издавал брат. Писал тайно от родных, от лица вымышленной дамы – немолодой вдовы. Эти письма, написанные просто и понятно, затрагивающие проблемы третьего сословия, очень нравились читателям.

Все годы ученичества Франклин много читал: не только книги и газеты, отпечатанные в типографии, где он служил, но и все, что удавалось найти благодаря расширившимся книжным связям – через других печатников и книготорговцев. Тогда же юноша начал работать над своим стилем, овладевал искусством полемики, убеждения и логики.

Отношения между братьями, один из которых был владельцем типографии, а другой – подмастерьем в ней, складывались неровно. Позже Франклин в «Автобиографии» писал о «тягостном ученичестве», «суровом и тираническом обращении» брата, побоях. Однако причиной разрыва контракта стала профессиональная самостоятельность Франклина-младшего, сумевшего успешно руководить типографией и выпуском газеты во время краткосрочного тюремного заключения брата из-за публикации, оскорбительной для местной ассамблеи. Он уехал из Бостона, некоторое время работал в типографиях Нью-Йорка и Филадельфии, а затем отправился в Англию, где намеревался приобрести на спонсорские средства типографское оборудование и шрифты. Денежную помощь Франклин так и не получил, поэтому устроился работать в крупнейшие лондонские типографии Палмера и Уоттса. Полтора года жизни в Англии многому его научили, поскольку уровень английского типографского производства был неизмеримо выше, чем в Америке. Если в Бостоне он делал в типографии все: налаживал и ремонтировал оборудование, сам набирал и печатал тексты, был одновременно автором, редактором и корректором, то здесь смог по достоинству оценить все преимущества разделения труда, когда исполнитель, выполняя одну производственную операцию, достигает более высокой производительности, лучшего эффекта и качества.

Англия открыла перед Франклином богатейшие возможности для выбора книг и общения с интересными людьми; он смог по достоинству оценить блеск английской журналистики и в дальнейшем часто использовал идеи и наблюдения лондонского периода.

Вернувшись в Филадельфию, в 1728 г. при финансовой поддержке родителей одного из своих друзей Франклин учредил фирму «Б. Франклин и Х. Мередит», открывшую «Новую типографию возле рынка». Заказы (в основном мелкие) чаще всего были результатом протекции друзей и знакомых. Дела шли очень плохо. Мередит был человеком пьющим; своими обязанностями он тяготился, в успех предприятия не верил, поэтому вскоре уступил дело Франклину практически за символическую сумму (на балансе фирмы к тому времени был один станок и немного шрифтов). С деньгами помогли друзья, и с 1730 г. Франклин вел дело самостоятельно. Хорошо наладить дело помог личный опыт Франклина, его предприимчивость и энергия.

Американское книгоиздание колониально-го периода (до обретения независимости США) представляло собой бизнес хоть и востребованный, но чрезвычайно проблемный. Авторы сборника «Американцы: Колониальный опыт» пишут по этому поводу: «замечательно было уже то, что печатнику удавалось напечатать хоть какие-то книги... На всем, что он печатал, сказывалось плохое оборудование и скудное сырье. Печатник был вынужден экономить бумагу, используя более мелкий, чем требовалось, шрифт. Иногда экономия поощряла строгость издания, но обычно нехватка бумаги ограничивала возможности художника и, значит, лишала книгу хорошего, радующего глаз оформления» [2]. Проблемой было все: оборудование, шрифты, бумага, краска, цензурные ограничения Звездной палаты (высшее судебное учреждение в Англии, определявшее, кроме всего прочего, цензурную политику не только в самой Англии, но и в ее колониях). Данные факторы сдерживали развитие книгопечатания и приводили к доминированию малых форм книжных изданий (разнообразных листов, памфлетов, брошюр, рекламы и объявлений) и активному развитию прессы.

Основной доход от типографии Б. Франклина приносило издание «Пенсильванской газеты», в содержание которой молодой типограф привнес много нового (большое

внимание уделялось работе с авторами и привлечению читателей к работе в газете; увеличился раздел объявлений, приносящий примерно треть доходов; менялось содержание, искались новые темы и новая аудитория: например, для немецких эмигрантов печатались фельетоны на немецком; актуализировалась проблематика: выходили первые памфлеты против рабства). Газета приносила Франклину около 60 % дохода [Там же].

В книгоиздательской деятельности Б. Франклин стремился к максимальной доходности: он «издавал книги... чтобы делать деньги или завести друзей, предпочтительнее и то и другое» [Там же]. Он умело добивался получения заказов от администрации (протоколы, законы, избирательные бюллетени, бумажные деньги), выпускал правительственные издания, чему немало способствовало более высокое, чем у других типографов, качество печати.

С 1728 по 1748 г. Франклин выпустил 432 издания [13, с. 51]. Большинство из них – это листки, памфлеты, брошюры, реклама и объявления, но были и книги: «Каждый человек сам себе врач» (1734), «Справочник ветеринара» (1735) и «Новоанглийский букварь». Рядом со многими изданиями, отпечатанными в типографии Франклина, можно написать «первый»: первая английская Библия, первый медицинский трактат, первый «чувствительный» роман (С. Ричардсон «Памела»), первые американские стихи.

Издания Б. Франклина были адресованы широкой публике – неграмотным фермерам, поденщикам, бакалейщикам и ремесленникам, которые хотели новостей, практической информации, но еще требовали развлечения. «Пенсильванская газета» и книжные издания типографии Франклина были «достойными проводниками для распространения инструкций среди обыкновенных людей, которые едва ли купят какую-нибудь другую книгу. Он пытался сделать их развлекательными и полезными в одно и то же время» [13, с. 51–52].

Наиболее успешным издательским предприятием Франклина был «Альманах бедного

Ричарда». Авторы сборника «Американцы: Колониальный опыт» так характеризуют этот тип издания: «Каждый честолюбивый колониальный печатник издавал свой собственный альманах. Альманахи предлагали американскому фермеру... услуги, которые сейчас оказываются сельскохозяйственными службами, городскими газетами, журналами, радио и телевидением. Часы восхода и захода солнца, циклы луны, приливы и отливы, прогнозы погоды были расписанием жизни фермера, необходимым ему, как и железнодорожное расписание современному владельцу сезонного билета. Для многих фермеров альманах был наиболее важным изданием, помимо Библии... Он сообщал ему даты судебных заседаний и расписание почтовых курьеров, почтовых карет, пакетботов... Он содержал практические советы... Мало кто из печатников не давал мудрые, хотя, возможно, и не столь уж новые советы и не высказывал особые соображения для “уединенных жилищ бедных и неграмотных, куда глубокомысленные рецепты ученого писателя никогда не проникают”. Старые номера сохранялись, чтобы скоротать долгие зимние дни, развлечь засидевшегося гостя или использовать в качестве записных книжек и для подсчетов. Кипа из дюжины или более старых номеров со всегда уместными советами, информацией и литературными драгоценностями стала главной отрадой читателей отдаленных районов» [2].

Франклин издавал «Альманах бедного Ричарда» на протяжении 25 лет (с 1732 г.). Он так писал о нем: «Я старался сделать его одновременно занимательным и полезным» [12], издание предназначалось «для наставления простого народа, который едва ли покупал какие-либо другие книги» [Там же].

По содержанию «Альманах бедного Ричарда» мало чем отличался от других аналогичных изданий, но был самым популярным из них: в течение полувека он продавался ежегодно по 10000 экз. [13, с. 52]. Исследователи связывают небывалый успех издания с его демократической и практической направленностью, доступностью изложения.

Франклин сумел облечь информацию альманаха в форму советов от лица вымышленного персонажа, чьи именем и было названо издание. Его *бедный* Ричард Сондерс – это простой человека из народа, ему не хватает образования, но есть природный ум, большой жизненный опыт, юмор, оптимизм и обаяние. По мнению многих биографов и исследователей, образ Ричарда – это идеал эпохи Просвещения, «естественный человек», не испорченный пороками цивилизации и верный подлинным человеческим ценностям.

Все промежутки между знаменательными датами в календаре Франклин заполнил краткими изречениями и поговорками, которые в совокупности представляют собой франклиновский «кодекс чести» «естественного человека». Анализ «афоризмов» бедного Ричарда показал, что Франклин является автором примерно 10 % из них (остальное – фольклор разных народов). Заслуга автора заключалась в том, что из многого он сумел отобрать самое важное и интересное для самого широкого круга читателей. Приведем некоторые афоризмы:

- Не оставляйте до завтрашнего дня то, что можно сделать сегодня.
- Большому кораблю – большое плавание. Маленькая лодка должна держаться берега.
- Рассудок наказывает того, кто его не слушается.
- Вода, падая по капле, пробивает камень.
- Три переезда равны одному пожару.
- Не спеши покупать дешевые вещи. Глупо тратить деньги на покупку раскаяния.
- Умные учатся на ошибках других, а дураки не становятся умнее от своих собственных.

В 1757 г. Франклин собрал воедино все пословицы и поговорки из различных выпусков «Альманаха» в памфлете «Путь к богатству». «Это была квинтэссенция житейской мудрости, “евангелие” делового человека» [6]. «Путь к богатству» впервые был переведен на русский язык и издан в сокращенном варианте в 1778 г. под названием «Нравоучительные домоводственные рассуждения»; в полном объеме напечатан в Петербурге в 1784 г. без указания авторства. В 1791 г. вышло издание в Мо-

ске (под названием «Как благополучно век прожить. Наука доброго человека Рихарда»), в 1835 г. – адаптированное для детей [8, с. 293].

Постепенно типография стала приносить все больший доход, а число наемных работников возросло. Наиболее способных из них Франклин весьма своеобразно поддерживал. В «Автобиографии» по этому поводу он пишет так: «В 1733 году я послал одного из моих рабочих в Чарлстон (Южная Каролина), где требовался печатник. Я снабдил его печатным станком и шрифтом; мы заключили соглашение, по которому я становился его компаньоном и должен был получать треть его доходов, уплачивая треть расходов» [12, с. 51]. В последующем он не раз практиковал такое компаньонство: «Я повысил нескольких моих рабочих хорошего поведения, поручив им заведование типографиями в различных колониях на тех же условиях, что и в Каролине. Многие из них разбогатели и смогли по истечении срока договора (6 лет) купить у меня шрифты и повести дело самостоятельно; таким образом, несколько семей значительно улучшили свое положение» [Там же, с. 57]. Так своеобразные дочерние предприятия Франклина появились в Южной Каролине, Нью-Йорке, Вест-Индии и других местах, а Франклин утвердился в числе солидных предпринимателей Филадельфии.

С 1748 г. все дела по типографии вел партнер Б. Франклина Дэвид Холл, но и после этого Франклин неизменно проявлял к ней интерес, поддерживал контакты с известными европейскими печатниками, заказывал для своей типографии оборудование и шрифты.

Франклину принадлежит множество открытий и изобретений в типографском деле. Он конструировал и совершенствовал печатные станки, изготавливал литейные формы и краску, выполнял граверные работы, обучал учеников. Впервые в Америке он изобрел печатный станок с медной гравировальной доской [9, с. 63]. Его нельзя назвать первооткрывателем, но он был замечательным проводником наиболее прогрессивных европейских издательских идей и типографских технологий,

столь важных для молодого книжного дела североамериканских колоний.

Подписная библиотека Бенджамина Франклина

В 1727 г. в Филадельфии Франклин организовал небольшой кружок из числа своих друзей – по образцу английских клубов, имевших богатые культурные традиции. Возможно, за образец он взял английские клубы, увиденные им во время пребывания в Лондоне. Историки колониальной Америки считают, что Франклин использовал не только опыт английских клубов. В то время в американских колониях в связи со слабо развитой социальной инфраструктурой были очень популярны общества взаимопомощи (по некоторым сведениям Франклин состоял в 20 таких) [2].

Клуб получил название Хунта (исп. *Junto* – ‘политическое собрание’). В него входили такие же молодые, как и сам Франклин, ремесленники: стекольщик, землемер, столяр, сапожник, торговцы и несколько печатников – всего 12 человек. В «Автобиографии» Франклин так описывал работу клуба: «Собирались мы по вечерам, каждую пятницу. Составленные мною правила требовали, чтобы все члены по очереди предлагали для обсуждения один или больше вопросов из области морали, политики или натурфилософии; а раз в три месяца публично читал написанное им самим сочинение на любую тему» [12]. Тематика таких публичных выступлений и дискуссий была очень разнообразной и затрагивала как научные явления, так и проблемы морального характера: что такое звук, почему самые ученые и образованные люди не всегда бывают самыми счастливыми; почему пламя свечи поднимается острием вверх; насколько оправдана смертная казнь в отношении людей, не совершивших преступления, но представляющих угрозу общественной безопасности; почему летом сосуд с холодной водой запотевают; что менее преступно: плохое дело при хорошем намерении или хорошее дело при плохом намерении и т. п.

Именно лекции и диспуты Хунты подсказали Франклину идею создания библиотеки. Уже на первых собраниях клуба стало понят-

но, что книг для подготовки выступлений катастрофически не хватает. Книгоиздание в североамериканских колониях в то время только зарождалось; местные типографы выпускали в основном пользующиеся массовым спросом учебники и календари, а всю прочую литературу приходилось выписывать из Англии. Поэтому в 1731 г. Франклин предложил членам Хунты объединить свои скромные книжные собрания, сообща покупать книги в Европе и пользоваться ими как общим достоянием. Для этого была арендована особая комната, где был собран книжный фонд клуба. Такой способ приобретения книг оказался очень удобным, и Франклин решил юридически оформить клубную библиотеку. Он попросил знакомого юриста помочь ему составить устав библиотеки по подписке. Новое начинание по предложению Франклина получило название «Библиотечной компании Филадельфии».

По уставу каждый участник должен был внести первоначальную вступительную сумму, а затем платить ежегодный взнос.

Книги для библиотеки чаще всего получали из Англии. Так, в 1732 г. по книжному каталогу известного библиофила Логана было заказано 40 наименований. Среди них не было ни одной работы по теологии, зато имелись словари, учебники грамматики, атлас, книги по истории, политике, этике, анатомии, биологии, химии, геометрии, математике, астрономии, описания путешествий и биографии. Художественная литература (несколько названий) была представлена классикой (Гомер, Вергилий) и современной беллетристикой [2].

О дальнейшем Франклин написал в «Автобиографии»: «С помощью моих друзей в Хунте я нашел пятьдесят подписчиков, которые внесли по сорок шиллингов в качестве вступительного взноса и затем должны были вносить по десять шиллингов в год в течение пятидесяти лет (срок действия нашего общества). Впоследствии мы заключили договор, и число членов общества было увеличено до ста человек; оно явилось родоначальником всех североамериканских библиотек по подписке, столь многочисленных в настоящее время» [12].

В последующем библиотека росла, и число ее читателей увеличивалось, «но ее характер и направленность особенно не изменились. [В 1772 г.]... на одного влиятельного и богатого человека приходилось двадцать ремесленников, которые часто посещали библиотеку. Два года спустя из 8000 наименований только 80 относились к беллетристике, остроумию и юмору» [2].

Идея подписной библиотеки Франклина получила широкое распространение, и вскоре во многих американских городах стали создаваться подобные. Вот как пишет об этом сам Франклин: «Нашему примеру скоро последовали в других городах и других провинциях... Чтение вошло в моду, и наши люди, за неимением общественных увеселений, которые могли бы отвлечь их от чтения, все больше тянулись к книгам, так что через несколько лет чужеземцы уже отмечали, что люди у нас более образованные и знающие, чем лица того же звания в других странах» [12]. Фактически подписные библиотеки стали «одним из проявлений широкой грамотности колониальной Америки» [2].

Подписную библиотеку Франклина принято считать прямой предшественницей современной американской публичной библиотеки. Хотя подписные библиотеки, в отличие от публичных, были предназначены в первую очередь для подписчиков, они стали переходной ступенью к библиотекам общественным, предназначенным для любого желающего. Переход этот был намечен уже в уставе Б. Франклина, где было записано: «библиотекарю разрешается бесплатно давать для чтения на месте книги каждому лицу, лично пришедшему в помещение библиотеки; но на сторону книга может быть выдаваема только лицам, состоящим членами-подписчиками» [12].

Создание подписных библиотек было, несомненно, прогрессивным явлением в библиотечном деле. Они коренным образом отличались от личных с их элитарным принципом формирования фонда, замкнутой системой пользования, ограниченной ближайшим окружением владельца. Подписные библио-

теки обслуживали довольно широкие круги населения, а с точки зрения содержания книжных фондов выгодно отличались от церковно-приходских, в фонде которых преобладала религиозная литература. Состав фондов подписных библиотек был ориентирован на повышение уровня образования и практическую деятельность подписчиков. По сравнению с библиотеками колледжей, являвшимися в определенной степени кастовыми учреждениями, подписные библиотеки были более демократичными, так как не ограничивали круг своих читателей только преподавателями и студентами колледжа. Подписная библиотека знаменовала собой начало отказа от книгохранилищного уклона в библиотечном деле, который господство-

вал в то время, хотя окончательный отказ от него произошел только в XIX в.

Хунта – общество взаимного просвещения, организованное Б. Франклином, – просуществовала сорок лет и была предшественницей Американского философского общества. А созданная при обществе библиотека существует и сегодня. Она росла за счет многочисленных даров и благодаря этому представляет собой в настоящее время одну из наиболее примечательных библиотек США.

Франклин прожил долгую и славную жизнь. За заслуги перед США его по праву считают отцом нации и национальным достоянием. Но в автоэпитафии он написал не об этих заслугах, а о своем пожизненном служении Книге [См. эпитафия].

1. Абрамов, Я. В. Бенджамин Франклин, его жизнь, общественная и научная деятельность: биограф. очерк / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. – 110 с.
2. Американцы: Колониальный опыт: пер. с англ. / под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника; послесл. В. П. Шестакова. – Москва: Прогресс-Литера, 1993. – 480 с.
3. Бенджамин Франклин и Петербургская Академия наук: книжно-иллюстративная выставка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/science/franklin.php>. – Дата обращения: 5.01.2016.
4. Владимиров, В. Н. Франклин / В. Н. Владимиров. – [Москва]: Журнально-газетное объединение, 1934. – 224 с. – (Сер. Жизнь замечательных людей).
5. Деконструкция американского идола: Бенджамин Франклин глазами современных исследователей [Электронный ресурс] / пер. И. Фридман. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Dekonstruksiya-amerikanskogo-idola-Bendzhamin-Franklin-glazami-sovremennyh-issledovatelej>. – Дата обращения: 18.12.2015.
6. Иванов, Р. Ф. Франклин / Р. Ф. Иванов. – Москва: Молодая гвардия, 1972. – 256 с. – (Сер. Жизнь замечательных людей).
7. История США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://amerikos.com/usa/history-s>. – Дата обращения: 18.01.2016.
8. Левшина, О. Н. Буржуазный этос американской культуры и его рецепция в России в XVIII – XIX вв. / О. Н. Левшина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 2. – С. 287–296.
9. Левшина, О. Н. Научная деятельность Бенджамина Франклина / О. Н. Левшина // Философский век: альм. / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. центр истории идей, 2006. – Вып. 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. – Ч. 1. – С. 62–73.
10. Обельченко, М. Бенефицианство великого Бенджамина / М. Обельченко // Вокруг света. – 2006. – № 4. – С. 34–38.
11. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали: пер. с польск. / М. Оссовская; общ. ред. А. А. Гусейнова; вступ. ст. А. А. Гусейнова, К. А. Шварцман. – Москва: Прогресс, 1987. – 528 с.
12. Франклин, Б. Время – деньги / Б. Франклин. – Москва: АСТ, 1988. – 320 с. – (Сер.: Моя жизнь).
13. Яценко-Байрд, О. А. Джон Баскервиль и Бенджамин Франклин: два человека слова / О. А. Яценко-Байрд // Философский век: альм. / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. центр истории идей, 2006. – Вып. 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. – Ч. 1. – С. 46–57.

Получено 1.02.2016

T. Rubanova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: trubanova@yandex.ru

THE BOOK DEMOCRACY LESSONS FROM BENJAMIN FRANKLIN (TO 310 ANNIVERSARY FROM THE DAY OF BIRTH)

Abstract. The article is devoted to 310 anniversary from birthday of prominent figure of the Enlightenment B. Franklin. In the article the author outlines diverse scientific and political career of Franklin. Lit the successive stages of his professional formation as a typographer and journalist. Shows the main results of the publishing business of Franklin. Determined by its contribution to the development of book publishing in the North American colonies. Disclosed the circumstances of the creation of the first subscription libraries and the characteristics of the environment in which it operates. Shows the role of the subscription library Franklin in the General evolution of librarianship.

Keywords: Benjamin Franklin, book publishing, typography, newspaper, almanac, library, subscription library

For citing: Rubanova T. 2016. The book democracy lessons from Benjamin Franklin (to 310 anniversary from the day of birth). Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 27–35.

References

1. Abramov IA. 1891. Bendzhamin Franklin, ego zhizn', obshchestvennaya i nauchnaya deyatel'nost' [Benjamin Franklin, his life, public and scientific activity]. Saint Petersburg: Printing partnership "Public benefit". 110 p. (In Russ.).
2. The Americans: the Colonial experience [Americans: The colonial experience]: translation from Eng. 1993. Oleinik T., general editorship and with commentary; V. Shestakova, afterword. Moscow: Progress-Litera. 480 p. (In Russ.).
3. Bendzhamin Franklin i Peterburgskaya Akademiya nauk: knizhno-illyustrativnaya vystavka [Benjamin Franklin and the Saint Petersburg Academy of Sciences: book-illustrative exhibition] [Electronic resource]. Available from: <http://www.rasl.ru/science/franklin.php> (accessed: 5.01.2016). (In Russ.).
4. Vladimirov V. 1934. Franklin. [Moscow]: Journal-newspaper Association. 224 p. (In Russ.).
5. Dekonstruksiya amerikanskogo idola: Bendzhamin Franklin glazami sovremennykh issledovateley [Deconstruction American idol: Benjamin Franklin through the eyes of modern researcher] [Electronic resource]. Translation by Fridman I. Available from: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Dekonstrukciya-amerikanskogo-idola-Bendzhamin-Franklin-glazami-sovremennykh-issledovatelej> (accessed: 18.12.2015). (In Russ.).
6. Ivanov R. 1972. Franklin. Moscow: Molodaya gvardiya. 256 p. (In Russ.).
7. Istoriya SSHA [The history of the USA] [Electronic resource]. Available from: <http://amerikos.com/usa/history-s> (accessed: 18.01.2016). (In Russ.).
8. Levshina O. 2015. The bourgeois ethos of American culture and its reception in Russia in the 18 – 19 centuries. Vestnik of Pushkin Leningrad State University. № 2: 287–296. (In Russ.).
9. Levshina O. 2006. The scientific activity of Benjamin Franklin. Filosofskiy vek [Philosophical age]. Artemeva T. and Mikeschin M., resp. ed. Saint Petersburg: The center for history of ideas. Vol. 31. Bendzhamin Franklin i Rossiya: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya [Benjamin Franklin and Russia: to the 300 anniversary from the birthday]. Part. 1: 62–73. (In Russ.).
10. Omelchenko M. 2006. The great beneficent Benjamin. Vokrug sveta [Around the world]. № 4: 34–38. (In Russ.).
11. Ossovskaya M. 1987. Rytsar' i burzhua: Issledovaniya po istorii morali [Knight and bourgeois: a study on the history of morality]: translated from Polish. Guseinov A., general editorship; Guseinov A., Shvartsman A., introductory article. Moscow: Progress. 528 p. (In Russ.).
12. Franklin B. 1988. Vremya – den'gi [Time is money]. Moscow: AST. 320 p. (In Russ.).
13. Iatsenko-Baird O. 2006. John Baskerville and Benjamin Franklin: two people of words. Filosofskiy vek [Philosophical age]. Artemeva T. and Mikeschin M., resp. ed. Saint Petersburg: The center for history of ideas. Vol. 31. Bendzhamin Franklin i Rossiya: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya [Benjamin Franklin and Russia: to the 300 anniversary from the birthday]. Part 1: 46–57. (In Russ.).

Received 1.02.2016

РАЗВИТИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КНИГОНОШЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассматривается феномен истории провинциального книгораспространения – офенский промысел. Представлена характеристика правовой стороны вопроса. Впервые использованы и введены в научный оборот фактографические материалы из источников Государственного архива Оренбургской области: фонд канцелярии оренбургского губернатора, а также материалы дореволюционной периодической печати («Оренбургские епархиальные ведомости», «Русская школа»).

Объектом исследования в статье является история провинциального книгораспространения, предметом – офенский промысел.

Методологическая база основывается на понимании исторического процесса, в рамках которого книгораспространение в Оренбургской губернии рассматривается как следствие и отражение социальных и культурных явлений изучаемого периода. Поскольку тема исследования предполагает историческую реконструкцию процесса книгораспространения, доминирующими стали принципы историзма и объективности. Из комплекса исторических методов использован историко-сравнительный, который на основе сравнения изучаемых объектов в пространстве и времени дает возможность выявить общие, повторяющиеся и специфические характеристики субъектов книгораспространения.

Развитость в губернии офенского промысла, его распространенность практически до конца XIX в. объяснялась, во-первых, очень низкой плотностью (густотой) населения в губернии, делавшей стационарную книжную торговлю невыгодной, во-вторых, тем, что подавляющее большинство населения проживало не в городах, а в сельской местности (более 90 %), где отсутствовала конкуренция.

Ключевые слова: *офени, книгоноши, история провинциального книгораспространения, Оренбургская губерния, земство*

Для цитирования: Шицкова, М. А. Развитие провинциального книгоношества (на примере Оренбургской губернии) / М. А. Шицкова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 36–41.

Распространение книжной и другой печатной продукции в провинции началось с деятельности офеней-книгонош, разносной и развозной торговли книгами. Историки книжного дела отмечают время появления российского книгоношества – середина XVIII в.

Даже в столичных городах – Санкт-Петербурге и Москве – торговля вразнос была весьма развита практически до конца XIX в., хотя к этому времени наряду с многочисленными торговыми рядами, лавками, лотками в крупных городах появилось немало больших книжных магазинов. Так, например, только в конце XIX столетия московские «власти стали ограничивать торговлю вразнос, определив

норму мест в различных частях города. Возле каждой тумбы разрешалось торговать не более чем двум разносчикам. К концу века в Москве было до шести тысяч уличных торговцев [2, с. 250]. Но особенно перспективным офенский промысел являлся на обширной территории уральских губерний.

Обширность территории Оренбургской губернии сочеталась с относительно низкой плотностью (густотой) населения. В 1863 г. она составляла всего 5,3 жителя на 1 кв. версту [9, с. 79]. За 33 года, предшествовавшие первой всеобщей переписи населения (с 1863 по 1897 г.), т. е. в период жизни одного поколения, густота населения Оренбургской губернии выросла на 82 %, и при

этом край по-прежнему являлся одним из самых слабо населенных в Российской империи.

По данным первой всеобщей переписи населения, в 1897 г. на 166710,9 кв. верстах проживал 1 600 145 человек. «Оренбургская губерния представляет собой местность слабо населенную по сравнению с другими губерниями России: в ней на 1 кв. версту приходится всего 9,60 жителей, если принимать в расчет города, а без них еще меньше, а именно 8,68 человек. Наибольшей плотностью населения отличаются Оренбургский и Челябинский уезды» [6, с. 8]. По данным той же переписи, Оренбургская губерния входила в число 5 (из 50 губерний европейской России) с наименьшей густотой (плотностью) населения наряду с Вологодской, Олонецкой, Архангельской, Астраханской [9, с. 76–77]. Низкая плотность населения губернии, малое число городов с количеством жителей (к концу столетия) 10–20 тыс. человек, разбросанность сельских поселений делали экономически невыгодным содержание стационарных книготорговых заведений.

Традиционно офенством занимались представители Владимирской, Тульской губерний, Серпуховского и Подольского уездов Московской губернии. Работа офеней осложнялась удаленностью от книжных центров, недостаточно развитой транспортной системой в крае. Так описывал свой маршрут один из тульских офеней: «Из Сызрани едем на Самару в Бузулук, в Самаре мы не останавливаемся: там торговли не бывает, потому там почитай все раскольники, наших книг и картин не покупают. Потом едем на Бугульму, Белебей, Уфу, Златоуст, Верхнеуральск, Челябинск, Троицк, Красноуфимск, ну, а потом опять через Уфу обратно» [цит. по: 14, с. 53].

Среди жителей Оренбургской губернии также было немало тех, кто занимался разносной и развозной торговлей. По данным переписи 1897 г. таких торговцев в губернии в целом насчитывалось 1998 человек. Любопытно, что в разносной торговле принимали участие и женщины. В числе обозначивших родом своих занятий разносную и развозную торговлю 1005 мужчин и 993 жительницы Оренбургской губернии [6, с. 108].

Распространенность разносной и развозной торговли в крае была также обусловлена

тем, что большая часть населения жила не в городах. Из 1600145 человек, проживающих в губернии, 1447544 человека (90,5 %) составляло сельское население [Там же, с. 8].

Как показано в таблице, большинство лиц, занимающихся разносной и развозной торговлей в Оренбургской губернии, жили в городах. В Оренбурге их проживало 53,5 % от общего количества (1077 из 1998 человек), в Троицке – 12,5 % (251 человек). Последнее обстоятельство объясняется близостью города к железной дороге. Сколько из торговцев имели в своем ассортименте лубочные картинки, книги, другую печатную продукцию, установить трудно, но можно предположить, что такой товар присутствовал практически у каждого.

Численность лиц, занимающихся разносной и развозной торговлей в Оренбургской губернии (по состоянию на 1897 г.)¹

№	Уезды и города	Число лиц, занимающихся торговлей разносной и развозной
	По губернии в целом	1998
	в том числе в уездах (без городов)	409
	в том числе в городах	1589
1.	Оренбургский уезд	109
	г. Оренбург	1077
	г. Илецкая Защита	56
2.	Верхнеуральский уезд	57
	г. Верхнеуральск	39
3.	Орский уезд	70
	г. Орск	67
4.	Троицкий уезд	96
	г. Троицк	251
5.	Челябинский уезд	77
	г. Челябинск	99

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона так описывает деятельность офеней: «Большую часть года офени странствуют, отправляясь в путь в конце июля и начале августа (ранние офени) или в сентябре и в октябре (поздние офени); возвращаются к Маслянице или около Пасхи... Офеня не прочь перейти к оседлой торговле, если на новых местах встречает подходящая для того условия. Несмотря на трудность промысла, большинство офеней – закоренелые скитальцы, у которых бродяжничество обратилось в органическую потребность... Бедняк-офеня ходит с товаром

¹ Таблица составлена на основе источника [6, с. 108].

пешком, при чем сам возит короб на тележке – летом, на санках – зимою; это – ходячки, мелочные торговцы, часто закупающие товару, почти исключительно книжки и картинки, на сумму 5–10, много 15 руб. и разносящие его по окрестным селам. Если у крестьянина-покупателя не оказывается денег, офеня дает книжки и картинки в долг, до следующего года, или меняет свой товар на лен, холст, хлеб, овес и пр. Вот почему в любом крестьянском доме офеня – желанный гость...» [8, с. 489–490].

Для успешной торговли офеней немалое значение имел ассортимент продаваемых книг. Предпочтение деревенские крестьяне отдавали лубочным изданиям¹. Среди лубочных изображений преобладали сцены из жизни былинных богатырей, монастырские листовки, песни с иллюстрациями, карикатуры на городских купцов, портреты царей и генералов, пророческие предсказания о судьбе богатых и скупых людей, попавших в ад, сцены народных гуляний и т. д. Повышенным спросом у малограмотного населения пользовались календари, святцы, жития святых, сонники, оракулы. С середины XIX в. для изготовления лубочных изданий преимущественно стала применяться литография, значительно удешевившая лубок. Появился особый тип картинки – литография с тщательной (до 12 красок) раскраской, покрытая лаком или гуммиарабиком [13, с. 386].

Был в арсенале офеней и специальный отдел – литературный. «Какой только заманчивой книжки, расценивавшейся за экземпляр от одной до десяти копеек, не содержал он! “Бова Королевич”, “Илья Муромец”, “Хмельная брага”, “Тайный грех”, “Венецианская красавица”, “Современная гадалка”, “Новейший полный фокусник”, “Жизнь и казнь Стеньки Разина...” и т. д.» [5, с. 211].

Издателей лубочной литературы было немало, среди наиболее крупных – столичные фирмы «Посредник» И. Д. Сытина и издатель-

ство А. С. Суворина. Каждый старался привлечь к себе как можно большее число офеней, предоставляя провинциальному покупателю-разносчику большую скидку.

Лица, желающие производить разносную продажу книг, должны были иметь свидетельства на право осуществления этой деятельности, а также получить разрешение у губернатора той губернии, в которой предполагалась торговля.

Личность будущего книгоноши (так же, как и в случае со стационарной книжной торговлей) тщательно проверялась на предмет политической благонадежности, несудимости, кроме того, проситель должен был указать, какими книгами намерен торговать.

Обязательным условием положительного ответа губернатора являлась грамотность будущего торговца, в противном случае следовал отказ. Именно по причине неграмотности крестьянину Оренбургского уезда Захару Тихоновичу Кичигину в 1914 г. было отказано производить разносную книжную торговлю, поскольку «от малограмотности его нельзя ожидать правильной и согласованной с законом торговли» [1, с. 26].

Факты продажи книг офенями, не подтвержденные архивными документами, компенсируют записи, оставленные владельцами книг. Так, на одной из книг редкого фонда Челябинской областной универсальной научной библиотеки – «Артикул воинский» (Санкт-Петербург, 1755) сохранилась запись владельца В. Протасова: «приобрел у букиниста Катордова, который, будучи неграмотным, торговал книгами близ моста через реку Миасс, за 25 коп. (в начале 90-х гг.)» [3, с. 41].

У грамотного офени торговля велась гораздо успешнее. Крестьяне охотнее покупали книги, если с их содержанием офеня знакомил чтением вслух. Насколько важна грамотность в этом промысле, видно из сравнения заработка грамотных и неграмотных офеней: «средний ежемесячный заработок [грамотных торговцев. – М. III.] равняется 17 руб., а [неграмотных. – М. III.] только 12 руб.», – писал «Вестник воспитания» в 1903 г. [7, с. 110–114].

Деятельность офени-книгоноши находила отражение в дореволюционной периодической

¹ Лубочное издание, лубок – специфичная форма книгоиздательской продукции XV – начала XX в., дешевое массовое печатное издание, представляющее собой оттиск изображения на листе бумаги, полученный с гравированной на дереве или металле картинки и сопровождающийся небольшим пояснительным текстом. Отличалось доступностью, красочностью и яркостью изображения. Имело широкое распространение среди крестьян и городских низов, в том числе неграмотных [13].

печати. В частности, неизвестный автор газеты «Оренбургские епархиальные ведомости» так их описывал: «Прискучив ожиданием утоления духовного голода от руки старшего своего брата, русского интеллигента, русский крестьянин, благодаря своей богатой природной сметке, сам стал изобретать способы утоления духовного своего голода. Так, в Харькове на главном базаре можно видеть двух нищих чтецов из крестьян, которые, запасшись вчерашним номером газеты или книжкой, усаживаются на пустых ящиках в местах сбора рабочего люда и собирают толпы слушателей... Уличные лекторы таким способом зарабатывают до одного рубля в день, доставляя себе и своему брату простолюдину духовное утешение. Такие же чтецы стали появляться между нищенствующими детьми в городах... Один из ростовских лесогрузчиков – рабочий, сломавший себе на работе руку, купил на три рубля на толкучем рынке подержанных книг и стал посещать места производства... и прочитывать наиболее любопытные для народа книги. За прочтение вслух чтецу... [платили. – М. III.] по 1 коп. от слушателя. Этим и промышляет потерявший руку рабочий, известный... под именем “Николы-книжника”. Библиотека Николы состоит из 70 названий... Недавно появилась еще одна разновидность народника-книгоноши. Грамотей-крестьянин из любителей словеснаго искусства набирает в городе торбу книг и разносит их по своему селу и по соседним селам, посещая по преимуществу многолюдные собрания, свадьбы, вечеринки молодежи и проч. Здесь он и продает книги, и за известный гонорар прочитывает книги из своей библиотеки-торбы». Любопытно восхищение автора предприимчивостью простого народа – «удивительно просто и разумно русский крестьянин решает тот вопрос, над разрешением которого томится его старший брат многодумный интеллигент... в то время как целые учреждения озабочены изысканием средств на устройство народных аудиторий, читален... харьковский нищий, ростовский “Николка” и деревенский серый грамотей с торбой книг за плечами уже решили вопрос, открыли народные аудитории – под открытым небом. Таковые и подобные аудитории – самый простой и доступный способ распространения книги в на-

роде... Бесспорно, желательно было бы в каждом селе или деревне иметь благоустроенные аудитории с просвещенными лекторами и богатым складом книг; но при настоящих эпидемических голодах, десятки и сотни лет пройдет до установления той степени народного благосостояния, при котором возможным станет осуществить желание, а невежество русского крестьянства с каждым годом... все более выправляет лучшие свойства народной души» [12, с. 28].

Стихийную деятельность книгонош автор статьи предлагал организовать следующим образом: «...истинным печальникам блага народного надо ускорить открытие книжных складов в больших поселках... кроме того, набрать комплект благонадежных “Николок”, поставить их в известные отношения к тому или иному складу, дать им подбор книг, по возможности удешевив продажу их, и распространение хороших книг в народе обеспечено. В подборе комплекта книгонош затруднений быть не может. Для этого во всяком приходе есть так называемые “пешие”, беззастенчивые, безродные одиночки, люди с физическими недостатками и т. д. В рядах этих людей можно найти религиозных, трезвых, безупречной жизни» [Там же, с. 33].

Идею автора статьи из «Оренбургских епархиальных ведомостей» о приближении книги к потребителю путем создания книжных складов и прикрепления к ним книгоношей пытались воплотить в жизнь земства. По мнению Т. Д. Рубановой, земское книгоношество не получило значительного распространения. Согласно данным опроса, проведенного Курским губернским земством, такая форма торговли использовалась только в семи земских губерниях, а общее количество земских книгонош на всю обширную земскую Россию было всего 13 [10, с. 199].

В конце XIX столетия предпринимались попытки создания льготных условий для деятельности книгонош. Журнал «Русская школа» в 1898 г. писал: «...круг деятельности книгонош и офеней... настолько сократился, что многие из них решили перенести свою деятельность в Сибирь; в настоящее время представители книгонош вносят ходатайство о предоставлении им льготного проезда по линии Сибирской желез-

ной дороги» [11, с. 296]. Управление железной дорогой ответило положительно на ходатайство книгонош. В частности, книгоношам от Московской синодальной типографии в 1899 г. было выдано несколько годовых бесплатных билетов «для свободного проезда по казенным железным дорогам» [4, с. 407].

Даже в конце XIX в. офени оставались единственными «носителями печатного слова» в деревне во многих российских губерниях. Именно в сельской местности офени меньше всего зависели от конкуренции и влияния купца с более крупным капиталом. Транспортная инфраструктура позволяла купцам везти из столиц в провинцию большие партии книг и открывать книготорговые заведения (преимущественно в городах), таким образом вытесняя офеней в деревни. Однако с появлением в селах библиотек и читален при школах коммерческая деятельность офеней к началу XX в. несколько ослабела.

До 1870-х гг. Оренбургская губерния не имела стационарных книготорговых заведений, книги продавались эпизодически, главным образом офенями-ходебщиками. На протяжении многих десятилетий отчеты губернаторов по Оренбургской губернии констатировали отсут-

ствие в крае книготорговых заведений, а количество желающих продавать книги вразнос не могло удовлетворить потребности жителей губернии в литературе.

Преобладание офенского промысла над стационарной книготорговой деятельностью было вызвано несколькими причинами. Во-первых, обширностью территории Оренбургской губернии и низкой плотностью населения в ней. Слабая заселенность края объясняется относительно поздним присоединением его к России, а также тем обстоятельством, что наибольшая часть земель губернии принадлежала Оренбургскому казачьему войску и башкирам, вследствие чего не могла быть свободно заселяема. На огромной территории разносная и развозная торговля представлялась наиболее экономически выгодным видом деятельности.

Во-вторых, подавляющее количество населения (более 90 %) проживало в сельской местности, где книготорговые заведения отсутствовали. В конце XIX в. на территории Оренбургской губернии располагалось всего 2321 поселение, в том числе 6 городских (1 губернский, 4 уездных, 1 заштатный – Илецкая Защита). Остальные 2315 поселений являлись сельскими [6, с. 90].

1. ГАОО. Ф. 10. Канцелярия оренбургского губернатора. Оп. 2. Д. 154.
2. Бокова, В. М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке / В. М. Бокова. – 2-е изд., испр. – Москва: Молодая гвардия, 2010. – 540 с. – (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
3. Бурлакова, Е. С. История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук / Е. С. Бурлакова. – Челябинск, 2010. – 171 с.
4. Льготные тарифы для книгонош // Русская школа. – 1899. – 10 окт. – С. 407.
5. Милютин, З. Глава из книги «Красное крылатое слово» / З. Милютин // Альманах библиофила. – Москва, 1982. – Вып. 13. – С. 211.
6. Оренбургская губерния: первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. – [Б. м.: б. и.], 1904. – 173 с.
7. О современном положении офеней // Вестник воспитания. – 1903. – № 7. – С. 110–114.
8. Офеня // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / под ред. К. К. Арсеньева. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. XXIV. – С. 489–490.
9. Россия: энцикл. слов. – Репринт. переизд. т. 54, 55 Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 922 с.
10. Рубанова, Т. Д. Земская концепция книжно-библиотечного дела: историко-теоретическая реконструкция (по материалам земских губерний Урала): моногр. / Т. Д. Рубанова; Моск. гос. ун-т культуры и искусств; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2006. – 420 с.
11. Сокращение деятельности офеней // Русская школа. – 1898. – 4 апр. – С. 296.
12. Способы распространения книг в народе // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1 (1 янв.). – С. 28–33.
13. Хромов, О. Р. Лубочное издание / О. Р. Хромов // Книга: энцикл. / гл. ред. В. М. Жарков. – Москва, 1999. – С. 385–387.
14. Шабаршина, О. В. Книжная культура населения Урала во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / О. В. Шабаршина. – Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. социал.-пед. акад., 2010. – 221 с.

Получено 02.03.2016

M. Shitskova

Candidate of Historical Sciences,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: ma1216@ya.ru

PROVINCIAL BOOK PEDDLING DEVELOPMENT (BY ORENBURG PROVINCE EXAMPLE)

Abstract. The article studies peddler's trade as a phenomenon of provincial book peddling development. The author touches upon the legal characteristics of the matter and introduces into scientific usage records taken from the Orenburg province State Archives including Orenburg governor chancellery funds as well as pre-revolutionary press materials ("Orenburg Eparchial Bulletin" and "Russian school").

Both history and development of provincial books distribution as the subject of inquiry and peddler's trade as the subject of investigation has been reflected in the article.

Methodological foundation is based on the understanding of history in the frames of which books distribution in the Orenburg province is considered to be a consequence and a reflection of social and cultural phenomena of the period under study. As the topic supposes historical reconstruction of books distribution process the principles of historicism and objectivity are dominating in the study. Historical-comparative method of studies based on the comparison of the objects under study in the environment and time is widely used and gives the opportunity to reveal common and repeated characteristics of books distribution subjects.

Peddler's trade development in the province, its spreading practically to the end of the 19 century was explained by the low density of the Orenburg province population that made stationary book trading unprofitable, and by the fact that most part of the population lived not in the cities but in the countryside (about 90 %) with no rivalry.

Keywords: peddler, book peddler, history of provincial book peddling, the Orenburg province, Zemstvo

For citing: Shitskova M. 2016. Provincial book peddling development (by Orenburg province example). Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 36–41.

References

1. State Archive of the Orenburg Region. F. 10. Kantselyariya orenburgskogo gubernatora [The office of the Orenburg Governor]. Op. 2. D. 154. (In Russ.).
2. Bokova V. 2010. Povsednevnyaya zhizn' Moskvyy v XIX veke [The daily life of Moscow in the 19 century]. 2nd ed., revised. Moscow: Molodaya gvardiya. 540 p. (In Russ.).
3. Burlakova E. 2010. Istoriya bibliotek Yuzhnogo Urala: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka [History of libraries of the Southern Urals: the second half of 18 – beginning of 20 century]. Chelyabinsk. 171 p. (In Russ.).
4. Preferential rates to colporteurs. 1899 Oct 10. Russkaya shkola [Russian school]. P. 407. (In Russ.).
5. Milutina Z. 1982. Chapter from the book "Red winged word". Al'manakh bibliofila [Almanac of the bibliophile]. Moscow. Vol. 13: 211. (In Russ.).
6. Orenburg province: the first general census of the Russian Empire, 1897. 1904. Center Statistic Committee of the Ministry of Home Affairs; A. Troinitskii, ed. [Without place: without publish house]. 173 p. (In Russ.).
7. About the current situation of ofen. 1903. Vestnik vospitaniya [Herald of education]. № 7: 110–114. (In Russ.).
8. Ofen. 1898. Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. Arseneva K., ed. Saint Petersburg. Vol. XXIV. P. 489–490. (In Russ.).
9. Russia: encyclopedic dictionary. 1991. Reprint volumes 54, 55 of the Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. Leningrad: Lenizdat. 922 p. (In Russ.).
10. Rubanova T. 2006. Books and librarianship conception of zemstvo: historical and theoretical reconstruction (materials zemstvo provinces of the Urals). Chelyabinsk: Moscow State University of Culture and Arts; Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 420 p. (In Russ.).
11. The reduction in activity of ofen. 1898 Apr 4. Russkaya shkola [Russian school]. P. 296. (In Russ.).
12. Ways of distributing books among ordinary people. 1901 Jan 1. The Orenburg eparchial statements. № 1: 28–33. (In Russ.).
13. Khromov O. 1999. Cheap popular book. Book: the encyclopedia. Zharkov V., Chief Editor. Moscow. P. 385–387. (In Russ.).
14. Shabarshina O. 2010. Book culture of the population of the Urals in the second half of 19 – early 20 century. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy. 221 p. (In Russ.).

Received 02.03.2016

ТАЗКИРА (АНТОЛОГИЯ) КАК ИСТОЧНИК БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Освещается новое направление библиографического исследования, которое должно внести некоторые коррективы в изучение существующих отечественных литературно-исторических источников. Тазкира (антология) как один из источниковедческих объектов литературы зафиксирована на различных материальных носителях, сохранившихся со времен древнего Вавилона, Шумера и Ассирии, Греции, Египта и Ирана. Рассмотрены библиографические и справочные источники, отраженные в трудах классиков таджикско-персидской литературы. Критический анализ имеющихся литературно-исторических источников в плане исследования историко-культурного достояния таджиков в библиографии не нов, но, к сожалению, не достиг успехов и не был продолжен библиографами в новом и новейшем (независимом) периодах истории государства. Впервые автором предпринята попытка классификации самого понятия предмета исследования с точки зрения современной теории и практики библиографической науки, как продукта творчества поэтов различных стран и эпох. Проанализирован принцип расстановки материалов, содержащихся в тазкирах, имеющих алфавитное, хронологическое, отраслевое, краеведческое, религиозное, географическое, по роду занятий поэтов и ученых, гендерное направление. Тексты разделяются на два вида: самостоятельные (т. е. созданные самим составителем) и несамостоятельные, смешанные. В конце описан вклад видных ученых, поэтов и литераторов таджикской литературы – Авфи, Фахри Хирави, Нисори, Мутриби, Садриддина Айни – в развитие жанра тазкиры.

Ключевые слова: тазкира, антология, литература, история, источниковедение, библиографическая информация

Для цитирования: Буриев, К. Б. Тазкира (антология) как источник библиографической информации / К. Б. Буриев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 42–49.

Государственная независимость предоставила возможность более углубленно исследовать национальную историю и связанные с ней исторические и культурные достояния, примером тому служит рукописное наследие предков. Таджикский народ славился энциклопедистами и величайшими учеными в разных областях науки и практики в Античности и Средневековье. Мировую известность благодаря своим знаниям приобрели Ахмад Марвази (Хаббаш аль-Хасиб) (770–870), Мухаммад Аль-Хорезми (Хоразми) (780–850), Абу Машар аль-Балхи (787–886), Абу Зайд аль-Балхи (850–934), Мухаммад Джарир Табари (839–923), Закария Рази (865–925), Мухаммад аль-Бухори (Имам аль-Бухари) (810–870), Абу Наср Фара-

би (872–950), Абу Рейхан Бируни (973–1048), Абу Али ибн Сина (Авиценна) (980–1037), Мухаммад Газали (1058–1111), Сироджиддин Саккоки Хоразми (1160–1229) и мн. др. В Средневековье повсеместно развивались литературные очаги, собравшие таких великих мужей, как Абу Абдуллах Рудаки, Абулкасым Фирдоуси, Насир Хосров, Омар (Умар) Хайям, Саади, Хафиз, Абдуррахман Джами, оставивших шедевры мирового масштаба, гениальные и неповторимые произведения («Шахнаме» и др.), а также разрабатывавших жанры касиды, газели, рубайи, дастан.

Естественно, труды поэтов много раз переписывались и распространялись по всему исламскому миру. Нашлись продолжатели их

стилей и жанров, собиравшие лучшие произведения предков и создававшие сборники стихов под названиями «баез» или же «таз-кира» (антология). Последняя ведет свою историю с начала Средневековья. К сожалению, первые экземпляры до нас не дошли. Создание тазкиры – скрупулезная работа, такой труд сродни составлению библиографической продукции. И в первом, и во втором случае применяются выявление, отбор, обработка, расстановка материала, формирование вспомогательного аппарата, использование биобиблиографических данных и т. д. Исходя из этого, попытаемся изучить библиографическо-источниковедческие свойства антологии. Источниковедение как область научной деятельности не нова. Начало ей было положено во время существования Вавилона, ахеменидов, пехлевидов, бактрийцев, тохарийцев, согдийцев, сасанидов. В период завоевания арабов и правления Саманидского государства она бурно развивалась.

Первые свидетельства источниковедческой и библиографической деятельности найдены на глиняных табличках Вавилона, Шумера и Ассирии, на страницах папирусов, пергаментов, на камнях (созданы клинописью и резьбой) Греции, Египта и Ирана, а также в древних государствах Востока и Запада.

Научные и литературные труды предков являются бесценными библиографическими и справочными источниками. Яркими примерами тому могут служить работы Абу Али ибн Сина (Авиценна), Абу Рейхана Бируни, Дакики, Фирдоуси, Джами и других представителей нашего народа. В их творениях можно найти тысячи цитат таджиков, пехлевийцев, согдийцев, хорезмийцев, представителей соседних народов – греков, индусов (санскрит), арабов и евреев. Например, в героическом эпосе «Шахнаме» использованы древнеперсидские, пехлевийские, согдийские, хоразмийские рукописи, а в уникальном библиографическом указателе «Аль Фехрист» – более тысячи наименований произведений древнеперсидских авторов.

Данная традиция была продолжена таджикскими поэтами прошлых веков, которые,

создавая антологии, навечно зафиксировали множество имен людей, живших в разное время и в разных государствах и писавших на персидско-таджикском языке. Этому предшествовало создание библиографических и биобиблиографических трудов: «Фехристи кутуб Мухаммад ар-Рози» («Каталог собственных книг ар-Рази»), «Рисолат фи-фехрист кутуб Мухаммад бин Закария ар-Рози» («Трактат о списке книг Мухаммада сына Закария ар-Рази») Бируни; «Рисолаи саргузашт» («Жизнеописание»), «Китаб аль-маджмуъ» («Сводная книга»), «Ал-Хасил ва-л-махсул» («Итог и результат»), «Китаб ал-бир ва-л-Исм» («Благодеяния и проступки») Ибн Сины; «Китаб аль-ансаб» («Генеалогия имен») ас-Самъани (XII в.); «Татиммат сиван-ул-хикма» («Продолжение хранилища мудрости») Абдул Хасана Байхаки (1160); «Фехристи Китабхаи шиа ва муаллифин» («Указатель книг шиитских авторов») Убайдулла ибн Бабавайха Куми (XII в.); «Китаб ахбар аль-улама би ахбор аль-хукама» («Книга оповещения ученых об известных мудрецах») Джамала ад-дин Абуль-Хасана аль-Кифти (ок. 1200); «Иршад аль-арибия Маърифат аль-адиб» («Наставления пылливому по ознакомлению с адибами») Якут аль-Хамави; «Уйун аль-анбаъ фи-табакат аль-аттибаъ» («Источник сведений о разрядах врачей») Ибн Аби Усайбии; «Китаб вафаът аль-айён ва-анбаъ аз-заман» («Книга кончин знаменитостей и известий о сынах того времени») Ибн Халликана; «Камус ул-алам» («Энциклопедия ученых») Шарафуддина Сами; «Фасл ул-Китаб» («Главы книги») Мухаммада Парса; «Тараик ул-хакаик» Маъсумии Шераза; «Шаджарат уз-захаб» Абдулфаттаха Ханбала; «Лисан аль-мизан» Шихабуддина Аскаляни; «Нузхат ул-арвах» Мухаммада Шахразури; «Бугиё» Джалаладдина ас-Суйути; «Кашфу-з-зунун ан асами-л-кутуби ва-л-фунун» («Устранение сомнений в наименованиях книг и наук») Хаджи Халифа; «Услады душ и цветник веселий» – философско-биографический словарь Шамсиддина Ширази.

Продолжением стало появление «фехристов» (указателей), «фархангов» (толковых

словарей), «лугатов» (справочников), «кому-сов» (энциклопедий), «тазкир» (антологий), «баёзов» (сборников стихов), «девонов» (сборников поэзии одного автора), «хадисов» и «маджмуа» (сборников) на персидско-таджикском языке, в которых собраны сокровища всех времен нашего народа. Садриддин Айни, И. С. Брагинский [6, с. 376–418], Е. Э. Бертельс [3], А. Н. Болдырев [5, с. 291–300], А. К. Боровков, Д. Сатори, З. Ахрори, Ш. Хусейнзаде [25; 26], А. Мирзоев [11; 12], Р. Хадизаде [21; 22; 24], Х. Мирзозоде [13], Н. Масуми [8], А. Э. Сатторов, У. Каримов, Р. С. Мукимов и Б. Н. Валиходжаев [14], Т. Нематзода [15], С. Сиддилов [17] внесли ощутимый вклад в изучение антологий и их историко-культурного значения в таджикской истории. Также в этой связи можно отметить «Мушфики» З. Ахрори [2], «Бадриддин Хилоли» К. Айни, «Зайниддин Восифи» А. Н. Болдырева [4], и его статью «Тазкира Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XIV в.», «Адабиёт» («Литература») А. Мирзоева [9], «Тазкира Хасана Нисори и ее копии» С. Айни, «Нисори и его тазкира “Музакир-ул-ахбоб”», «Ахамияти тазкираи Нисорӣ дар омӯхтани адабиёти асри XVI тоҷик» («Значение антологии Нисори в изучении таджикской литературы XVI века»), «Тазкираи Нисори ва Мутрибии Самарканди» («Антологии Нисори и Мутриби Самарканди») У. Назирова, «Чанд сухан оид ба як тазкира» («Несколько слов об одной антологии») Р. С. Мукимова и Б. Н. Валиходжаева, диссертация «Тухфаи Сомӣ ва хусусиятҳои он» («Антология “Тухфаи Сомӣ” и ее особенности») А. Э. Сатторова. Немало научных трудов посвящено отдельным направлениям и жанрам антологий: «Бадриддин Хилоли» К. Айни [1], «Адабиёти тоҷик дар нимаи дуввуми асри XIX» («Таджикская литература второй половины XIX века») Р. Ходизаде [23], «Тухфаи Сомӣ» («Подарок Сомы») А. Сатторова [16], «Адабиёти тоҷик дар асри XVI» («Таджикская литература XVI века») У. Каримова [7], коллективный труд «Таърихи адабиёти советии тоҷик» («История таджик-

ской советской литературы») [20] и др., а также более ста отдельных научных статей.

В истории таджикского народа многие антологии заняли достойное научное, литературное, историческое и биографическое место, с их помощью до нас дошло большое количество редчайших стихотворений великих поэтов разных поколений таджикского народа, например: «Лубоб-ул-албоб», «Тазкират-ул-авлиё», «Манокиб уш-шуаро», «Китоб-уш-шеър в-аш-шуаро», «Ятимат-уд-дахр», «Тазкират-уш-шуаро», «Музокир-ул-асхоб», «Тухфат-ул-ахбоб», «Маджолис-ун-нафоис», «Тухфаи Сомӣ», «Мутазакир-ул-ахбоб», «Тазкират-уттаворих», «Тухфат-ус-сурур», «Риёз-уш-шуаро», «Нафоис-ул-осор», «Харобот», «Тухфат-ул-ахбоб фи-тазкират-ил-асхоб», «Тазкор-ул-ашъор», «Хулосат-уш-шуаро», «Майхона», «Хафт иклим», «Сарви Озод», «Сафинаи Хушгу», «Табакоти Шохи джахони».

Многие исследователи отмечают, что антологии близки библиографическим пособиям: в них отражаются биографические и библиографические материалы, посвященные поэтам и их творчеству. Используются библиографическая схема расположения и в основном одинаковые методы работы, такие как поиск, отбор, обработка и группировка материала, в большинстве случаев они дополняются вспомогательными аппаратами поиска в конце или начале сборника. Данные чаще всего расставлены в алфавитном порядке, в сочетании до первых трех букв, но бывают и исключения. Это зависит от навыка, мастерства, знания литературы, опыта составителя.

Р. Ходизаде обращает наше внимание на исконное толкование: тазкира – арабское слово и обозначает ‘воспоминание, памятную вещь, сувенир, реликвию’. И только впоследствии так стали называть сборники, в которых отражались биография поэтов и прозаиков, а также приводились примеры их трудов [23, с. 265]. Антологии близки к биобиблиографическим пособиям, дающим информацию о биографии, творчестве, вкладе поэтов и ученых в развитие различных направлений литературы и науки в кратком содержательном виде.

Тазкира в персидско-таджикской культуре имеет древнюю историю. В арабской литературе биографические труды называют *табакот*, т. е. книга, описывающая жизнь определенных групп (подбор материала по происхождению, хронологии, поколениям, географическому принципу и т. д.), например «Табакот-уш-шуаро» Исмаила ибн Яхе (Язид), а также *ансоб* – книга, содержащая биографию и сведения о поэтах, их произведениях (происхождение, место рождения и проживания), например «Маджму-ул-удабо» Якута Хамуи.

Алиризо Накави в своем труде «Тазкиранависии форси дар Хинду Покистон» («Составители тазкира в Индии и Пакистане») (1964) предполагает, что «Тазкират-ул-авлиё» Фаридуддина Аттора является первой антологией. Но среди литераторов бытует мнение, что до этого произведения существовали другие подобные сборники, по разным причинам до нас не дошедшие. Поэтому среди первых тазкир большинством называется сохранившаяся «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи из Бухары.

Мнение авторов «Таджикской советской энциклопедии» и «Энциклопедии литературы и искусства» совпадает с позицией большинства литераторов. Они дают краткую академическую фактографическую информацию по некоторым существующим антологиям (всего более ста названий), например: «Тазкираи мусаввар» Мухаммада Рованди с портретами поэтов, нарисованных пером Джамола Наккоши Исфакони (1172), «Манокб уш-шуаро» Камолиддина Хотуни (XII в.), «Чохормакола» Низоми Арузи Самарканди (1177), «Китоб-уш-шеър в-аш-шуаро» Диновари (конец XI – начало XII в.), «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи, «Бахористон» Абдурахмана Джами, «Маджолис-ун-нафоис» Алишера Навои (1491), «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшоха Самарканди, «Тухфаи Соми» Саммирза Сафави (1550), «Музаккирул-ахбоб» Нисори Бухорои, «Тазкират-уш-шуаро» Мутриби Самарканди, «Музокир-ул-асхоб» Малехо Самарканди, «Тухфат ул-ахбоб фи-тазкират-ил-асхоб» Возеха, «Тазкор-ул-ашъор» Садри Зиё и др. По содержа-

нию и культурно-исторической ценности данные произведения бесценны и до сих пор ждут своих исследователей.

По структуре, содержанию, назначению, жанру и классификации материала антологии различаются. Структура тазкиры обычно складывается из предисловия, основного текста и заключения. Данные могут располагаться по следующим принципам: алфавитному, хронологическому, отраслевому, краеведческому, религиозному (мазхаб, сунна, шиа), географическому, гендерному, по роду занятий и т. д. Антологии бывают универсальными, частными, самостоятельными (оригинальные) и несамостоятельные (продолжают работу предыдущих составителей или же копируют/компилируют несколько трудов) и пр.

Представим некоторые примеры классификации тазкир, отраженные в «Таджикской советской энциклопедии» и «Энциклопедии литературы и искусства». Антологии с использованием алфавитной расстановки материалов: «Нафоис-ул-осор», «Харобот» Мирзо Хакима Гелони, «Арафот-ул-ошикин» Такиуддина Мухаммада Хусайни, «Хазиана гандж» Имомуддина Махмуда Хамадони, «Тазкираи Хусейни» Хусейни, «Ништари ишк» Хусейнкулихона Азимободи, «Хамешабахор», «Сафинаи беҳабар», «Маколоти-уш-шуаро» Хайрат, «Яди байзо» Гулдаста и пр.

Хронологический принцип формирования данных применяется в таких антологиях, как «Хулосат-уш-шуаро» Мухаммада Суфи, «Майхона» Абдуннаби Фахруззамони Казвини, «Таърихи Джахонгири» Мутриби, «Бахористони сухан» Мира Абдураззока, «Сарви Озод» Гуломалихона Озода Балгирони, «Хафтиклим» Амина Ахмада Розы [19, с. 227], «Сафинаи Хушгу» Биндрабандāса Хушгу, «Табакоти Шохи джахони» и т. п.

Географический принцип использован в «Лубоб-ул-албоб», «Тазкираи Базморо» Саидали Хусайни, «Хафтиклим», «Оташкада» Озара, «Хулосат-ул-ашъор», «Латоиф-ул-хаел» и др.

Примеры религиозных антологий – «Гулирано», «Анис-ул-ахбоб».

Антологии, связанные с именами поэтов и святых мест: «Маджма-уш-шуаро» Джахонгири, «Анис-ул-ахбоб» и т. д.

Антологии, объединенные по принципу профессий поэтов и ученых, – отдельные главы «Лубоб-ул-албоб» и «Махакишуаро» (в них сначала рассказывается о царях, их сыновьях, затем о придворных ученых, а в конце приводится информация о поэтах и их произведениях).

Отдельные антологии посвящены жизни и творчеству поэтесс: «Тазкират-ул-хавотин», «Занони суханвар».

Антологии незрячих поэтов, восхваление вина (виночерпиев), траурных песен классифицируются отдельно.

Тазкиры могут быть общими и частными. В общих не учитываются время и место, например в «Лубоб-ул-албоб», «Базморо», «Хафтиклим», «Хулосат-ул-ашъор», «Хулосат-уш-шуаро», «Арафот-ул-ошикин», «Ядибайзо», «Хазинаиганджилохи», «Латоиф-ул-хаел», «Сафинаи Хушгу», «Тазкираи Нудрат», «Бахористонисухан», «Риез-уш-шуаро», «Ништари-ишк», «Шамъи анджуман», «Субхи равшан», «Рузи равшан» [18, III, с. 155]. Частные посвящены жизни и творчеству особых групп поэтов – современников составителя: «Маджолис-ун-нафоис», «Музаккир-ул-ахбоб», «Маколлот-уш-шуаро», «Харобот», «Суханварони-чашмдида», «Сафина», «Нигористони сухан», «Таърихи Джахонгири», «Хамешабахор», «Тазкират-уш-шуаро» и др.

Тазкира разделяется на два вида: самостоятельные (т. е. созданные самим составителем) и несамостоятельные. Основное содержание самостоятельных антологий составляют мнение и умозаключения самого сочинителя, например: «Лубоб-ул-албоб», «Таърихи Джахонгири», «Музаккир-ул-асхоб», «Нафоис-ул-муосир», «Калимот-уш-шуаро», «Маджмаъ-уш-шуаро», «Тазкират-ул-муосирин», «Маджолис-ун-нафоис», «Джавохир-ул-аджоиб», «Музаккир-ул-ахбоб», «Майхона».

В несамостоятельных (продолжение трудов предыдущих составителей или же копирование нескольких работ) антологиях при-

сутствует информация из других литературных источников: «Базморо», «Хулосат-ул-ашъор», «Хулосат-уш-шуаро», «Гулдаста», «Маджмуи ишк», «Хадоики ишрат» [18, III, с. 156; 19, VII, с. 227].

Есть и смешанные антологии, где имеет место быть и информация от составителя, и из иных источников: «Сафинаи беахбар», «Беназир», «Гулзориаджам».

Существуют и такие тазкиры, в которых составитель часто использует и цитирует другие источники, а после высказывает свое мнение: «Равзат-ус-салотин», «Хафтиклим», «Латоиф-ул-хаел», «Сафинаи Хушгу», «Ядибайзо» и т. п.

Приемлемый стиль (матбуъ) находим в антологиях «Лубоб-ул-албоб», «Шамъи анджуман», «Рузи равшан», «Ахтари тобон»; украшение писания (маснуъ) – в «Джавохир-ул-аджоиб», «Анис-ул-ахбоб», «Меъродж-ул-хаел»; трудную прозу – «Маджмаъ-ун-нафоис», «Маколлот-уш-шуаро», «Икди сураё»; простой метод – «Хулосат-ул-ашъор», «Арафот-ул-ошикин», «Латоиф-ул-хаел» и др. [18, III, с. 156].

По мнению большинства исследователей, многие создатели антологий были видными и знатными учеными, поэтами и литераторами, поэтому составленный ими труд прославился на многие века (например, антологии Авфи, Фахри Хирави, Нисори, Мутриби, Садриддина Айни). Если составитель имел чутье и вникал в суть стихотворений, он мог выбирать высокохудожественные, искусные и изящные произведения, как, например, «Майхона» Абдунаби Фахруззамона, «Хулосат-уш-шуаро», «Бутхона» Мухаммада Суфи, «Тазкират-уш-шуаро» Мутриби и др.

Изучение данной проблемы показало, что классификация литературы внутри тазкиры разная, и она прежде всего зависит от умения, опыта и мастерства составителя.

Ценность антологий, по нашему мнению, заключается в том, что в них собрана важная историко-культурная и литературно-библиографическая информация без отрыва от действительности, жизненных укладов. В предисловиях частично приводятся исторические

факты жизни государства, сановников, ученых и поэтов. В них выражены традиции [18, III, с. 156], культурное и литературное разнообразие, показан вклад личности в развитие общества путем приведения примеров из произведений великих поэтов всех времен, что в свою очередь дает право определить источник как библиографический шедевр своего времени. Все это в совокупности делает тазкиры бесценным достоянием.

Хочется отметить, что антологии не только являются объектом литературного и историче-

ского, но и библиографического исследования: при их создании используются отбор, обработка, расстановка, цитирование, ссылки, классификация (как и в библиографической науке и деятельности). Ученым-библиографоведам нужно уделить особое внимание изучению и исследованию антологии как объекта библиографического источниковедения, а также в ближайшем будущем создать условия для фундаментального научно обоснованного и систематического подхода к данной проблеме и по мере возможности полностью закрыть существующий пробел.

1. Айни, К. Бадриддин Хилоли / К. Айни. – Сталинобод, 1957.
2. Ахрори, З. Мушфики. Жизнь и творчество / З. Ахрори. – Душанбе: Дониш, 1978. – 118 с.
3. Бертельс, Б. Э. Состояние работ по изучению истории таджикской литературы / Б. Э. Бертельс // ЗИВ АН СССР. – Ленинград, 1933. – Т. II.
4. Болдырев, А. Н. Зайниддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. / А. Н. Болдырев. – Сталинабад, 1957.
5. Болдырев, А. Н. Тазкира Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии / А. Н. Болдырев // ТОВЭ. – 1940. – Т. 3. – С. 291–300.
6. Брагинский, И. С. К изучению таджикской литературы рубежа XIX – XX вв. / И. С. Брагинский // Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад, 1956. – С. 376–418.
7. Каримов, У. Адабиёти тоҷик дар асри XVI / У. Каримов. – Душанбе: Дониш, 1985. – 228 с.
8. Маъсуми, Н. Адабиёти тоҷик дар асри XVIII ва нимаи авали асри XIX / Н. Маъсуми. – Душанбе: Нашр. давл. тоҷик, 1962.
9. Мирзоев, А. Адабиёт (ери барои дарси адабиёти асрҳои XVI, XVII, XVIII, XIX и тоҷик) / А. Мирзоев. – Сталинобод, 1950.
10. Мирзоев, А. Малехо ҳамчун шеърфаҳм ва сухансанҷи асри XVII / А. Мирзоев // Шарки сурх. – 1948. – № 2.
11. Мирзоев, А. Мухимтарин сарчашмаи асри XVII / А. Мирзоев // Шарки сурх. – 1940. – № 5.
12. Мирзоев, А. Тазкираи Малехо ва баъзе масъалаҳои таърих / А. Мирзоев // Шарки сурх. – 1946. – № 1.
13. Мирзозода, Х. Шамсиддин Шохин / Х. Мирзозода. – Сталинобод: Нашр. давл. тоҷик, 1956.
14. Мукимов, Р. С. Чандсухан оид ба як тазкира / Р. С. Мукимов, Б. Н. Валиходжаев // Шарки сурх. – 1961. – № 9.
15. Неъматзода, Т. Тухфат-ул-ахбоб фи тазкират-ил-асхоб / Т. Неъматзода // Маҷмуаи илмӣи УДТ ба номи В. И. Ленин. – Нашри 2. – Душанбе, 1959. – Ҷ. 26.
16. Сатторов, А. Тухфаи Сомӣ ва хусусиятҳои он / А. Сатторов. – Душанбе: Дониш, 1972.
17. Сиддиқов, С. Тазкираи Садрӣ Зиё / С. Сиддиқов // Садои Шарк. – 1966. – № 1.
18. Тазкира // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик: в 3 ҷ. – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи энциклопедияи советии тоҷик, 1983. – Ҷ. 3. – С. 156.
19. Тазкира // Энциклопедияи советии тоҷик / сармуҳаррир М. Осимӣ. – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи энциклопедияи советии тоҷик, 1987. – Ҷ. 7. – С. 227.
20. Таърихи адабиёт советии тоҷик. – Ҷ. I – VI. – Душанбе: Дониш, 1982–1984.
21. Ҳади-заде, Р. Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века / Р. Ҳади-заде. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1956.
22. Ҳади-заде, Р. Тазкира Возеҳа «Тухфат-ул-ахбоб» / Р. Ҳади-заде // Известия ООН Тадж. ССР. – 1956. – № 9.
23. Ҳоди-зода, Р. Адабиёти тоҷик дар нимаи дуввуми асри XIX. Иборат аз 2 қисм / Р. Ҳодизода. – Душанбе: Дониш, 1968.

24. Ҳоди-зода, Р. Нусхаҳои хатҳои тазкираи Возех / Р. Ҳоди-зода // Известия ООН АН Тадж. ССР. – 1957. – № 12.
25. Хусейнзода, Ш. Лаҳзаҳои асосии тараққиёти адабиёти классики тоҷик / Ш. Хусейнзода // Шарқи сурх. – 1945.
26. Хусейнзода, Ш. Основные моменты развития таджикской классической литературы / Ш. Хусейнзода // Труды ТФАН СССР. – 1945. – Т. 21.

Получено 21.01.2016

K. Buriev

Candidate of Historical Sciences, Docent,
National agency international
digital books standardization
"Book House in Tajikistan"
E-mail: kurbonalib@mail.ru

TAZKIRA (ANTHOLOGY) AS A BIBLIOGRAPHIC INFORMATION SOURCE

Abstract. The article deals with a new direction of a bibliographic research which is supposed to amend the study of the existing Russian literary-historical sources. Tazkira (anthology) as one of the source study's literature subjects of the source study has been registered on different material objects which are extant from the times of ancient Babylon, Sumerian and Assyria, Greece, Egypt and Iran. Bibliographic and reference media reflected in the works by classical writers of Tajik-Persian literature have been studied thoroughly. Unfortunately critical analysis of the existing literary-historical sources when studying historical-cultural heritage of Tajik people was not new and failed to achieve good results and was not continued by bibliographers during the new and the newest (independent) periods of the national history. The author has made the first attempt to classify the notion of the subject of study from the viewpoint of modern theory and practice of the bibliographic science as the product of creation of poets of different countries and epochs. The author has analyzed the principle of the arrangement of the materials included in the tazkirs (anthologies) containing alphabetic, chronological, sectoral, local historical, religious, geographical and gender direction of poets and scientists activities. The texts are divided into two types: independent (i. e. created by the compiler himself) and subordinate, mixed ones. At the end of the article the author describes prominent scientists, poets and literary men of Tajik literature (such as Avfi, Fakhri Khiravi, Nisori, Mu'tribi, Sadridin Aini etc.) in the tazkira genre development.

Keywords: tazkira, anthology, literature, history, source study, bibliographic information

For citing: Buriev K. 2016. Tazkira (anthology) as a bibliographic information source. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 42–49.

References

1. Aini K. 1957. Badriddin Khiloli. Stalinobod.
2. Akhrori Z. 1978. Mushfiki. Zhizn' i tvorchestvo [Mushfiki. Life and art]. Dushanbe: Donish. 118 p.
3. Bertels B. 1933. State studies the history of Tajik literature. Notes of the Institute of Oriental Studies USSR Academy of Sciences. Leningrad. Vol. II.
4. Boldyrev A. 1957. Zainiddin Vasifi. Tadzhijskiy pisatel' XVI v. [Zainiddin Vasifi. Tajik writer of the 16th century]. Stalinabad.
5. Boldyrev A. Khasan Nisori anthology as a new source for the study of cultural life in Central Asia. Proceedings of the Oriental Department of the State Hermitage Museum. Vol. 3: 291–300.
6. Braginskii I. 1956. To study of Tajik literature of the late 19th and 20th centuries. Ocherki iz istorii tadjhijskoy literatury [Essays from the history of Tajik literature]. Stalinabad. P. 376–418.

7. Karimov U. 1985. Adabieti tochik dar asri XVI [Tajik literature in 16 century]. Dushanbe: Donish. 228 p.
8. Masumi N. 1962. Adabieti tochik dar asri XVIII va nimai avali asri XIX [Tajik literature in the 18th century and the second half of the 19th century]. Dushanbe: Tajik State publishing house.
9. Mirzoev A. 1950. Adabiet (eri baroi darsi adabieti asrҳои XVI, XVII, XVIII, XIX тоҷик) [Literature to assist the teaching of Tajik literature 16, 17, 18, 19 centuries]. Stalinobod.
10. Mirzoev A. 1948. Malekho as a connoisseur of poetry and rhyme in 17 century. Sharki surkh [Red East]. Stalinobod. № 2.
11. Mirzoev A. 1940. The most important source of 17th century. Sharki surkh [Red East]. Stalinobod. № 5.
12. Mirzoev A. 1946. Antology of Malekho and some problems of history. Sharki surkh [Red East]. № 1.
13. Mirzozoda Kh. 1956. Shamsiddin Shokhin. Stalinobod: Tajik State Publishing House.
14. Mukimov R., Valikhodzhaev B. 1961. A few words about one of the anthology. Sharki surkh [Red East]. № 9.
15. Nematzoda T. 1959. Tukhfat-ul-akhbob fi tazkirat-il-askhob. Machmuai ilmii UDT ba nomi V. I. Lenin [Scientific compilation of TGU them V. I. Lenin]. Edition 2. Dushanbe. Part 26.
16. Sattorov A. 1972. Tukhfai Somi va khususiyatkhoi on [Tukhfai Somi and its properties]. Dushanbe: Donish.
17. Siddikov S. 1966. Antology of Sadri Zie. Sadoi Shark [East voice]. № 1.
18. Antology. 1983. Entsiklopediya tadjhiskoy literatury i iskusstv [Encyclopedia of Tajik literature and arts]. Dushanbe: Main editorial office of Tajik Soviet encyclopedia. Part 3. P. 156.
19. Antology. 1987. Tadjhiskaya sovetkaya entsiklopediya [Tajik Soviet encyclopedia]. Dushanbe: Main editorial office of Tajik Soviet encyclopedia. Part 7. P. 227.
20. Istoriya tadjhiskoy sovetkoy literatury [History of Tajik Soviet literature]. 1982–1984. Part I – VI. Dushanbe: Donish.
21. Khadi-zade R. 1956. Istochniki k izucheniyu tadjhiskoy literatury vtoroy poloviny XIX veka [Sources to study Tajik literature from the second half of the 19th century]. Stalinabad: Publishing house of Tajik Academy of Sciences SSR.
22. Khadi-zade R. 1956. Antology “Tukhfat-ul-akhbob” of Vozekh. News of Tajik Academy of Sciences SSR. № 9.
23. Khadi-zade R. 1968. Tadjhiskaya literatura vo vtoroy poloviny XIX v. [Tajik literature in the second half of the 19th century: in 2 parts]. Dushanbe: Donish.
24. Khodi-zoda R. 1957. Written copies of the Vozekh anthology. News of Tajik Academy of Sciences SSR. № 12.
25. Huseinzoda Sh. 1945. Highlights of the development of Tajik classical literature. Sharki surkh [Red East].
26. Huseinzoda Sh. 1945. Highlights of the development of Tajik classical literature. Turkmen branch of the USSR Academy of Sciences USSR. T. 21.

Received 21.01.2016

Н. И. Диская

соискатель ученой степени канд. культурологии,
Челябинский государственный институт культуры
E-mail: lib@chelreglib.ru

БИБЛИОТЕКА КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Известный писатель, историк, критик и журналист А. Н. Архангельский в одном из своих интервью обозначил четкую зависимость между социальным порядком в обществе и уровнем развития библиотек. История подтверждает, что культурные учреждения (и особенно библиотеки) являются своеобразной «несущей опорой» государственности и важным инструментом сохранения и распространения знания. Свидетельством такого идеологически окрашенного отношения могут выступать многочисленные гонения на библиотеки, сожжение книг в период обострения политической ситуации, особая функция сакрализации написанного слова («рукописи не горят», «что написано пером, не вырубишь топором»). Неслучайно и то, что каждое вновь созданное государство выбирает библиотеку как символ власти и стабильности, отождествляя ее наличие с образами опоры и порядка: Александрийская библиотека, Императорская академическая библиотека, Королевская библиотека во Франции, ставшая после революции 1798 г. национальной.

В современном российском государстве цели и миссия развития библиотек обозначены в ключевых документах государственной культурной политики, что свидетельствует, хотя бы на уровне декларируемых приоритетов, о социокультурной значимости данного института. Тем не менее сама по себе социокультурная ситуация XXI в. с его плюралистичностью, неустойчивостью, лавинообразным характером изменений и обновлений культурного поля действительности заставляет многие социокультурные институты, ориентированные на стабилизацию, сохранение традиций и даже некоторую их консервацию, по-новому осмысливать и переоценивать собственные цели и функции в условиях обновленных реалий.

Предметом рассмотрения данной статьи является фиксация проблем и перспектив развития библиотеки в региональном социокультурном пространстве, обозначение ключевых направлений модернизации ее работы в контексте центрирования различных культурных потоков и течений. Несмотря на уникальность «жизненного пути» региональной библиотеки, эти проблемы и перспективы зачастую носят универсальный характер, а потому открывают возможность для фиксации общезначимых аспектов развития библиотечной сферы.

Ключевые слова: библиотека, культурное разнообразие, центр культурного разнообразия, региональные библиотеки, региональное социокультурное пространство, культурная политика

Для цитирования: Диская, Н. И. Библиотека как центр культурного разнообразия: проблемы, перспективы развития в региональном пространстве / Н. И. Диская // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 50–58.

Идеи культурного разнообразия, полистичности и взаимодействия в течение длительного времени удерживают позиции актуального вектора развития прогрессивных социокультурных систем, по сути, отождествляя с идеей разнородности и разнообразия саму сущность культуры. В 2001 г. ЮНЕСКО принимает Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, официально постулируя данную ценность в качестве общезначимого ориентира.

Тем не менее все более усложняющаяся картина мира, пересечения и взаимовлияния культурных потоков уже не столько рожают потребность в умножении и конкуренции *несхожего*, сколько (отнюдь не призывая к идеям однообразия и унификации) подчеркивают целесообразность поиска *центрирующих начал*, обеспечивающих контроль над лавинообразным накоплением, упорядочивающих разрозненные и разнохарактерные образования в сис-

темную целостность. Как подчеркивают исследователи, особенность современной культурной ситуации заключается именно в принципиальной мозаичности, «...при которой единство выстраивается через многообразие, соединение множества различных имен, трактовок и подходов. В сборнике научных трудов западных философов и культурологов “Матрица как философия” лейтмотивом проходит мысль – любое явление, по сути, – тест Роршаха, в котором каждый находит и видит то, что намеревается увидеть, руководствуясь субъективной оптикой распознавания реальности» [2, с. 55].

Нередко подобная неопределенность видения приводит к тому, что разнообразие реальности просто рассыпается в сознании воспринимающей аудитории, а, следовательно, должны появляться те социокультурные институты, которые будут брать на себя функции расшифровки данного теста, своеобразной селекции, позволяющей центрировать внимание потребителя на отобранных и внедряемых ценностях, бытующих в обществе. Принцип такой культурной центрации, на наш взгляд, не только содержательно не противоречит ценностям разнообразия, но, напротив, обеспечивает сосредоточение, преумножение и продвижение в жизнь общества ценностей, проектов, традиций и практик, отражающих полифоническую сущность культуры. И именно библиотека может рассматриваться в качестве подобного центра культурного разнообразия в современном мире.

Анализ публикаций последних лет позволяет говорить о том, что самим библиотечным сообществом вполне четко осознается подобная миссия. Достаточно указать, например, на работы Л. В. Сокольской и З. В. Руссак, подчеркивающих многофункциональность библиотечных учреждений как мест разнообразных досуговых действий не книжного характера [7]; обобщение интегративных функций библиотеки в информационном пространстве вузов [3]; общую гуманистическую миссию библиотеки в концепциях А. В. Соколова [6] и др. Такая роль позволяет библиотеке выступать в качестве активного субъекта культурной политики, осуществляя «...целенаправленную, перспективно (долго-

срочно) ориентированную деятельность, обеспечивающую развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей» [5, с. 73].

Обратим внимание на то, что и в «Основах государственной культурной политики» речь идет о многофункциональности библиотек, выходе данного института на позиции объединяющего культурного центра в региональном пространстве: «Современные библиотеки, оставаясь центрами культурного просвещения, должны быть обеспечены хорошо оплачиваемыми, хорошо образованными специалистами, организовывать серьезные культурно-просветительские акции с участием ученых, политиков, педагогов, писателей, оказывать информационные услуги в правовой, экологической, потребительской и других сферах. Библиотеки должны быть клубом для общения, в совершенстве использовать современные информационно-коммуникационные технологии, создавать собственный краеведческий контент, отражающий местную историю» [8]. Реализации указанных задач в контексте регионального культурного пространства и будет посвящен данный материал, акцентирующий внимание на деятельности Челябинской областной универсальной научной библиотеки в реализации культурно центрирующей миссии.

Содержательное разнообразие информации: комплектация фондов

Библиотека постоянно развивается как современный информационный и культурный центр, а также как фундаментальный институт, способствующий оптимальному функционированию научного знания, образования и социокультурного развития области. Достояние библиотеки – книжный фонд, который формируется с 1898 г., по объему составляет свыше 2 млн единиц хранения на 20 языках, что позволяет Челябинской областной универсальной научной библиотеке занимать статус самой крупной на Южном Урале. Областные универсальные научные библиотеки Уральского федерального округа располагают примерно такими же фондами: Свердловская – 2,237 млн; Оренбург-

ская – 2,5 млн; Пермская – 2,6 млн; Курганская – 2,4 млн единиц хранения.

Уникальность библиотечных фондов обеспечивается и составом: так, в отделе редких книг хранятся рукописные издания XVI – XX вв., первопечатные и раннепечатные издания XVI – XVII вв. Свыше 13 тысяч экземпляров редких книг распределены в 23 коллекции. Одно из важнейших направлений деятельности библиотеки – работа по сохранению уникального фонда, в полной мере выстраивающего фундамент социокультурной информации. Ведущим в этом направлении является региональный центр консервации библиотечных фондов, работающий в рамках ФЦП «Культура России» с 2001 г. Несмотря на уникальность библиотечных фондов, для сохранения уровня работы, востребованности изданий читателями необходимо постоянное плановое пополнение. Фонд пополняется благодаря 3 источникам: за счет поступления обязательных экземпляров, пожертвований от граждан и собственных приобретений (литература, периодика и информационные ресурсы – базы данных).

Учет разнообразия потребностей в работе с читателями

Ежегодно в библиотеку приходят свыше 150 тысяч (зарегистрированные пользователи и посетители различных мероприятий) жителей области, около 350 человек ежедневно, не считая посетителей сайта (удаленных пользователей). Однако на сегодняшний день, несмотря на некоторый рост читательского интереса, в целом, в сравнении с 2005 г. (более чем десятилетний интервал), наблюдается значительное сокращение численности аудитории (49 тысяч и 76 тысяч зарегистрированных пользователей соответственно). Именно поэтому в 2015 г. (Год литературы) была поставлена цель – привлечь новых читателей и партнеров, максимально открыть фонды и ресурсы библиотеки.

Библиотека предоставляет читателям разнообразные формы обслуживания: читальные, выставочные залы, виртуальный абонемент, онлайн-бронирование, экскурсии, клубы, творческие объединения по интересам для самых разных групп пользователей – писателей по-

этов, философов, генеалогов, интересующихся иностранными языками, оказываясь активной и реально действенной дискуссионной и образовательной площадкой для жителей области, субъектом просветительской идеологии во взаимодействии с читателями [1]. В проведенном в 2015 г. Институтом управления и социального проектирования «Информ-проект» социологическом опросе читателей фиксировалось, что уровень комфортности пребывания в ЧОУНБ, по мнению респондентов, достаточно высок. Сам по себе показатель комфортности пребывания в библиотеке оценивается посетителями как весьма существенный: число тех, кто выбирал вариант «не задумываюсь о комфортности пребывания», весьма незначительно – 2 %. При этом немало и отметивших, что уровень комфортности выгодно отличается от аналогичных учреждений. Это дает возможность говорить о том, что клиентоориентированный подход в библиотечном обслуживании [4] в полной мере позволяет библиотеке претендовать на статус культурного центра, своеобразного клубного образования.

В ЧОУНБ ведется работа по оказанию информационных услуг людям с ограниченными возможностями, в том числе доставка документов непосредственно на специально организованное компьютеризированное место в консультационном центре сектора регистрации и контроля, т. е. в доступное место для людей с проблемами в передвижении. Приобретен гусеничный мобильный лестничный подъемник для транспортировки людей в инвалидной коляске; разработан паспорт доступности инвалидов в библиотеку. ЧОУНБ работает с домом-интернатом для престарелых и инвалидов г. Челябинска, общеобразовательной (коррекционной) школой № 7, общественной организацией «Центр социальной и культурной поддержки инвалидов, ветеранов и молодежи Челябинской области» и т. д. Таким образом, речь может идти не только об учете разнообразных культурных потребностей посетителей, но и выходе на самые различные сегменты аудитории.

Разнообразие проектных инициатив

Современная социокультурная ситуация ориентирует библиотеку на активную проектную деятельность, способствующую, с одной стороны, инициативной стратегии поиска идей самой библиотекой, с другой – обеспечению конвергентных практик выхода библиотеки на общерегиональный, общероссийский и международный уровни.

ЧОУНБ участвует в 8 федеральных проектах, направленных на сохранение культурного наследия, книжных фондов, предоставление качественных библиотечных услуг населению области. Важнейшие из них: «Внедрение новых методов и технологий консерваций библиотечных фондов» (ФЦП «Культура России» на 2012–2018 гг.); «Развитие деятельности Регионального центра консервации библиотечных фондов ЧОУНБ» (ФЦП «Культура России» на 2012–2018 гг.); страховое микрофильмирование коллекций местных газет «Челябинский рабочий»; внестационарное библиотечное обслуживание КИБО (с 2010 г.). Важнейшую роль играет успешное участие публичной библиотеки в проекте ЛИБНЕТ, суть которого – создание сводного каталога библиотек России (СКБР). Сегодня СКБР – важнейшая составляющая НЭБ (национальной электронной библиотеки). В числе 27 региональных библиотек ЧОУНБ активно сотрудничает с РГБ, оператором НЭБ, Президентской библиотекой, куда направляются собственные электронные ресурсы, созданные в рамках проекта «Уральская электронная библиотека».

Кроме того, помимо включенности в общие ЧОУНБ иницирует собственные проектные разработки, в частности, проект «Встречное движение: литература народов Южного Урала», идея которого заключается в том, чтобы сделать доступными для жителей Челябинской области полнотекстовые электронные ресурсы. Специалисты библиотеки осуществляют выезды в удаленные от областного центра районы и города (Увельский и Нагайбакский муниципальные районы, Златоуст) и знакомят широкую читательскую аудиторию с современными проектами электронных библиотек.

В целом Челябинская областная универсальная научная библиотека в рамках Года литературы при активной поддержке Министерства культуры Челябинской области реализовала свыше 700 мероприятий с общим количеством участников более 15 тысяч человек. В качестве наиболее значимых можно представить проект литературный календарь «Читайте лучшее с нами», активно представленный на сайте Министерства культуры, портале «Искусство и культура Южного Урала», в социальных сетях. Он пользуется большой популярностью. Идея проекта состоит в том, чтобы поделиться с пользователями Интернета своими ресурсами, дать возможность читать книги и стать виртуальным читателем ЧОУНБ.

Летом 2015 г. стартовал проект «Читай и смотри!», идея которого основана на двух увлечениях молодежи – кино и чтение книг. Цель – вовлечь активную молодежь, любящую чтение художественной литературы и кинематограф, в уникальный творческий процесс обсуждения книг и фильмов, организованный библиотекой.

По инициативе Министерства культуры совместно с 31 каналом ЧОУНБ и областные библиотеки осуществили крупный медиапроект «Я читаю», вызвавший большой интерес у зрителей и участников. Приглашенные в проект (журналисты, бизнесмены, люди творческих профессий) признались, что не были в публичной библиотеке со студенческих времен. А благодаря участию в съемках увидели, что библиотека сегодня – это современное учреждение с удобным поиском литературы, высокопрофессиональным персоналом, современным техническим оснащением.

Арт-проект «Выставочный зал Публички» стал местом встречи и продвижения творчества художников, фотографов, книжных графиков.

ЧОУНБ – центр, который создает ресурсы о выдающихся людях, земляках и занимается их популяризацией: «Они создавали Челябинскую область», «Культура Южного Урала в контексте Отечественной войны», «Именная история Челябинской области: тыл – фронту» и мн. др.

Тем не менее весьма остро актуализируется проблема соответствия проектного посыла и

наличествующих информационных ресурсов: чтобы создавать и предоставлять новые ресурсы современному пользователю, необходимо постоянное обновление парка устаревающих компьютеров, приобретение лицензионных программ, привлечение соответствующих специалистов для работы.

Библиотека как центр регионального сотрудничества

Библиотека не только предоставляет пользователям доступ к информации, но и является площадкой для проведения крупнейших профессиональных мероприятий, многие из которых (по актуальности звучания проблем, статусу участников, их географии) имеют всероссийский и международный уровень:

- межрегиональная научно-практическая конференция «Современная краеведческая деятельность библиотеки в цифровом формате», в работе которой принимали участие ведущие специалисты РНБ и Президентской библиотеки;

- всероссийский форум «Библиотеки в системе правового просвещения населения: информационно-коммуникационные технологии», с участием ведущих специалистов Москвы и Санкт-Петербурга, Республики Башкортостан, Пермского края, Кемеровской, Свердловской областей;

- межрегиональная выставка «Южно-уральская книжная ярмарка – 2015», в которой приняли участие представители книготорговых компаний, издательств из нескольких регионов России и Республики Казахстан.

На протяжении многих лет ЧОУНБ является региональным методическим центром для библиотек Челябинской области. Так, по результатам всероссийского конкурса среди центральных библиотек субъектов РФ «Библиотечная аналитика» ЧОУНБ вошла в 20 лучших (из 79) и стала второй по УрФО. Результаты областных конкурсов, инициатором и организатором которых была библиотека, не могут не радовать. Сегодня в области действует 58 модельных библиотек, 98 ЦПДИ и 102 павленковские библиотеки.

Редкие краеведческие издания об Урале, являющиеся важными первоисточниками в

изучении истории края, в Челябинской области имеются лишь в нескольких крупных фондохранилищах: ЧОУНБ, объединенном государственном архиве Челябинской области и областном краеведческом музее. Отдельные книги встречаются в библиотеках вузов и музеях старейших городов области. Кроме того, некоторые издания на территории области сохранились в единичных экземплярах. Например, «Оренбургские епархиальные ведомости» имеются только в Челябинской областной универсальной научной библиотеке. Выпуски ряда продолжающихся изданий рассредоточены по разным библиотекам. Так, из 14 выпусков справочника «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь», вышедшего в Перми с 1899 по 1915 г., в котором представлена разнообразная информация о городах, относящиеся в том числе и к современной Челябинской области, в ЧОУНБ имеются только 4, в научной библиотеке краеведческого музея – 8. По этим причинам немало ценнейших первоисточников по истории Урала находятся вне «поля» информационной и справочной работы муниципальных библиотек области, не доступны широкому кругу историков, краеведов. Данная ситуация типична для регионов.

Для решения названных проблем и была открыта Уральская электронная библиотека. Она стала доступна для пользователей на портале ЧОУНБ в 2007 г., с 2008 г. является корпоративным ресурсом. В ее создании в разные годы принимали участие Челябинский государственный университет, Оренбургская областная универсальная научная библиотека, Челябинский государственный краеведческий музей. Большую часть работы по наполнению контента УЭБ выполняет ЧОУНБ. Для этого есть условия: планетарный сканер ЭЛАР, группа по оцифровке при отделе автоматизации, разработаны методические рекомендации по сканированию документов с учетом требований Президентской библиотеки. В год сканируется около 7000 страниц (примерно 100 документов). В ближайших перспективах – наращивать объемы. Оцифровываются, главным образом, краеведческие издания, не попа-

дающие под действие закона об авторском праве (книги или, например, челябинские газеты периода Гражданской войны, 1919 г.). С 2013 г. дополнительно сканируются работы современных челябинских авторов, оцифровываются и книжные памятники из фондов отдела редких книг, в ближайшей перспективе оцифровка местных газет.

В УЭБ документы сгруппированы в тематические коллекции: Уральская область, Оренбургская губерния, Народное образование на Урале, Урал XIX – XXI вв., Челябинская губерния, Уфимская губерния, Гражданская война на Урале, Природа Урала, Календари знаменательных дат Челябинской области, Краеведение и краеведы, город Челябинск, Библиотеки Урала, Музыкальная жизнь Урала, Оренбургское казачье войско, Религия на Урале. При создании электронной библиотеки решаются следующие задачи: целенаправленное распространение информации об Уральском регионе; формирование репертуара электронных документов об Урале; обеспечение доступности документов, предоставление которых читателям затруднено или ограничено (редких изданий, изданий, недоступных большинству библиотек, и т. д.), и доступа к информации, существующей исключительно в электронной форме. На 01.01.2014 г. объем УЭБ составил 1091 документ (номер газеты, книга). С 2013 г. появился дополнительный источник пополнения контента: в рамках федеральной целевой программы «Культура России», в подпрограмме сохранности библиотечных фондов при микрофильмировании изданий библиотеки вместо микрофильма (позитива) стали получать электронную копию документа. По количеству просмотров пользователями УЭБ они находятся на 2-м месте после электронных каталогов, за 6 месяцев 2014 г. по электронному каталогу – 12500 просмотров, по УЭБ – 6656 просмотров. Ведется активная работа по интегрированию контента в общероссийские ресурсы. Содержательное наполнение Уральской электронной библиотеки находится под пристальным вниманием коллег, постоянно обсуждается рабочей группой специалистов совместно с сотрудниками Президентской библиотеки.

Весьма парадоксальное положение сложилось в сфере обеспечения доступа к правовой информации: с одной стороны, развитие Интернета предоставляет широкие возможности для ее получения, с другой – людям довольно сложно найти достоверные и полные сведения. В этой ситуации библиотеки становятся не только навигатором в огромном массиве правовых документов, но все больше играют роль центров, налаживающих взаимодействие властей и гражданского общества. Неслучайно за 17 лет работы федеральной программы создания ПЦПИ на базе общедоступных библиотек появилось более 6,5 тысяч центров правовой информации. В Челябинской области за это время библиотеки тоже достигли успеха по реализации программы во многом благодаря деятельности центра правовой и деловой информации (ЦПДИ) ЧОУНБ, который в 2008 г. приказом председателя совета программы ПЦПИ № 15/08 был утвержден координатором по Челябинской области. Сегодня в области действует 98 центров социально значимой информации, только в 2014–2015 гг. открылось 36 ЦСЗИ, 33 из них в сельских библиотеках.

Центр правовой и деловой информации ЧОУНБ, выросший в самостоятельный отдел, осуществляет координацию, оказывает методическую помощь, проводит большое количество мероприятий по повышению компетентности специалистов библиотек: консультирование, обучение, экспертные выезды, семинары, круглые столы, мастер-классы, вебинары и т. д. Большое значение для кооперации имеет портал ЧОУНБ, на котором представлена деятельность ПЦПИ области, размещены веб-страницы практически всех центров. С помощью портала оперативно осуществляется методическая помощь. Происходит и создание корпоративных ресурсов, например: «Полнотекстовая электронная база официальных документов Челябинской области советского периода 1934–1990 гг.».

Библиотека как центр культурного партнерства

На иной, более высокий уровень работы позволяет перейти еще одно важнейшее направле-

ние деятельности в работе библиотеки – выстраивание устойчивых внешних связей – социальное партнерство. В течение нескольких последних лет партнерами библиотеки стали: собрания депутатов, федеральные миграционные службы, избирательные комиссии, военные комиссариаты, органы МВД, ассоциации юристов России, всероссийские общества людей с ограниченными физическими возможностями, службы по надзору в сфере защиты прав потребителя, нотариальные конторы, домовые комитеты, ЖКХ, общественные организации и благотворительные фонды. В 2014 г. ЧОУНБ были подписаны соглашения о сотрудничестве с уполномоченным по правам человека в Челябинской области и с Прокуратурой Челябинской области об организации эффективного взаимодействия по правовому просвещению и разъяснению законодательства среди населения. В рамках соглашений проводятся совместные мероприятия по повышению правовой культуры населения: дни правовой информации, семинары, конференции, клубы правовых знаний, форумы для разных возрастных категорий пользователей библиотеки. В 2014 г. состоялись встречи по защите прав граждан в центрах социально значимой информации в 22 муниципальных библиотеках области.

В современных условиях библиотеке необходимо осуществлять активную интеграцию в те области и сферы, которые напрямую не связаны с ее основным видом деятельности:

1) обеспечивать равноправный доступ граждан ко всем видам общественно значимой информации (на любом бумажном или электронном носителе); сегодня в библиотеках области работает 98 центров социально значимой информации, деятельность которых способствует повышению правовой грамотности населения;

2) осуществлять коммуникативную функцию, решая проблему социальной адаптации, в том числе для людей с ограниченными возможностями;

3) содействовать всем формам образования и самообразования, научно-исследовательской и инновационной деятельности;

4) преодолевать негативные тенденции «глобализации массового сознания», поскольку воз-

можности библиотеки в этом плане становятся все более очевидными; библиотека – «громоздкий», нивелирующий негативное воздействие на потребителя массовой пропаганды определенного образа жизни и ценностей в СМИ, что особенно сильно действует на молодежь;

5) сохранять культурное наследие и стимулировать интерес аудитории к нему, занимаясь краеведческой деятельностью с элементами поисковой, архивной, музейной работы, вовлекая в этот процесс жителей, детей, молодежь, тем самым воспитывая патриотические чувства.

Сегодня публичная библиотека – центр культурного просвещения, где организуются серьезные акции с участием ученых, политиков, педагогов, писателей, библиофилов, где оказываются информационные услуги в правовой, экологической, потребительской и других сферах, где используются современные информационно-коммуникационные технологии, формируется собственный краеведческий контент, отражающий местную историю, где созданы условия для общения, где работают высокообразованные специалисты. В Челябинской области в одной из первых территорий стали организовываться библиотеки семейного чтения, способствующие формированию отношения к семье как главной ценности общества, возрождению семейных традиций (помощь в составлении родословных). Сегодня такие библиотеки действуют в Агаповском, Кизильском, Нагайбакском, Кунашакском муниципальных районах. В городах Южноуральске, Челябинске, Магнитогорске реализуется ряд социально значимых проектов: например, ЦГБ им. Б. Ручьева г. Магнитогорска реализует проект «Магнитка: мосты времени» по созданию Центра культурно-исторического краеведения при библиотеке.

Будущее библиотек мы связываем с процессами объединения ресурсов. Примером эффективности подобного объединения может служить Портал библиотек Челябинской области, созданный ЧОУНБ, Корпоративная краеведческая база данных «Челябинская область». ЧОУНБ – инициатор и руководитель проекта – объединяет 14 ЦБС области, является

базой для обучения специалистов. Пользователи муниципальных библиотек дистанционно получают доступ к объединенному информационному ресурсу, включающему весь массив информации о Челябинской области.

Библиотека выполняет мемориальную функцию сохранения, систематизации культурного наследия территории с ее неповторимой «биографией», судьбами людей, предприятий. В сельских библиотеках (Октябрьском, Саткинском, Еткульском, Чесменском, Чебаркульском, Нязепетровском муниципальных районах) активно создаются и работают библиотеки-музеи (быта, истории, русской избы).

Какой быть библиотеке будущего? Такой вопрос актуален не только в рамках российского контекста, но и ставится зарубежными коллегами, международной общественностью. Несмотря на разнообразие взглядов, подходов к этой проблеме, неоспоримо одно – современная модель библиотеки все больше будет ориентирована на пользователя, на включение его в свою деятельность, на большую открытость и доступность, на создание комфортных условий, в том числе для удаленного доступа.

Возможное разрушение библиотечной системы вследствие закрытия библиотек, потери их

статуса и функций, ухудшения финансирования, сокращения расходов на библиотечное развитие является одной из угроз наступления гуманитарной катастрофы. А это значит, что страна, область лишатся мощного ресурса культурного развития и центра культурного диалога.

Год литературы показал, что сегодня библиотеки активно меняются и развиваются... Но, увы, собственной активности библиотечного сообщества далеко недостаточно для решения всего комплекса существующих проблем. Необходимы усилия и поддержка всех заинтересованных сторон. Именно поэтому в Москве при подведении итогов Года литературы было принято решение разработать стратегию перехода от Года литературы к читающей стране в период до 2020 г. В программе действий – рост мероприятий по продвижению чтения, развитие инфраструктуры чтения, в частности, превращение библиотек в популярные и востребованные центры культуры и доступа к информации.

Именно сегодня как никогда нам нужно признать, что библиотека – это мощный ресурс поддержания и развития культурного разнообразия в региональном социокультурном пространстве, который может и должен не только сохраниться, но и получить новые импульсы инвестирования идей и проектов в будущее.

1. Аскарова, В. Я. Развитие взаимодействия с читателями в России XVIII века: диалог просветительской идеи и коммерческого подхода / В. Я. Аскарова, А. М. Чеботарев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 2 (30). – С. 10–17.
2. Зубанова, Л. Б. Современная культура в постклассических концепциях и актуальных социокультурных брендах / Л. Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 47–55.
3. Михайлова, А. В. Интегративная функция библиотеки в информационно-образовательном пространстве вуза / А. В. Михайлова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 3 (43). – С. 21–27.
4. Руссак, З. В. «Клиент» как слово-концепт современной библиотечной действительности / З. В. Руссак, Л. В. Сокольская // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 23–30.
5. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего / С. Б. Синецкий. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 288 с.
6. Соколов, А. В. Информатизация и гуманизация как ориентиры библиотечной политики / А. В. Соколов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 7–22.
7. Сокольская, Л. В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов / Л. В. Сокольская, З. В. Руссак // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 21–29.
8. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.stu.ru/files/Ykaz_Presidenta_N_808.pdf.

Получено 24.03.2016

LIBRARY AS A CULTURAL DIVERSITY CENTRE: PROBLEMS, PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT IN REGIONAL ENVIRONMENT

Abstract. A. N. Arkhangelskii, the famous writer, critic and journalist in one of his interviews determined the distinct dependence between the social order in a society and the development level of libraries. The history proves that cultural institutions (libraries in particular) are the so-called “backup abutment” of the statehood and an important instrument of preserving and spreading of knowledge. Multiple persecutions of libraries, burning of books in the period of sharp political persecutions, a special sacralization function of a printed word (“manuscripts do not burn”, “what is written with a pen cannot be cut out with an axe”) are a good proof of such an ideologically painted attitude. It is quite natural that every newly created state chooses library as a symbol of power and stability identifying it with the images of buttress and order: Alexandria Library, Imperial Academic Library, Royal Library of France, the national one after the 1798 revolution.

In modern Russian state the aims and missions of a library development are determined in the key documents of state cultural policy which is proved at least by the level of the declared priorities, by the social-cultural significance of this institution. Nevertheless the social-cultural situation of the 21st century itself with its pluralistic, unstable character, and avalanche-like character and cultural renewal of the present reality makes many social-cultural institutions oriented at stabilization, traditions preservations and even their conservation to some extent to interpret and re-evaluate their own aims and functions under the conditions of renewed realities.

The subject matter of this article includes problems and perspectives of libraries development in regional social-cultural environment and key directions of its functioning modernization in the context of different cultural streams and flows centering. Despite the unique “lifetime” of a regional library these problems and perspectives are mostly of universal character and thus give the opportunity to point out generally valid aspects of library sphere development.

Keywords: library, cultural education, centre of cultural diversity, regional libraries, regional social-cultural environment, cultural policy

For citing: Diskaia N. 2016. Library as a cultural diversity centre: problems, perspectives of development in regional environment. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 50–58.

References

1. Askarova V., Chebotarev A. 2012. Development of interaction with readers in Russia of the 18th century: dialogue of educating idea and commercial approach. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 2 (30): 10–17. (In Russ).
2. Zubanova L. 2013. Modern culture at post-classic conceptions and actual socio-cultural trends. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (33): 47–55. (In Russ).
3. Mikhailova A. 2015. Integrative library function in the informational and educational space of the university. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 3 (43): 21–27. (In Russ).
4. Russak Z., Sokolskaya L. 2013. “Client” as a word-concept of modern librarian reality. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 2 (34): 23–30. (In Russ).
5. Sinetskii S. 2011. Kul'turnaya politika XXI veka: ot pretsedenta Istorii k proektu Budushchego [Cultural policy of the 21 century: from the Stories precedent to the project of Future]. Chelyabinsk: Entsiklopediya. 288 p. (In Russ).
6. Sokolov A. 2013. Informatization and humanization as landmarks of librarian policy. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 2 (34): 7–22. (In Russ).
7. Sokolskaya L., Russak Z. 2015. Modern library: loss of identity or acquisition of new social meanings. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (41): 21–29. (In Russ).
8. Presidential decree of 12.24.2014 № 808 “On approval of the Fundamentals of the state cultural policy” [Electronic resource]. Available from: http://library.stu.ru/files/Ykaz_Presidenta_N_808.pdf. (In Russ).

Received 24.03.2016

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ВНЕПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Актуальность вопросов конкурентоспособности библиотечно-информационных специалистов определяется отсутствием исследования конкурентных преимуществ на внепрофессиональном рынке труда, необходимостью изучения влияния региональной системы профессионального образования на конкурентоспособность кадров с библиотечным образованием. Цель – выявление уровня конкурентоспособности специалистов библиотек на рынке труда Самарской области и предпочтений работодателей при найме и ротации кадров. На основе анкетных данных анализируются поведенческие стратегии библиотечно-информационных специалистов, фактическое состояние их конкурентных позиций. Приведены результаты исследования личностных конкурентных преимуществ специалистов библиотек как профессиональной группы, выявлен комплекс поведенческих закономерностей, что позволяет использовать полученные результаты для определения кадровой политики в регионе.

Ключевые слова: библиотечно-информационные специалисты, региональный рынок труда, конкурентоспособность, трудоустройство, работодатели, востребованность, спрос

Для цитирования: Сумро, Н. А. Конкурентоспособность библиотечно-информационных специалистов на внепрофессиональном рынке труда Самарской области / Н. А. Сумро // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 59–63.

Конкурентоспособность библиотечно-информационных специалистов определяется их успешным трудоустройством, возможностью конкурировать на рынке труда не только в сфере библиотечных учреждений, но и в смежных отраслях, в которых они применяют свои квалификации и компетенции, соответствующие требованиям работодателей. В исследованиях, посвященных востребованности и конкурентоспособности специалистов в современных условиях, наличие спроса на труд рассматривается как выраженный результат конкурентоспособной личности [5; 8], формирование которой начинается в процессе обучения в вузе [1, с. 40]. Теоретики и практики библиотечного дела необходимым фактором профессиональной успешности библиотечно-информационных специалистов считают конкурентоспособность образования [2, с. 25], библиотечных учреждений [4, с. 36], расши-

рение сферы профессиональной деятельности [3, с. 53], отмечая при этом способность самих библиотекарей быть конкурентными на рынке труда [7, с. 51].

Несмотря на принятие в 2015 г. Закона «О молодом специалисте Самарской области» [6], призванного привлечь выпускников учреждений профессионального образования к работе по полученной ими специальности, значительная часть бывших студентов работает вне профессиональной сферы деятельности. Поведенческая стратегия и тактика библиотечно-информационных специалистов на рынке труда Самарской области опосредовано демонстрирует качество профессионального образования. При дефиците квалифицированных кадров в библиотеках региона, устойчивого спроса работодателей на выпускников профессионального вуза значительная часть библиотечно-информационных специалистов осуществляет

трудовую деятельность не по профилю специальности, полученной в вузе культуры.

Представители рассматриваемой профессиональной группы, по каким-либо причинам прекратившие деятельность в библиотечных учреждениях Самарской области, трудоустраиваются в самых различных сферах (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение респондентов
с библиотечно-информационным образованием,
работающих не по профилю деятельности,
по сферам занятости Самарской области**

Наименование сферы деятельности	Процент опрошенных респондентов
Администрации города, районов	6
Архивы	14
Издательская деятельность	7
Образование	23
Полиция, военные части	6
Социология	7
Туризм	8
Управления культуры, департаменты культуры, Министерство культуры	4
Экономическая сфера (банки, производство, книготорговля)	13
Юридическая сфера	12

Значительная часть респондентов этой группы в процессе трудовой деятельности не получала дополнительного образования (83 %) по новому профилю работы, следовательно, базовые знания, данные в вузе культуры, были востребованы на рынке труда. Причем подобная особенность характерна преимущественно для возрастной категории 35–55 лет, т. е. для окончивших вуз до 2000 г.

Как показали результаты исследования, планирование будущей карьеры, профессиональная конкурентоориентированность начинается с момента поступления в вуз и прогнозных установок абитуриентов на деятельность по специальности или вне ее. Стратегия ориентации студентов в процессе обучения на долгосрочное пребывание в профессии зачастую гарантирует и последующее трудоустройство, а также, возможно, – рост личной конкурентоспособности. На вопрос о том, планировалась ли на этапе поступления в вуз культуры дальнейшая работа по специальности, положительно ответили 61 % респондентов, при этом соотношение опрошенных по годам окончания вуза распределилось следующим образом: окончившие до 1990 г. – 85 %, в 1991–2000 гг. – 63 %, в 2001–2015 гг. – 34 %.

Большинство отрицательных ответов (желание получить только высшее образование) дали специалисты, которые заканчивали обучение в институте культуры в последние 15 лет, когда на образовательном рынке Самарской области (как и в целом по стране) наблюдался количественный рост коммерческих учебных заведений, а институт культуры являлся одним из бюджетных вариантов получения высшего образования.

Основными мотивами ухода из библиотечной сферы респонденты назвали (предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответов):

- желание смены вида деятельности по причине достижения в профессии определенного «потолка», на уровне которого не происходит дальнейшего профессионально-личностного роста (68 %);
- нацеленность на карьерный рост (51 %);
- низкий уровень заработной платы (49 %);
- в библиотеке не нашлось должности, где возможно было проявить свои знания, умения, навыки, способности (47 %); комментарии анкетированных по данному пункту: «большинство вакантных мест в библиотеке низких разрядов, а должности, соответствующие моим стремлениям, как правило, заняты надолго, а ждать, пока они освободятся, можно годами»; «руководитель библиотеки считала меня бесперспективной “серой мышью”, ни к чему не способной, а на этом месте работы я чуть ли не звезда!»;
- разочарование в профессии (32 %);
- не устраивали условия труда (27 %).

Среди прочих вариантов названы невысокий социальный статус и престижность профессии (8 %); получение второго высшего образования, в связи с чем возникло желание сменить работу (8 %); состояние здоровья и семейные обстоятельства (3 %).

Наибольший совокупный процент ответов респондентов соответствует направлению мотивации на более успешное развитие в данной сфере, не совпавшее с их реальной деятельностью, что и явилось побудительным мотивом для смены профессии. Обращает на себя вни-

мание тот факт, что вариант ответа о завышенных требованиях руководителей библиотек, которым специалисты не соответствовали, оказался без внимания. Это свидетельствует об имеющейся способности решать задачи любой сложности, но они, видимо, не предлагались сотрудникам в период их работы, что не дало им возможность продемонстрировать свои профессиональные преимущества.

Механизм трудоустройства библиотечно-информационных специалистов вне профессиональной сферы показывает большую долю личных контактов, коммуникаций с представителями учреждений, в которых служащий осуществляет деятельность в настоящий момент. Так, 51 % респондентов должность предложил непосредственно работодатель либо сотрудник организации, что говорит о развитых навыках общения, об умении налаживать, выстраивать и поддерживать деловые связи, расширять круг знакомых, а не ограничивать их. Это осознанно или неосознанно используется библиотечно-информационным специалистом и влияет на повышение уровня конкурентоспособности и успешность в личностной самореализации.

Приблизительное понимание характера нового вида деятельности, к которому приступили библиотечно-информационные специалисты (67 %), тем не менее не обозначило проблему дополнительной профессиональной переквалификации, так как значительная часть респондентов быстро адаптировалась к новым условиям труда и требованиям нанимателя (31 %). Некоторым на процесс «вхождения» в работу понадобилось какое-то время, но без специальной подготовки (37 %). Текущая должность у 49 % опрошенных так или иначе связана с полученной библиотечной профессией (архивная деятельность, занятость в других областях сферы культуры, систематизация документов и пр.), а 36 % из их числа активно используют знания, навыки и умения, полученные в вузе и в предшествующей практической библиотечной деятельности.

Практически все респонденты исследуемой группы независимо от стажа работы и возраста единодушны во мнении, что такие каче-

ства, как универсальность знаний (59 %), организованность (39 %), коммуникативность (36 %), адаптироваться к изменениям (35 %) и систематизировать данные (33 %), своевременное освоение новых технологий (33 %), сделали их конкурентоспособными на рынке труда. Однако, проанализировав проблему планирования профессионального саморазвития и личностной карьеры как важного условия формирования конкурентоспособных преимуществ на рынке труда, мы выявили, что значительная часть опрошенных предпочитают действовать согласно текущей ситуации, без конкретного плана (63 %). При этом 22 % респондентов отметили вариант «начала планировать в период работы в библиотеке», 11 % «задумалась об этом только сейчас» и лишь 4 % стремились к профессиональному саморазвитию начиная с момента окончания обучения в вузе. При высокой оценке личной конкурентоспособности на рынке труда (78 %), в условиях эффективной самореализации у большинства опрошенных отсутствует конкретный замысел успешности, а следовательно, и системность в планировании профессиональной карьеры; 17 % считают, что их конкурентоспособность ограничена определенным сегментом рынка, но по умолчанию они также признают факт своей успешности.

При изучении проблемы в трудоустройстве 62 % респондентов отметили, что специалисту с библиотечным образованием найти работу вполне возможно, все зависит от сферы деятельности, где производится поиск; 21 % отмечает, что проблем с трудоустройством нет, а 17 % считают довольно трудным процесс поиска работы с библиотечным дипломом. Эти данные характерны прежде всего для возрастной категории 35–45 лет, со стажем предшествующей библиотечной работы 10–15 лет, т. е. для сотрудников, получивших определенный опыт, уверенных в себе и своих знаниях, что позволило им быть востребованными и мобильными на рынке труда.

Таким образом, спрос на библиотечно-информационных специалистов в Самарской области присутствует не только на профессио-

нальном, но и на внепрофессиональном рынке труда. Они находят применение своим профессионально-личностным компетенциям в других сферах деятельности, что свидетельствует об образовательной подготовке, соответствующей более широкому кругу предложений на рынке труда, и выраженной конкурентоспособности с

представителями других профессий. Выпускники библиотечно-информационного факультета имеют возможность устроиться на более выгодные для них места, динамично приспосабливаются к изменениям рынка труда, что определяет их личностную способность соответствовать рыночной конкуренции.

1. Белых, И. Л. Формирование конкурентоспособности выпускника вуза / И. Л. Белых, М. И. Шилова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 4 (94). – С. 39–45.
2. Гендина, Н. И. Высшая библиотечно-информационная школа в динамично меняющемся мире: факторы повышения конкурентоспособности выпускников / Н. И. Гендина // Научные и технические библиотеки. – 2008. – № 2. – С. 25–30.
3. Калегина, О. А. Расширение сферы профессиональной деятельности как фактор повышения конкурентоспособности библиотечно-информационных специалистов / О. А. Калегина // Дополнительное профессиональное образование как фактор формирования конкурентоспособности специалистов социокультурной сферы: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (10 февр. 2006 г.) / сост. М. С. Галявиева; науч. ред. Р. З. Богоудинова. – Казань, 2006. – С. 53–55.
4. Ключев, В. Конкурентоспособность: факторный подход / В. Ключев // Независимый библиотечный адвокат. – 2008. – № 5. – С. 36–38.
5. Молчанова, Е. В. Проблемы востребованности и конкурентоспособности специалистов / Е. В. Молчанова, И. И. Сердюк // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. 11. – С. 319–323.
6. О молодом специалисте в Самарской области: Закон Самарской области от 6 июля 2015 г. № 76-ГД // Волжская коммуна. – 2015. – № 170 (7 июля).
7. Ринчинова, Ю. С. Конкурентоспособность библиотекарей на рынке труда / Ю. С. Ринчинова // Библиосфера. – 2010. – № 1. – С. 51–54.
8. Сердюк, И. И. Проблемы конкурентоспособности специалистов / И. И. Сердюк // Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 2636–2640.

Получено 19.01.2016

N. Sumro

post-graduate student,

Samara State Institute of Culture

E-mail: ddnsoomro@inbox.ru

COMPETITIVENESS OF LIBRARY AND INFORMATION PROFESSIONALS OUT OF THE PROFESSIONAL LABOR MARKET OF SAMARA REGION

Abstract. *The relevance of the research of competitiveness of library and information professionals is determined by the absence of competitive advantage research specialist libraries out of professional labor market, and the need to study is defined by the impact of the regional system of vocational education in the competitive frame with specialists with library education. The aim of the study is to identify the level of competitiveness of specialist*

libraries in the labor market of the Samara region and the preferences of employers in hiring, and job rotation. On the basis of personal data there are analyzed behavioral strategies of library and information professionals, and the actual state of their competitive position. The results of the study of personal competitive advantages in library specialists as a professional group are identified as set of behavioral laws that allows using the results in determining of the HR policy in the region.

Keywords: *library and information professionals, the regional labor market, competitiveness, employment, employers' requirements, demand*

For citing: *Sumro N. 2016. Competitiveness of library and information professionals out of the professional labor market of Samara region. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 59–63.*

References

1. Belykh I., Shilova M. 2010. Formation of competitiveness of the university graduate. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. № 4 (94): 39–45. (In Russ.).
2. Gendina N. 2008. Higher library school in the rapidly changing world: the factors of increasing the competitiveness of graduates. Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and technical library]. № 2: 25–30. (In Russ.).
3. Kalegina O. 2006. Expanding the scope of professional activity as a factor of improving the competitiveness of library and information professionals. Dopolnitel'noe professionalnoe obrazovanie kak faktor formirovaniya konkurentosposobnosti spetsialistov sotsiokul'turnoy sfery [Additional vocational training as a factor of competitiveness of experts of social and cultural spheres]. Kazan. P. 53–55. (In Russ.).
4. Kluev V. 2008. Competitiveness: the factor approach. Nezavisimyy bibliotchnyy advokat [Independent lawyer library]. № 5: 36–38. (In Russ.).
5. Molchanova E., Serduk I. 2015. Problems uptake and competitiveness specialists. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [The humanitarian, social, economic, and social sciences]. № 11: 319–323. (In Russ.).
6. About the young professionals in the Samara area: the Law of the Samara region on July 6, 2015 № 76-GD. 2015. Volzhskaya kommuna [Volga commune]. № 170 (July 7). (In Russ.).
7. Rinchinova IU. 2010. Competitiveness of the librarians in the labor market. Bibliosfera [Bibliosphere]. № 1: 51–54. (In Russ.).
8. Serduk I. 2015. Problems of competitiveness of specialists. Kontsept [Concept]. Vol. 13: 2636–2640. (In Russ.).

Received 19.01.2016

Раздел II

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Н. Астафьева

д-р филос. наук, профессор,
 Российская академия народного хозяйства и
 государственной службы при Президенте РФ, ИГСУ
 E-mail: onastafieva@mail.ru

Г. А. Аванесова

д-р филос. наук, профессор,
 Московский государственный гуманитарный
 университет им. М. А. Шолохова
 E-mail: gal-09@list.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ РОССИИ В ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СОЮЗОВ : ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Геополитические реалии современности актуализируют тему межгосударственного сотрудничества в гуманитарной сфере. Обосновываются преимущества избранного Россией более двух столетий назад пути культурно-цивилизационного развития и с помощью анализа ведущих параметров исторической динамики раскрываются закономерности формирования в советский период новых практик культурной модернизации. Подчеркивается, что созданные проектно-внедренческие технологии позволили транслировать модели социализма в разные страны мира. Вместе с тем отсутствие импульсов к институциональной реконструкции и игнорирование потребности в переосмыслении семантического фонда интеграции народов и наций привело к разрушению советской модели в нашей стране.

Выявляются особенности целеполагания и семантические принципы межгосударственного сотрудничества в современной России как результат анализа различных семантических типов. Выделяются четыре ценностно-смысловых типа (кластера): базовые семантические единицы российской цивилизации; ведущие ценности и смыслы, отраслевые цели и ситуативные принципы, которыми руководствуются партнеры из восточноевразийских регионов; смыслы и духовные ценности западноевропейской цивилизации; ценности, имеющие амбивалентный, мозаичный и частично преходящий характер.

Особое внимание уделяется проблемам развития эффективного сотрудничества в образовательной сфере между странами – участниками Содружества независимых государств, а также Шанхайской организации сотрудничества. Проанализированы примеры выхода продуктов отечественного образования в страны постсоветского пространства и шире – в государства Восточной Евразии.

Ключевые слова: культурно-гуманитарное направление интеграции, межгосударственное партнерство, семантика сотрудничества, ценностные кластеры локальных цивилизаций, образовательные практики на пространстве СНГ, образовательные практики ШОС

Для цитирования: Астафьева, О. Н. Стратегический вектор и семантические основания включения России в гуманитарное пространство межцивилизационных союзов: взаимодействие в сфере образования / О. Н. Астафьева, Г. А. Аванесова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 65–80.

О формирования целестратегической и семантической основы сотрудничества РФ с евразийскими странами

Возможности РФ в восточноевразийском межгосударственном сотрудничестве целенаправленно осмысляются нашими политиками и исследователями более десяти лет. Основ-

ной аналитический упор делается на военно-политических, экономических преимуществах сотрудничества. О культурно-гуманитарных, межцивилизационных взаимодействиях в рамках этих процессов если и говорится, то как о второстепенном их аспекте [См.: 12, с. 49]. Пока единичны примеры анализа каче-

ственного своеобразия межцивилизационных отношений России с евразийскими странами, и тем более – семантики стратегических целей и культурных ценностей подобного сотрудничества¹. Попытаемся в первом приближении остановиться на данных вопросах.

Известно, что любая общественная стратегия, т. е. долгосрочное и сложно структурированное целеполагание не возникает на пустом месте. Оно вырастает из национальных устремлений экзистенциального характера, из метафизических позиций государства, которые хотя и определяются во многом конкретной ситуацией, но базируются на консолидированном опыте прошлых и настоящих поколений граждан. Подобную стратегию трудно создать на базе краткосрочных идеологических запросов или политической конъюнктуры; она должна быть наделена смыслообразующим вектором грядущего развития нации. Тогда граждане смогут воспринять ее как желаемую перспективу общественной жизни, как мотивационный импульс своей активности. Помимо этого, она сопрягает внутри себя систему сверхцелей и оперативных целеполаганий, обогащается базовой семантикой и актуальными ценностями, а также вырабатывает развитую идеологическую основу. Стратегия не должна перерастать в догму, ее следует систематически корректировать в связи с мировыми трансформациями. Если разработка стратегии общественного развития России в целом – дело будущего, то стратегия межгосударственного сотрудничества, как одно из актуальных направлений общероссийской стратегии, может быть конкретизирована гораздо раньше.

Примечательно, что уже в конце XX – начале XXI в. некоторые философы приходили к выводам о неизбежности обновления России на

отечественной культурно-цивилизационной базе (А. И. Неклесса, А. И. Фурсов, С. С. Хоружий и др.). Тогда же вырабатывались реалистические цели, идеи, прагматические соображения для стратегии отечественных преобразований. Так, говоря об удачных формах модернизации в разных странах, российские аналитики (Б. С. Ерасов, А. С. Панарин, А. П. Девятков, В. В. Малявин и т. д.) отмечали, что нашей элите важно понимание того, как решались аналогичные проблемы в государствах Востока, где преобразования стали эффективными. Уже в последние годы авторитетные исследователи ставят вопрос о поиске параметров сотрудничества России со странами восточной Евразии (С. Ю. Глазьев, А. И. Подберезкин, К. П. Боришполец и пр.).

В двух последних случаях речь не идет о бездумном заимствовании разных целей, технологий обновления для нашей политики модернизации, как это было в случае нормативистского заимствования западных достижений. Отечественным политикам необходимо в новом ключе осмыслить те преобразовательные возможности, которые изыскивали политические деятели незападных стран в ходе модернизации. Расширение проектно-аналитического и управленческого горизонта позволит преодолеть недоверие к собственной культуре, обнаружить в ее глубинах смыслы, способные сплотить российское общество для будущего прорыва.

Пока в российской науке гораздо лучше изучены закономерности развития целесмыслового комплекса внешнеполитической деятельности в странах Запада, который формировался на протяжении последних трех-четырех столетий преимущественно в ключе европейской философии, агрессивной международной и колониальной политики, национальных интересов англичан, французов, американцев [См.: 4; 6; 11; 20]. Этот комплекс первоначально вырастал из представлений об универсальном принципе прогресса, демократическом развитии разных народов, о правах человека, возможности всестороннего развития личности и др. Вместе с тем данные смыслы дополня-

¹ Однако данная ситуация стремительно меняется. Во-первых, вопрос о целеполагании и семантике такого сотрудничества прямо или косвенно поднимается в теоретических исследованиях, связанных с этим аспектом нашей внешней политики; во-вторых, на постсоветском пространстве (в Казахстане) велись прикладные разработки по анализу стратегического планирования деятельности ныне упраздненного Евразийского Союза путем выявления факторов внутренней и внешней среды его организации по четырем содержательным параметрам: сильные и слабые стороны, возможности, угрозы организации такой деятельности [См.: 15].

лись латентными принципами, предназначенными для внутреннего пользования: необсуждаемое доминирование интересов западных наций над запросами неевропейских народов, капиталистические принципы хозяйствования, в частности неэквивалентный экономический обмен с государствами на других континентах, хищническое отношение к природным ресурсам и пр. Со временем открытая часть комплекса получала научно-теоретическое обоснование, а также поддержку со стороны западных СМИ, массового искусства, образования. Все это до поры до времени придавало цивилизационному проекту Запада убедительность в сознании граждан разных стран. Ныне приходит массовое разочарование в принципах вестернизаторского мышления, неолиберальной экономики, политики однополярного мира.

Россия должна выработать собственную позицию по отношению к западноевропейским ценностям как классического периода, так и эпох модерна, постмодерна. Образованная часть нашего общества по меньшей мере два столетия потратила на то, чтобы ряд ценностей отвергнуть, другие понять и практически реализовать, непротиворечиво увязывая с отечественными духовными ориентирами. В постсоветское время населению России пытаются навязать не критическое отношение к западным ценностям эпохи постмодерна, которые отрицают все истины, смешивают нормы, разрушая тем самым любую традиционную культуру или посягая на незападные цивилизации. Так, гражданам России сложно понять, почему они должны отказаться от высоких смыслов, дистанцироваться от духовно-моральных проблем мира, в православной культуре получивших глубокое понимание. Во многих странах Востока спонтанно-естественные и творческие аспекты жизни до сего дня не подчиняются коммерческому расчету, прагматической целесообразности. Ни один жизнеспособный этнос не смиряется, когда политические силы извне пытаются оторгнуть от родной культуры подрастающие поколения. Опасными для этнонационального развития стали псевдоценности гендерной и сексуальной революции и пр.

Но для целей восточноевропейского сотрудничества важно учесть противоположные процессы в западной цивилизации. Распространяя в других сообществах кризисные смыслы и негативные ценности постмодерна, сами западные сообщества нередко вырабатывают для себя «противоядия», применяют по отношению к себе «двойной счет». Кроме того, в разных странах современного Запада формируется общественное сопротивление наиболее извращенным формам культуры постмодерна, появляются альтернативные политические и общественные проекты по выходу из тупиков постчеловеческой цивилизации [См., например: 3; 5; 8].

В становлении новых форм межгосударственного сотрудничества РФ со странами Восточной Евразии имеется немало опасностей, способных порождать серьезные трудности в процессах его развития. Россия не должна игнорировать вероятность их появления, уповая на всемогущество универсальных ценностей, как это характерно для либерального и марксистского сознания. В мышлении, укладе жизни народов восточных цивилизаций есть немало того, что их разъединяет, порождает конфликты. Так, участники межгосударственных альянсов руководствуются разными религиозными представлениями о высших целях, о национальных стратегиях развития своих стран, о возможностях использования в политике моральных критериев и др. Поэтому сближение несхожих позиций партнеров может затянуться, что актуализирует разработку стратегических целей и смыслов, которые будут поддержаны всеми участниками сотрудничества.

Хотя Россия на протяжении последних столетий в международных связях придерживалась преимущественно западных ценностей, но заложенные в основу имперской и социалистической модели философско-проектные импульсы западноевропейского мышления (либерализм, марксизм) были не единственными источниками обновления нашего общества. Реализация, например, советской модели потребовала от политиков выработки более сложной институциональной основы, нового

нормативно-правового и управленческого каркаса, собственной идеологии, которые могли бы определять жизнедеятельность советских граждан в духе модерна. Подчеркнем, что в советском обществе всегда действовали укорененные, но почти неосознаваемые смыслы российской цивилизации и русской культуры, а также механизмы массовой самоорганизации, опосредующие процессы взаимодействия всех граждан. Советская модель социализма возникала на пересечении разных идейных факторов и духовных импульсов, во многом несовместимых с утопией Маркса [См.: 1]. В итоге созданные в СССР стратегические ориентиры, идеалы, социокультурные практики приобретали принципиально новый характер, обуславливая особый уклад жизни населения, и в модифицированном виде распространялись в тех зарубежных странах, которые входили в социалистическое содружество (СЭВ, страны – участники Варшавского договора и др.).

На наш взгляд, опыт интеграции советских народов и наций социалистических стран сегодня важно переосмыслить в новом ключе государственно-управленческой эффективности, инструментальной прагматики. Могут возразить, что социалистическая модель по историческим меркам быстро зашла в тупик и ныне не актуальна. Но забывают признать, что она не стала провальной, продолжая развиваться в некоторых странах мира. Не затрагивая всех причин ее распада в нашей стране, подчеркнем, что на определенной стадии она доказала устойчивость и перспективность, а это позволило распространить ее в странах разных континентов. Поэтому отдельные элементы социалистической идейности и прагматики, сочетаемые с восточноевразийскими ценностями, безусловно, способны войти в семантический фонд межгосударственного сотрудничества XXI в.

К вопросу разработки семантической основы российского участия в восточноевразийском сотрудничестве

Представим ниже общие содержательные контуры, типологические единицы семантиче-

ского комплекса, способного стать основой участия России во взаимодействиях со странами Восточной Евразии и шире – странами других континентов. С этой целью сгруппируем имеющийся диапазон ценностно-смысловых единиц межгосударственного евразийского сотрудничества в четыре группы (кластера).

1. Говоря о смыслах и ценностях России в ходе ее успешного взаимодействия с партнерами из восточноевразийских регионов, выделим те *базовые семантические единицы отечественной цивилизации*, чьи корни произрастали из русской истории, позже формировались в условиях империи, отчасти в советское время, и продолжают определять российское общественное сознание сегодня. Имея в виду специфику межгосударственных взаимодействий, подобные смыслы следует видеть в ведущих сферах жизнедеятельности народов РФ, в рамках которых чаще всего разворачивается сотрудничество – экономика, политика, межгосударственные отношения, проблемы национально-государственной безопасности. Так, в основу сотрудничества в сфере политики и государственной безопасности могут быть заложены ценности российского патриотизма; высокий авторитет российской армии и воинов, участвующих в военных конфликтах; общественное признание организующей роли государства в системах безопасности, военно-промышленного комплекса и пр.

2. Российским участникам сотрудничества необходимо учитывать *ведущие смыслы и ценности, а также отраслевые цели, ситуативные принципы, которыми руководствуются партнеры из восточноевразийских регионов*. При этом данные смыслы и цели придется дифференцировать применительно, во-первых, к конкретному цивилизационному региону в зависимости от политических, культурных, религиозных параметров; во-вторых, к конкретной стране, являющейся партнером и располагающей/не располагающей опытом участия в подобном сотрудничестве; в-третьих, к той или иной отрасли или группе отраслей, где развивается взаимодействие. Главная сложность состоит в непротиворечивом согласовании разных смыслов и ценно-

стей, которое было бы приемлемым для сторон, участвующих в сотрудничестве.

3. Выделим также значимость *смыслов и духовных ценностей западноевропейской цивилизации*, ныне доминирующих в самих странах Запада и широко представленных в информационно-медийном пространстве на разных континентах. Многие из этих ценностей имеют хождение в российской культуре, хотя далеко не все они глубоко в ней укоренены. Вместе с тем есть такие западные ценности, которые в последние десятилетия открыто рассматриваются как деструктивные для России. Так, применительно к направлению сотрудничества в сфере политики и государственной безопасности неприемлемыми ценностями выступали: неактуальность патриотизма (человек живет в той стране, где ему комфортно); государство – ночной сторож, его роль в глобальном мире снижается; человечество движется к постоянному миру, где война станет преступлением и т. д. Эта прокламируемая часть ценностей дополняется латентными их разновидностями, позволяющими США, Англии, Франции, Германии и другим странам Запада формировать агрессивные военные союзы и группировки, тратить на их обеспечение немалые средства, развязывать мировые и региональные войны и др.

Российской стороне придется учитывать, насколько зарубежные партнеры из восточноевразийских стран ориентированы на западные ценности и смыслы, присутствующие в данном сегменте межгосударственного сотрудничества. Следует также различать степень одобрения и отторжения мировоззренческих ценностей западной культуры в конкретных проектах и союзах. В последнем случае может иметь место обращение к смыслам и ценностям, приобретающим чисто прикладное или технологическое значение, вполне приемлемым для межгосударственного взаимодействия с профессиональной точки зрения. В любом случае на пересечении типов ценностей важно выработать «рабочую семантическую основу», которая станет определять отношения между партнерами.

4. Наконец, скажем о роли современных смыслов, ценностей, *принимающих амбивалентный, мозаичный, частично преходящий характер*. Они зарождаются в разных странах на основе появления огромного числа культурных инноваций. Сами актуальные ценности возрастают в объеме также под влиянием межкультурных массовых взаимодействий, что позволяет им стремительно перемещаться с континента на континент. В одних случаях данные смыслы и ценности могут конфликтовать с этнонациональными традициями, в других, напротив, согласовываться с ними или адаптироваться к ним. Некоторые социальные группы их одобряют, распространяют; другие – отвергают, требуя наложить запрет на их общественное обращение. Впрочем, через некоторое время отношение к этим смыслам и ценностям может меняться кардинально. Ценности такого рода выполняют важную роль по адаптации традиционных культур к нынешнему миру и будущему его состоянию.

Есть своя специфика в анализе ценностей партнеров из восточноевразийских стран (2-й кластер), а также по отношению к ценностям западноевропейского типа (3-й кластер). В том и другом случае придется особым образом формировать подсистемы и подгруппы ценностей партнеров, с которыми нужно согласовать смыслы и цели российского участия в сотрудничестве. Повышенного внимания также требуют к себе ценности последнего кластера (4-й), которые, по видимому, принимаются после коллективных проработок с партнерами. Одни из таких ценностей и смыслов могут отражать ситуативные, случайные обстоятельства, поэтому скорее всего будут отбракованы в ходе сотрудничества. В то же время другие ценности данного кластера способны интегрироваться с традициями без ущерба для последних, поэтому они должны рассматриваться в качестве элементов культурного обновления.

Разработка семантической базы российского участия в межгосударственном сотрудничестве с восточноевразийскими странами потребует не только целенаправленного ана-

лиза различных семантических типов, перечисленных выше, но также выработать их новые группировки и системное соподчинение в ведущих направлениях межгосударственного сотрудничества. С этой целью предстоит классифицировать смыслы и ценности, несхожие между собой по метафизической глубине и целевому назначению, по масштабам и значимости в той или иной сфере деятельности, по распространенности среди представителей цивилизационных сообществ, участвующих в сотрудничестве и т. п. Такая интеграция отобранных смыслов не должна выглядеть эклектично; разные смыслы и ценности следует непротиворечиво увязать между собой, отображая полифоническое сочетание важнейших духовных ориентаций локальных цивилизационных сообществ. Это потребует отработать схемы их структурно-иерархической соподчиненности. Чем большее число стран, участвующих в союзе, различаются между собой по ведущим экономическим, политическим, культурно-цивилизационным параметрам, тем большей проработки потребует целесемантическая основа сотрудничества.

Описанная работа по разработке целесмыслового комплекса на первых фазах потребует определенных усилий и времени. При этом взаимодействие партнеров будет развиваться не только на диалоговой основе, но в режиме полилога, когда участникам необходимо учитывать одновременно несколько разных, порой малосовместимых точек зрения, которые требуется сблизить и на новой смысловой базе выработать договорные цели, задачи и технологии, приемлемые для всех. Особое внимание следует обращать на появление полей напряженности и семантических расхождений между партнерами, возникающих в силу разных факторов: мировоззренческого характера (национально-культурных, моральных, цивилизационных и др.); прагматично-инструментальных по своей сути (политических, правовых, финансово-экономических, профессионально-отраслевых). Подчеркнем остроту политико-правовых препятствий в выработке общих

семантических позиций партнеров. Их порой приходится преодолевать на самом высоком уровне межгосударственных отношений.

В завершенном виде этот комплекс постоянно будет нуждаться в коррекции отдельных показателей, а также в дальнейшем развитии тех или иных тематических разделов и смысловых узлов. После аккумуляции определенного объема подобного опыта специалисты смогут с помощью выработанной семантической базы переходить на более сложные уровни сотрудничества, вырабатывать планы на среднесрочную и длительную перспективу. Предстоит также оценить роль самой семантической базы в предотвращении конфликтов и кризисов внутри разных межгосударственных союзов, отслеживать степень авторитета того или иного альянса с российским участием среди населения России и восточноевразийских стран.

О восточноевразийском сотрудничестве в образовании

Ниже рассмотрим вопрос о перспективах взаимодействия России с восточноевразийскими партнерами в том направлении деятельности, которое обычно называют культурно-гуманитарным сотрудничеством. Как отмечено выше, этот вектор межгосударственных связей пока не стал для России ведущим. Но его востребованность настоятельно заявляет о себе в восточноазиатских странах. Среди разных векторов культурно-гуманитарного сотрудничества немалое внимание привлекает сфера образования и воспитания подрастающих поколений.

Через сравнение стратегий, целей и семантики межгосударственного сотрудничества советского периода и его состояния в настоящее время попытаемся оценить возможности партнерства России в образовательной сфере на ближайшую перспективу. Наблюдая последствия неолиберального реформирования отечественного образования, многие аналитики говорят о советской системе образования как о своеобразном образце, не имевшем аналогов в мировой практике. На наш взгляд, такая оценка во многом завышена, но в своей основе верна. Так, советская система заметно превосходила

имперскую по своей адаптации к социальным запросам времени (массовая доступность, многообразие и эффективность государственных и отраслевых форм образования и др.), а также к экономическим потребностям, политической конъюнктуре, межкультурным связям в стране. Вместе с тем она так и не смогла выработать адекватных стратегических целей своего развития, которые вписывались бы в долгосрочную динамику СССР. Одновременно советская наука и управленческая практика не смогли спрогнозировать на близкую и среднесрочную перспективу тренды образовательной политики в разных кластерах стран, сближенных по ведущим параметрам, а также в мировой образовательной практике в целом.

Модернизируя отечественное образование, первые советские лидеры руководствовались политическими и социально-экономическими целями, которые следовало достигнуть в крестьянской стране с полиэтническим населением, разбросанным на огромной территории. Для этого вырабатывались целевые ориентиры, создавалась идеологическая и правовая основа, выстраивалась материально-техническая база. На пике своего развития система советского образования (конец 40-х – начало 70-х гг. XX в.) обладала предметно-содержательным единообразием, методической целостностью, а на уровне профессиональной подготовки – многоступенчатой структурой с ведомственно-отраслевыми звеньями. В целом данная разветвленная система обеспечивала качественный для своего времени результат, выгодно отличаясь по ведущим параметрам от аналогичных структур в развитых странах Запада.

Высокое качество обучения, его бесплатность для населения, государственное подтверждение правовыми документами – все это делало советское образование весьма престижным в стране, а также во многих других странах. Особую специфику этой системе придавало то, что она нацеливала педагогические усилия на массовое и личностное развитие молодежи, формирование нового человека с познавательными навыками, творче-

скими задатками, с желанием трудиться на общественном производстве во имя высоких социальных целей. Не случайно советская профессиональная школа в послевоенное время в серьезных масштабах осуществляла подготовку молодежи из стран социалистического содружества. Специалисты, получившие в СССР подготовку в 50–70-е гг. XX в., в зрелом возрасте весьма позитивно отзывались о качестве обучения.

Но постепенно советское образование утрачивало свои внутренние преимущества, связанные с профессионализмом и культурными параметрами развития новых поколений. Конечно, для этого существовало немало объективных причин. Например, в обществе начал деформироваться идеал советского человека. Из процессов обучения постепенно выхолащивались царившие ранее познавательные, развивающие, трудовые установки; качество образования снижалось. В последнее десятилетие советского периода престижные звенья профессиональной подготовки разьедала неясная коммерциализация, в немалой степени определявшая поведение обучающихся и части преподавательского состава. Немаловажно и то, что ведущие цели советского образования указанного периода уже заметно отставали от запросов общества, семейных потребностей, личной жизни людей.

Неолиберальные реформы постсоветского периода привнесли в эти процессы новый импульс, ведущий к расшатыванию всей отечественной системы образования. Главный изъян реформ связан с тем, что наши политики взяли на вооружение глобалистскую однополярную модель, которая на примере образовательной практики Запада уже демонстрировала явные свидетельства упадка. В начале нового тысячелетия было очевидно, что не сбываются гуманистические прогнозы Э. Тоффлера о выходе на первый план постиндустриального общества не промышленного предприятия, а университета [См.: 16, с. 563]. Вопреки этому в развитых странах на первом плане оказались представители спекулятивного капитала (банкиры, биржевики), нередко

связанные с преступной средой. Напротив, школа, университет, лаборатория в данных условиях подчинялись монетаристской политике, что вело к ухудшению как массового среднего образования, так и профессиональной подготовки. Иная расстановка сил между государством, бизнесом и университетами была предложена одним из вузов США – Стенфордским университетом. В основе модели «Тройная спираль» – принцип взаимовыгодного эффективного партнерства, изменивший соотношение между фундаментальным и практическим уровнями научно-исследовательской деятельности в современной системе университетского образования, которая становится востребованной как властью, так и бизнес-предприятиями, формирующими инновационные кластеры [См.: 7].

В российском обществе также шли интенсивные поиски модернизации образования, однако даже реализация Национального проекта, направленного на укрепление инфраструктуры, стимулирование кадрового потенциала на инновационную деятельность и прочее, кардинально не смогла поменять в обществе отношение к системе образования. Прежде всего потому, что не было предъявлено убедительных стратегических обоснований образовательных реформ, их национально оправданных целей и принципов. В публичном пространстве весьма размытым оставалось также представление о личности гражданина, профессионала, которая формируется в образовательной практике. И однажды из публичного выступления одного из министров образования и науки общество узнало, что нецелесообразно делать из каждого ребенка творческую личность, школа должна готовить квалифицированного потребителя¹. Эта ценностная трансформация вела к тому, что в учебниках, методических документах, на уроках и лекциях стал доминировать событийно-информационный подход, транслировались сугубо инструментальные, ситуативные знания, которыми надлежало овладеть учащимся и научиться применять в практических областях.

¹ Выступление министра образования и науки А. А. Фурсенко на молодежном форуме «Селигер-2007» [См.: 9].

В целом немало уникальных находок и достижений советского образования ныне почти преданы забвению. Вместо этого в данной сфере мы видим то же, что доминирует на Западе: снижение уровня образовательных программ и учебников, коррозия общественного статуса и оплаты труда дипломированного специалиста, духовная дезориентация детского и молодежного сознания и др. Казалось, что подписание Россией Болонской декларации и включение отечественных вузов в интернационализацию профессионального образования через международный контекст окончательно подрывает остатки отечественных традиций высшей школы – эта убежденность отразилась в массовых критических выступлениях со стороны педагогической среды, родителей, граждан.

Встает вопрос: может ли наша образовательная система в подобном состоянии с пользой для себя интегрироваться в межгосударственное сотрудничество? На наш взгляд, ответ достаточно простой и определенный: может, обязана. Но возникают другие вопросы, приобретающие более сложный характер: с какими целями, в каком качестве, руководствуясь какими ценностями намерена Россия вступать в межгосударственное сотрудничество, и главное – какие результаты она ожидает получить для системы образования, общественного развития страны в целом?

Пока использование принципов Болонского соглашения в отечественной высшей школе продемонстрировало пассивное принятие Россией инновационных форм вестернизированного типа. Такой поворот нашего образования делает его зависимым от зарубежных фондов, привязывает к политике стран Запада в разных сферах деятельности. Подобная интеграция в межгосударственное сотрудничество сохраняет сырьевой статус России, ибо создает низкий профессионально-квалификационный профиль кадров, формирует у массы людей непрофессионализм, узкий кругозор, способность отзываться на внешнюю манипуляцию. Новая система образования по существу не рассчитана на

формирование активной, морально устойчивой личности, готовой к разного рода общественному участию, преодолению сложных социальных этапов развития, прохождению разных циклов своей жизни.

Объективность требует признать то, что, оставаясь в своей целевой основе и замыслах в меньшей степени отвечающими будущему отечественной культуры и цивилизации, реформы на основе Болонского соглашения вынуждены были осуществить целый ряд из давно назревших шагов. Среди них укажем на законодательство того времени, подтверждающее возможности, позволяющие государственным и иным субъектам образовательной деятельности по своей инициативе входить в контакты с представителями аналогичных структур других стран. Начиная с 1990-х гг. в нашей школьной и вузовской практике такие возможности расширяются. Эта ситуация открывает новые горизонты перед нашими учебными учреждениями в выборе зарубежных партнеров, а также направлений и форм сотрудничества с ними, что стимулирует развитие системы образования в конструктивном направлении.

До недавнего времени наша высшая школа не могла воспользоваться своими преимуществами в данном направлении. Так, в образовательном сотрудничестве постоянными партнерами оставались учебные заведения стран Европы и США, предлагающие школам и вузам свои универсальные продукты. В этом случае российская сторона выступает реципиентом, обеспечивая граждан РФ лишь документами об образовании зарубежного формата. Причем запросы России по целому ряду параметров воспитания и обучения своей молодежи остаются нереализованными.

Чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию, важно прежде всего глубоко осмыслить стратегии, цели и задачи, стоящие перед отечественной системой образования, это заметно продвинуло бы наше образование в сознательном отборе конструктивных форм взаимодействия с зарубежными парт-

нерами. Страны Восточноевропейского региона приобретают в этом случае важное значение, ибо многие из них также находятся в поиске эффективных форм образования и воспитания молодых поколений.

Укажем еще на один новый признак выхода российского образования на международный рынок. Ныне Россия все больше отстает от других государств в продвижении своих образовательных продуктов и программ на мировом рынке. Если СССР контролировал 2 % мирового рынка экспорта образования, то сейчас Россия – только 0,1 %, тогда как США – 27 %, Великобритания – 14 %, Германия – около 8 %. Эксперты полагают, что в долгосрочном плане России нужно выходить на уровень 5–7 %, предварительно проделав немалый объем подготовительной работы [См.: 13].

Но следует учесть одно важное обстоятельство. В отечественной практике пока сохраняется ведущий ресурс образования: кадровый, теоретический и методический потенциал, который созрел еще в условиях имперского, затем советского периода. Этому ресурсу в немалой степени были присущи качества, имеющие догоняющий характер. Но одновременно он заключал в себе высокий уровень методической концептуализации, мировоззренческую ориентацию на развитие познавательных личностных качеств учащихся, сохранение духовной преемственности с родной культурой. Данные параметры необходимо всемерно развивать, интегрируя их с современными формами образовательной практики.

Еще один новый момент в выходе наших образовательных продуктов на межгосударственное сотрудничество заключается в том, что наша страна уже не распространяет модельный вариант образования (как в СССР), рожденный западным индустриализмом. В сложившейся ситуации образовательному ведомству целесообразно выходить на рынок услуг, предлагая многообразные учебно-специализированные программы, способные адаптироваться к запросам времени и разным национальным запросам, контингентам обучающихся

ся. С одной стороны, все эти программы не выходят за рамки единой государственной модели отечественного образования, которая по содержательным целям и смыслам сочетается с перспективами национального развития России. С другой – в российских программах обучения и специализации закладываются возможности их развития в процессе обучения зарубежного контингента учащихся в РФ, а также отклик на запросы и нужды партнеров по евразийскому сотрудничеству, на взаимосогласованной основе между странами вырабатывая общие принципы равноправного взаимодействия в этой области.

В последние годы ситуация в данном направлении меняется к лучшему: активно развиваются обменные образовательные процессы между странами – участниками Содружества независимых государств (СНГ)¹. Модернизация гуманитарного образования в ряде стран постсоветской Евразии, без которой невозможны любые социокультурные преобразования, ныне неразрывно связана с сетью успешно действующих пяти славянских университетов – Российско-армянским (Славянским), Бакинским славянским, Кыргызско-российским славянским им. Б. Н. Ельцина, Российско-таджикским (Славянским), Белорусско-Российским, с налаживанием дистанционных форм получения и передачи информации и знаний через Сетевой открытый университет СНГ (СУ СНГ).

Отметим особую роль высших учебных заведений государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, прививающих обучающимся в университетах идеалы гуманизма в духе взаимного доверия и уважения, ценности, которые определяют характер взаимодействия между народами, проживающими во входящих в объединение странах. Решая задачи гармонизации систем образования Запада и Востока, а также – сопряжения образовательного пространства Евразии, функционирует Сетевой университет ШОС, включающий в

настоящее время 82 ведущих университета государств – членов ШОС. С российской стороны образовательную деятельность по магистерским программам «Регионоведение», «Экология», «Педагогика» и прочим реализуют МГУ, МГИМО, РУДН, НГУ и др. Администрирование проекта со стороны Китайской Народной Республики осуществляет Даляньский университет иностранных языков [18].

Одним из важных шагов в создании совместных программ в нашем образовании станет Российско-китайский университет, который формируется на базе сотрудничества МГУ им. М. В. Ломоносова, Пекинского политехнического института и правительства города Шэньчжэнь (начало его работы предполагается в текущем 2016 г.). Выпускники будут получать диплом РКУ и МГУ одновременно. Обучение планируется осуществлять на русском (ведущем), китайском и английском языках по образовательным стандартам (которые прошли лицензирование в Министерстве образования КНР), учебным планам и силами профессорско-преподавательского состава МГУ с привлечением лучших специалистов других вузов, прежде всего партнеров из Пекинского политехнического института. Определены ведущие направления: русская литература, информационные технологии, науки о земле, науки о человеке, экология, биотехнология, экономика и право, культура и телевидение. Обратим внимание на сбалансированное соотношение гуманитарных, социальных, естественных и технических специализаций. При этом контингент студентов будет состоять не только из китайцев, но и из граждан разных государств Восточной Евразии. Особое значение приобретает тот факт, что новый университет планируется расположить в зоне предприятий с высокими технологиями.

Подчеркнем, что политическое руководство Китая, осуществляя программу модернизации страны, продуманно отработывает стратегию развития своей высшей школы. Сегодня действует лишь несколько учебных заведений, совместных с зарубежными учре-

¹ Подробнее о развитии форм гуманитарного межгосударственного сотрудничества в странах – участниках СНГ см.: [2].

дителями – главным образом американскими и британскими [См.: 17]. Конечно, молодые китайцы с целью получения профессиональной подготовки могут за свой счет выезжать в другие государства. Но законодательство КНР не допускает создания филиалов иностранных вузов в стране, возможно лишь совместное сотрудничество китайских и иностранных учебных заведений на базе двухсторонних договоров.

Подобный проект РФ и Китая на базе МГУ им. М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического института, безусловно, говорит о конкурентоспособности университетского образования России на мировом рынке. Его реализация открывает новые горизонты не только перед лучшими российскими университетами. Так, перед нашими сибирскими и дальневосточными образовательными учреждениями появляются благоприятные перспективы межгосударственного сотрудничества с аналогичными центрами зарубежного Дальнего Востока, Юго-Восточной и Южной Азии. Российской средней школе и вузам следует при этом смелее обращаться к разным сторонам взаимодействия в данной сфере, активнее диверсифицировать инновационные и устойчивые формы сотрудничества. Законодательство стимулирует поисковый характер межгосударственных связей в отработке новых видов образовательной практики.

Только в направлении дополнительного профессионального образования предусматривается участие российских высших учебных заведений в международном сотрудничестве посредством реализации программ двустороннего и многостороннего обмена студентами, аспирантами, докторантами, педагогическими и научными работниками; подготовки совместных научных исследований и научно-практических мероприятий (конгрессов, конференций, симпозиумов и др.) и осуществления фундаментальных и прикладных научных исследований, а также опытно-конструкторских работ по заказам иностранных юридических лиц и участия в разного рода международных программах по повышению качества образования.

Переход нашей профессиональной школы к трехуровневой системе (бакалавриат – магистратура – аспирантура) актуализировал вопрос о необходимости создания таких магистерских программ, учебные планы которых, отличаясь определенного рода универсальностью, стали бы гибкими и адаптивными под интересы государств, готовых их внедрять в своих учебных заведениях или чьи граждане готовы получать магистерскую степень в вузах Российской Федерации. Если по линии естественно-научного и технического направления этот процесс можно оценить в целом как положительный, то динамика магистерской и аспирантской формы обучения по гуманитарному профилю подготовки специалистов остается пока недостаточно востребованной на евразийском пространстве. Комплекс осложняющих проблем связан с необходимостью знания русского языка, спецификой согласования законодательно-правовых систем государств и прочего, стягиваясь в единый узел, требующий более эффективных и продуманных форм обновления отечественной системы образования.

С одной стороны, многие российские вузы уже сегодня могут отзываться на конкурентные требования, прежде всего по качеству предоставления комплексных образовательных магистерских программ, ядро которых составляет научно-исследовательская и проектная сущность. С другой – несмотря на давление рыночных механизмов, часть вузов видит свою миссию в расширении содержательной составляющей, отвечающей запросам других государств и адаптированной к особенностям их иноцивилизационного образовательного пространства. Следовательно, ни компетентностный подход и проектно-практический инструментарий, ни направленность программ на личностно ориентированное развитие, подкрепленные формированием мотивации на достижение высокой научно-теоретической квалификации, не компенсируют отсутствия специальных подходов к развитию партнерства со странами СНГ. Кроме того, эксперты предупреждают и о том, что при осуществлении международного трансферта знаний нельзя относиться к образованию как к

товару, пусть даже самому качественному и востребованному. Ориентация исключительно на рыночные принципы может перерасти в серьезную проблему, а внешнее потребление образовательных программ будет рассматриваться не в перспективе развития межгосударственных отношений, но как канал утечки мозгов специалистов (и тех, кто учит, и тех, кого обучают) [См.: 10]. По-видимому, в этом случае зарождается конфликт разных ценностных подходов к образованию.

Существует еще ряд сдерживающих факторов, связанных с необходимостью укрепления статуса магистерских программ как обязательной ступени профессионального образования и карьерного роста специалистов в странах евразийского пространства. На наш взгляд, это не столько психологическая проблема закрепления в общественном сознании важности магистерской подготовки, сколько проблема предоставления образовательного продукта высокого качества. Отсюда возрастание потребности в воспроизводстве преподавательских кадров с новым уровнем системного мышления, обладающих умением концептуально увязывать теоретические и практические проблемы, знанием международных критериев подготовки высокопрофессиональных кадров и др. Однако этому процессу уделяется непростительно мало внимания. Управленческими структурами поддерживается тенденция оценивать качество обучения преимущественно через систему «информационного» позиционирования и рейтингов, что на деле не обеспечивает взаимосвязи между научной, экспертной, методической и преподавательской деятельностью, а также сказывается на содержательной направленности образовательных программ, в том числе магистерских. Во многих вузах они не воспринимаются как целостный продукт, а лишь как «встроенная» в общую систему вузовской подготовки часть.

Почему мы заостряем внимание на магистерской подготовке? Прежде всего потому, что обучение в магистратуре является той ступенью образования, где вопрос о согласо-

вании научных и учебных интересов обучающихся является центральным. Опыт разработки и реализации подготовки управленческой специализации позволяет нам считать, что для укрепления семантической составляющей интегративных процессов нужны специалисты, обладающие определенными компетенциями и мировоззренческими ориентациями; иными словами, люди, рассматривающие общество как управляемую систему, способные анализировать социальные институты, продуцировать побудительные мотивы, что в целом обеспечивает стабильную работу всей системы. Обладание интеллектуальной гибкостью, умением решать проблемы самостоятельно, владение навыками прочитывать глубинные смыслы в получаемой информации достигаются в процессе гуманитарной подготовки управленцев. Потребности в таких специалистах высоки во всем мире, поскольку они могут стать основой сотрудничества ради повышения благосостояния и качества жизни ведущих социальных слоев [См.: 14].

В России разработано несколько магистерских программ, связанных с гуманитарной подготовкой управленцев и менеджеров в разных сферах социальной и культурной деятельности. Однако трансформация системы государственного и муниципального администрирования диктует потребность в комплексной направленности программ на усиление интегративного потенциала социокультурных процессов на евразийском пространстве. От такого подхода взаимодействие стран – участников СНГ только выигрывает. Уже в течение трех лет нами реализуется магистерская программа «Управление в сфере культуры, образования и науки»¹. Ее основная миссия – широкая культурологическая подготовка руководителей, способных обеспечивать разработку, нормативно-правовое сопровождение и реализацию социокультурной политики государства, инновационных государственных и региональных про-

¹ Программа реализуется кафедрой ЮНЕСКО и Научно-образовательным центром «Гражданское общество и социальные коммуникации» в Институте государственной службы и управления (ИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

грамм в области науки и образования с учетом мирового опыта и международных документов ЮНЕСКО, определяющих стратегические направления деятельности российского государства в гуманитарной сфере.

Обучение специалистов по этой программе, интерес к которой стали проявлять и граждане других стран, показывает, что формирование на евразийском пространстве общей социокультурной среды может успешно развиваться через системы магистерской подготовки профессионалов государственного администрирования, исследователей и специалистов в области социокультурной экспертизы, проектирования, прогнозирования территориального развития и др.

Тем самым комплексное применение закладываемых программой профессиональных компетенций и поддержка со стороны управленцев-практиков, представляющих законодательную и исполнительную власть, деловых кругов, общественности и средств массовой информации придает ей привлекательность и делает ее конкурентоспособной на рынке образовательных услуг. Эта программа решает проблему профессиональной деятельности управленцев, связанную с включением в их функции анализа и диагностики социокультурных проектов, развитием международного сотрудничества, расширением взаимодействия с различными структурами гражданского общества и бизнеса в разных странах. В данном случае организационная и просветительская деятельность, осуществляемая в рамках программы, направлена на распространение знаний о культуре России, формирование оснований для укрепления культурно-языковой идентичности русских, проживающих на пространстве СНГ, приобщение к историко-культурному наследию народов Евразии, а также выработку навыков сопряжения целей, ценностей и форм подготовки в разных национальных системах образования в гуманитарной сфере на евразийском пространстве как отвечающих геополитическим интересам государств – участников СНГ, ШОС и других альянсов.

Завершая анализ поднятых в материале культурно-гуманитарных проблем сотрудничества России со странами Восточной Евразии, сделаем ряд выводов. В условиях нестабильного мирового развития межгосударственные формы взаимодействия на евразийском пространстве приобретают ряд принципиально новых характеристик, которые должны учитываться всеми реальными и потенциальными партнерами сотрудничества. Российскому обществу понадобилось более двух десятилетий, чтобы в первом приближении понять ведущие тенденции мировых процессов и попытаться определить в них свое место.

Общественное сознание современной России связывает будущее развитие страны с собственной культурой и цивилизационной основой; иллюзии о вхождении в «европейский дом», преимуществах сотрудничества с США ныне теряют своих сторонников. Признание необходимости поворота к собственному национально-культурному и цивилизационному развитию означает принципиальные трансформации в массовом сознании нашей страны. На протяжении последнего столетия среди российской элиты были более распространены скептические оценки продуктивных возможностей собственной культуры; представители высших и образованных слоев, как правило, полагались на западноевропейские достижения и образцы. Даже строительство социализма корректировалось параметрами развития, присущими западным странам. Расколы нашей культуры, сегментированность общества в этом вопросе не раз порождали социальную и политическую конфронтацию. Однако в нынешней ситуации имеется немало возможностей преодолеть указанный культурный раскол и выработать адекватную консолидированную стратегию развития.

Позитивные трансформации в сознании граждан позволили политикам и общественным деятелям начать поиск ведущих векторов российского развития, один из которых стал реализовываться во внешней политике. Не отказываясь от сотрудничества с государствами разных цивилизационных регионов, политические лидеры РФ начина-

ют наиболее активно выстраивать союзнические контакты со странами Восточной Евразии. Этот поворот ограничен экономическим взаимодействием, связями в сфере политики, системе обеспечения государственной безопасности. Но уже сегодня осознается неизбежность освоения огромного диапазона культурно-гуманитарного сотрудничества, а также необходимость разработки новой целевой и семантической базы для выхода российской цивилизации и государственных институтов на международную арену.

При сбалансированном развитии российская политика многовекторного сотрудничества в Восточной Евразии способна стать долгосрочным проектом, приобретающим для нашего общества стратегическое значение. Не подменяя собой работу над внутренними проблемами развития России, проект может помочь выработать удачные решения некоторых наиболее сложных их аспектов. Участвуя в евразийских союзах и коалициях, Россия сможет присутствовать на постсоветском пространстве в другом качестве. Это обозначит ее шансы оставаться субъектом стратегической политики, который эффективно использует консолидирующий потенциал собственной цивилизации. В данном случае российские граждане обретают позитивные смыслы жизнедеятельности, без отказа от собственной культурно-исторической идентичности, при осознании новых задач конструктивного значения и мирового масштаба. Кроме того, интегрируется весь русскоязычный мир нашей планеты.

Разработка сложного целесемантического комплекса России для дальнейшего ее участия в евразийском сотрудничестве потребует отслеживать динамику взаимодействия государственно-политических сил в мире, вникать в сущность разнотипных цивилизационно-религиозных смыслов и ценностей, непротиворечиво увязывать их в общей работе. Исходя из национальной стратегии развития и семантики собствен-

ной цивилизации, российская сторона должна уметь сопрягать эти параметры с целями и смыслами партнеров, выстраивая прагматическую сеть отношений, учитывая интересы стран-партнеров, добиваясь позитивных для всех участников результатов. Создание целесемантической основы межгосударственного сотрудничества позволит не только России, но и партнерам отслеживать единство в понимании ведущих мировоззренческих установок, согласовывать нормы и принципы внутрикорпоративных, отраслевых, межличностных коммуникаций, следить за удовлетворенностью полученными результатами граждан разных стран, а также конкретных организаций и фирм, участвующих в сотрудничестве.

Указанные целестратегические и семантические аспекты характерны для одного из ведущих направлений культурно-гуманитарного взаимодействия, относящегося к системе образования. Отставая пока в масштабах выхода на мировой рынок своих образовательных продуктов, Россия сохраняет немалый конкурентоспособный потенциал в этой области, связанный с кадрами, теоретическими и методическими аспектами учебных программ, возможностями воспитания творчески мыслящих молодежных групп и слоев. На примере развития магистерской программы по подготовке управленцев в сфере культуры, науки, образования одинаково высвечиваются как трудности, так и преимущества такого рода гуманитарно-теоретических программ обучения. Главное в магистерских программах и курсах российских разработчиков, чтобы их цели, метафизическая и методическая основа оценивались политическим руководством, гражданами евразийских стран как актуальные, конкурентоспособные в условиях рынка, не вступающие в культурный конфликт с их цивилизационной и национальной основой жизни, получая в итоге признание со стороны преподавательской среды и контингента студентов.

-
1. Аванесова, Г. А. Локальные цивилизации: теоретические постулаты и повороты в практике глобальных взаимодействий / Г. А. Аванесова // Полигнозис. – 2014. – № 1–2. – С. 105–118.
 2. Астафьева, О. Н. Гуманитарные горизонты евразийской экономической интеграции / О. Н. Астафьева, В. И. Савинков // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2012. – № 12. – С. 163–169.

3. Бенуа, А. де. Против либерализма к четвертой политической теории / А. де Бенуа; пер. с фр. А. Дугин, А. Кузнецов, Я. Бражникова, А. Голобородько и др. – Санкт-Петербург: Амфора, 2009. – 480 с.
4. Большая игра: Британская империя против России и СССР / М. В. Леонтьев. – Москва; Санкт-Петербург: Астрель, 2012. – 347 с.
5. Бьюкенен, П. Смерть Запада / П. Бьюкенен; пер. с англ. А. Башкирова. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra fantastica, 2003. – 445 с. – (Philosophy).
6. Вандам (Едрихин), А. Наше положение / А. Вандам (Едрихин). – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 176 с.
7. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Г. Ицковиц; пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиотехники, 2010. – 238 с.
8. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г. Ф. Швейник. – Москва: Прогресс: Универс, 1994. – 272 с. – (Библиотека зарубежной психологии).
9. Мазурова, Л. Потребитель нынче в дефиците [Электронный ресурс] / Л. Мазурова // Литературная газета. – 2007. – 8 авг. – № 32 (6132). – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/1154>.
10. Маркс, Д. Смысл базового высшего образования в контексте конкуренции на рынке образовательных услуг / Д. Маркс // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 9. – С. 8.
11. Перетолчин, Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты / Д. Ю. Перетолчин. – Москва: Книжный мир, 2014. – 416 с.
12. Подберезкин, А. И. Евразия и Россия / А. И. Подберезкин, К. П. Боришполец, О. А. Подберезкина. – Москва: МГИМО, 2013. – 1070 с.
13. Привезенцев, В. Сотрудничество с зарубежными странами в области образования / В. Привезенцев // Образовательное право. – 2011. – № 2. – 20 янв.
14. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен; пер. с англ. В. И. Белопольский. – Москва: Когито-Центр, 2002. – 396 с.
15. Талгат. SWOT-анализ для Евразийского Союза [Электронный ресурс] / Талгат // Военное обозрение. – Режим доступа: <http://topwar.ru/57283-swot-evraziyskiy-soyuz.html>. – Дата обращения: 04.06.2015.
16. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва: АСТ, 1999. – 784 с.
17. Шахрай, С. МГУ в Китае / С. Шахрай // Аргументы недели. – 2014. – № 31 (423). – 21 авг.
18. Филиппов, В. М. Роль Университета ШОС в сопряжении образовательных пространств Евразии / В. М. Филиппов, Сунь Юйхуа // Государственная служба. – 2015. – № 6 (98). – С. 15–17.
19. Шереги, Ф. Э. Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России / Ф. Э. Шереги, В. И. Савинков. – Москва: ЦСПиМ, 2011. – 288 с.
20. De Conspiratione [О заговоре]: сб. моногр. / сост. А. И. Фурсов. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2013. – 522 с.

Получено 10.09.2015

О. Астафьева

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy and State Service
under the President of the Russian Federation, IPAM
E-mail: onastafieva@mail.ru

G. Avanesova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Sholokhov Moscow State
University for the Humanities
E-mail: gal-09@list.ru

STRATEGIC VECTOR AND SEMANTIC GROUNDS OF THE INCLUDING RUSSIA IN THE HUMANITARIAN SPACE OF INTERCIVILIZATION UNIONS: INTERACTION IN EDUCATION

Abstract. The geopolitical realities of today actualize the theme of international cooperation in the humanitarian sphere. The authors substantiate the benefits of Russia elected for more than two centuries ago, the way of cultural and civilization development and analyzing the parameters of the leading historical dynamics reveal patterns in the formation of the Soviet period, new practices of cultural modernization. It is emphasized that by engineering studies technology allowed to broadcast model of socialism in different countries of the world. However, the lack of impulses to the institutional renewal and ignoring the need to rethink the semantic integration basis led peoples and nations to the destruction of the Soviet model in our country.

The article identifies features of the new goal-setting and semantic principles of international cooperation in modern Russia, as a result of the analysis of various semantic types. The authors distinguishes four such values and

meanings type (clusters): basic semantic units of the Russian civilization; Leading values and meanings, and sector goals and situational principles that guide parterres of East Eurasian regions; meanings and spiritual values of Western civilization; values that are ambivalent, partly tiled and transient in nature.

The authors focus especially on issues of effective cooperation in the field of education between the countries of the Commonwealth of Independent States, as well as an influential intergovernmental international organization – the Shanghai Cooperation Organization. The examples of the products of national education output to the countries of the former Soviet Union, as well as in the states of Eastern Eurasia were analyzed here.

Keywords: cultural-humanitarian direction of integration, inter-state partnership, cooperation semantics, value clusters of local civilizations, educational practices in the CIS, SCO educational practices

For citing: Astafyeva O., Avanesova G. 2016. Strategic vector and semantic grounds of the including Russia in the humanitarian space of intercivilization unions: interaction in education. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.* № 1 (45): 65–80.

References

1. Avanesova G. 2014. The local civilizations: the theoretical postulates and the turns in the practice of global interactions. *Polignozis.* № 1–2: 105–118. (In Russ.).
2. Astafyeva O., Savinkov V. 2012. Humanitarian horizons of the Eurasian economic integration. *Eurasian integration: Economy. Law. Policy.* № 12: 163–169. (In Russ.).
3. Benoist A. de. 2009. *Protiv liberalizma k chetvertoy politicheskoy teorii* [Against the fourth liberal political theory]. Translated from Fr. by Dugin A., Kuznetsov A., Brazhnikova IA., Goloborodko A., et al. Saint Petersburg: Amfora. 480 p. (In Russ.).
4. *Bol'shaya igra: Britanskaya imperiya protiv Rossii i SSSR* [A great game: The British Empire against Russia and the USSR]. 2012. Leontev M. Moscow; Saint Petersburg: Astrel. 347 p. (In Russ.).
5. Buchanan P. *Smert' Zapada* [Death of the West]. 2003. Translated from Eng. by Bashkirova A. Moscow: AST; Saint Petersburg: Terra fantastica. 445 p. (In Russ.).
6. Vandam (Edrikhin) A. 2009. *Nashe polozhenie* [Our position]. Saint Petersburg: Nauka. 176 p. (In Russ.).
7. Itskovits G. 2010. *Troynaya spiral'*. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deystvii [Triple helix. Universities – enterprises – state. Innovation in action]. Translated from Eng. under editorship of Uvarova A. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 238 p. (In Russ.).
8. Lorenz K. 1994. *Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo»)* [Aggression (so-called "evil")]. Translated from German Shveinik G. Moscow: Progress: Univers. 272 p. (In Russ.).
9. Mazurova L. 2007 Aug 8. Consumers now in short supply [Electronic resource]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. № 32 (6132). Available from: <http://www.lgz.ru/article/1154>. (In Russ.).
10. Marks D. 2008. The meaning of basic higher education in the context of competition in the market of educational services. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today]. № 9: 8. (In Russ.).
11. Peretolchin D. 2014. *Mirovye voyny i mirovye elity* [World wars and world elite]. Moscow: Knizhnyy mir. 416 p. (In Russ.).
12. Podberezkin A., Borishpolets K., Podberezkina O. 2013. *Eurasia and Russia*. Moscow: MGIMO University. 1070 p. (In Russ.).
13. Ptivezentsev V. 2011 Jan 20. Cooperation with foreign countries in the field of education. *Obrazovatel'noe pravo* [Educational Law]. № 2. (In Russ.).
14. Raven Jh. 2002. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitiye i realizatsiya* [Competence in modern society: the identification, development and implementation]. Translated from Eng. by V. Belopolskii. Moscow: Kogito-Tsentr. 396 p. (In Russ.).
15. Talgat. SWOT-analysis for the Eurasian Union [Electronic resource]. *Voennoe obozrenie* [Military review]. Available from: <http://topwar.ru/57283-swot-evraziyskiy-soyuz.html> (accessed: 04.06.2015). (In Russ.).
16. Toffler A. 1999. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow: AST. 784 p. (In Russ.).
17. Shakhrai S. 2014 Aug 21. Moscow State University in China. *Argumenty nedeli* [The arguments of the week]. № 31 (423). (In Russ.).
18. Filippov V., Sun Iuikhua. 2015. The role of the Shanghai cooperation organization university in the mate educational spaces of Eurasia. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public administration]. № 6 (98): 15–17. (In Russ.).
19. Sheregi F., Savinkov V. 2011. *Obrazovanie kak faktor formirovaniya intellektual'nogo potentsiala Rossii* [Education as a factor of formation of the intellectual potential of Russia]. Moscow: Centre of social prognosis and marketing. 288 p. (In Russ.).
20. *De Conspiratione* [About the conspiracy]. 2013. Fursov A., comp. Moscow: Publishing house KMK. 522 p. (In Russ.).

Received 10.09.2015

А. Г. Кислов

д-р филос. наук, профессор,
Российский государственный
профессионально-педагогический университет
E-mail: akislov2005@yandex.ru

Н. В. Сюзева

соискатель ученой степени канд. культурологии,
Российский государственный
профессионально-педагогический университет
E-mail: mogilenko_nataly@mail.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Коррупция – социально опасное и одновременно весьма распространенное сегодня явление, общественное противостояние которому ограничивается преимущественно государственными административными и уголовно-правовыми мерами, а также разоблачениями общественников. Но ни на уровне государства, ни гражданскими активистами не учитываются в должной мере культурные предпосылки формирования и воспроизводства коррупции. Недооценивается роль культуры в жизни социума, всех его сфер, что обычно сопровождается наивно-восторженным ее восприятием как исключительно положительного, даже благостного явления, трактовкой лишь как сферы, а не существа общественной жизни, истока и основания почти всех социальных феноменов. Это делает актуальным обращение к проблеме неоднозначных корреляций культуры и коррупции, вскрывающее амбивалентную детерминацию коррупции культурой, и отношение к ней как воспроизводящей, даже порождающей ее и препятствующей, предупреждающей. Особого внимания заслуживает второй аспект. Предлагается аналитический обзор принимаемых нерепрессивных антикоррупционных мер и их концептуальных оснований, большей частью односторонне рационалистских. Как наиболее важный и перспективный рассматривается фактор работы учреждений культуры, в том числе образовательных организаций, с трансрациональной – интенциональной сферой и отдельного человека, и коллективов, что положительно скажется на общественном сознании в целом, на формировании его установки отторжения коррупции как неприемлемого феномена.

Культурологический анализ антикоррупционных мер, осуществляемых образовательными организациями, свидетельствует об апатии субъектов учебного процесса, основанной на убеждении в неискоренимости коррупции. Одним из способов воздействия на коррупционные стереотипы может стать провокация как один из приемлемых в случае использования профессионалами манипулятивных приемов. Провокация является катализатором социально полезных изменений сознания и поведения личности и позволяет пройти через сильные эмоции к их катарсису и преображению.

Ключевые слова: культура, интенциональность, коррупция, предупреждение коррупции

Для цитирования: Кислов, А. Г. Амбивалентность культуры в процессах воспроизводства и предупреждения коррупции / А. Г. Кислов, Н. В. Сюзева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 81–89.

Коррупция остается одной из самых острых проблем современного российского общества. Она затрагивает все социальные институты и представителей всех слоев населения, мешает общегосударственному развитию. Иными словами, является системной, а значит, укорененной в культуре проблемой, решение кото-

рой требует принятия незамедлительных и кардинальных мер. Недооценка же роли культуры в жизни социума, обычно сопровождающаяся наивно-восторженным, благостным восприятием культуры как исключительно во всех отношениях положительного явления, трактовка ее лишь как сферы, а не существа общест-

венной жизни препятствует осмыслению многих, особенно всеобъемлющих проблем, не говоря уже об их решении. Так обстоит дело и с коррупцией, с поисками путей борьбы с ней и противостояния ее всепроникающей инерции.

Проблема коррупции существует не только в России и не только в настоящее время. Современному обществу она «досталась по наследству» вместе с традициями, укладом, мировоззрением и в значительном ряде стран приобрела черты культуросообразности, стала нормой поведения в довольно широких кругах. Анализ становления и развития коррупции в мировой истории показывает, что нечистые на руку люди были во все времена во всех странах и государствах. Уже в Ветхом Завете есть упоминания о коррупции. С древности утверждалась культурная норма так называемого кормления государственных людей, традиция подарков экстраполировалась на взаимоотношения с властью.

В научной литературе можно выделить три подхода к взаимосвязи культуры и коррупции. Согласно первому, сама коррупция является культурой (деловой или организационной) и должна анализироваться с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества символов, обычаев, представлений и ценностей [См.: 28]. Второй связан со структурным функционализмом Т. Парсонса и Р. Мертон, рассматривавших коррупцию как временное состояние, преходящую дисфункцию в культуре, разделяемую и поддерживаемую всеми членами общества. Третий подход к пониманию взаимосвязи коррупции и культуры исходит из трактовки коррупции как явления, которое постоянно воспроизводится культурной традицией и опирается на устойчивые черты национальной культуры (К. Харт, Г. Триандис, Э. Холл и др. [См.: 15]). Конечно, оправдывать коррупционеров культурными традициями юридически некорректно: в таком случае отсутствуют основания вменения в вину и, соответственно, совершенное деяние не может рассматриваться как преступление. Но юридически значимое наличие личностных детерминант никак не отменяет еще и внешние, и глю-

бинные, многократно опосредованные детерминанты, важные уже не только с психоаналитической, а именно с культурологической точки зрения, равно как культурологически важна проблема их взаимодействия и генезиса.

Антикоррупционные же меры чаще являются информационно-пропагандистскими и репрессивно-административными и не затрагивают культурные предпосылки существования коррупции, т. е. в каком-то отношении способствуют, по крайней мере не мешают ей, ее истокам и основам. Этими предпосылками чаще считают лишь деформации экономических отношений. Однако и экономические, и многие другие общественные и межличностные отношения всегда опосредованы, предзаданы культурными образцами, предпочтениями, допущениями или запретами. Потому дело обстоит не так, будто коррупции противостоит культура. Последняя амбивалентна в отношении коррупции: она ее и порождает, и обеспечивает воспроизводство, легитимирует, вуалирует и, что наиболее интересно и важно, все же имеет ресурс противостояния и ее предупреждения.

К осмыслению возможностей предупреждения коррупции и борьбы с ней обращаются давно и во всех странах, а также и на международном уровне, что нашло свое выражение в Конвенции ООН против коррупции¹, дополнившей Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности². В Российской Федерации принят Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. (ред. от 03.11.2015) № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», разработан и реализован Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 гг.³

Многими признается, что важным дополнением к правовым мерам, предпринимаемым государствами, могут и должны стать меры прямого педагогического (информационно-просветительского и воспитательно-пропаган-

¹Принята в Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51 пленарном заседании 58 сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

²Принята в Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62 пленарном заседании 55 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, действует с изменениями от 15.11.2000.

³Утвержден Указом Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы».

дистского) характера и непрямого, контекстно-го, неакцентированного, латентно вплетенного во все социокультурные практики. Так, А. Ю. Коннов [14], В. А. Номоконов [17], А. А. Самсонов [20] убедительно показывают, что коррупция является не только экономической, не только правовой и даже не только этической, но гораздо более сложной социокультурной проблемой, проистекающей из оснований культуры. В. В. Астанин [2] также настаивает на том, что при толерантном отношении граждан к коррупции любые государственные меры противодействия ей не будут эффективными. Следовательно, необходимо искать способы неопосредованного государством и его органами воздействия на отношение граждан к коррупции. В. В. Лунеев [15], Г. А. Сатаров [21] тоже считают необходимыми не только административные и уголовно-правовые, но и превентивные, прежде всего воспитательные меры, поскольку лояльное отношение к коррупции стало составляющей традиционной и даже народной культуры. Такой подход позволяет актуализировать концептуальный потенциал значительного пласта научных работ отечественных теоретиков культуры, выполненных в XX в.: М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, Л. Н. Когана, В. С. Цукермана, А. Я. Флиера, И. В. Шапко и др., однако до сих пор обращение к антикоррупционному потенциалу их наследия не произошло. Также не вовлечены в теорию и практику образцы феноменологического прочтения правовых (Ю. Г. Ершов [10], М. И. Пантыкина [18] и др.) и образовательных (Л. А. Беляева [3–5]) реалий, позволяющие выявить механизмы практического воплощения культурно обусловленных пластов сознания и его глубинных оснований, включая ценности, стереотипы, убеждения, предубеждения, предрассудки, интуиции и т. д.

Однако публикующиеся по нашей теме авторы [См., напр.: 7; 8] касаются правового просвещения обучающихся относительно коррупции, ее проявлений, грозящего наказания за преступления коррупционной направленности преимущественно в рамках формального образования (интегрирование антикоррупционной

составляющей в учебные курсы), а также посредством участия в гражданских акциях, конференциях и других мероприятиях.

В последние годы сложились и реализуются несколько моделей антикоррупционного образования, нуждающихся в концептуальном анализе с целью выявления их теоретико-культурных оснований. Так, ценностно ориентированная модель, разработанная для общеобразовательных школ и вузов в 2006 г. в Литве и получившая широкое распространение в странах бывшего СССР, имеет целью воспитывать установки и развивать способности, необходимые для формирования гражданской позиции в отношении коррупции. Основной задачей стала передача ученикам необходимых знаний о коррупции, которые помогут им научиться ее распознавать, в том числе в завуалированных формах, уметь аргументировать свою негативную точку зрения по отношению к коррупционным проявлениям [1].

Мы убеждены, что с течением времени установки изменятся сами собой, если педагогу удастся убедительно дискредитировать коррупцию информированием и спровоцировать процесс ее активного обдумывания обучающимися. Надежда на автоматическое срабатывание преимущественно когнитивных механизмов является главной слабостью данной модели антикоррупционного образования, в целом заслуживающей внимания и поддержки. Но она опирается на односторонне-рационалистическую культурологию, недооценивающую роль вне- и трансрациональных (по С. Л. Франку) компонентов любой культуры. При ее реализации не происходит значительных изменений в ценностных ориентациях обучающихся.

Н. И. Элиасберг (Санкт-Петербург) еще в 1990-е гг., также опираясь на рационалистическую культурологию, выдвинула идею изучения права, обеспеченного опять же прочным осознанием материала, необходимого в жизни. В ее концепции учитывается и принцип опоры на опыт, которым обладает ученик, но опыт обязательно только осознанный. При этом правовая информация вводит-

ся после формирования (каким образом?! – не показано) соответствующих нравственных установок и на их основе.

Одна из наиболее распространенных – модель формирования социальной и антикоррупционной компетентности [13]. И здесь основная задача – выработать рационально осмысленное неприятие коррупции, а на этой основе – внутреннее убеждение в ее аморальности, а также нежелание мириться с коррупционными проявлениями. Анализ опыта внедрения данной модели в ряде образовательных организаций [23] показал, что обучающимся не предлагается убедительного, а главное закрепляющегося у них альтернативного варианта поведения. Принципиально важным и тревожным моментом стало и фиксируемое по многим косвенным, а иногда и прямым признакам распространенное нейтральное отношение к коррупции у учеников, их родителей и даже педагогического и управленческого составов образовательных организаций. В большинстве случаев все сходится во мнении, что борьбой с коррупцией должно заниматься государство, так как коррупционеры – это, по мнению многих, лишь должностные лица и государственные служащие. По сути дела, имеют место абerrации сознания, скрывающие от носителей их собственную лояльность к коррупции, готовность не только мириться с ней, но и, возможно, не исключаяющих ее использование.

Культурологический анализ применяемых в современных образовательных организациях мер, направленных на предупреждение коррупции в социуме, свидетельствует не только и не столько об успехах, но и о широко распространенной нерешительности и апатии администраций, коллективов образовательных организаций, разработчиков программ предупреждения коррупции, спонтанно или сознательно опирающихся на убеждение в неискоренимости коррупционных стереотипов в обозримый исторический период развития России. Авторы рассмотренных моделей антикоррупционного образования, подспудно следуя односторонне-рационалистической культурологии, преувели-

чивают возможности назидания, дополняющего также недостаточное средство – информирование. Важно же не только осмыслить негативный характер коррупции и сформировать убеждение в ее аморальности и противоправном характере, но и нейтрализовать влияние культурных стереотипов лояльности к коррупции и актуализировать антикоррупционные стереотипы, обнаружив их если не в актуальной [27] культуре, то в ее латентных пластах, или сформировать их.

Необходимо отметить, что хотя просвещение как собственно педагогический метод и имеет немалое значение в деле противостояния коррупции, оно никогда не было и не может быть достаточной мерой. Важное же дополнение просвещения вовлечением обучающихся в гражданскую жизнь часто страдает эпизодичностью, компанейщиной, а иногда и «показухой», что имеет отрицательные и частные педагогические, и общекультурные последствия. Все это объясняет слабое влияние сферы формального и неформального образования на правовое сознание граждан, их личность, поведение. Не обнадеживают, к сожалению, и самые последние инициативы образовательного ведомства [См.: 19].

Таким образом, концептуальный анализ показывает необходимость обращения к культурным корням коррупции, культурным истокам и условиям ее оценок, а также культурным детерминантам их воплощения в повседневном поведении как объекту научного исследования. Предметом же заслуживает стать антикоррупционный, неактуализированный потенциал культуры. Важность таких изысканий становится еще более явной в свете гипотезы, вдохновляющей на активизацию антикоррупционной работы всех организаций культуры, включая образовательные. Коррупционные стереотипы имеют культурно-исторические основания, актуализируемые как традициями, так и экономическими, политическими интересами доминирующих социальных групп, поскольку их свершению могут противостоять и противодействовать иные, по своей направленности противоположные доминирующим культур-

ным образцам и предпочтениям традиции, предупреждающие, профилирующие коррупцию. Их следует актуализировать в деятельности всех организаций культуры и прежде всего – образовательных.

Проверка научной состоятельности данного предположения требует обращения к памятникам культуры, запечатлевшим особенности менталитета народа, т. е. устному и письменному творчеству, их анализа авторитетными теоретиками культуры, выявления в культурном наследии оснований для работы по предупреждению коррупции. Ей также могут помочь и некоторые инокультурные популяризируемые заимствования, отбор которых должен быть в высшей степени внимательным и строгим, равно как и отбор культурных новаций, распространяющихся прежде всего в молодежной среде. Искать альтернативы коррупционным стереотипам необходимо буквально повсюду, находить и актуализировать их потенциал.

Исходным положением при организации их поисков предлагается признание одною из важнейших характеристик всякого субъекта интенциональности – как сознания, так и всей прочей его активности. Философы-феноменологи (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и др.) обоснованно считают интенциональность, т. е. постоянную направленность, отнесенность к чему-либо, избирательную открытость, фундаментальным свойством всякой субъектности. Именно она в значительной степени обуславливает смысл предмета для думающего о нем, его воспринимающего на всех (сознательном, до-, пред-, под-, бессознательном) уровнях. В этой связи можно говорить, в частности, и о культурогенном «предпонимании» (предварительном понимании) коррупции как «нормального» явления, имеющего место и в традиционной, и, к сожалению, в актуальной культуре.

Мы живем в социуме, где коррупция интенционально допустима. Предпонимание представляет собой «изначальное, исходное понимание, в отличие от вторичного по отношению к нему и производного от него понима-

ния как методически организованного познания. Предпонимание не зависит от рациональной рефлексии, а, напротив, составляет основу и источник всех очевидностей сознания и самосознания. Структуру предпонимания составляют “предмнения”, “предвидения”, “предвосхищения” [6], интуиции. Лояльное отношение к коррупции предстает как «предрассудок», задающий соответствующее содержание общественного сознания. Отсюда и «факт массового лицемерия», выражающийся в «привычке многих людей публично и с пафосом обличать пороки общества, но при решении собственных проблем действовать в обход закона и общественной морали» [10, с. 6].

Устное народное творчество ярко отражает особенности правосознания народа, в котором не сформировано уважение к праву как к ценности. «В народе редко выражается восхищение прямолинейностью и законопослушностью человека. Скорее, в русском фольклоре можно найти такие “мудрости”: “Ехал прямо, да попал в яму”, “Прямо только вороны летают, да и те крылья ломают”, “Прямой напорется, а кривой пройдет” и т. п. Даже есть такая русская поговорка: “Не пойман – не вор”. О хитрецах обычно говорится с одобрением, логика здесь проста: если жизнь так устроена, что правды не сыскать, значит можно надеяться только на себя самого и позволить себе больше, чем разрешает закон, власти, носители которой сами охотно законом пренебрегают. Не стоит так уж бояться правонарушения... “Семь бед – один ответ”. Всякому терпению бывает предел, и дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна, всегда можно убежать подальше и поискать “свободной жизни”... “Птица не сеет, не жнет, а сыта живет”... Пословица “Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло” отражает традиционное отношение русского народа к закону и судам – “Стоит крякнуть да денежкой брякнуть, так все и будет» [22, с. 278]. Все свидетельствует о коррумпированности государственной системы и спокойно-лояльном, даже ироничном в определенной степени отношении народа к этим фактам, ставшим частью культуры.

Иными словами, спокойно-ироничное осознание того, что «пчелка и та взятку берет» с течением времени и развитием нации сформировало предрассудок целого народа о неизбежности и «нормальности» коррупции. «Нашей, российской, как и другим культурам, не изжившим элементы патриархальности, свойственны клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, “теневые” способы решения проблем, всевозможные “серые кардиналы”, “банановый механизм” приближения к власти. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично» [11, с. 300]. У антикоррупционных же настроений менее прочные культурно-исторические основания, по крайней мере они в гораздо меньшей степени актуализированы. Потому предупреждение и предотвращение коррупции не могут вестись в расчете на автоматизм благоприятных последствий. Напротив, и то, и другое требуют целенаправленной, организованной активности, способной противостоять автоматически воспроизводящимся сформировавшейся культурой интенциям. Практической задачей в таком случае становится избавление носителей культуры (в тенденции – и ее самой как над-, трансличностного феномена) от этого стереотипа, его замена на противоположный. Тогда и сработает то обстоятельство, что культура, кроме всего прочего – «всегда продукт наших договоренностей... мы можем договориться иначе и сделать все наоборот, и “все наоборот” станет нормой жизни» [12, с. 48]. Тут-то и обнаруживает себя система образования как специализированный социокультурный институт, обеспечивающий и трансляцию, и трансформации культуры.

Уже в школьном возрасте представляется возможным диагностировать склонности к коррупционному поведению и скорректировать установки и модели поведения воспитанника таким образом, чтобы направить их в законопослушное русло. Данные меры будут эффективными в случае актуализации альтернативных коррупционным стереотипам ценностей и образцов поведения, т. е. значительного не востребовавшегося до этого потенциала

культуры, в силу того, что культура «становится актуальной тогда, когда жизнедеятельность людей принимает групповой характер, и между ее участниками возникает взаимодействие» [27, с. 34].

Влияние на стереотипы толерантного отношения к коррупции предлагается осуществлять разными способами, в том числе и при помощи провокации как одного из распространенных и известных манипулятивных приемов. Провокативные приемы предстают как жесткие, на первый взгляд даже как антисоциальные. Между тем они применяются и в психотерапевтической, художественной, педагогической практике, они фундированы и теоретически [9; 24; 26]. При этом, конечно же, требуют исполнения квалифицированными специалистами, которых соответствующим образом можно и нужно готовить. Тогда провокативные приемы сыграют социально полезную роль катализатора важных изменений сознания и поведения. Они позволяют открыть человеку то, что он сам в себе не видел, пройти в связи с этим через сильные эмоции к катарсису.

Момент катарсиса характеризуется переживанием и пониманием деструктивности своего (если оно имело место) предыдущего поведения и образа мыслей, в результате чего сознание личности приводится в «подвешенное» состояние, когда негативные эмоции высвобождаются. Индивид приходит к осмыслению мотивов своего поведения, его сознание трансформируется. В таком состоянии сознание меньше зависит от опор-стереотипов, от предыдущих доминирующих интенций, способно на выбор иных опор, ищет их, благодаря чему способно к преображению, «метанойе» (что перевели с греческого на русский как ‘раскаяние’, ‘покаяние’, акцентируя внимание на одних, но утерев некоторые другие важные смысловые нюансы – ‘восхождение над сложившимся сознанием’).

Конечно, важнейшая составляющая всякой воспитательной работы – ее личностная ориентированность и ситуативная обусловленность, невозможность разворачивания концептуальных принципов в однозначно

исполняемые инструкции, к чему порой стремятся отвечающие за это направление чиновники. Квалифицированные педагоги коллегиально и согласованно специфицируют и общие принципы, и частные приемы, что является важнейшим показателем уровня их профессиональной культуры, культуры образовательной организации. Последняя, реализуя культуротворческую и культуротрансляционную функции, будет формировать таких выпускников, которые станут задавать соответствующий вектор развития от

значительно прокоррупционного через активно антикоррупционное к устойчиво некоррупционному социуму [25].

Мы предложили прогностический концепт. Его необходимо проверить жизнью. Но в условиях неэффективности предпринимаемых антикоррупционных мер нельзя не искать новые, более действенные. Представляется, что наше предложение имеет достаточную концептуальную основу, чтобы заявить его к публичному, прежде всего научно-му дальнейшему обсуждению.

1. Антикоррупционное воспитание в школе: метод. пособие для общеобразоват. и высш. учеб. заведений. – Вильнюс: Гарнялис, 2006. – 312 с.
2. Астанин, В. В. Борьба с коррупцией в России XVI – XX веков: развитие системного подхода / В. В. Астанин. – Москва: Рос. криминол. ассоц., 2003. – 92 с.
3. Беляева, Л. А. Герменевтическое измерение педагогической деятельности / Л. А. Беляева. – Екатеринбург, 1994. – Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 69495.
4. Беляева, Л. А. Педагогическая философия и философия образования / Л. А. Беляева // Социально-гуманитарные науки в модернизации образования / под ред. Л. Я. Рубиной. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 77–85.
5. Беляева, Л. А. Проблема понимания в педагогической деятельности: учеб. пособие к спецкурсу / Л. А. Беляева. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1995. – 74 с.
6. Габдуллин, И. Р. Модусы интенциональности и проблема предрассудка / И. Р. Габдуллин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 7. – С. 87–90.
7. Днепров, С. А. Актуальный социальный опыт участия будущих правоведов в коррупционных отношениях / С. А. Днепров, В. В. Никоряк // Образование и право. – 2014. – № 3 (55) – 4 (56). – С. 7–16.
8. Днепров, С. А. Отношение будущих правоведов к коррупции / С. А. Днепров, В. В. Никоряк // Право и образование. – 2015. – № 2. – С. 89–98.
9. Енин, А. В. Вредные игры: плюс и минус / А. В. Енин // Психология – учителю. – 2010. – № 3 (24). – С. 119–127.
10. Ершов, Ю. Г. Коррупция в современной России: причины, формы, меры противодействия: учеб.-метод. материалы / Ю. Г. Ершов. – Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2011. – 64 с.
11. Журавлев, А. Л. Психологические факторы коррупции / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2012. – 413 с.
12. Зубанова, Л. Б. Современная культура в постклассических концепциях и актуальных социокультурных трендах / Л. Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 47–54.
13. Качкина, Т. Б. Противодействие коррупции через образование: метод. рек. / Т. Б. Качкина, А. В. Качкин. – Ульяновск: Печатный двор, 2010. – 92 с.
14. Коннов, А. Ю. Коррупция в органах государственной власти: теория, практика и механизмы антикоррупционной политики: дис. ... канд. социол. наук / А. Ю. Коннов. – Казань, 2005. – 227 с.
15. Лунеев, В. В. Преступность XX века / В. В. Лунеев. – Москва: Волтерс Клувер, 1999. – 912 с.
16. Нестик, Т. А. Коррупция и культура / Т. А. Нестик // Экономическая теория преступлений и наказаний. – Москва: РГГУ, 2002. – Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. – Ч. 2. – С. 82–94.
17. Номоконов, В. А. Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики / В. А. Номоконов // Криминологический журнал. – 2012. – № 3 (12). – С. 36–42.
18. Пантыкина, М. И. Феноменологическая методология: опыт исследования права / М. И. Пантыкина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 240 с.
19. Письмо Минобрнауки России от 03.08.2015 № 08-1189 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по воспитанию антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов») [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=643004>.
20. Самсонов, А. А. Основные направления трансформации государственной антикоррупционной политики в современных условиях: дис. ... канд. полит. наук / А. А. Самсонов. – Ростов-на-Дону, 2010. – 136 с.

21. Сатаров, Г. А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции / Г. А. Сатаров // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 6. – С. 18–27.
22. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – 4-е изд., испр. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
23. Сюзева, Н. В. Об антикоррупционном образовании студентов организаций СПО / Н. В. Сюзева // *В мире научных открытий: социально-гуманитарные науки*, 2014. – № 3.1 (51). – С. 601–611.
24. Сюзева, Н. В. Провокативные приемы при формировании антикоррупционного сознания / Н. В. Сюзева // *Образование и наука*. – 2013. – № 3 (102). – С. 46–57.
25. Сюзева, Н. В. От антикоррупционной субкультуры к некоррупционной культуре / Н. В. Сюзева // *Культура и цивилизация*. – 2015. – № 6. – С. 189–204.
26. Фарелли, Ф. Провокативная терапия / Ф. Фарелли, Дж. Брандсма. – Екатеринбург: Е-Принт, 2012. – 192 с.
27. Флиер, А. Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (начало) / А. Я. Флиер // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. – 2014. – 4 (40). – С. 33–39.
28. Шапко, В. Т. Актуальная культура российской молодежи: дис. ... д-ра социал. наук / В. Т. Шапко. – Екатеринбург, 1997. – 262 с.
29. Klitgaard R. 1991. Adjusting to reality: Beyond "state versus market" in economic development. San Francisco: ICS Press. 303 p.

Получено 21.12.2015

A. Kislov

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Russian State Vocation Pedagogical University
E-mail: akislov2005@yandex.ru*

N. Siuzeva

*competitor of a scientific degree of Candidate of Culturology
Russian State Vocation Pedagogical University
E-mail: mogilenko_nataly@mail.ru*

DUALITY OF CULTURE IS IN THE PROCESSES OF REPRODUCTION AND WARNING OF CORRUPTION

Abstract. *The corruption is socially dangerous and at the same time very extended today phenomenon. Public opposition of corruption is limited to the state and administrative resources, which don't consider cultural prerequisites of formation and reproduction of corruption. Underestimation of a role of culture is widespread in life of society and its spheres, which usually is followed by perception of culture as the positive phenomenon, but not of a essence of public life and the basis of almost all social phenomena.*

It does is actual the appeal to a problem of ambiguous correlations of a culture and a corruption. It opens the ambivalent determination of a corruption by the culture. The analytic review of not repressive anti-corruption measures and their conceptual bases is be offered. The factor of work of the educational organizations is presented as the most important and perspective. This factor will be positively reflected in public consciousness and in formation of installation of consciousness on corruption rejection as negative phenomenon.

The culturological analysis of the anti-corruption measures, which are carried out by the educational organizations, testifies to the apathy of subjects of educational process based on belief in ineradicableness of corruption. Provocation as one of manipulative receptions can become one of ways of impact on corruption stereotypes. Provocation is the catalyst of social and useful changes of consciousness and behavior of the personality and allows passing through strong emotions to a catharsis.

Keywords: *a culture, an intentionality, a corruption, prevention of corruption*

For citing: *Kislov A., Siuzeva N. 2016. Duality of culture is in the processes of reproduction and warning of corruption. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 81–89.*

References

1. Antikorrupsionnoe vospitanie v shkole [An anti-corruption education in school]. 2006. Vilnius: Garnyalis. 312 p. (In Russ.).
2. Astanin V. 2003. Bor'ba s korruptsией v Rossii XVI – XX vekov: razvitie sistemnogo podkhoda [The fight against corruption in Russia the 16–20 centuries: the development of system approach]. Moscow: Russian Association for Criminology. 92 p. (In Russ.).
3. Beliaeva L. 1994. Germenevticheskoe izmerenie pedagogicheskoy deyatel'nosti [Hermeneutical measurement of pedagogical activity]. Ekaterinburg: RAS. (In Russ.).
4. Beliaeva L. 2013. Pedagogical philosophy and philosophy of an education. Sotsial'no-gumanitarnye nauki v modernizatsii obrazovaniya [Social sciences and humanities in the modernization of education]. Rubina L., ed. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. P. 77–85. (In Russ.).

5. Beliaeva L. 1995. Problema ponimaniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti [The understanding problem in pedagogical activity: the manual to a special course]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 74 p. (In Russ.).
6. Gabdullin I. 2005. Modes of an intentionality and problem of a prejudice. Vestnik of the Orenburg State University. № 7: 87–90. (In Russ.).
7. Dneprov S., Nikoriak V. 2014. Actual social experience of participation of future jurists in the corruption relations. Obrazovanie i pravo [Education and the Law]. № 3 (55) – 4 (56): 7–16. (In Russ.).
8. Dneprov S., Nikoriak V. 2015. The relation of future jurists to corruption. Obrazovanie i pravo [Education and the Law]. № 1–2: 89–98. (In Russ.).
9. Enin A. 2010. Harmful games: plus and minus. Psikhologiya – uchitelyu [The psychology – to the teacher]. № 3 (24): 119–127. (In Russ.).
10. Ershov I. U. 2011. Korruptsiya v sovremennoy Rossii: prichiny, formy, mery protivodeystviya [The corruption in modern Russia: reasons, forms, counteraction measures]. Ekaterinburg: Ural Academy of State Service. 64 p. (In Russ.).
11. Zhuravlev A., Iurevich A. 2012. Psychological factors of a corruption. Nравstvennost' sovremennogo rossiyskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz [Morality is a modern Russian society: psychological analysis]. Moscow: Psychology Institute of RAS. 413 p. (In Russ.).
12. Zubanova L. 2013. Modern culture in post-classical concepts and actual socio-cultural trends. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 1 (33): 47–54. (In Russ.).
13. Kachkina T., Kachkin A. 2010. Protivodeystvie korruptsii cherez obrazovanie [Combating corruption through education]. Ulyanovsk: Printing House. 92 p. (In Russ.).
14. Konnov A. 2005. Korruptsiya v organakh gosudarstvennoy vlasti: teoriya, praktika i mekhanizmy antikorrupcionnoy politiki [The corruption in public authorities: the theory, practice and mechanisms of an anti-corruption policy]. Kazan. 227 p. (In Russ.).
15. Lunev V. 1999. Prestupnost' XX veka [The crime of the 20 century]. Moscow: Wolters Kluwer. 912 p. (In Russ.).
16. Nestik T. 2002. The corruption and culture. Ekonomicheskaya teoriya prestupleniy i nakazaniy [Economic theory of a crimes and punishments]. Moscow: Russian State University for the Humanities. № 4: 82–94. (In Russ.).
17. Nomokonov V. 2012. Some optimization problems anti-crime policy. Kriminologicheskii zhurnal [Criminological Journal]. № 3: 36–42. (In Russ.).
18. Pantykina M. 2008. Fenomenologicheskaya metodologiya: opyt issledovaniya ėprava [Phenomenological methodology: the experience of research of the right]. Ekaterinburg. 240 p. (In Russ.).
19. The letter of the Education and Science Ministry of the Russia of 03.08.2015 № 08-1189 “About the direction of information” (together with “Methodical recommendations about education of anti-corruption outlook at school students and students”) [Electronic resource]. KonsultantPlyus [ConsultantPlus]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=643004>. (In Russ.).
20. Samsonov A. 2010. Osnovnye napravleniya transformatsii gosudarstvennoy antikorrupcionnoy politiki v sovremennykh usloviyakh [The general directions of the transformation of the state anti-corruption policy in modern conditions]. Rostov-on-Don. 136 p. (In Russ.).
21. Satarov G. 2002. The warmly of sincere relations: something about corruption. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and present]. № 6: 18–27. (In Russ.).
22. Sergeeva A. 2006. Russkie: stereotypy povedeniya, traditsii, mental'nost' [Russian: stereotypes of behavior, tradition, mentality]. 4th edition, revised. Moscow: Flinta: Nauka. 320 p. (In Russ.).
23. Siuzeva N. 2014. About anticorruption student's education of a secondary vocational education organizations [In the world of discoveries: the social and human sciences]. № 3.1 (51): 601–611. (In Russ.).
24. Siuzeva N. 2013. Provocative receptions when anti-corruption consciousness formings. Obrazovanie i nauka [The science and education]. № 3 (102): 46–57. (In Russ.).
25. Siuzeva N. 2015. From the anti-corruption subculture to not corruption culture. Kultura i tsivilizatsiya [Culture and civilization]. № 6: 189–204. (In Russ.).
26. Farrelli F., Brandsma Jh. 2012. Provokativnaya terapiya [Provocative therapy]. Ekaterinburg: E-Print. 192 p. (In Russ.).
27. Flier A. Evolution of culture as social-regulative system (beginning). Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2014. № 4 (40): 33–39. (In Russ.).
28. Shapko V. 1997. Aktual'naya kul'tura rossiyskoy molodezhi [The actual culture of the Russian youth]. Ekaterinburg. 262 p. (In Russ.).
29. Klitgaard R. 1991. Adjusting to reality: Beyond “state versus market” in economic development. San Francisco: ICS Press. 303 p. (In Eng.).

Received 21.12.2015

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Актуализируются идеи патриотизма как культурологического феномена, рассматриваются его национальные, государственные аспекты в их историческом формировании и развитии, также своеобразие содержания понятия «патриотизм» в преломлении к процессам в культуре и педагогике. Автор анализирует сущность и частные проявления патриотизма в общественном российском сознании, в том числе в воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: культура, патриотическое воспитание, патриотизм, патриотическое чувство, традиция, нравственность

Для цитирования: Ефимов, В. Ф. Отражение историко-философских идей патриотизма в современном образовании / В. Ф. Ефимов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 90–95.

Культура и образование всегда были и остаются теми определяющими началами жизни человечества, по природе своей порождающими так называемые вечные проблемы, актуальность которых со временем не тускнеет. Более того, «каждый новый виток развития человеческой цивилизации заставляет обращаться к процессам, происходящим в этой сфере на принципиально новых основаниях» [7].

Время выхода из идеологических пут постсоветского периода остро актуализировало проблему переосмысления и анализа понятий, идей, которые питают понимание патриотизма. Президент России В. В. Путин обозначил патриотизм как одну из доминант общероссийской национальной идеи. Следовательно, этот принцип становится ключевым аспектом российской государственной культурной и образовательной политики. Вместе с тем необходимо отметить, что идея воспитания патриотизма у подрастающего поколения актуализировалась и ранее. Еще в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» [6], принятой постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795, признан недостаточный уровень патриотизма и гражданственности населения. Уже в 2014 г. на заседании Совета при Президенте по меж-

национальным отношениям В. В. Путин сформулировал стратегические ориентиры воспитания: «...воспитание гражданина России – зрелого, ответственного человека, в котором сочетаются любовь к большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом» [8].

Нам представляется, что отражение историко-философских идей патриотизма может потянуть вверх всю цепь возрождения духовности, нравственности, социальной активности подрастающего поколения. В заданном формате предпримем попытку рассмотреть своеобразие и хронологию наполнения содержания понятия *патриотизм* каждой исторической вехи в соответствии с ведущими в них философскими идеями.

Обратимся к этимологии. Слово *патриотизм* происходит от греческого *patris* – ‘родина’, латинского *patria* – ‘отечество’, синонимом которых является ‘отчизна’ (исходная форма *pater* – ‘отец’, *patricius* – ‘отец общества’). Семантический анализ обсуждаемого явления изначально указывает на человеческий, индивидуально-внутренний компонент в понятии *патриотизм*, на генетически преемственную заданность отношения человека к Родине, которая сегодня понимается в большей

степени как место рождения. Слово *отечество* отсылает к кровной, генетической связи, но не столько с местом рождения, сколько с предшествующими поколениями соотечественников. Заметим, в этих значениях не просматривается, что отношение человека к Родине должно носить «характер» любви.

Однако в XX в., а очевидно и гораздо раньше, патриотизм трактуется как 'любовь к Родине, к Отчизне, к Отечеству'. Отношения отца и сына этимологически здесь присутствуют, и можно утверждать, что любовь к Отчизне сочетает преданную сыновнюю любовь и всеобъемлющую любовь отцовскую, часто трудную, и эта любовь не исключает любви к другим странам и всему человечеству.

Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон указывают, что любовь к Отечеству вытекает «из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации» [5]. В СЭС находим, что любовь к Родине – «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». Там же высказано противоречивое утверждение (очевидно в русле марксистско-ленинской идеологии), что социалистический патриотизм интернационален, противоположен буржуазному национализму, космополитизму [1, с. 350].

То есть в любом случае понятие *патриотизм* связано как с понятием *любовь человека*, так и с понятиями *национальное территориальное образование, государство, гражданство*. Проанализируем эти связи в контексте лишь российского патриотизма.

Патриотизм как любовь к Родине может быть разным, даже полярным. Мать Мария (Скобцова) говорит о любви «берущей» и «дающей» и распространяет это на все виды любви – не только к человеку. Можно любить свою родину «по-христиански, стремясь, чтобы в ней наиболее ярко был явлен лик Христовой Веры».

Оба вида любви свойственны в большей или меньшей мере каждому человеку как существу, с одной стороны, социальному, с другой – индивидуальному. Лик Христовой Веры в отношении человека к Родине носит глубоко личный, глубинно сокровенный смысл, излу-

чаемый изнутри или загнанный вглубь души луч света, возможно, лиричный – типа «любви к родным березкам, тополям, озерам, нивам и полям», но чаще всего неосознаваемый, на уровне подсознания, мироощущения и чувств. Патриот видит в своей стране больше, чем видят другие. Он видит, какой она может стать, и в то же время знает, что много в ней остается незримого, поскольку это – часть величия нации и главных святынь, что, как и все духовное, является сферой невидимого. Условия взращивания такой любви – актуальная задача образования и культуры.

Второй вид любви почти отсутствует в официальном (государственном) понимании патриотизма в поликонфессиональной России XX в. Однако патриотическая идея (идеология) без святости приводит, и неоднократно в истории приводила, к кризису и в конечном итоге – к своей диалектической противоположности: к интернационализму, шовинизму и космополитизму.

В разные исторические эпохи развития российской государственности патриотизм являлся следствием отражения своего времени, имел в качестве доминанты ту или иную свою черту [2].

Действительно, в послетатаромонгольский период (XV – XVI вв.) роль рулевого в идеологии взяла на себя православная церковь, которая, отвергнув проект унии с Римским Папой, впала в культурно-духовный изоляционизм, ставший ведущей чертой патриотизма того времени. Высшая точка в таком аспекте – сформулированное псковским старцем Филофеем учение о Третьем Риме, сугубо языческое по своему генезису. В итоге подобные настроения привели к возникновению старообрядчества.

Положение несколько изменилось в XVII в. после смуты 1603–1613 гг., когда главной составляющей внутренней политики царя Михаила Федоровича стала установка на нормализацию всех аспектов социальной жизни. Алексей Михайлович добавил к этому стремление к подражанию западноевропейским достижениям, что продолжалось при всех его преемниках. На волне неприятия «бироновщины», во время воцарения и царствования Елизаветы I, а также ее преемницы Екатерины Великой наблюдался расцвет нацио-

нального чувства. Патриотизм приобрел черты безоговорочному служения Отечеству, персонафицированного в лице государыни. Период правления романтического императора Павла I и его сына Александра I характеризуют усиление нравственных аспектов, поиск моральных примеров, что также отразилось во взглядах на русский патриотизм, главной чертой которого были гордость за доблесть и благородство нации.

Как известно, в 30-х гг. XIX в. разгораются ожесточенные историософские споры, возникшие как реакция на занижение со стороны властей и Запада «этнической самооценки» русского народа. Обобщенно в них можно выделить два основных направления: западническое и славянофильское. Западники видели перспективы развития России в европеизации. Славянофилы же утверждали, что у России свой особый, великий, подаренный свыше путь, но главным их недостатком явилось искусственное занижение самооценки индивида, ошибочно названной ими смирением.

Данные споры подвергли патриотизм расщеплению, привели к потере целостности взглядов на его сущность, утрате идеала Родины, приобретению черт нетерпимости, несогласия, абсолютизации самобытного отличного как от европейского, так и от восточного пути развития России. В ответах на вопросы «Как и за что любить свою Родину?», «За какие направления ее развития?», «Каково назначение каждого гражданина в построении будущего своей страны?» не стало единства, кстати, которого нет и до сих пор.

Начиная с реформ Александра II и вплоть до революций начала XX в., отодвинувших как неприоритетные споры западников и славянофилов на задний план, развитие России стало проходить под лозунгами достижения достойной жизни для всех сословий и построения гражданского общества. Российский патриотизм стал носить еще более обособленный характер, приобрел черты таинственности, загадочности русской души, надолго ставшей непонятной как на Востоке, так и на Западе.

Агрессивное навязывание патриотизма на рубеже XIX – XX вв., особенно в период Первой

мировой войны, привело к отрицанию всего и вся, к нигилизму как умонастроению масс и к эгоизму, цинизму как личностным чертам индивидов, наиболее ярких представителей, а то и лидеров общества и государства. Не случайно в этот период наблюдаются противоречащие патриотизму братания солдат по разные стороны фронтов, неприязненное отношение к церкви, восприимчивость населения к массовым протестам, к революциям и т. д. Классический патриотизм стал анахроническим понятием.

Хуже того: от патриотизма, составляющей которого является преданность исконным ценностям (месту, где вырос, монарху, братству, клану, великорусским идеям, семье и ее членам и т. п.), веяло царизмом, что считалось недопустимым. Большевики изначально старались разрушить все что можно в данной сфере. Но первое поколение коммунистов – еще образованные люди, и у них на многое рука не поднималась. Лишь после их истребления, начиная с 1930-х гг., замалчивание и переписывание истории в угоду идеологии и моменту сегоднешнего дня стало нормой, что окончательно выхолостило патриотизм. К концу XX в. его классический смысл вырожден в космополитизм внутри своей страны.

В советское время стал культивироваться «новый», обладающий силой государственного принуждения социалистический патриотизм, с классово-пролетарской, интернациональной составляющей. Это выражалось дифференциацией людей (белые – красные, бывшие – нынешние, враги народа, наши – не наши люди, аполитичные и др., в будущем возможно деление на патриоты – непатриоты).

Патриотизм отождествлялся с преданностью власти, государству. Ложность, противоречивость такого понимания отмечал В. В. Путин, приводя в качестве примера личность несогласного с властью поэта-патриота М. Ю. Лермонтова. В советское время патриотизм приобрел прагматичность, функционально сводился к тому, что представители народа, молодежь, школьники должны любить свою возглавляемую коммунистической партией и ее вождями Родину, бороться с ее угнетателями, ненави-

деть ее врагов, как внутренних, так и внешних. Родина в основном сводилась к месту обитания патриота, от которого требовалось неустанно думать о ее процветании. Генетическая связь с предшествующими поколениями соотечественников, особенно в середине прошедшего советского периода, изгонялась, а какое-либо проявление любви к ним было просто опасным. И оппозиционеры, и место их нахождения определялись представителями идеологии и власти. Причем в число врагов в некоторых случаях попадали друзья, родственники, близкие – члены семей, а то и сам гражданин.

Начало Второй мировой войны показало, что люди не хотят умирать за «пролетарский интернационализм», а патриотизм – далеко не анахроническое понятие, как изначально пытались представить коммунистические идеологи. Но и ненаправляемый, бесконтрольный и «безыдейный» патриотизм виделся нежелательным, а то и опасным явлением (пример, репрессии 1948–1951 гг. – ответная реакция власти на его проявления в действии). Патриотическая парадигма, в которой всячески обкорнали патриотизм по меркам большевистской идеологии, выдвинула его на место новой гражданской религии в качестве альтернативы христианству, с одной стороны, и пролетарскому интернационализму первых 20 лет советской власти – с другой. Знаменитый исторически оправданный клич «За Родину, за Сталина!» [2] принадлежит той самой новосозданной националистической и псевдорелигиозной парадигме патриотизма, продолжавшей вяло существовать и в мирное время почти всю вторую половину XX в.

Своеобразие политического, экономического и социального состояния жизни в России конца XX в. заключалось в ускоренной динамике общественного развития, характеризовалось столкновениями с новыми, в целом негативными явлениями: национальная рознь, терроризм, безработица, беспокойство за свое будущее, сокращение продолжительности жизни, ухудшающийся генофонд страны и т. п. Патриотизм сохранялся в социально-бытовой сфере как мироощущение, как ценность ноосферы, духовная

опора. Это воплотилось в том, что в советское время называлось традицией. Она охраняла человека, он мог на нее положиться, так как представлял, что находится в безопасности и стоит на правильных позициях лишь тогда, когда может сослаться на традицию.

В конце 90-х гг. XX в. в России эта опора утратила свою силу, исчезла. Традиция стала представляться чем-то отжившим, чем-то исключительно вчерашним, свобода современного человека обернулась его бесосновностью, оторванностью от необходимого ему центра – Родины как источника бытия, о котором он часто не имел никакого представления, так как «жил на периферии самого себя». Человек расфокусировался, раздвоился, разстроился: думает одно, говорит другое, делает третье, т. е. острее почувствовал свою внутреннюю пораженность. В эти годы патриотизм самонивелировался.

Идеологическая, социальная и гражданская составляющие советского и особенно постсоветского патриотизма или их отсутствие порождали противоречия, разрушающие целостность личности и индивидуальную позицию человека, рассматривали его лишь как объект формирования и управления, доводя до кризиса его эмоционально-нравственную составляющую. Известно изречение, принимаемое за абсолютную истину: «Без духовности человечество вымрет “как вымерли в истории подавляющее большинство когда-либо существовавших народов”» [4]. Поэтому патриотизм как русскую традицию стремились как можно глубже и прочнее искоренить, ибо она связана с нетерпимыми для антинародной политики власти и Запада жупелами – русской самобытностью и русской национальной идеей.

В качестве значимого постулата оснований российского патриотизма отметим, что ведущей его идеологией является евразийская философия, чьи основные концепты разрушающе влияли на внутреннюю сущность российского патриотизма. Перечислим их.

1. Выдвижение идеократической концепции государства, при которой российский патриотизм приобрел такую черту, как историческая победность (великодержавность) верхов.

2. Славянофильско-евразийский изоляционизм (вытекает из первого концепта). В свете этой доктрины наличествуют беспочвенные и претенциозные имперские амбиции и претензии на духовное учительство со стороны одного народа (или государства!) на другие. Ментальная ориентация на Европу, выявленная Д. С. Лихачевым, отрицает евразийский изоляционизм, присущий российскому патриотизму, и утверждает наличие в нем универсального личностного начала индивида, выражающегося в том числе и в святости.

3. Агрессивность, отсутствие толерантности. Как отмечалось выше, в истории России часто возбуждался агрессивный патриотизм – не миролюбивый, не духовный, присущий православию, а патриотизм, основанный на вражде, предполагающий наличие врага. Российский патриотизм агрессивен, построен на чувстве национального превосходства.

4. Отсутствие условий для проявления самовыражения. Примат коллективизма (ложно понимаемой соборности) над личностью, ее правами и свободой.

Из выстроенной выше ретроспективы основных вех и драматических ситуаций исторического развития российского патриотизма можно увидеть, что сама по себе патриотическая идея как составляющая общественного сознания и мироприятия не самодостаточна, что проявляется как недостаток в патриотическом воспитании школьников. В самом деле, в философском плане она подчинена более глобальным доктринам и идеям: историческая уникальность, избранность России, ее культурологическое своеобразие, геополитическое положение, – с которыми связаны евразийские доктрины антизападничество и почвенничество (славянофильство); в политическом плане – приспособляема для нужд использования властью; в индивидуально-субъектном – наблюдается отсутствие идейной опоры, осознанности, пораженность, духовная ослабленность. Это же составляет «мифы и рифы» российского патриотизма – исключительность, державность, агрессивность, нетерпимость, победность, изоляционизм, истерию, обособленность, неодно-

значно-противоречивое отношение к прошлому, прагматизм, безоглядное стремление к лучшему будущему, абсолютность, непогрешимость и др. [Подробнее об этом см.: 2].

Процессы в российском образовании и культуре зависят от социально-экономической и геополитической ситуаций, которые выступают как комплекс факторов, устанавливающих приоритеты в государственной политике. Обозначение патриотизма как ключевого компонента государственной национальной идеи России делает необходимым определение четких позиций в отношении патриотического воспитания учащихся.

Понятие патриотизма, переосмысляющееся в рамках нашей эпохи, требует формирования духовной среды, в рамках которой и могут быть поставлены обществом цели созревания патриотичности как черты личности человека в системе образования. Такой средой в XXI в. видится российская культура, интегрированная в общеевропейскую и мировую, возрождение духовного прошлого нашего народа, формирование уважения, благоговения к этому прошлому, просвещение. Любовь к Отечеству – исходное, вложенное с рождения в каждого гражданина глубинное чувство, которое не надо специально возвращать, оно зреет само при правильном воспитании, основанном на истинных ценностях, сопряженных с принадлежностью человека к национальной среде.

Превалирующий в советское время милитаристский акцент в воспитании патриотизма, связанный с поисками врага и подготовкой к отражению его атаки (военизированные игры-зарницы, смотры песен боевой славы с маршировкой, заидеологизированное противопоставление «малчишей-кибальчишей» и «плохишей» и др.), меняется на подлинные ценности патриотизма. К ним относятся духовно-нравственный, культурно-исторический, личностный, гражданский аспекты, связанные с формированием у индивидов уважения к своей стране и ответственности за нее, умения мыслить, оценивать мир и себя в мире, быть внутренне свободным, а также принимать решения и действовать в соответствии с ними на различных этапах своего жизненного пути, в том числе и в органично присущих человеку поисках нравственных и иных идеалов.

1. Гуманизм // Советский энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия, 1986. – 1600 с.
2. Ефимов, В. Ф. Исторические аспекты российского патриотизма / В. Ф. Ефимов, Е. В. Никольский // Социальные технологии, исследования. – 2008. – № 4. – С. 26–33.
3. Ефимов, В. Ф. Образованность как качество личности в современных подходах к модернизации образования [Электронный ресурс] / В. Ф. Ефимов // Studia Humanitatis: электронный науч.-образоват. журн. – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://www.isgi.ru/article/efimov-vf-obrazovannost-kak-kachestvo-lichnosti-v-sovremennyh-podhodah-k-modernizacii>.
4. Наклеушев, Е. М. Об «атомах» и «индивидах», или Как может быть возрождена Россия / Е. М. Наклеушев // Наука и практика воспитания и дополнительного образования. – 2006. – № 2. – С. 15.
5. Патриотизм [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/bep/96.htm>.
6. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы: гос. прогр.: утв. постановлением Правительства РФ от 5 окт. 2010 г. № 795 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml.
7. Скударева, Г. Н. Российское образование в системе отношений «общество – государство» / Г. Н. Скударева, Г. Г. Шишова // Известия Южного федерального университета. Сер.: Педагогические науки. – 2015. – № 4. – С. 23–35.
8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Образовательная политика. – 2014. – № 4 (66). – С. 50–56.

Получено 02.03.2016

V. Efimov

Doctor of Pedagogic Sciences,
Moscow State Regional Institute of Humanities
E-mail: profefim53-1953@km.ru

THE REFLECTION OF HISTORICAL-PHILOSOPHICAL IDEAS OF PATRIOTISM IN MODERN EDUCATION

Abstract. The article updated the ideas of patriotism as a cultural phenomenon, discusses its national, state aspects in their historical formation and development, also reveals the originality of the content of the concept "patriotism" in relation to pedagogical processes. The author analyzes the essence and private expressions of patriotism in the Russian public consciousness and their manifestation in the education of the younger generation.

Keywords: culture, patriotic education, patriotism, socialist patriotism, tradition, morals

For citing: Efimov V. 2016. The reflection of historical-philosophical ideas of patriotism in modern education. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. № 1 (45): 90–95.

References

1. Humanism. 1986. Soviet Encyclopedic Dictionary. Prokhorov A., ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 1600 p.
2. Efimov V., Nikolskii E. 2008. [The Russian Historiosophical aspects of patriotism. Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya [Social technology, studies]. № 4: 26–33.
3. Efimov V. 2015. Education as the quality of the individual in modern approaches to modernization of education [Electronic resource]. Studia Humanitatis. № 1. Available from: <http://www.isgi.ru/article/efimov-vf-obrazovannost-kak-kachestvo-lichnosti-v-sovremennyh-podhodah-k-modernizacii>.
4. Nakleushev E. 2006. About "atoms" and "individuals" or as can be revived in Russia. Nauka i praktika vospitaniya i dopolnitel'nogo obrazovaniya [The science and practice of education and further education]. № 2: 15.
5. Patriotism [Electronic resource]. Encyclopedic dictionary. Brockhaus F., Efron I., comp. Available from <http://bibliotekar.ru/bep/96.htm>.
6. "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2011–2015": the state program. Approved by decree of the Government of the Russian Federation of 5 October 2010. № 122 [Electronic resource]. Available from: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml.
7. Skudareva G., Shishova G. 2015. Russian education in the system of relations "society – state". Proceedings of South Federal University. Series: Pedagogical science. № 4: 23–35.
8. The strategy for the development of education in the Russian Federation for the period till 2025. 2014. Obrazovatel'naya politika [Educational policy]. № 4 (66): 50–56.

Received 02.03.2016

ПОНЯТИЕ «ПЕРЕХОДНЫЙ ОБЪЕКТ» КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Осуществляется перевод на язык культурологии психологического термина «переходный объект», введенного Д. Винникоттом, с целью раскрытия его когнитивного потенциала, выявления возможностей применения в аналитических и синтетических исследованиях современной кардинально трансформирующейся культуры.

С точки зрения оригинальной психологической теории, переходные объекты начинают активно использоваться и конструироваться ребенком на ранней стадии развития. Они обеспечивают чувство комфорта, защищенности, связи с матерью. В то же время переходные объекты могут актуализироваться на протяжении всей последующей жизни в критические, переломные моменты. Наличие переходного объекта, его конструирование, использование и разрушение представляются необходимыми условиями процесса становления сознания и самоидентификации личности. Переходные объекты не являются внешними, но находятся в так называемой промежуточной области опыта между «я» и «не-я». Они непосредственно связываются с феноменами символизации, фантазирования, игры, иллюзии, что дает возможность рассмотреть их не только в плане индивидуально-личностного, но и совместного культурного опыта, вписать в культурно-исторический контекст, символическое пространство культуры, проанализировать роль в сознании и самосознании культуры.

С целью расширения значения и, соответственно, области применения термина «переходный объект», проводится его сопоставление с понятием «культурный объект», на основании чего формулируется определение переходного культурного объекта, обосновывается возможность и продуктивность его применения в культурологических исследованиях современного – переходного, транзитивного состояния культуры.

Ключевые слова: *переходный объект, промежуточная область опыта, переходное состояние культуры, переходность, культурный опыт, совместная реальность, символическое пространство культуры*

Для цитирования: Яковлева, Т. А. Понятие «переходный объект» как когнитивный инструмент культурологии / Т. А. Яковлева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 96–101.

Развитие тезауруса современного научного и, в частности, гуманитарного знания вовлекает исследователя в сложную ситуацию постоянного пересечения дисциплинарных границ, перетекания терминов, формирования метаязыков описания и интерпретации. Понятия, кочующие из одной области знания в другую, при корректном переводе способны раскрывать свой когнитивный и креативный потенциал, наполняться новым предметным содержанием. Межпредметной трансгрессии и смысловой трансформации подверглось подавляющее большинство определений совре-

менного гуманитарного знания. В этой ситуации актуальным представляется выявление тех терминов, культурологическое освоение и осмысление которых позволяет расширить инструментарий эффективных исследований сложного и внутренне противоречивого современного переходного состояния культуры. Одно из них – понятие психологической науки – *переходный объект*. Нами предпринимается попытка его перевода на язык культурологии с целью раскрытия когнитивного потенциала, возможностей применения в аналитических и синтетических исследованиях со-

временной культуры, находящейся в ситуации кардинальной трансформации.

С тем, чтобы отграничить область культурологического применения термина, проанализируем его значение в психологии. Понятие *переходный объект* было введено английским психоаналитиком Д. Винникоттом в статье «Переходные объекты и переходные явления. Исследования первого не-я предмета» [1] (в варианте языка оригинала – *Transitional objects and transitional phenomena – a study of the first not-me-possession* [9]), посвященной проблеме взаимодействия младенца и матери на стадии первичного отделения, начала взаимоотношений с окружающим миром. Ученый отметил, что в процессе нормального психического развития на стадии первичного отделения от матери в возрасте от 4 до 12 месяцев ребенок психологически зависит от определенных предметов (объектов), которые он еще не создает в полном смысле, но активно использует. Данные объекты уже не продолжение его телесного я, но в то же время они не осознаются им до конца в качестве внешней реальности. Ими могут быть, например, крайшек простыни, пеленки, платка, кончик те-семки, лапка или хвостик мягкой игрушки и т. п. Такие объекты Д. Винникотт и назвал переходными, подчеркнув, что переходный объект является не столько использованным объектом, сколько использованием объекта. Тем самым на первый план сразу была выдвинута функциональная составляющая: переходные объекты помогают ребенку снимать возрастающее психологическое напряжение в критический момент отрыва от матери, создают в восприятии ребенка иллюзию ее присутствия, обеспечивают фундаментальное ощущение устойчивости окружающего мира, способствуют формированию большей психологической автономности. И хотя переходные объекты необходимы прежде всего в период младенчества, они могут вновь приобретать особую значимость в критические моменты на последующих этапах развития личности, в переживании психически травмирующих ситуаций [См., например: 8].

Переходные объекты располагаются в особой промежуточной области опыта между *я* и *не-я*, испытывающей влияние как со стороны внутренней психической реальности, так и внешней (социальной и культурной) жизни. Это зона между субъективно и объективно воспринимаемым, где необходимость постоянно соотносить внешнюю и внутреннюю реальность еще не выражена, поэтому переходный объект не может быть поставлен под сомнение, он предшествует появлению способности к проверке реальности [1].

Промежуточная область опыта и переходные объекты непосредственно связываются психологом с феноменами символизации, фантазирования, игры, относятся к области иллюзий, которая представляет собой основу для последующего опыта [3, с. 391; 4, с. 102–104]. Наличие переходного объекта – звено нормальных процессов появления и разрушения иллюзии, становления сознания, самоидентификации личности, в силу чего подчеркивается позитивное значение иллюзии и выдвигается требование уважения к иллюзорному опыту. Рассуждения об иллюзорном и игровом опыте дали Д. Винникотту возможность выйти в работе «Игра и реальность» [2] на более значимый для нас уровень теоретического обобщения: конкретизируя понятия *внешний мир, опыт, игра*, психолог начинает использовать культурологические термины (*культура, культурные переживания, культурный опыт*). При этом делается важное для нас замечание о том, что культурный опыт «локализуется в потенциальном пространстве между индивидом и социальным окружением» [Там же, с. 80].

Переходными объектами и феноменами, относимыми к потенциальному пространству или области промежуточного опыта, в соответствии с рассмотренной теорией, оказываются не только первые не-я объекты в жизни младенца, не только воображение, игра, иллюзия, но и переживания, объекты, связанные как с искусством, религией, философией, творческой научной деятельностью, так и с повседневной жизнью. Например, к переходным объектам отнесены различного рода предметы, находящиеся в символическом пространстве дома, ис-

пользуемые людьми в связи с их способностью вызывать ассоциации и воспоминания, обозначать определенный статус их обладателей, структуру семейных отношений (фотографии, награды, подарки, некоторые личные вещи и др.) [8, с. 20]. Таким образом, мы вполне можем сделать заключение о том, что переходные объекты сопровождают человека на протяжении всей его жизни, приобретая особую значимость в критические моменты, участвуя в процессе развития и самоидентификации; это объекты-медиаторы, позволяющие восстанавливать связь с окружающим миром и другими людьми. Основная функция переходных объектов, находимых и конструируемых в промежуточной области опыта, – обеспечение непрерывности опыта, освобождение от напряжения, порождаемого наличием и расхождением внутренней и внешней реальности.

Характеризуя феномен переходного объекта как универсальный, сам Д. Винникотт обращает внимание на его потенциал в плане построения теории, однако он так и не покидает собственной специальной области. Современная психология применяет данные понятия в основном на уровне коррекционной и терапевтической практики [8]. Попытки выхода на теоретический уровень соотнесения их с социокультурной реальностью [См., например: 7; 10] ограничиваются проблемами детства, становления личностной или групповой идентичности, а собственно смысло-, символю- и культуротворческие моменты, непосредственно связанные с понятием переходного объекта, остаются вне поля зрения психологии в силу ее предметной определенности. Тем самым открывается возможность культурологической разработки данной дефиниции.

Однако необходимо избежать простой экстраполяции и совершить смысловой скачок, обеспечивающий возможность корректного раскрытия когнитивного потенциала переносимого термина. Естественным образом возникает вопрос: что же подразумевать под переходными объектами в культурологическом смысле, где они могут быть обнаружены и какое значение может иметь их выявление и описание для исследований развития культуры?

Как мы видели, в психологической интерпретации переходные объекты располагаются в особой – промежуточной – области опыта (между внутренним и внешним, субъективно и объективно воспринимаемым, реальным и фантазийным, личностно-психологическим и социально-культурным), непосредственно связаны с процессами становления и развития личности, идентификации и самоидентификации индивида, актуализируются в критические моменты становления и развития личности. Для культуролога же наиболее значимой является возможность перейти в теоретическом анализе с уровня индивидуально-психологического на социокультурный и использовать эти понятия в постижении закономерностей становления и развития культуры в целом, в понимании специфики современного состояния культуры. Рассуждая культурологически, мы можем говорить о том, что культура (как и личность) обладает собственной промежуточной сферой опыта (пространство культуротворчества, семиозиса культуры, символическое поле культуры) и переживает собственные, локализованные во времени и пространстве, критические периоды, нуждается в основаниях для идентификации и самоидентификации, обеспечении устойчивости, непрерывности своего существования и опыта. Ближайшим таким критическим периодом, данным нам в опыте, является современное состояние культуры, которое подавляющим большинством исследователей определяется как «кризисное», «пограничное» или «переходное». Оно демонстрирует все имманентные противоречия культуры, поэтому переходные объекты должны актуализироваться и обнаруживаться именно здесь.

Что же подразумевать под переходными культурными объектами? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к определению культурного объекта вообще. В узком значении культурный объект – это артефакт, материальная черта культуры, однако в нашем случае не следует ограничиваться материальным, вещным планом существования, поскольку важен не столько сам объект, сколько его символическое значение и использование. Поэтому имеет смысл воспользо-

ваться более широким толкованием культурного объекта как элемента, фрагмента бытия культуры, являющегося сферой реализации активности и историческим результатом процесса предметно-практической деятельности субъекта культуры [6]. В данную трактовку необходимо добавить составляющую, которая позволит нам связать *культурный объект* с понятием переходного объекта. Она описывает культурные объекты как феномены, конструируемые не только в ходе непосредственной практически-производительной деятельности, но и феномены, прежде всего конструируемые сознанием. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что речь идет о конструировании таких объектов уже не просто на индивидуально-психологическом, личностном уровне, но на уровне социокультурных сообществ, поскольку мы имеем дело в первую очередь с совместным культурным опытом, совместной социокультурной реальностью.

Таким образом, понимание культурного объекта как совместной сферы и результата реализации активности культурного сознания и культурной деятельности дает основания для определения. Переходные культурные объекты – культурные феномены, фрагменты культурной реальности, которые обнаруживаются, продуцируются, конструируются, актуализируются культурным сознанием (и бессознательным – не следует забывать о психоаналитических корнях термина) в символическом пространстве культуры в попытках утвердить свою самость в критические моменты развития культуры (точки или периоды культурно-исторических бифуркаций). В такие моменты с наибольшей силой выражается экзистенциальная тоска по ощущению целого, чувству сопричастности («тоска по лону», «тоска по мировой культуре» [5, с. 200]), и переходные культурные объекты символизируют присутствие культуры в ее родовом значении и статусе, как переходный объект для младенца символизирует присутствие матери. Таким образом, в самом широком смысле переходные культурные объекты обеспечивают непрерывность культурного опыта, манифестируют связь личности и культуры, культуры предшествующей и становящейся, прошлой и будущей. Относясь к

области промежуточного опыта, они, по сути, являются мифами культуры, ее иллюзиями, но никогда – фантомами в чистом виде, поскольку выражают реальные потребности, желания, надежды, стремления или фобии. Переходные объекты захватываются и удерживаются в актуальном поле культуры до тех пор, пока они отвечают потребностям культурного сознания и выполняют свои функции, затем подвергаются постепенному изгнанию, разрушению, деконструкции. Собственно, они и должны быть использованы, т. е. пережиты и разрушены в силу их природы и функционального назначения.

Следует отметить значительную роль переходных культурных объектов в формировании совместной культурной реальности различных социокультурных сообществ: они выполняют функции посредничества на различных уровнях существования культуры (личность, социокультурная группа, социум, трансформирующееся культурное целое). Переходные культурные объекты активно используются большими и малыми социокультурными общностями в стремлении обеспечить собственную идентичность, устойчивость и защищенность в условиях кардинальной трансформации социокультурной системы. Переходные культурные объекты отличаются по масштабу захвата. Так, в качестве примера переходного объекта значительного масштаба, оформляющего современную культурную реальность, может рассматриваться проект постмодерн и ряд более частных феноменов, непосредственно с ним связанных (феномены современного искусства, научного, религиозного, политического сознания). Сама постмодернистская практика деконструкции культурных объектов демонстрирует культурные интенции современности, позволяя выявить определенные культурные феномены, которые вполне могут быть определены как переходные культурные объекты. В качестве таковых выступают художественные и медийные образы, актуальные метафоры и архетипы, идеологические конструкты, культурные и социальные проекты, социальные и духовные игровые практики, культурные герои, модели отношений, научные, религиозные, политические и другие идеи, которые обеспечивают необходимую иллюзию «при-

сутствия», «наличия» (смысла, порядка, справедливости, защищенности и т. п.). К переходным культурным объектам может быть отнесена также большая часть всего класса культурных феноменов, маркируемых приставками *псевдо-, нео-, пара-, квази-, транс-, пост-* и т. д. Эти объекты обладают значимостью не в силу своей объективной содержательной ценности (научной, художественной, религиозной, политической и др.), поскольку находятся в той сфере опыта, которая и не предполагает жесткого противопоставления субъективного/объективного, истинного/ложного, но в силу знаково-символической и функциональной нагрузки, в силу способности выражать и обосновывать глубокие субъективно-человеческие, но при этом универсальные переживания (чем и ценны для исследователя). Неслучайна повышенная аффективность в оценке данных объектов: они способны становиться фетишами, а фетишизм современной культуры, что называется, «зашкаливает».

Несмотря на проявленную в наличии переходных культурных объектов интенцию к целостности, непрерывности опыта, сами они существуют именно как фрагменты культурной реальности и не составляют обобщимого, увязанного в смысловом отношении целого, демонстрируя разнонаправленность, вариативность поисков трансформирующейся культуры. Однако исследователь, обнаруживая, описывая и анализируя

переходные культурные объекты, имеет возможность делать выводы о наиболее общих тенденциях, ожиданиях или фобиях культуры (эпохи), способах ее самоидентификации, самообъективации и самотерапии и тем самым глубже продвигаться в понимании ее наличного состояния.

В заключение следует отметить, что все приведенные рассуждения являются лишь наброском, требуют дальнейшей более тщательной проработки, конкретизации, подкрепления фактическим материалом, однако уже на этом этапе можно выделить те возможности, которые открывает культурологическая интерпретация термина. Перевод данного понятия на язык культурологии и дальнейшая его культурологическая разработка приобретает большое значение для развития теории и методологии исследований переходных состояний и феномена переходности в культуре. Применение термина *переходный объект* в культурологии дает возможность совместить разные планы и уровни исследования переходности (субъективное выражение и переживание прерывности и непрерывности в культуре – антропологическое, психологическое, гносеологическое измерение и объективные характеристики переходных состояний в культурно-историческом процессе – онтологическое, историческое, социальное измерение), позволяет продвинуться на пути целостного осмысления феномена переходности в культуре.

1. Винникотт, Д. В. Переходные объекты и переходные явления. Исследования первого «не-я» предмета [Электронный ресурс] / Д. В. Винникотт. – Режим доступа: <http://lib.komarovskiy.net/perexodnye-obekty-i-perexodnye-yavleniya-issledovanie-pervogo-ne-ya-predmeta-donald-vuds-vinnikott.html>. – Дата обращения: 09.04.2014.
2. Винникотт, Д. В. Игра и реальность / Д. В. Винникотт. – Москва: Ин-т общегуманитар. исслед., 2002. – 267 с.
3. Винникотт, Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя / Д. В. Винникотт. – Екатеринбург: ЛИТУР, 2004. – 400 с.
4. Змановская, Е. В. Концепция внутренней реальности Д. Винникотта / Е. В. Змановская // Современный психоанализ. Теория и практика. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – С. 99–104.
5. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
6. Потемкина, А. Р. Субъекты культуры и объекты в культуре / А. Р. Потемкина // Аналитика культурологии. – 2011. – Вып. 1 (19). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/subekty-kultury-i-obekty-v-kulture>. – Дата обращения: 24.04.2014.
7. Applegate J. S. 1989. The transitional object reconsidered: some sociocultural variations and their implications. *Child & Adolescent social work journal*. Spring 89. Vol. 6. Issue 1: 38–51.
8. McCullough C. 2009. A child's use of transitional objects in art therapy to cope with divorce art therapy. *Journal of the American Art Therapy Association*. № 26 (1): 19–25.
9. Winnicott D. W. 1953. Transitional objects and transitional phenomena – a study of the first not-me possession. *International journal of psycho-analysis*. № 34: 89–97.
10. Grolnick A. S., Baken L. 1978. Between reality and fantasy: Transitional objects and phenomena. London; NewYork: J. Aronson. 581 p.

Получено 25.02.2015

T. Iakovleva

Candidate of Culturology,
South Ural State University
E-mail: estania@list.ru

THE NOTION OF A "TRANSITIONAL OBJECT" AS A COGNITIVE INSTRUMENT IN CULTURAL SCIENCE

Abstract. *The author revises the psychological notion of "transitional object" with a purpose to widen its cognitive potential and identify the opportunities to use it in course of analytic and summarising studies of modern culture that undergoes a radical transformation.*

This term first introduced by a British psychoanalyst D. Winnicott in "Transitional Objects and Transitional Phenomena" (1953). Winnicott uses the term to explain the relationship between mother and child. Transitional objects appear in active use and are constructed by the child at an early stage of their development. They provide a sense of comfort, protection and safety. Winnicott uses the term "transitional object" to denote an internal object which is intermediate between the inner idealised world and the external world. Transitional objects can be updated and actualised in course of the person's whole life, in critical and decisive moments. The presence of a transitional object, the construction of it, its use and deconstruction appear to be indispensable for the process of development of a person's mind, and their self-identification as a personality. These phenomena are directly connected with symbolization, fantasy, games and illusions. This allows to consider them in the context of shared reality, cultural experience and a symbolic space of culture. This allows understanding their role in consciousness and self-awareness culture.

To broaden the meaning of the term "transitional object", and broaden the sphere of its application accordingly, the article compares it to the notion of a "cultural object". The author formulates the notion of transitional "cultural object", proved productive use of this term in contemporary cultural studies and shown application field of the term in studies of transitional phenomena and transitional state of contemporary culture.

Keywords: *transitional object, transitional phenomena, intermediate area of experience, transition state of culture, transitionality, illusory experience, culture, cultural experience, cultural object, shared reality, symbolic space of culture*

For citing: *Iakovleva T. 2016. The notion of a "transitional object" as a cognitive instrument in cultural science. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 96–101.*

References

1. Winnicott D. W. 1953. Perekhodnye ob"ekty i perekhodnye yavleniya. Issledovaniya pervogo «ne-ya» predmeta [Transitional objects and transitional phenomena – a study of the first not-me possession] [Electronic resource]. Available from: <http://lib.komarovskiy.net/perexodnye-obekty-i-perexodnye-yavleniya-issledovanie-pervogo-ne-ya-predmeta-donald-vuds-vinnikott.html> (accessed: 09.04.2014). (In Russ.).
2. Winnicott D. W. 2002. Igra i real'nost' [Playing and reality]. Moscow: Institute of humanities research. 267 p. (In Russ.).
3. Winnicott D. W. 2004. Sem'ya I razvitie lichnosti. Mat' i ditya [Family and individual development. Mother and child]. Ekaterinburg: LITUR. 400 p. (In Russ.).
4. Zmanovskaia E. 2011. The concept of the inner reality of D. Winnicott. Sovremennyy psikhoanaliz. Teoriya i praktika [Modern psychoanalysis. Theory and practice]. Saint Petersburg: Piter. P. 99–104. (In Russ.).
5. Mamardashvili M. 2002. Filosofskie chteniya [Philosophical reading]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. 832 p. (In Russ.).
6. Potemkina A. 2011. Subjects of culture and objects in culture [Electronic resource]. Analitika kul'turologii [Analysis of Cultural Studies]. № 1 (19). Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/subekty-kultury-i-obekty-v-kulture> (accessed: 24.04.2014). (In Russ.).
7. Applegate J. S. 1989. The transitional object reconsidered: some sociocultural variations and their implications. Child & Adolescent social work journal. Spring 89. Vol. 6. Issue 1: 38–51.
8. McCullough C. 2009. A child's use of transitional objects in art therapy to cope with divorce art therapy. Journal of the American Art Therapy Association. № 26 (1): 19–25.
9. Winnicott D. W. 1953. Transitional objects and transitional phenomena – a study of the first not-me possession. International journal of psycho-analysis. № 34: 89–97.
10. Grolnick A. S., Barken L. 1978. Between reality and fantasy: Transitional objects and phenomena. London; NewYork: J. Aronson. 581 p.

Received 25.02.2015

ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

На фоне сложившейся трансформации ценностей образуется новое взаимодействие традиционных ценностей и инноваций как в повседневности, так и в медиареальности. Данный синтез сглаживает прежние противоречия, приспособливает индивида к иным социокультурным условиям. В то же время он формирует антиномии, содействующие обновлению резервов ценностной системы. Современный человек рассматривается как «человек медиасознания», мыслящий через иконическую систему знаков массмедиа, претерпевающий трансформацию системы ценностей повседневности в условиях медиареальности. Необходимо наладить гармоничные отношения между личностью и медиaprостранством путем обращения человека к собственным когнитивным ресурсам, развития критического мышления, культуры потребления. Возможно при таких условиях и поддержке медиа семья и окружение смогут сообразно транслировать ценности, субстанциональные для социума и обеспечивающие его единение.

Медиа – это не столько предмет познания, сколько условие существования данной реальности, выступающее как посредником, так и в большей степени единственно возможной средой существования человека. Массмедиазация как глобальная проблема оказывает прогрессирующее воздействие на политическую, социальную, культурную, идеологическую, производственную повседневность. Она является своеобразной формой разнонаправленного человеческого бытия, где центром выступает сфера общения, основанная на ценностных ориентациях (М. Шелер, В. С. Соловьев, В. В. Савчук, И. А. Ильин, А. Б. Невелев).

Влиянием ценностных установок, их управлением моделями поведения целевой аудитории и анализом медиатекстов занимались такие исследователи, как П. Лазарсфельд, Э. Нозль-Нойман, Б. Берельсон, К. Ховланд, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Лассуэлл, К. Шеннон, Ч. Осгуд, У. Шрамм и др.

В современном медиапотоке текстовая основа актуализирует различные модели мира повседневности, личностные знания аудитории и аккумулирует их предшествующий опыт. В цифровых медиа прослеживается явная связь между их аудиовизуальными текстовыми структурами и социальной деятельностью реципиентов, что подтверждает динамику расширения границ мира повседневности человека за счет медиа.

Ключевые слова: теория ценностей, медиасфера, медиареальность, повседневность, коммуникативные процессы, реклама

Для цитирования: Емченко, Е. П. Ценностная трансформация повседневности в контексте медиареальности / Е. П. Емченко // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 102–109.

Там, где царит неуверенность, остается мало времени для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот.

З. Бауман

Сегодня понятие *ценность* репрезентируется по-новому, как и медиареальность современной России, где общество переходного типа, неуверенное в завтрашнем дне, приобретает все большие масштабы нестабильности. Основным механизмом, способствующим

процессу ценностной трансформации, можно назвать хаотичную плюральную социализацию, связанную с множеством идеологий, образом жизни и нормами поведения.

На сегодняшний день одной из тенденций современных медиа является укрепление международных, межличностных отношений, поддержание, раскрытие и развитие общественных связей на различных уровнях. Комплексные социокультурные, политические, экономиче-

ские преобразования, рост образовательного и культурного уровня населения резко увеличивают объемы общей информации, циркулирующей в медиaprостранстве.

Медиа (от лат. *media* – ‘средство’) – в узком значении аналог понятия *средства массовой информации и коммуникации*. В общем и широком смысле в своей целостности это окружающая среда человека – медиaprостранство, которое создает визуальную и технически оснащенную коммуникационную среду [См.: 14; 18].

Медиа – не столько предмет познания, сколько условие существования данной реальности: «отсылая к себе и себя же удостоверяя, они аутопоэтичны: строятся на своих собственных основаниях, гарантируя свое собственное воспроизводство» [13, с. 25]. Предположим, что медиа выступает не только как посредник, а в большей степени как единственно возможная среда существования человека. Мы живем таким образом лишь постольку, поскольку медиа выстраивает эту реальность посредством нас, внутри нас (Г. М. Маклюэн). Понятие *медиа* можно рассматривать в некоей системе: коммуникатор – посредник – сообщение – последовательность знаков (образы, явления и т. д.) – медиареальность – коммуникант [См.: 19].

ПЕРЕФРАЗИРУЕМ слова П. Бергера и Т. Лукмана в отношении человека и социума: медиа «знает», что делать с «нашей реальностью». Примерно в этом русле звучит несколько устрашающее высказывание: «Мы знаем, где вы. Мы знаем, где вы были. Мы можем даже более или менее представить, о чем вы думаете» (Э. Шмидт, председатель совета директоров компании Google, США).

Социологические концепции П. Бергера и Т. Лукмана давно нашли свое применение в моделях управления сознанием аудитории в СМИ. «Знание» о повседневной «реальности» успешно трансформируется/подкрепляется через трансляцию «истинных ценностей» в повседневном медиapотоке – «я знаю, что делать» по отношению ко всем этим другим людям и ко всем этим другим событиям в рамках моей повседневной жизни» [1, с. 33].

Массмедиатизация как глобальная проблема оказывает прогрессирующее влияние на политическую, социальную, культурную, идеологическую, производственную повседневность. Она является своеобразной формой разнонаправленного человеческого бытия, где центром выступает сфера общения, основанная на ценностных ориентациях. Главными функциями массовой коммуникации принято считать: информационную (как обозрение окружающего мира), социальную (в контексте корреляции с обществом), когнитивную (постижение через обратную связь), культурологическую (как передачу культурного наследия, согласно Г. Лассуэллу), развлекательную (К. Райт), мобилизующую (в связи с политическими и религиозными кампаниями, Мак-Квейл) [5, с. 47].

На сегодняшний день в анализе медиатекстов активно используются модели коммуникации Г. Лассуэлла и К. Шеннона, Ч. Осгуда и У. Шрамма. «Коммуникативная формула» Г. Лассуэлла представляет собой коммуникационный процесс разрешения «пяти вопросов»: «кто?» – анализ коммуникатора; «что?» – контент-анализ информации; «по какому каналу?» – анализ возможностей системы массовой коммуникации (СМК); «кому?» – изучение аудитории; «с каким эффектом?» – анализ эффективности коммуникации [9, с. 54–87]. В «Прикладной формуле» К. Шеннон вводит еще один элемент – «семантический шум», отражающий изменения в значении, невольно вносимые источником информации и средой. Модель Ч. Осгуда и У. Шрамма отличается постулированием циркулярного характера процесса массовой коммуникации и определяется основными задачами отправителя и получателя: кодированием, декодированием и интерпретацией сообщения [См.: 9].

Влиянием и управлением ценностными установками и моделями поведения целевой аудитории с помощью известной концепции «информационно-политической повестки дня» занимались такие исследователи, как П. Лазарсфельд, Э. Ноэль-Нойман, Б. Берельсон, К. Ховланд и др. Господство данной теории закончилось к 1960 гг., однако можно сказать, что с появлением соцсетей (1999–2001, США)

«повестка дня» принимает другие формы и динамику. Теперь при якобы косвенном, минимальном, опосредованном воздействии СМИ на мнение и поведение аудитории, большем влиянии через социальную микросреду, окружение индивида, возникают соцсети как новый тотальный инструмент конструирования повседневной реальности [См.: 8; 15]. Например, к осени 2014 г. 68 % глав государств и правительств из 193 стран – членов ООН имели свои собственные аккаунты. В настоящий момент в РФ один из самых популярных ресурсов в блогосфере у Д. Медведева – более 2,5 млн читателей [17]. Возможно, что независимые интернет-ресурсы сумеют отстоять свою свободу от всевозрастающего проникновения политического PR в сеть.

В современном медиапотоке текстовая основа актуализирует различные модели мира повседневности, личностные знания аудитории и аккумулирует их предшествующий опыт. Повседневность в современной философии рассматривается как динамичный жизненный мир, который создается и воссоздается каждым человеком. «Повседневностью можно назвать будни, смену времени суток и привычных видов занятий, взаимодействие с окружающими людьми. Повседневный мир – это не только окружающий предметный, но также психический и духовный мир человека (нормы, идеалы, ценности и пр.), все то, что в совокупности образует непосредственную реальность индивидуальной человеческой жизни» [4, с. 3].

В цифровых медиа прослеживается явная связь между их аудиовизуальными текстовыми структурами и социальной деятельностью реципиентов, что подтверждает динамику расширения границ мира повседневности за счет медиа. Сегодня их скрытое воздействие на повседневное сознание является той невидимой технологией управления жизнью, которая позволяет встроить медиа в структуру социальных взаимодействий и коммуникаций. По сути, мир повседневности человека современного общества формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, так как основная функция медиатекстов проявляется в

составлении историй повседневной жизни, в диалогах героев с реальными или гипотетическими собеседниками. В связи с этим возникает действительно сложный вопрос: насколько свободен выбор человека, находящегося под постоянным воздействием медиа. Можно утверждать, что люди имеют право на свободу выбора жизненных приоритетов, предлагаемых медиа, используя свой собственный опыт, понимание жизненных ценностей, будучи при этом информационно образованными посредством все тех же медиа [7, с. 52–56].

Демонстрация мира повседневности человека в медиа сложилась через изучение и использование связной и полной последовательности образов жизненного мира и событий повседневности (чередa обыденных явлений; реальность человеческого бытия и т. д.). Трансформация же значений этого мира в знаковых структурах медиа порождает всевозможные образы современного общества, делает актуальным изучение не только самой повседневности, но и различных влияющих на нее причин.

Механизм позитивного воздействия медиа на формирование мира повседневности современного человека определяется прежде всего его значением для аудитории, а также отношением использующего аудиовизуальные знаки адресанта к употребляемым им знаковым системам. В медиатекстах выделяются особые, ключевые ситуации, в которых происходит использование маркеров мира повседневности, в результате чего и обеспечивается целостность непосредственно воспринимаемого (означающее) и подразумеваемого (означаемое) [3, с. 99].

К факторам, конструирующим образ мира повседневности человека, ученые относят условия бытия, традиции и содержащиеся в них явные или латентные правила интерпретации, оценки жизненных феноменов, а также институциональные образования, характерные для доминирующих групп и способствующие воспроизведению определенного типа личности. При этом исследователи исходят из того, что ценности, нормы, каноны влияют на поведение людей лишь в той мере, в какой члены общества их активно разделяют либо пассивно признают.

Современное информационное общество характеризуется динамикой коммуникативных процессов, занимающих одно из ведущих мест среди факторов формирования мира повседневности. В ряду факторов образной маркировки данного мира выделяется реклама. Она в своей структуре содержит индексное (указательное) отношение к миру повседневности человека, которое предполагает наличие в аудиовизуальных образах фактической, действительной смежности между означаемым и означающим. В свою очередь современная рекламная кампания использует иконические (от англ. *icons* – ‘знаки-иконы’)¹ отношения по принципу подобия с миром повседневности, что позволяет говорить об интерпретационных процедурах при переводе означаемого в означающее [См.: 10; 12].

Изучение медиасообщений как фактора формирования мира повседневности невозможно без учета влияния ценностных ориентаций, поскольку они являются его базовой составляющей. Анализ исследований М. Шелера, В. С. Соловьева, В. В. Савчука, И. А. Ильина, А. Б. Невелева выявил, что ценности представляют собой мыслительную форму жизнедеятельности человека, где фиксируется несколько моментов его отношения к миру повседневности и самому себе [6; 13; 14; 21; 22]: стремление к какому-либо предмету действительности, представляющему перед ним как предмет потребности; ожидание собственной позитивной чувственной реакции в случае реализации стремления; направление внимания на какой-либо предмет, который становится предметом его стремлений.

Общепризнанными положениями в аксиологии считаются следующие: личностные ценности складываются в динамическую систему, имеющую иерархическую структуру; в качестве предметной стороны ценностей может выступать любой предмет или предметность действительности.

Известно, что в различных отношениях человека с жизненным миром повседневности

в качестве оснований выступают ценности, а так как система личностных ценностей динамична по своей природе, то верхними уровнями ее иерархической структуры становятся то одна, то другая ценность.

Уже отмечалось, что системы ценностей личности представляют собой сложную подвижную структуру, зависящую не только от ценностей общества, но и подверженную закономерным изменениям в процессе онтогенеза и несущую на себе отпечаток индивидуальных, возрастных, социальных, профессиональных и гендерных различий. Ее структурно-динамические характеристики связаны с половозрастными особенностями и особенностями интеллектуального развития, структурой личности и ведущими ценностями семьи, окружения, что и формирует медиареальность. Возможным ярким примером воспитания патриотических ценностей может служить рекламная кампания «Сбербанка» – генерального партнера XXII Олимпийских игр и всемирного партнера VISA: «Мой вклад в победы»; «Отсчет времени до начала Сочинской Олимпиады пошел на дни. Его ведут не только организаторы и спортсмены игр, но и практически вся страна. Каждый из нас ищет способ приобщиться к этому событию. Какой?»; «Карта причастности»; «...карты Visa Classic “Олимпийская команда” генерального партнера XXII Олимпийских игр в Сочи – “Сбербанка” дает возможность каждому почувствовать себя причастным к главному спортивному событию 2014 года»; «...присоединиться к числу патриотов отечественного спорта...»; «...отчисляется 0,3 % от суммы каждой транзакции по каждой такой карте...».

Системы ценностей занимают место на пересечении двух больших предметных областей: мотивации и мировоззренческих структур сознания. Вышесказанное позволяет нам определить роль ценностей как основания отношения человека с миром повседневности и с самим собой, их регулятора. В качестве последнего ценности выполняют следующие функции: связывание субъекта и объекта, отдельных действий человека в целое, т. е. реализация

¹ Характеризуются существенным сходством формы, вида с тем, что они обозначают [См.: 23].

ценностей; определение характера будущего мира повседневности человека [См.: 14].

Таким образом, можно говорить о том, что ценности, проявляющиеся в медиареальности, становятся своеобразным регулятором отношений человека с миром повседневности, а также определяют характер его будущего. В медиа-сообщениях представлен разнообразный спектр ценностей мира повседневности, отражающий в модифицированном виде вещи, нормы, идеи, которые могут стать ценностью для человека, если он ощутит их как значимые для самого себя. Однако для одного ценностью может представиться одно, а для другого – совсем иное. Вот почему, к примеру, рекламные кампании позиционируют в своих сообщениях так называемые блага общества [См.: 2; 7; 10].

Сошлемся на теорию ценностей Г. Риккерта: «...мы будем называть такие с ценностью связанные реальные или действительные объекты “благами”, чтобы отличать их от обнаруживающихся в них ценностей. В таком случае, например, и хозяйственные “ценности”, о которых говорит политическая экономия, будут не “ценностями”, а “благами”. Точно также и в других случаях не трудно будет провести различие между благами и ценностями» [18, с. 458].

Медиареальность не только выявляет эталонную систему ценностей¹ мира повседневности человека, но и использует механизм² становления такой системы, как личностной и индивидуальной структуры, свободно манипулируя аудиторией.

Проблематика позитивного отражения мира повседневности человека в медиареальности

является малоизученной, но весьма важной в контексте особенностей современной социализации личности. Актуальные цифровые медиа становятся ведущими институтами социализации в нашем мире и в частности в современном российском обществе за счет эмоциональности, доступности, необходимости и простоты преподнесения информации. Возможным позитивным примером медиасообщений последних лет (в одном из самых востребованных запросов – категория *юмор*) может служить популяризация видеоканала YouTube, в результате чего и происходит единство непосредственно воспринимаемого (означаемого): Маменко; Петросян и Степаненко; Винокур; Петросян; об Украине; Шифрин; про футбол; Comedy Club (Камеди Клуб); на жестовом языке; автоприколы; юмор от Путина; приколы над девушками; японский юмор; КВН; юмор года; Задорнов и т. д. (результаты популярных запросов за 2014 г. на youtube.com).

Предположим, что посредством медиа возможно транслировать обществу не только необходимые знания об окружающей повседневности, но и целенаправленно формировать эмоциональные и поведенческие стереотипы, установки, шаблоны. Современный человек формируется и живет в мегаинформационном пространстве, что создает благоприятную почву для воздействия на его систему ценностей и мир повседневности. Одними из механизмов воздействия медиа являются мифологизация и стереотипизация, комплексно влияющие на все уровни массового сознания – эмоциональный, поведенческий и ценностно ориентационный, сферу сознательного и подсознательного.

Необходимо сказать, что не только продукты медиареальности в виде сообщений, но и сами объекты, на которые направлен данный медиапоток, тоже несут свою долю ответственности за принятие решений. Думается, чтобы не стать заложниками манипулятивных медиатехнологий, вследствие неумения или нежелания критически, осмысленно подходить к получаемой информации, необходимо начать с активного ее анализа и обработки; развития собственной нравственно-ценностной позиции

¹ Предлагаемые Б. С. Братусем модели низших ценностей: эгоцентрическая (отражающая направленность на собственную выгоду), группоцентрическая (ориентация на благо «своих»), освобождение от ограничений; по Э. Фромму – регрессивные ценности (стремление иметь); аномальное развитие, включающее три «модуса ориентирования»: некрофилия – биофилия, нарциссизм – любовь и симбиоз – независимость.

² Хай-хьюм (от англ. *high-hum* – ‘высокие гуманитарные технологии’) – это совокупность знаний, духовных и культурных ценностей, а также методов передачи информации, организующих людей и побуждающих их к определенной коллективной деятельности [См.: 11; 16]; массмедиа, «консциентальное оружие» (технология управления сознанием, от лат. *conscientia* – ‘сознание’, ‘совесть’).

в культуре и обществе; стремления к осознанию культуросозидающей функции (формирование эстетических взглядов, гармонии взаимодействия между индивидом и социумом, стрессоустойчивости и социальной адаптации, единения общества и т. п.).

Если происходящие ныне социокультурные преобразования российского общества сформируют более прогрессивный, стабильный, качественный его уровень, то появится возможность усвоения устойчивых ценностных ориентаций как в субъективном, так и в объективном смыс-

ле. Необходимо учитывать, что трансформация ценностей не может выполняться механически без специальных социальных институтов, основанных на воспитании (передача общественно-исторического опыта) и этике (нравственных принципов жизни в виде норм, идеалов, общечеловеческих базисных понятий), отражающих общеразделяемые ценности. Возможно при таких условиях и поддержке медиа семья и окружение смогут сообразно транслировать ценности, субстанциональные для социума и обеспечивающие его единение.

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Руткевич. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц; пер. с нем. Л. Г. Ионин, А. Черных. – Москва, 2011. – 136 с.
3. Добрынин, В. Трансляция культуры в транзитивном обществе / В. Добрынин, Б. Слюсая. – Москва, 2002. – 217 с.
4. Емченко, Е. П. Жизненный мир повседневности человека в контексте современной телевизионной рекламы: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. П. Емченко; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2011. – 26 с.
5. Зубанова, Л. Б. Современная культура в постклассических концепциях и актуальных социокультурных брендах / Л. Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 47–55.
6. Ильин, И. А. Постмодернизм: От истоков до конца столетия / И. А. Ильин. – Москва, 1998. – С. 48–67.
7. Коломиец, В. П. Медиатизация – социальный тренд / В. П. Коломиец // Философия коммуникативного пространства: расширяя Галактику: сб. материалов междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. (к 100-летию со дня рождения Г. М. Маклюэна) / МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2012. – С. 51–56.
8. Лазарсфельд, П. Измерение в социологии / П. Лазарсфельд // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / пер. с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского. – Москва: Прогресс, 1972. – С. 146–147.
9. Лассуэлл, Г. Д. Психопатология и политика: моногр. / Г. Д. Лассуэлл; пер. с англ. Т. Самсонова, Н. Короткова. – Москва: Издательство РАГС, 2005. – Сер.: Антология зарубежной и отечественной мысли. – 352 с.
10. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – Москва, 2005. – 256 с.
11. Матвейчев, О. А. Проблемы манипуляции / О. А. Матвейчев. – Москва: Пайдеия, 1999. – 126 с.
12. Медиафилософия VI: Необратимость трансформации / под ред. В. В. Савчука, А. И. Иваненко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. – 128 с.
13. Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / под ред. В. В. Савчука. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2008. – 346 с.
14. Невелев, А. Б. Ценностное бытие человека / А. Б. Невелев, В. Н. Потехин, Н. Л. Худякова; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 135 с.
15. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. – Москва: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996. – 352 с.
16. Поликарпова, Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе / Е. В. Поликарпова. – Ростов-на-Дону, 2002. – 178 с.
17. Политика в соцсетях: топ 10 популярных депутатов-блогеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1411872>.
18. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев, 1998. – 489 с.

19. Савчук, В. В. Необходимость медиафилософии [Электронный ресурс] / В. В. Савчук. – Режим доступа: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability.
20. Связи с общественностью и реклама: теория и практика: сб. материалов XIII Междунар. конгр. (Челябинск, 20–21 марта 2014 г.) / редкол.: Л. К. Лободенко, О. Н. Зайкова. – Челябинск: Циперо, 2014. – 260 с.
21. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – Москва, 1988. – Т. 1. – С. 260–286.
22. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер; пер. А. Ф. Филиппова. – Москва, 1994. – 490 с.
23. Pierce C. S. 1955. Philosophical writings. New York: Dover.

Получено 02.10.2014

E. Emchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: jemchenko@mail.ru

DAILY WORLD IN THE CONTEXT OF MODERN MEDIA

Abstract. *Against this background, the transformation of values formed a new interaction of traditional values and innovation in everyday life and in the media reality. This synthesis smooths contradictions that fits the individual to new social and cultural environment, at the same time, new forms emerged antinomies promote reserves value system. The author considers modern man as a "person of mediasizenname" thinking through the iconic symbols of the mass media, undergo transformation of system of values of everyday life in terms of media reality. The author raises the question of the need for a harmonious relationship between the individual and the media space by conversion from their own cognitive resources, the development of critical thinking, the culture of consumption. It is possible under these conditions and hope for the support of the media, the family and the environment will be consistent to deliver value, substantial for the society and ensure its unity.*

The problem of determining the media is that the media is not so much an object of knowledge, how the condition of existence of this reality, acting not only as a mediator, but rather as the only possible medium of human existence. Massmediatization, as a global problem, has a progressive influence on the political, social, cultural, ideological, daily production person. It is a unique form of mixed human existence, where the centre acts as the field of communication, based on value orientations (M. Scheler, V. S. Solovov, V. Savchuk, I. Ilin, A. Nevelev).

On impact, the management of value systems, behavior patterns of the target audience and analysis of media texts studied by such researchers as P. Lazarsfeld, E. Noelle-Neumann, B. Berelson, K. Hovland, P. Berger, T. Luckmann, G. Lasswell, K. Shannon, Ch. Osgood, W. Schramm and others.

In modern media stream text actualizes the basis of different models of the world everyday person, personal knowledge of the audience and accumulates their previous experience. In digital media there is a clear connection between their audiovisual text structures, and social activities of recipients, which confirms the dynamics of the expansion of the boundaries of the world of everyday life of man through the media.

Keywords: *media, media messages, media space, daily life, communicative processes, advertising, value theory*

For citing: *Emchenko E. 2016. Daily world in the context of modern media. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 102–109.*

References

1. Berger P., Luckmann T. 1995. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya [The social construction of reality: A treatise on sociology of knowledge]. Translated by Rutkevich E. Moscow: Medium. 323 p. (In Russ.).
2. Bolts N. 2011. Azbuka media [The ABC of media]. Translated from German by Ionin L., Chernykh A. Moscow. 136 p. (In Russ.).
3. Dobrynin V., Sliusazh B. 2002. Translyatsiya kul'tury v tranzitivnom obshchestve [Transmission of culture in transition society]. Moscow. 217 p. (In Russ.).

4. Emchenko E. 2011. Zhiznenny mir povsednevnosti cheloveka v kontekste sovremennoy televizionnoy reklamy [Daily life world rights in the context of modern television advertising]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 26 p. (In Russ.).
5. Zubanova L. 2013. Modern culture at post-classical conceptions and actual socio-cultural trends. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (33): 47–55. (In Russ.).
6. Ilin I. 1998. Postmodernizm: Ot istokov do kontsa stoletiya [Postmodernism: From the origins to the end of the century]. Moscow. P. 48–67. (In Russ.).
7. Kolomiets V. 2012. Mediatization as social trend. Filosofiya kommunikativnogo prostranstva: rasshryaya Galaktiku [Philosophy of communicative space: expanding the Galaxy]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. P. 51–56. (In Russ.).
8. Lazarsfeld P. 1972. Measurement in sociology. Amerikanskaya sotsiologiya: Perspektivy, problemy, metody [American sociology: Prospects, problems, methods]. Translated from Eng. by Voronina V., Zinkovskii E. Moscow: Progress. P. 146–147. (In Russ.).
9. Lasswell H. 2005. Psikhopatologiya i politika [Psychopathology and Politics]. Translated from German by Samsonova T., Korotkova N. Moscow: Publishing House of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 352 p. (In Russ.).
10. Luhmann N. 2005. Real'nost' massmedia [The reality of the media]. Translated from German by Antonovskii A. Moscow. 256 p. (In Russ.).
11. Matveichev O. 1999. Problemy manipulyatsii [Problems of manipulation] Moscow: Paydeyya. 126 p. (In Russ.).
12. Mediafilosofiya VI: Neobratimost' transformatsii [Media philosophy VI: The irreversibility of transformation]. 2011. Savchuk V., Ivanenko A., ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg philosophical society. 128 p. (In Russ.).
13. Mediafilosofiya. Osnovnye problemy i ponyatiya [Media philosophy. The main problems and concepts]. 2008. Savchuk V., ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg philosophical society. 346 p. (In Russ.).
14. Nevelev A., Potekhin V., Khudiakova N. 2002. Tsennostnoe bytie cheloveka [Valuable human existence]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 135 p. (In Russ.).
15. Noelle-Neumann E. 1996. Obshchestvennoe mnenie: Otkrytie spirali molchaniya [Public opinion. The opening of the spiral of silence]. Mansurova N., ed. and foreword. Moscow: Progress-Akademiya: Ves' mir 352 p. (In Russ.).
16. Polikarpova E. 2002. Aksiologicheskie funktsii massmedia v sovremennom obshchestve [Axiological function of mass media in modern society]. Rostov-on-Don. 178 p. (In Russ.).
17. Politika v sotssetyakh: top 10 populyarnykh deputatov-bloggerov [Policy in social networks: top 10 popular deputies bloggers] [Electronic resource]. Available from: <http://tass.ru/politika/1411872>. (In Russ.).
18. Rickert H. 1998. Filosofiya zhizni [Philosophy of life]. Kiev. 489 p. (In Russ.).
19. Savchuk V. Neizbezhnost' mediafilosofii [Inevitability of mediaphilosophy] [Electronic resource]. Available from: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability. (In Russ.).
20. Public relations and advertising: theory and practice. 2014. Lobodenko L., Zaikova O., ed. Chelyabinsk: Tsytsero. 260 p. (In Russ.).
21. Solovov V. 1988. Opravdanie dobra [Justification of the goodness]. Moscow. T. 1. P. 260–286. (In Russ.).
22. Scheler M. 1994. Izbrannye raboty [Selected works]; translated by Filippov A. Moscow. 490 p. (In Russ.).
23. Pierce C. S. 1955. Philosophical writings. New York: Dover. (In Eng.).

Received 02.10.2014

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ РЕГИОНА И ПРОВИНЦИИ

В центре внимания находится сравнительно-сопоставительный анализ региона и провинции как пространственных феноменов в геокультурном контексте.

Актуальность терминологического поля культурной географии в культурологическом аспекте и сама логика хорологического подхода позволяет представить территориальные образы провинции и региона в качестве двух типов геокультурного пространства. В результате как специфические геокультурные модели провинция и регион обладают уникальными элементами пространственно-временной организации в силу разности системы функционирования и механизмов внутреннего развития.

Стабильность, устойчивость и неизменность провинциального ландшафта определяет органическое единство природного и социокультурного провинциального локуса. Эволюция последнего рассматривает его как основу регионального целого, некую региональную периферию, эквивалент регионального в отношении оппозиции «центр – периферия».

В сравнении с локусом провинции регион оказывается актуальным пространством потенциальных цивилизационных трансформаций, постоянных динамических изменений, средой непрерывно расширяющихся информационных возможностей, открывающихся перед индивидом и обществом. Обязательным условием его существования следует считать динамизм исторического становления и эволюционизм территориальных, этнонациональных, социально-экономических, духовных, психоментальных процессов.

Провинция и регион как культурно-пространственные модели (хотя и могут взаимопересекаться, а иногда и совпадать определенными зонами) обладают различной пространственно-временной структурой в силу разности системы функционирования и механизмов внутреннего развития. В связи с этим они имеют принципиальные территориально-структурные отличия, обусловленные емкостью и плотностью историко-культурного ландшафта, параметрами экономической, научно-технической, промышленно-индустриальной, социальной жизни.

Ключевые слова: геокультурное пространство, территориальный образ региона, территориальный образ провинции

Для цитирования: Южалина, Н. С. Геокультурные модели региона и провинции / Н. С. Южалина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 110–118.

Поле пересечения исследовательских интересов культурологии и географии открывает проблему взаимодействия культуры и пространства в контексте ее пространственных характеристик. Актуальность так называемой хорологической парадигмы, «реабилитация» географического мышления отражает влияние топохронной методологической тенденции в интегративных, междисциплинарных проектах, в частности «...смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструкторов, описывающих,

характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений» [4, с. 27].

В этой ситуации трансформация пространственного мышления непосредственно зависит от особенностей культуры в ее информационном, глобализационном и унифицирующем аспектах, в результате чего его дифференциация связана с выделением, изучением своеобразия и единства значительных геокультурных образований в контексте культурно-цивилизационной целостности страны как в диахрон-

ном (возможность их историко-культурной реконструкции), так и синхронном, актуальном аспектах [См., например: 7; 9; 10].

Проблема культурно-антропологической реконструкции современного российского пространства неизбежно наталкивается на ряд смысловых оппозиций, традиционных для рефлексии русской культуры. Например, можно сослаться на спектр исследовательских материалов, представляющих опыт теоретико-методологического синтеза культурологии и географии относительно вопроса научной концептуализации образа российского пространства в целом [8]. Акцентирование имперской парадигмы освоения российского пространства представляет его образ моноцентричным и в высшей степени абстрактным. Внимание исследователя сосредотачивается на различных аспектах проблемы «центр – периферия», всесторонний анализ которой содержат работы известных российских авторов, таких как В. Л. Каганский, Б. Б. Родман, Д. Н. Замятин, В. Н. Стрелецкий, А. С. Ахиезер, В. Л. Глазычев, А. И. Трейвиш. «...Пространство нашей страны будет названо “родными просторами”, что ему, несмотря на видимое разнообразие, будет приписано некое единство, что единство это не фиксируется на уровне воспринимаемых и постигаемых характеристик ландшафта, а коренится в чем-то более глубоком, возможно, проживаемом нами помимо его конкретных особенностей» [Там же].

Однако с позиции регионального подхода исследование архитектуры современного российского пространства перерастает в анализ взаимодействия региональных и провинциальных реалий. Необходимо отметить, что категории *провинция* и *регион* сближаются в том случае, когда провинциальное воспринимается как характеристика региональной культуры. Важнейшие черты провинциальной культуры (господство архетипических – этно-архаических идеологем и способов жизнедеятельности в структуре повседневности, консерватизм и самодостаточная инертность культурных форм) свидетельствуют о том, что провинциальное может выступать по отноше-

нию к региональному в качестве традиционного ядра, вокруг которого структурируются психоментальные комплексы региона как поликультурного образования.

Поэтому сами территориальные образы провинции и региона могут быть представлены в качестве двух типов геокультурного пространства. С целью их дифференциации обратимся к определению вводимого понятия: под геокультурным пространством понимается «система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира» [3, с. 110]. Как специфические геокультурные модели провинция и регион (хотя и могут взаимопересекаться, а иногда и совпадать локальными зонами) обладают различной пространственно-временной структурой в силу разности системы функционирования и механизмов внутреннего развития. Они, если можно так выразиться, отличаются емкостью и плотностью историко-культурного ландшафта, параметрами экономической, научно-технической, промышленно-индустриальной, социальной жизни, а потому имеют территориально-структурные отличия.

Обратимся к характеристике физико-географических и социогеографических факторов, которыми обусловлено существование провинции. Образ провинциального ландшафта складывается в цельную картину стабильных пространственно-временных отношений, предопределенных необходимостью поддерживать устойчивое единство природного и социокультурного комплексов (оговоримся сразу: в данном случае речь не идет о совокупности межличностных, субкультурных, коммуникативных, информационных и прочих отношений, возникающих в провинциальном обществе и имеющих возможность обладать достаточной сложностью, противоречивостью и многозначностью). поддержа-

ние внутренних связей в цепочке геобиоценоза конкретной территории играет для провинциального социума существенную роль: ведь сохранение изначального состояния всех компонентов природного ландшафта (микроклимата, биогеохимических циклов, состояния флоры и фауны, водного режима и т. д.) напрямую влияет на результаты хозяйственного взаимодействия человеческой общности с ландшафтом. Иными словами, в идеале территориальный образ провинции тяготеет к стабильности, неизменности и однородности локуса. Это и есть локализованное, отличающееся небольшими размерами пространство, в границах которого устанавливаются системные отношения между социумом и природой. Кроме того, цельность территориального образа провинции отвечает психоментальной потребности в создании самобытного «культурного гнезда». Ощущение необходимости культурной самоорганизации местного сообщества трансформируется в процесс территориальной идентификации с конкретным ландшафтом. С момента осознания и осмысления ландшафта как родного, семантически отождествляемого с отеческим (вспомним выражение «земля предков») локализуется и его образ, воспринимаемый сквозь призму архетипических отношений места и человека, сосредоточенных и замкнутых внутри собственного локуса.

Психоментальная локализация образа провинции в сознании индивида выражается посредством закрепления территориально-символических координат различных природных и социокультурных объектов, включенных в структуру ландшафта. Каждый из подобных объектов жестко сращен с местом своего бытования и со своим окружением, сопряжен с образом целого так, что не может быть из него изъят без нарушения семантического единства пространства. Не случайно большинство провинциальных ландшафтов воспринимаются вполне «картинно», в духе архитектурного пейзажа, построенного по законам художественной композиции и обладающего общей живописностью и ансамблевостью (даже если

этот пейзаж «выполнен» в эстетике «запустения», китча и т. д.). О справедливости данного суждения свидетельствуют словари местной (диалектной) топографии, не меняющиеся под воздействием социальных катаклизмов и прочих трансформаций подчас на протяжении столетий. Выражения вроде «на Горке», «у Нико-лы», «на Дворище», «за садами» словно подтверждают архетипическую незыблемость провинциального пространства и системы территориальных отношений, хотя в них и возможно властное вторжение нового (кстати, осознаваемого как нечто инородное, чужое, обесмысливающее картину целого).

Незначительность масштабов, стабильность и однородность провинциального пространства гармонируют с временными структурами жизни. Такие особенности его восприятия, как эффект временной несинхронности жизни, застойность или полная «остановка» времени, указывают на емкость, скорость и интенсивность происходящих в провинции событий.

Провинция как структура членится на центр и периферию (границы). Если попытаться представить динамику отношений центра и границ в рамках территориального образа провинции, они сложатся в картину движения от статичного, системно упорядоченного геокультурного ядра к зоне относительно случайных взаимосвязей природы и социума. «Периферия периферии» (Ю. М. Лотман), или зона пограничья, – семиотически потенциальный рубеж, выступающий границей, одновременно разъединяющей и объединяющей территорию провинции с внешним миром. Характерно, что в процессе приближения к границам провинции усиливается впечатление постепенного отступления социокультурной компоненты перед лицом природного ландшафта. Социальное пространство в провинции к периферии постепенно размывается, сливаясь, а затем и совсем исчезая в недрах естественного природного окружения. Архаичность провинциального существования обнаруживает органическое начало в качестве его природной основы: в этноисторических истоках, тесной зависимости от биохора, динамического стремле-

ния провинциального ландшафта к трансформации из «внутреннего» во «внешнее».

В связи с вышеизложенным при характеристике территориального образа провинции вполне применим термин *фация*. Данное понятие используется при описании элементарных ячеек ландшафта, таких участков поверхности Земли, которые представляют полное единство компонентов ландшафта. В переносном смысле провинция воспринимается в значении фации – геокультурного пространства (историко-культурного ландшафта), наделенного признаками однородности, локальности, стабильности, ансамблевости системных отношений.

Природные элементы ландшафта окультурены, культурные – оестествлены. Рисунок ландшафта провинции ясный, устойчивый, законосообразный, но не регулярно-геометрический; упрощенность, искусственность, геометризм рисунка ландшафта – скорее симптомы периферии, как и жесткий антагонизм природных и культурных элементов. Культурный ландшафт провинции оестественен, сложен и сглажен временем и традицией; провинции без традиции не бывает. Природная основа и природная специфика культурного ландшафта провинции ясно читается и, несомненно, переживается населением. Оно знает и ценит природные памятники своей территории наряду с культурными.

Оригинальность культурного ландшафта провинции проявляется в его автономности и возможности почти «архетипического повторения» и постоянного возрождения внутренних (главное – самодостаточных) черт и специфических смыслов [См., например: 6]. Благодаря этому жизненный мир провинции предстает некой культурной микромоделю с единством устойчивых культурных характеристик, отражающих не только ряд пространственных, но и временных, антропологических особенностей, художественным образом воссозданных и всесторонне отображенных в русской классике. Они до сих пор составляют основу представлений о провинциальном как культурном феномене со всеми его устойчивыми смыслами и атрибутами [См., например: 1; 5].

В отличие от провинциального, территориальный образ региона значительно многомернее уже в силу его масштабной величины. Как геокультурное образование регион – сложно организованный ландшафт, постепенно складывающийся в целостность в ходе историко-культурного освоения. Прибегая к языку аналогий, скажем, что целостность регионального ландшафта складывается из системы фаций, подобных провинции. Это обусловлено как тем, что на территории региона могут располагаться зоны с различными физико-географическими и социогеографическими условиями, так и тем, что в процессе временного освоения регион приобретает более детализированные и конкретные системные конфигурации. Из этого становится понятным, какое значение имеет историческая динамика оформления региональной территории. Можно говорить о региональной идентичности, но трудно о провинциальной: идентичность обычно требует проведения границ и отделения своих от чужих, провинция же как собирательное понятие отчетливых территориальных, языковых или культурных границ не имеет.

Будучи полисферным образованием, регион постепенно формируется в мозаичный ландшафт, характеризуемый неоднородностью единого географического контура и сложностью социокультурного и этнонационального рельефа. Так, некоторые региональные территории предельно плюралистичны с точки зрения природных условий, не имеют плавных, постепенных внутренних переходов от одной физико-географической зоны к другой. Основные ландшафтные компоненты (материнская порода, микроклимат, водный режим, почва, биогеохимические циклы, флора и фауна) в различных областях региона могут кардинально отличаться друг от друга и быть противоположными. Это предопределяет контрастность и разнообразие форм социокультурной адаптации общностей на их территории. Из данного следует вывод, что в целостном геокультурном пространстве региона невозможно закрепление какой-либо одной (и по преимуществу патриархальной) системы культурной организации

или типа хозяйствования, установления унифицированных механизмов коммуникации «человек – природа». Скорее, можно говорить о возникновении ряда региональных центров, с которыми связываются выработанные столетиями культурного жизнестроительства традиционные типы взаимодействия человеческой общности и природного ландшафта. Несомненно, не все регионы территориально одинаковы в силу множественности и вариативности их исторических судеб: одни более обособлены и центрированы, другие внутренне поляризованы и контрастны. Однако любому, даже самому территориально компактному региону свойственна мозаичность историко-культурного ландшафта, складывающегося на пересечении и путем взаимообогащения традиционных архаических и актуальных динамических форм социокультурной адаптации.

Здесь необходимо остановиться на вопросе об архаических пластах геокультурного пространства региона. Патриархальные формы и способы хозяйствования всегда ассоциируются с исторически наиболее древними центрами регионального сообщества. Как правило, данные центры обладают сравнительной обособленностью и индивидуальной рельефностью фации. На раннем этапе исторического становления их жизнь была жестко обусловлена конкретными физико-географическими условиями, а потому в дальнейшем они приобретают относительно локальные и замкнутые контуры (внешние границы). У некоторых из подобных региональных центров остается своя патриархальная структура, являясь самодостаточным историко-культурным ландшафтом. В его рамках могут сохранять ценность архетипические (этноархаические) идеологемы, доиндустриальные модели взаимодействия социума и природного окружения, патриархальные формы хозяйствования, традиционные системы мировоззрения, вероисповедания, обычаи и т. д. В структуре единого территориального комплекса региона эти центры контрастируют с образованиями, в которых господствуют динамически активные принципы жизнестроительства, и трансформируются в периферию (про-

винцию). В то же время архаические региональные центры могут быть включены в процессы актуального преобразования ландшафта. В таком случае традиционные психоментальные установки индивида (социума) либо вытесняются на периферию мышления, либо сохраняют свое значение локально (например, для некоторых, более традиционалистски настроенных социальных групп). Кроме того, комплекс устойчивых психоментальных стереотипов, имеющих ценность для социума того или иного регионального центра, трансформируется на уровне сознания в базовые (архетипические) формулы реакций, поведения, суждений, оценок и пр.

Таким образом, становится очевидным, что в единой структуре региона возможно одновременное сосуществование качественно полярных центров, одни из которых традиционно ориентированы и, по типу геокультурной модели, близки провинции, другие – динамически активны и нестабильны. Между ними могут располагаться обширные контактные зоны, диффузные по своему характеру. В целом геокультурное пространство региона отличается неоднородностью, нестабильностью и мозаичностью ландшафта. В этом смысле регион предстает «местом мест как смысловой комплекс, означающий территорию, которая объемлет элементарные места» [10].

Из всего сказанного следует, что в рамках территориального образа региона устанавливаются иные отношения центра и периферии. Во-первых, регион может не иметь единого центра (и, как правило, не имеет его, если только это не мегацентр универсального историко-культурного и социально-экономического значения). Во-вторых, региональные центры разнообразны по информационно-динамическому типу: некоторые из них относительно однородны и стабильны, устойчивы к актуальным культурным инновациям, иные информационно насыщены и развиваются за счет энергии бурных социокультурных преобразований. В ситуации полицентризма роль периферии начинают выполнять консервативно ориентированные центры, роль «центра

центров» (или ядра региональной жизни) переходит к очагам активного жизнестроительства – крупным мегаполисам, психоментальная атмосфера которых оказывает колоссальное влияние на самосознание индивида и регионального социума.

Что касается внешних территориальных границ региона, то, как мы уже отмечали, они имеют диффузный, контактный характер. Поскольку регион как неоднородный субъект вступает в систему сложных взаимодействий с «внешними» (другими) социокультурными комплексами, его границы (или «периферия периферий») проявляют особую гибкость. Они потенциально разомкнуты в единое пространство культурного мира и могут непрерывно менять свои географические контуры в силу различных геополитических, социально-исторических и прочих причин. Отсюда внешние границы региона, как правило, территориально неопределенны: «“полисферность” региона становится причиной переоценки роли территориального фактора в его формировании, вследствие чего “культуросообразность”, потенциальная разомкнутость регионального пространства в единство культурного мира оказывается причиной территориальной неопределенности его границ» [12, с. 173].

Интересно также остановиться на вопросе о содержательной структуре региональной периферии, чьи динамические качества могут быть также весьма разнородными. В одних случаях, когда она значительно удалена от активно действующих центров, ее вполне возможно сопоставить с периферией провинции. Данный тип периферии обладает свойствами, отмеченными ранее: постепенное сближение с естественным ландшафтом, утрата социокультурных признаков и полное нивелирование природным окружением. В отношении периферии крупных региональных зон важно отметить ее способность выражать «обратную» связь культурного мира и природы: подобная периферия словно постепенно кристаллизует сгустки цивилизационной энергии, по контрасту концентрируя внимание на присутствии социума в естественном природном ландшафте, семантически пере-

водя «внешнее» во «внутреннее», обнажая разломы среды через проявляющиеся социокультурные объекты. В целом региональная периферия также нелинейна и неоднородна, как и образ регионального центра.

Совместив отдельные, контрастирующие друг с другом фрагменты мозаичного регионального ландшафта, можно без труда определить черты различий в системе психоментальной организации провинции и региона. Информационная емкость провинциального геокультурного пространства обусловлена стабильностью стереотипов поведения и восприятия действительности, отличается небольшой интенсивностью. Целостное региональное пространство, характеризующееся нестабильностью, неоднородностью и динамизмом структуры, напротив, является полем приложения активной жизненной энергии и потому – месторазвитием. В современной исследовательской практике под данным термином подразумевают место обитания социума с контрастным историко-культурным ландшафтом. Приведем одно из показательных определений: «месторазвитие – это мозаичный ландшафт, в котором происходит развитие культуры» [2, с. 254]. Используемое понятие призвано подчеркнуть интенсивность протекаемых в региональном пространстве социокультурных процессов: ведь чем «мозаичнее ландшафт – тем напряженнее в нем жизнь» [Там же]; «чем многообразнее условия внутри данного контура – тем выше его емкость» [Там же, с. 253]. Таким образом, по отношению к провинции регион оказывается территорией потенциальных цивилизационных сдвигов, непрерывных динамических изменений, средой постоянно расширяющихся информационных возможностей, открывающихся перед индивидом и обществом. Обязательным условием его существования следует считать динамизм исторического становления и эволюционизм территориальных, этнонациональных, социально-экономических, духовных, психоментальных процессов.

Таким образом, при сопоставлении феноменов провинции и региона обнаруживается их структурная разнородность. В современном

применении понятие провинции как отдельной экономико-географической области имеет ярко выраженный ценностный контекст: в самом широком понимании провинция всегда означает территориально (пространственно) обособленную и самодостаточную культурную область. По отношению к региональному пространству, неизмеримо более масштабному и складывающемуся из многообразных, подчас контрастных фаций, она может принимать различные функциональные позиции. Так, в первом случае провинция играет роль региональной периферии; в другом под провинцией понимается один из исторических региональных центров (историко-культурных зон), структурированных на основе традиционной этноархаической культуры; в третьем – границы регионального субъекта и провинции совпадают. Из этого следует, что провинциальное может являться качественной составляющей регионального единства.

Территориальные образы провинции и региона представлены в качестве двух типов геокультурного пространства. Как специфические геокультурные модели провинция и регион (могут взаимопересекаться или совпадать с локальными зонами) обладают различной пространственно-временной структурой, в силу разности системы функционирования и механизмов внутреннего развития. Они отличаются емкостью и плотностью историко-культурного ландшафта, параметрами экономической, научно-технической, промышленно-индустриальной, социальной жизни.

Образ провинциального ландшафта складывается в цельную картину стабильных пространственно-временных отношений, предопределенных необходимостью поддерживать устойчивое единство природного и социокультурного комплексов. В идеале территориальный образ провинции тяготеет к стабильности, неизменности и однородности локуса. Это есть локализованное, отличающееся небольшими размерами пространство, в границах которого устанавливаются системные отношения между социумом и природой. В переносном смысле провинция может восприниматься в значении

фации – единицы геокультурного пространства (историко-культурного ландшафта), наделенного признаками однородности, локальности, стабильности, ансамблевости системных отношений, структурного единства.

«Полисферность» региона становится причиной переоценки роли территориального фактора в его формировании. «Культуросообразность», потенциальная разомкнутость регионального пространства в единство культурного мира оказывается причиной территориальной неопределенности его границ: «Границы региона, таким образом, имеют диффузный, контактный... характер» [2, с. 295]. Будучи открытой системой, регион вступает в сложные взаимодействия с «внешними» (другими) социокультурными комплексами, вписывается в ансамбль универсальных культурных взаимосвязей.

По отношению к провинции регион оказывается территорией потенциальных цивилизационных сдвигов, непрерывных динамических изменений, средой постоянно расширяющихся информационных возможностей, открывающихся перед индивидом и обществом. Обязательным условием его существования следует считать динамизм исторического становления и эволюционизм территориальных, этнонациональных, социально-экономических, духовных, психоментальных процессов. Важнейшие свойства, дифференцирующие региональное самосознание, – его пластическая подвижность, способность к эволюционной изменчивости и процессуальному динамизму – во многом противостоят жесткой стабильности провинциализма как феномена. Полисферность региона, мозаичность ландшафта позволяют говорить о нем как об уникальном ментальном субъекте со сложной антропогенной структурой. И в заключение хочется обратить внимание читателя на практическое отсутствие исследовательского интереса в гуманитарных работах к теме провинции как самостоятельному культурному феномену на данный момент; актуализация и изучение проблемы локальности, в нашем случае – концепта пространства, на сегодняшний день полностью связаны с обращением и концептуализацией понятия региона.

1. Березовая, Л. Г. История русской культуры / Л. Г. Березовая, Н. П. Белякова. – Москва: ВЛАДОС, 2002.
2. Буровский, А. М. Психологическое пространство городского ландшафта в характеристике урбанизационных процессов: от настоящего к будущему / А. М. Буровский // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / отв. ред. Э. В. Сайко; редкол.: Т. И. Алексеева, З. Н. Галич, Г. А. Гольц, Т. М. Дридзе, Т. Б. Князевская. – Москва: Наука, 1999. – С. 249–260.
3. Замятин, Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – Москва: Аграф, 2004. – 512 с.
4. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – № 3. – Т. 9. – С. 26–50.
5. Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри / Н. М. Инюшкин. – Пенза: Пензенская правда, 2004. – 439 с.
6. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / В. Л. Каганский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
7. Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / отв. ред. Т. М. Красовская. – Москва: Географический факультет МГУ, 2009. – 270 с.
8. Международный журнал исследований культуры [Электронный ресурс]. – 2001. – № 4 (5): Культурная география. – Режим доступа: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography>. – Дата обращения: 12.08.2015.
9. Россия: воображение пространства / пространство воображения // Гуманитарная география: науч. и культурно-просветит. альм. (Спец. вып.) / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. – Москва: Аграф, 2009. – 464 с.
10. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина, В. Н. Стрелецкого. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. – 536 с.
11. Филиппов, А. Гетеротопология родных просторов [Электронный ресурс] / А. Филиппов // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/geterotopologiya-rodnyh-prostorov>.
12. Южалина, Н. С. Проблема региона как социокультурного пространства / Н. С. Южалина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2006. – № 2 (57). – С. 172–176.

Получено 25.02.2015

N. Iuzhalina

*Candidate of Culturology, Docent,
South Ural State University
E-mail: Yuzhalina@yandex.ru*

GEOCULTURAL MODEL OF THE REGION AND THE PROVINCE

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the region and the province as different phenomena in the geocultural context.*

The logic of the chronological approach in this article allows us to investigate territorial images of the province and region as two types of a geocultural field. As specific geocultural models, the province and region possess unique elements of special and temporal organization owing to differences in system of functioning and mechanisms of internal development.

The image of a provincial landscape develops in an integral picture of the stable special and temporal relations predetermined by the need to support natural and socio-cultural complexes' steady unity. Theoretically, the territorial image of a province runs to stability, constancy and uniformity of a locus. The provinciality is one of the

qualitative components of the regional unity: in the first case the province plays a role of the regional periphery; in the second case, the province is understood as one of the historical regional centers (historical and cultural zones), structured on the basis of traditional ethnic and archaic culture; in the third case, the borders of the regional subject and the province can coincide.

In respect of the province the region tends to be the territory of potential civilization shifts, continuous dynamic changes, the environment of opportunities of information constantly opening before the individual and society. The indispensable condition of its existence should be considered the dynamism of historical formation and an evolutionism of territorial, ethnic and national, social and economic, spiritual, psychomental processes. The conception of the polysphere of a region, the mosaic structure of its landscape allows speaking about it as a unique mental subject with a complicated anthropogenous structure.

The province and the region as cultural and spatial models (though they can intercross and sometimes coincide by its local zones) have various existential structures, owing to a difference of system of functioning and mechanisms of internal development. As a result of this, they essentially differ in the capacity and density of an historical and cultural landscape, parameters of economic, scientific and technical, industrial and social life. Therefore they have territorial and structural differences.

Keywords: *geocultural space, territorial image of the region, territorial image province*

For citing: *Iuzhalina N. 2016. Geocultural model of the region and the province. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 110–118.*

References

1. Berezovaia L., Beliakova N. 2002. Istoriya russkoy kul'tury [History of Russian culture]. Moscow: VLADOS. (In Russ.).
2. Burovskii A. 1999. Psychological space of the urban landscape in the characterization of urbanization processes: from the present to the future. Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva [Urbanization in shaping socio-cultural space]. Saiko E., ed.; Alekseeva T., Galich Z., Golts G., Dridze T., Kniazevskaia T., editorial board. Moscow: Nauka. P. 249–260. (In Russ.).
3. Zamiatin D. 2004. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: The space of images and images of space]. Moscow: Agraf. 512 p. (In Russ.).
4. Zamiatin D. 2010. Humanitarian geography: Space, imagination and interaction of modern humanities. Sotsiologicheskoe obozrenie [Russian sociological review]. № 3. Vol. 9: 26–50. (In Russ.).
5. Iniushkin N. 2004. Provintsial'naya kul'tura: vzglyad iznutri [Provincial culture: an inside look]. Penza: Penzenskaya Pravda. 439 p. (In Russ.).
6. Kaganskii V. 2001. Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo [Cultural landscape and Soviet inhabited space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p. (In Russ.).
7. Kul'turnye landshafty Rossii i ustoychivoe razvitie: chetvertyy vypusk trudov seminara "Kul'turnyy landshaft" [Cultural landscapes of Russia and sustainable development: the Fourth volume of the proceedings of the seminar "Cultural landscape"]. 2009. Krasovskaia T., ed. Moscow: Faculty of Geography, Moscow State University. 270 p. (In Russ.).
8. International journal of cultural research [Electronic resource]. 2001. № 4 (5): Kul'turnaya geografiya [Cultural geography]. Available from: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography>. (In Russ.).
9. Russia: the imagination of space / space of imagination. 2009. Gumanitarnaya geografiya [Humanitarian geography (Special edition)]. Mitin I., ed.; Zamiatin D., Mitin I., comp. Moscow: Agraf. 464 p. (In Russ.).
10. Fenomen kul'tury v rossiyskoy obshchestvennoy geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty [The phenomenon of culture in the Russian social geography: expert opinions, analysis, concepts]. Druzhinin A., Streletskii V., ed. Rostov-on-Don: Publishing house of Southern Federal University. 536 p. (In Russ.).
11. Filippov A. 2002. Heterosexual Topology native open spaces [Electronic resource]. Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland]. № 6. Available from: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/geterotopologiya-rodnyh-prostorov>. (In Russ.).
12. Iuzhalina N. 2006. The problem in the Region as a social and cultural space. Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities. № 2 (57): 172–176. (In Russ.).

Received 25.02.2015

А. Ю. Павловаканд. культурологии,
Челябинский государственный институт культуры
E-mail: astra861@rambler.ru**Н. В. Сколова**доцент кафедры театрального искусства,
Челябинский государственный институт культуры
E-mail: nata.skolova@mail.ru

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ И СУБКУЛЬТУРНОСТЬ В АКТУАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

Рассматриваются субкультурные практики современности в контексте «театральности» – особой игровой стратегии, при которой индивид, осваивая ту или иную культурную форму, уподобляется актеру в театральной постановке.

Актуальность разрабатываемой темы видится нам, во-первых, в том, что современные субкультурные практики есть особые «гибридные» культурные формы, которые изменяют привычную структуру культуры (ядро – периферия). Таким образом, «разворачивание» данных культурных форм есть развитие самой культуры. Во-вторых, процесс идентификации человека с той или иной социальной группой имеет определенную логику и в разных случаях протекает по-разному. Проводя аналогию между субкультурой и театрализованной постановкой, освоением ее индивидом и актерской игрой, мы так или иначе можем зафиксировать логику развития конкретной субкультуры, что позволит в дальнейшем определить возможность ее влияния на культурное пространство в целом.

Наряду с понятием «культурность», предполагающим определенный уровень освоения культуры, мы вводим в данной работе понятие «субкультурность», под которой понимаем способность человека освоить определенную субкультурную форму на том или ином уровне (от зародышевого состояния до мировоззренческого ядра), демонстрируя ту или иную степень идентификации себя с ней.

Нами последовательно рассмотрены особенности реализации «внешнего плана роли» – обстановка и личный передний план (термины И. Гофмана). Применительно к современным субкультурным практикам выделяют четыре типа обстановки (декораций): театральные подмостки, арена цирка, подиум, трибуна, а также обозначают личный передний план (манеры, поведение, внешний вид) и внутренний план – «зерно роли» применительно к субкультурам. Так, наряду с актером «искусства представления» и актером «искусства переживания» (терминология К. С. Станиславского) в театральной системе среди современных субкультурных практик существуют «субкультуры представления» и «субкультуры переживания».

Кроме того, помимо определенного модуса, задаваемого самой субкультурой, можно говорить об особенностях идентификации себя отдельным индивидом с той или иной субкультурной группой и на основе этого выделить два типа субкультурности – субкультурность внешнего плана и субкультурность мировоззренческого плана.

Ключевые слова: субкультура, субкультурность, театральность, культурная форма, идентификация

Для цитирования: Павлова, А. Ю. Театральность и субкультурность в актуальных субкультурных практиках / А. Ю. Павлова, Н. В. Сколова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 119–124.

Общество спектакля – понятие, введенное Ги Дебором в книге с одноименным названием, – становится все более реальным в нашей повседневности. Даже гораздо «старший» термин социальная роль предполагает некий опосредо-

ванный образ, амплуа. Он не есть истинное я, но в то же время в социальном взаимодействии именно он считается окружающими как настоящий, и иногда уже сам человек не в силах определить, где же он сам, а где – его роль.

В работе «Представление себя другим в повседневной жизни» И. Гофман пишет о том, что существует два полюса «веры» человека в исполняемую им роль. На одном – люди, увлеченные собственной игрой и искренне верящие, «что впечатление о реальности, которое он создает, это и есть самая доподлинная действительность» [1, с. 45]. На другом – люди, которые не интересуются собственной игрой, а используют ее как средство достижения иных целей. «Когда у человека нет веры в собственное действие и в конце концов нет интереса к верованиям своей аудитории, можно назвать его циником, закрепив термин “искренние” за людьми, верящими во впечатление, производимое их собственным исполнением» [1, с. 45]. Однако, как далее отмечает И. Гофман, часто сама аудитория не позволяет исполнителю быть до конца правдивым.

Констатируя современную действительность, мы говорим об определенных группах, если использовать театральную терминологию – актерах и публике, которые, вовлекаясь в социальную коммуникацию, взаимно «неискренни». Так, например, политики во время предвыборной кампании делают вид, что собираются реализовать положения программы партии, а электорат, догадываясь о том, что это рекламный ход, предпочитает все же голосовать за те идеи, которые им кажутся правдивыми, контаминируя идеи и тех, кто их провозглашает.

Во многом это обусловлено ситуацией усложнения социальной структуры и развитием СМИ. Ранее малые контактные группы превращаются в формальные структуры, где не осуществляется необходимая дифференциация ролей, отсутствует индивидуализация роли, и мы говорим не о конкретном воплощении, но о типе – определенном наборе черт, который должен воспроизводить человек, находясь в той или иной социальной группе. Очевидно, что подобное положение нарушает идентичность человека в социокультурной «системе координат» – в комплексе социальных ролей, привычных человеку в повседневной жизни – роль сына, отца, менеджера, больного. В поис-

ках иного сценария развития собственной жизни человек обращается к группам, дистанцированным от его культурного пространства, альтернативным ему. Мы говорим о субкультурах [Подробнее об этом: 5, с. 111–112].

На основе вышенаписанного можно предположить, что в противовес «циникам» представители субкультур искренни в реализации роли члена той или иной группы. Однако, как указывает Л. Ионин, вовлечение индивида в новые культурные формы в современном мире происходит не через постижение их «доктринальной сущности», предполагающей совмещение «истинного я» с его социальной ролью, а через внешнеатрибутивные признаки. Идентификационный поиск, спровоцированный «неверием» в разыгрываемую человеком роль, при освоении новой культурной формы часто начинается с неверия – разыгрывания ее для других.

Как отмечает Л. Б. Зубанова в статье «Театрализация повседневности: социологический анализ жизненного события», игра в данном случае «не в полной мере соответствует традиционным игровым концепциям культуры», а связывается именно с театральностью – «целенаправленным моделированием особых театрализованных ситуаций» [3, с. 110]. Поэтому далее рассуждать о субкультуре мы будем в контексте именно театральности.

Актуальность разрабатываемой темы может быть представлена в трех следующих положениях:

1) современные субкультурные практики есть особые «гибридные» культурные формы [6, с. 23], которые изменяют привычную структуру культуры (ядро – периферия); таким образом, «разворачивание» данных культурных форм есть развитие самой культуры;

2) процесс идентификации человека с той или иной социальной группой имеет определенную логику и в разных случаях протекает по-разному; проводя аналогию между субкультурой и театрализованной постановкой, мы так или иначе можем зафиксировать логику развития конкретной субкультуры, что позволит в дальнейшем определить воз-

возможность ее влияния на культурное пространство в целом;

3) наряду с понятием *культура*, предполагающим определенный уровень освоения культуры [9], мы вводим в данной работе понятие *субкультура*, под которой понимаем способность человека освоить определенную субкультурную форму на том или ином уровне (от зародышевого состояния до мировоззренческого ядра), демонстрируя ту или иную степень идентификации себя с ней.

Предполагая, что условно раздача ролей, мизансцены театральной ситуации (культурной формы по Л. Ионину) задается логикой развития субкультуры, в семиотическом плане считающейся неким сценарием, ключевым этапом в логике постановки стоит назвать освоение внешней структуры.

Первым из выделенных Гофманом факторов создания переднего плана или вовлечения во внешнюю структуру культурной формы (по Л. Ионину) является обстановка. Если апеллировать к терминам театральным, то мы говорим о декорациях, которые должны создать условия для моделируемой ситуации – атмосферу постановки. «...Центральные улицы и площади (они особенно привлекательны для политически ориентированных групп и движений) или пешеходные зоны (где обычно происходит сбор неполитизированных культурных групп), а также строения, улицы или местности, имеющие для той или иной группы историческую или культурную ценность. Все это – подходящие декорации для разыгрывания “культурной пьесы”, в качестве которой может быть театрализованное шествие кришнаитов с флагами, танцами и пением гимнов, или процессия православных, обходящих церковь с крестом, или демонстрация коммунистов, ориентированных на столкновение с милицией и насильственный разгон» [7, с. 149].

Современный мегаполис в данном случае предоставляет значительное количество возможностей для различных субкультурных групп. Так, для готов хорошо подходят старые парки, заброшенные здания (однако стоит учитывать то, что, несмотря на провозглашаемую ценность одиночества, а также равноду-

шие к «цивилам» – обычным людям, готы все же нуждаются в публике, поэтому кладбища, так часто упоминаемые в связи с данной субкультурой, или окраины города не являются популярным местом встречи); для паркуристов декорацией является «урбан» – сам город с его геометрической формой, железобетонными перекрытиями, промышленной архитектурой и пр. Анализируя актуальные субкультурные практики с точки зрения их театральности, мы можем выделить несколько типов «обстановки», на фоне которой разворачивается действие [10, с. 224–226].

Театральные подмостки. Декорации продумываются заранее, в соответствии с ними подбираются костюмы. Представители субкультурных практик выбирают определенные места, соответствующие моделируемой ситуации, где разворачиваются целые представления, с заранее расписанными ролями, определенным сценарием.

Арена цирка. Здесь обстановка выбирается в соответствии с теми «цирковыми» номерами, которые собираются продемонстрировать представители той или иной субкультуры. Они вполне напоминают цирковых гимнастов, поражающих людей возможностями собственного тела, а обстановка заменяет им канаты, лестницы, перекладыны и прочие атрибуты цирковой арены.

Подиум. Самое главное в обстановке этого типа – обеспечить обзор со всех сторон. Представители данной субкультуры выходят в город как на показ мод. В случае с такого рода субкультурами моделируемая ситуация ограничивается демонстрацией себя без какого-либо иного действия.

Трибуна. Представители данных субкультур выходят на улицы для того, чтобы познакомить окружающих с идеями, ценностями и философией своей субкультурной группы. Поэтому подходящей обстановкой здесь выступают площади, людные улицы, пространства перед торговыми центрами. Самое главное в «декорациях» такого рода – возможность продемонстрировать «сценическое действие» как можно большему количеству народа.

Вторым фактором вовлечения во внешнюю структуру формы можно назвать гофмановский «личный передний план». В него включены внешний вид, поведение, манеры исполнителя. Об этом же пишет Л. Ионин, приводя в пример как раз субкультурные практики современности (цитата дана почти полностью в силу важности данного материала для дальнейших рассуждений):

«В сценических терминах это можно описать как овладение сценическим движением... ознакомление с текстом пьесы и освоение мизансцен.

Формально не имеет значения, какая культурная форма при этом представляется: практически всегда этапы и составляющие их элементы – одни и те же. Об этом свидетельствует опыт презентации новых культурных форм в России во время перестройки и после нее. Во всех случаях – идет ли речь о монархистах, хиппи, кришнаитах, пацифистах, панках, сексуальных меньшинствах, йаппи, новых русских, коммунистах или фашистах – на передний план сначала выдвигаются внешние знаки идентификации: униформа, сари или кожаные куртки, специфический жаргон, специфический стиль движений, например, форма приветствия или походка (так, по-разному ходят фашисты и кришнаиты, панки и хиппи; это знаковая походка; она особенно заметна во время массовых демонстраций, которые служат специально целям презентации)» [7, с. 149].

Теоретически развертывание культурной формы непременно предполагает поступательное движение индивида «от внешнего к внутреннему» (в системе театрального образования – методика М. А. Чехова, основой которой является достижение необходимых ощущений и актерских задач с помощью выполнения внешних физических действий: поз, жестов) – от «кажимости» к сущности. Однако в случае с современными субкультурными практиками мы говорим о том, что часть представителей той или иной субкультурной группы намеренно ограничиваются внешним планом. Такой человек остается в «зоне комфорта», точно воспроизводя свою

роль, но внутренне оставаясь наблюдателем происходящего.

Вероятно, что субкультуры, формирующие подобный тип идентичности¹, по аналогии с терминологией К. С. Станиславского, который говорил о двух борющихся между собой течениях – актере «искусства переживания» и актере «искусства представления» [Цит. по: 2], могут быть названы «субкультуры представления» – группы, формирующие характерность, но не характер. Сущность такой группы, мировоззренческое ядро для ее представителей оказывается невостребованным.

Иной тип «исполнителя» – тот, для которого освоение внутренней сущности формы осуществляется, иногда позже, иногда – одновременно с освоением внешней структуры. Тогда мы говорим о формировании характера. Понятие *характер* тесно связано с другим специфически театральным термином – *зерно роли* (понятие В. И. Немировича-Данченко). «Когда актер в “зерне”, его ничего не смутит, ему ничто не помешает. Он свободен. А в зерно одной роли может входить массивный письменный стол, другой – плешивый парик или трость с набалдашником. Зерном может быть близорукость и страх простуды, нервный тик и постоянное желание выпить, больное сердце и ощущение собственной нескладности» [8, с. 42] Зерно может быть или определенным предметом (игла, флюгер, заноза), или конкретным существом (хищница, боров, факир). «В зерне» может находиться и представитель той или иной группы, для которого она разворачивается до мировоззренческого ядра. Так, например, в субкультуре ролевиков есть «рыцарь», есть «граф» или даже конкретнее – граф Раймонд VII (граф Тулузы времен Альбигойского похода

¹ Конечно, нельзя утверждать, что одни субкультуры намеренно ограничивают для своих представителей доступ к собственной «внутренней структуре», а другие открыты каждому своему члену; как культурный текст субкультура так или иначе «сопротивляется» собственному освоению, однако в как в любом тексте, в каждой из субкультурных групп заложена некая программа, которая в тот или иной период актуализирует определенные смыслы, связанные больше или с внешней ее структурой, или с внутренним содержанием. Так в определенные периоды есть потенциально-мировоззренческие, внутренне-мировоззренческие (внешнее заслоняет внутреннее) и действительно-мировоззренческие группы.

Симона де Монфора), есть «ампирная барышня». Отметим, что нахождение «зерна роли» – освоение мировоззренческого ядра группы может не завершаться нахождением определенного образа, а следовать далее по пути уточнения и конкретизации его характеристик. В рамках субкультуры кришнаитов первый этап вовлечения в мировоззренческое ядро – ощущение себя как «преданного Кришны». Однако, поскольку отношения (в случае с данной субкультурой – отношения с Богом) всегда должны быть конкретны и личностно ориентированы, кришнаит ищет для себя тот вариант, который соответствует природе именно его преданности: он может быть преданным слугой, преданным сыном, преданным отцом, преданным другом, преданным возлюбленным или даже преданным врагом.

Субкультуры, формирующие данный тип идентичности, можно назвать «субкультурами переживания» (по аналогии с актером «искусства переживания» в системе К. С. Станиславского) или, как мы уже говорили, – действительно-мировоззренческими.

Также, упоминая о двух типах субкультур, мы можем говорить и о двух типах субкультурности. Первый – субкультурность внешнего плана, предполагающая отстраненность члена группы от мировоззренческого ядра, но при этом детально воспроизводящего внешнеатрибутивную ее составляющую. Субкультуры, для которых большая часть представителей характеризуются данным типом субкультурности, не являются активно действующими в культурном пространстве в силу «оторванности» их представителей от значимых идей субкультуры.

Второй тип – субкультурность мировоззренческого плана; представитель субкультуры пытается освоить все уровни культурной формы и на протяжении всего периода идентификации себя с группой воспроизводит обретенную роль как основную стратегию своей жизни. Субкультура, представители которой характеризуются субкультурностью этого типа, может стать активно действующей в пространстве современной культуры.

1. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Москва: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 301 с.
2. Захава, Б. Е. Мастерство актера и режиссера: учеб. пособие / Б. Е. Захава. – 5-е изд. – Москва: РАТИ-ГИТИС, 2008. – 432 с.
3. Зубанова, Л. Б. Театрализация повседневности: социологический анализ жизненного события / Л. Б. Зубанова // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 107–116.
4. Зубанова, Л. Б. Театр истории и театр повседневности: два подхода к интерпретации социальной реальности / Л. Б. Зубанова // Город как сцена: История. Повседневность. Будущее: интернац. науч.-исслед. альм. – Самара: Медиакнига, 2015. – С. 212–222.
5. Зубанова, Л. Б. Художественная культура в социологическом измерении: наследие прошлого и актуальные практики современности: коллектив. моногр. / Л. Б. Зубанова, М. Л. Шуб, А. Ю. Павлова. – Челябинск: Энциклопедия, 2014. – 184 с.
6. Иванов, С. В. Феномен российской хип хоп культуры: смыслообразование в контексте культурного взаимодействия: дис. ... канд. культурологии / С. В. Иванов; Рос. ин-т культурологии. – Москва, 2012. – 147 с.
7. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие для студентов вузов / Л. Г. Ионин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Логос, 2000. – 431 с.
8. Калужских, Е. В. Проблема характера и характерности в методологии действенного анализа: учеб. пособие / Е. В. Калужских; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2004. – 65 с.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova>. – Дата обращения: 27.02.2016.
10. Павлова, А. Ю. Челябинск как сцена самопрезентации молодежных субкультур / А. Ю. Павлова // Город как сцена: История. Повседневность. Будущее: интернац. науч.-исслед. альм. – Самара: Медиакнига, 2015. – С. 223–227.

Получено 15.02.2016

A. Pavlova

Candidate of Culturology,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: astra861@rambler.ru

N. Skolova

Associate Professor of Theatre Art Department,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: nata.skolova@mail.ru

THEATRICALITY AND SUBLEVEL OF CULTURE IN ACTUAL SUBCULTURAL PRACTICIANS

Abstract. This article considers subcultural practitioners of the present in the context of "theatricality" – special game strategy at which the individual, mastering this or that cultural form, assimilates to the actor in a theatrical performance.

The relevance of the theme being developed seems to us, first, that the modern subcultural practices are special "hybrid" cultural forms, which alter the usual cultural structure (core-periphery). Thus, the "unfolding" of the data of cultural forms is the development of the culture itself. Secondly, the process of human identification with a particular social group has a certain logic and proceeds differently in the different cases. Drawing an analogy between the subculture and theatrical performances, and the development of the individual and its acting game, we can fix the logic of a particular subculture, which lets determine the possibility of its influence on the cultural space as a whole.

Along with the concept of "cultural", implying a certain level of development of culture, we introduce the term "subculture" in this work, where the subculture is understood as a person's ability to master a certain subcultural form at this or that level (from the embryonic state to the ideological core), demonstrating some degree of identification with it.

The features of the "external role of the plan" – atmosphere and personal front (Gofman terms) are consistently considered. There can be identified four types of environment (scenery) in relation to contemporary subcultural practice: a theatrical stage, a circus arena, podium, lectern. And also here is a personal front (manners, behavior, appearance) – and an internal plan – "the role of grain" – in relation to subcultures.

Also, in addition to a certain modus specified by subculture itself, we can talk about the features of identification with a particular subcultural group and the individual, and on the basis of this we can distinguish two types – sublevel of culture of the external plan and sublevel of culture of the world outlook plan.

Keywords: subculture, sublevel of culture, theatricality, cultural form, identification

For citing: Pavlova A., Skolova N. 2016. Theatricality and sublevel of culture in actual subcultural practitioners. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. № 1 (45): 119–124.

References

1. Gofman I. 2000. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [The presentation of self in everyday life]. Moscow: KANON-PRESS-TS. 301 p. (In Russ.).
2. Zakhava B. 2008. Masterstvo aktera i rezhissera [The skill of the actor and director]. 5th edition. Moscow: Russian University of Theatre Arts. (In Russ.).
3. Zubanova L. 2013. Daily occurrence staging: sociological analysis of a vital event. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. № 4: 107–116. (In Russ.).
4. Zubanova L. 2015. Theater of history and theater of daily occurrence: two going near interpretation of social reality. City as stage. History. Daily routine. Future. Samara: Mediakniga. P. 212–222. (In Russ.).
5. Zubanova L., Shub M., Pavlova A. 2014. Khudozhestvennaya kul'tura v sotsiologicheskoy izmerenii: nasledie proshlogo i aktual'nye praktiki sovremennosti [Art culture in the sociological aspect: the heritage and actual modern practice]. Chelyabinsk: Entsiklopediya. 184 p. (In Russ.).
6. Ivanov S. 2012. Fenomen rossiyskoy khop khop kul'tury: smysloobrazovanie v kontekste kul'turnogo vzaimodeystviya [The phenomenon of Russian hip-hop culture: the formation of meaning in the context of cultural cooperation]. Russian Institute of Culturology. Moscow. 147 p. (In Russ.).
7. Ionin L. 2000. Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie [Sociology of culture: the way in the new millennium]. 3th edition, revised. Moscow: Logos. 431 p. (In Russ.).
8. Kaluzhskikh E. 2004. Problema kharaktera i kharakternosti v metodologii deystvennogo analiza [The problem of the nature and specificity in the methodology of effective analysis]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 65 p. (In Russ.).
9. Ozhegov S. Slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary] [Electronic resource]. Available from: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (accessed: 27.02.2016). (In Russ.).
10. Pavlova A. 2015. Chelyabinsk as stage of self-presentation of youth subcultures. City as stage. History. Daily routine. Future. Samara: Mediakniga. P. 223–227. (In Russ.).

Received 15.02.2016

ЛИЧНОСТНЫЙ ЮБИЛЕЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ актуальных социокультурных условий существования современного человека позволяет выявить ряд факторов, негативно влияющих на целостность его личности, восприятие себя и своего места в индивидуальной картине мира. Выдвигается и целенаправленно доказывается предположение, что восстановлению нарушенного баланса способствуют события, имеющие положительный характер и надежные всеми необходимыми для достижения ожидаемого результата механизмами. Одним из таких событий жизненного пути человека признается личностный юбилей. Дается авторское определение личностного юбилея. Акцентируется внимание на смыслообразующей функции данного узлового события, демонстрирующей его участникам промежуточные результаты самоосуществления юбиляра, а также создающей условия для проектирования его будущего. Предъявляются универсально-сущностное ядро и универсально-инвариантные компоненты исследуемого феномена, необходимые для максимально результативного осуществления сверхзадачи личностного юбилея.

Ключевые слова: жизненный путь, социокультурное событие, праздник, юбилей

Для цитирования: Солдаткин, В. Е. Личностный юбилей: концептуальные положения исследования / В. Е. Солдаткин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 125–128.

Любое научное исследование требует своеобразной кристаллизации основных положений. Это необходимо как для корректировки процесса изучения выбранной темы, сведения разрозненных кусочков решения проблемы в общую мозаику, так и для адекватной трансляции полученных результатов научному сообществу, а также людям, интересующимся этими вопросами в практической деятельности. Занимаясь изучением феномена личностного юбилея, мы подошли к тому этапу своей работы, который позволяет конкретизировать основные положения исследования. Рассмотрим их.

Окружающая действительность диктует человеку свои законы и правила. Тысячелетний путь развития цивилизации так и не смог реализовать мечты человечества, связанные с верой в наступление эры всеобщего благополучия и безмерного могущества Человека. Реалии наших дней связаны с эпизодическими, малоэффективными попытками улучшения негативной экологической обстановки, устранением последствий техногенных катастроф, решением

бесконечных социальных конфликтов и других глобальных проблем [1; 8; 9; 10]. Уплотняющийся темп протекания исторических процессов, увеличивающийся с геометрической прогрессией вал всевозможной, чаще бесполезной информации, быстрое устаревание личного и коллективного социального опыта минувших эпох не делают жизнь современного представителя рода *Homo sapiens* легкой и безмятежной. Выпадение из так называемой зоны комфорта во время переходных периодов, к каковым, безусловно, относится первая четверть XXI в., наиболее сильно нарушает субъектно-средовой и внутренний баланс человека. А многообразие ролей и статусов, вызванных его социальной, экономической, профессиональной и прочей деятельностью, существенно влияет на целостность его личности, обостряет вопросы, связанные с его самоопределением, самореализацией и самоидентификацией [3]. Без сомнения, в ситуации кризиса, диссонанса привычных систем ценностей индивиду крайне необходимы определенные стабилизирующие механизмы, осно-

ванные на стремлении к уравновешенности, устойчивости, фундаментальности.

По нашему мнению, одним из таких механизмов стабилизации личности, своеобразным регулятором самочувствия человека, позволяющим восстановить подвергающуюся негативному воздействию разнообразных внешних и внутренних факторов целостность его жизненного мира, выступает рожденный в недрах культуры праздник. В хронотопе праздника, опираясь на уже известные, апробированные модели поведения, созданные историческим прошлым, человек обретает ориентиры своего местоположения в актуальном социокультурном пространстве.

Думается, что во многом благодаря сложившейся ситуации, описанной выше, в последнее время все большую популярность приобретают праздники, маркирующие жизненный путь отдельного человека. Среди них особое положение занимает личностный (свойственный личности, характерный для нее) юбилей. Зародившийся в глубокой древности, в ходе своего развития претерпевший значительные трансформации, этот феномен приобрел новое прочтение в современных социокультурных условиях [7]. С одной стороны, юбилей – это узловое событие жизненного пути человека, экзистенциально важное как для самого юбиляра, так и для его окружения. С другой – данное событие обретает большее значение и в социокультурном пространстве современного российского общества. Это положение подтверждается повышенным интересом к личностным юбилеям, выражаемым в различных социокультурных текстах и практиках – произведениях искусств, деятельности учреждений культуры, СМИ и т. д. Даже та часть общества, представители которой либо игнорируют данное личностное событие, либо относятся к нему крайне негативно, вынуждена рефлексировать по этому поводу.

В результате проведенного нами исследования удалось установить, что личностный юбилей есть «интегральное узловое социокультурное событие, характеризующееся системой действий, обозначающих сущностно значимый момент жизненного пути человека и воплощаю-

щих изменение социокультурного статуса человека-юбиляра, которое формулирует (вербализирует и визуализирует), публично демонстрирует и воплощает смысл жизни личности» [4, с. 62]. Последний пункт в этом определении требует особого внимания. Индивидуальная концепция смысла жизни, определенного видным американским психологом, основателем гуманистической психологии А. Маслоу как вочеловеченность – «уровень личностного развития, на котором человек воплощает и олицетворяет лучшие духовные качества человеческого рода» [2], является продуктом самоопределения личности и реализуется в процессе самоосуществления. Промежуточные итоги самоосуществления, предъявляемые соучастникам юбилея, помогают его главному герою приблизиться к пониманию своего земного предназначения.

Можно с уверенностью утверждать, что личностный юбилей, влияющий на мироощущение, а от этого и на образ существования как самого юбиляра, так и его ближайшего окружения, на сегодняшний день становится неотъемлемой компонентой жизненного пути человека [6]. Сверхзадачей юбилея является приведение главного героя этого праздника в «идеальное» состояние – состояние гармонии с внутренним миром и окружающей средой. Данный процесс – гармонизация – выражается в создании объемного идеализированного образа юбиляра, позволяющего выделить (отметить, представить) лучшие его качества, в том числе и те, на которые в повседневной жизни и сам юбиляр, и его окружение или мало, или совсем не обращают внимания [3, с. 42]. Одновременно происходит частичное «ретуширование», сглаживание того, что не вполне соответствует создаваемому образу. Моделируется ситуация, приближающая человека «профанного» (повседневного) к человеку «сакральному» (идеальному). Он «обрастает» различными смыслами, подтверждающими его значимость, особость, избранность. Создание идеализированного образа в юбилее позволяет преодолеть проблему, когда в условиях множественности социальной принадлежности возникает расщепленная идентичность, а разнообразные соци-

альные ярлыки, навязанные либо самостоятельно присвоенные личностью, мешают ей обрести долгожданную целостность.

Торжества, связанные с круглой датой жизни человека, в каждом конкретном случае могут быть разными по масштабу и значимости в социокультурном пространстве, иметь в своей программе большее или меньшее количество структурных единиц – от сугубо официальных до принципиально неформальных. Однако эффективность праздника не всегда является одинаковой. Цель и задачи проводимого исследования обусловили важность определения универсально-инвариантных компонентов, необходимых для максимально результативного осуществления личностного юбилея. К таковым относятся:

- вычлененное в процессуально-событийной основе жизненного пути личности *событие*, которое наделяется темпоральным культурным смыслом и которому приписываются особые свойства и качества;

- сама *личность* как субъект-объект жизни, включенная в социокультурные отношения;

- *совокупность относительно самостоятельных комплексов* массовых, коллективных и индивидуальных действий со-участников юбилея, воплощающих сущностно значимый момент жизни человека-юбиляра и обеспечивающих совместное переживание этого события;

- *сообщества людей*, интегрированные отношением к личности юбиляра, воспринимающие это событие и его главного героя через ценностные родственно-общественные отношения;

- специфичная *технология* (как совокупность методов и приемов праздничного действия) воплощения сущностно значимого момента жизни, позволяющая максимально эффективно реализовать сверхзадачу юбилея по гармонизации и оптимизации жизненного мира человека-юбиляра [5, с. 12].

В процессе исследования удалось выявить универсально сущностное ядро личностного юбилея, состоящее из совокупности идеализированных образов: *главного героя* праздника; прошедших, настоящих и проектируемых *будущих событий* его жизненного пути; *коммуникации*, осуществляемой посредством массовых, коллективных и индивидуальных действий со-участников юбилея в идеализированном *пространстве-времени*, позволяющих представить, гармонизировать и оптимизировать восприятие жизненного мира человека-юбиляра.

Практика показывает – поверхностное, одностороннее использование возможностей личностного праздника, нарушение целостности его универсально сущностного ядра, а также сознательное либо непреднамеренное игнорирование универсально-инвариантных компонентов, характерных для юбилея, порою приводит к плачевным, даже катастрофическим последствиям не только для главного героя торжества, но и для его окружения.

Несмотря на естественные изменения физиологического, психологического, социального характера, приводящие к определенным трансформациям личности, юбилей дает современному человеку ощущение некой стабильности, уравновешенности его положения в беспокойном и быстро меняющемся мире. А в более глобальном масштабе вызывает ощущение понимания «неслучайности» нахождения в этом мире и правильности выбранного жизненного пути, ведущего к выполнению человеческого предназначения. В свою очередь ощущение стабильности отдельных членов социума ведет к стабилизации всего общества.

Концептуальные положения исследования, изложенные в данной статье, помогут в более детальном и углубленном изучении уникального феномена личностного юбилея.

1. Костина, А. В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: дис. ... д-ра культурологии / А. В. Костина. – Москва, 2009. – 408 с.
2. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу. – Санкт-Петербург: Евразия, 1997. – 430 с.
3. Солдаткин, В. Е. Дихотомия «Я – Я» и «Я – Другие» концепций в структуре личностного юбилея / В. Е. Солдаткин // Культура – искусство – образование: научные поиски и практические решения: XXXV науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава акад. / сост., авт. предисл. А. В. Штолер; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 464 с.

4. Солдаткин, В. Е. Личностный юбилей как социокультурное событие: моногр. / В. Е. Солдаткин; под науч. ред. проф. Н. Г. Апухтиной, Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 157 с. – (Серия РТПП).
5. Солдаткин, В. Е. Личностный юбилей как социокультурное событие: опыт культурологического анализа: автореф. дис. ... канд. культурологии / В. Е. Солдаткин; Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2014. – 26 с.
6. Солдаткин, В. Е. Судьба и жизненный путь человека в дискурсе философско-культурологических концептов / В. Е. Солдаткин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 4 (36). – С. 57–63.
7. Солдаткин, В. Е. Юбилей: исторический аспект праздника / В. Е. Солдаткин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 2 (26). – С. 125–127.
8. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Москва: АСТ, 2002. – 557 с. – (Philosophy).
9. Хелд, Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – Москва: Практикс, 2004. – 576 с.
10. Цукерман, В. С. Культурное пространство рубежа XX – XXI веков: сущность и тенденции развития / В. С. Цукерман // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 2 (26). – С. 46–51.

Получено 26.02.2016

V. Soldatkin

Candidate of Culturology,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: ves1972@mail.ru

PERSONAL ANNIVERSARY: CONCEPTUAL THESES OF THE RESEARCH

Abstract. Analysis of actual socio-cultural conditions of the modern human being's existence makes it possible to reduce a number of factors, having a negative influence upon the integrity of his personality, perception of himself and his place in the individual picture of the world. We do and purposefully prove the hypothesis that recovery of the disturbed balance is being promoted by the events having a positive character, and vested with all the mechanisms, necessary for reaching the expected result. One of these events of the living way of the human being is considered personal jubilee. We do the author's definition of personal jubilee. We emphasize the sense-generating function of this node event, demonstrating intermediate results of the hero of the anniversary's self-fulfillment to its participants, and also creating conditions for projecting his or her future. We present the universal-essential core and the universal-invariant components of the researched phenomenon, necessary for the maximal effective fulfillment of the hyper-task of the personal jubilee.

Keywords: life way, social-cultural event, festival, jubilee

For citing: Soldatkin V. 2016. Personal anniversary: conceptual theses of the research. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 125–128.

References

1. Kostina A. 2009. Sootnoshenie i vzaimodeistvie traditsionnoy, elitarnoy i massovoy kultur v sotsial'nom prostranstve sovremennosti [Correlation and interrelation of traditional, elite and mass cultures in the social space of the modernity]. Moscow. 408 p. (In Russ.).
2. Maslow A. 1997. Dal'nie predely chelovecheskoy psikhiki [Distant limits of the human psyche]. Saint Petersburg: Evraziya. 430 p. (In Russ.).
3. Soldatkin V. 2014. Dichotomy of "I am and I am" and "Me and others" conceptions in the structure of personal jubilee. Kul'tura – iskusstvo – obrazovanie: nauchnye poiski i prakticheskie resheniya [Culture – art – education: scientific research and practical solutions]. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. Chelyabinsk. (In Russ.).
4. Soldatkin V. 2014. Lichnostnyy ubiley kak sotsiokul'turnoe sobytie [Personal jubilee as a socio-cultural event]. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. Chelyabinsk. 157 p. (In Russ.).
5. Soldatkin V. 2014. Lichnostnyy ubiley kak sotsiokul'turnoe sobytie: opyt kul'turologicheskogo analiza [Personal jubilee as a socio-cultural event: experience of culturological development]. Saransk. 26 p. (In Russ.).
6. Soldatkin V. 2013. Man's destiny and course of life in the philosophical-culturological concepts discourse. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 4 (36): 57–63. (In Russ.).
7. Soldatkin V. 2011. Anniversary: historical aspect of celebration. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 2 (26): 125–127. (In Russ.).
8. Toffler A. 2002. Shok buduschego. [Shock of the future]. Moscow: AST. 557 p. (In Russ.).
9. Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton J. 2004. Global'nye transformatsii: politika, ekonomika, kultura [Global transformations: politics, economy, culture]: translated from Eng. by Sapova V. Moscow: Praxis. 576 p. (In Russ.).
10. Tsukerman V. 2011. Cultural space at the turn of the 20th and 21st centuries. Essence and development trends. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 2 (26): 46–51. (In Russ.).

Received 26.02.2016

Д. Эрдэнэбат

аспирант, Бурятский
государственный университет
E-mail: erdenebat_buural@yahoo.com

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В МОНГОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Приведенные в статье аргументы позволяют прийти к выводу об актуальности специального культурологического изучения исторической преемственности в сохранении культурного наследия Монгольской империи в Монгольском государстве. В обосновании актуальности выявляются несколько важных аспектов. Среди них общемировые процессы, значительно повысившие роль культуры и культурного наследия в жизнедеятельности государств; смена идеологических представлений, благодаря которой после многих лет забвения появилась возможность изучения истории и культуры Монгольской империи; дальнейшее развитие науки, новые методологии и методы исследования, позволяющие изучить тему с новых позиций. Результаты исследования могут способствовать включению в список материального и нематериального культурного наследия ЮНЕСКО монгольских объектов, что позволит активизировать туристические потоки в страну и проводить акции для сохранения раритетов. Актуальность исследования обоснована также политической и экономической стратегиями современной Монголии. Немаловажную роль в актуализации темы играет ее малоизученность и в целом начальное развитие культурологии как науки в Монголии. Выявленные аспекты актуальности исследования демонстрируют потенциальные возможности получения определенных научных результатов, имеющих теоретическую и практическую значимость не только для монгольской, но и для российской науки.

Ключевые слова: Монгольское государство, Монгольская империя, культурное наследие, историческая преемственность

Для цитирования: Эрдэнэбат, Д. Сохранение культурного наследия Монгольской империи в Монгольском государстве: об актуальности исследования исторической преемственности / Д. Эрдэнэбат // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 129–133.

Предпринимается попытка постановки вопроса об актуальности исследования проблемы исторической преемственности в сохранении культурного наследия Монгольской империи в Монгольском государстве. Выдвигается гипотеза актуальности исследования данной проблемы, решению которой могут способствовать современные методологии и методы науки. Для решения поставленной в статье задачи последовательно рассматриваются несколько аспектов. Объектом исследования является культурное наследие Монгольской империи, широко используемое в Монгольском государстве (*Монгол Улс*, далее Монголия). Предмет исследования – специфика исторической преемственности в сохра-

нении культурного наследия Монгольской империи в Монголии.

В первую очередь актуальность темы исследования обусловлена тем, что в XX в. в структуре ряда стран культурное наследие из периферийного продвигается на центральное место, становится в современном мире важным элементом мировой туристической индустрии и соответственно важным экономическим фактором [4]. Возможность сохранения культурного наследия в высокой степени аутентичности в определенной степени является показателем социально-экономического уровня развития страны и имеет глубокую внутреннюю историческую и аксиологическую значимость.

Актуальность определяется также возросшим интересом общества к ценностям этнокультурного наследия народов земли, в том числе кочевнического мира, дальнейшим развитием *пах mongolica*. В Монголии культурное наследие, ядром которого является историческая и культурная память, понимается как система базовых представлений общества о прошлом, закреплённая в памятниках культуры и социальной традиции. Оно все больше соотносится с Монгольской империей как временем наиболее известных достижений этноса. Появляются работы о том периоде, в их числе книги российских и монгольских авторов. Например, в монографии Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой история средневековых монголов рассмотрена на базе новейших теоретических открытий в области социокультурной и политической антропологии [7]. Коллективная монография российских и монгольских ученых характеризует монгольский мир в философско-историческом аспекте, проводит культурологический анализ традиционной и современной духовной культуры монголов, рассматривает демографические, социально-экономические и политико-правовые проблемы [9].

Важно акцентировать внимание на сосуществовании в Монголии историко-культурной памяти, помогающей сформировать коллективную и национальную идентичность, и культуры повседневности, связанной с обыденной жизнью аратов (скотоводов). Монголия относится к одному из уголков Земли, где соседствуют постиндустриальное общество и кочевой образ жизни со всеми атрибутами его жизнеобеспечения [5].

Еще одной причиной, актуализирующей тему, является то, что часть объектов исследования – раритеты, обладающие достоинствами предметов музейного значения: информативностью, экспрессивностью, аттрактивностью, репрезентативностью, ассоциативностью. Такие же свойства отличают многие предметы повседневного обихода, эталонная часть которых хранится в музейных коллекциях, а другая находится в повседневном пользовании у современных монголов.

К настоящему времени музеи Монголии, России и других стран владеют небольшими коллекциями оружия и боевой экипировки средневековых монгольских воинов как наступательного, так и защитного характера (нередко это лишь их фрагменты, в основном археологические памятники). Широкое распространение получает их реконструкция не только в Монголии, но и в России. Некоторые из них хранятся в музеях или демонстрируются на выставках [8; 11]. Они нуждаются в более полном введении в научный оборот как важные источники для историков, этнографов, культурологов, конструкторов и дизайнеров одежды. Монгольская средневековая техника и технология производства вышеуказанных предметов может быть востребована в современном мире в киноиндустрии, театральном искусстве, сувенирном производстве и высокой моде.

В списке Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 г. значится 14 объектов Монголии. Четыре материальных объекта включены по культурным критериям: Убсунурская котловина; культурный ландшафт долины р. Орхон; комплекс петроглифов в Монгольском Алтае; священная гора Бурхан-Халдун и ее окрестности, связанные с именем Чингис-хана. В Списке нематериального культурного наследия ЮНЕСКО 10 объектов Монголии, 6 из них помечены грифом нуждающихся в срочной охране [12]. Это традиционная игра на флейте *цуур*, эпос «Тууль», народный танец «Биелгэ», исполнение народной протяжной песни в сопровождении *лимбэ* – техника кругового дыхания, монгольская каллиграфия, ритуал «задабривания» верблюдиц. В Репрезентативном списке ЮНЕСКО 4 объекта: народная музыка, исполняемая на *моринхуре*, традиционное певческое искусство *хоомей*, Наадом, традиционный праздник, а также игра в кости [12]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в стране проводится работа по включению памятников культурного наследия в список ЮНЕСКО. В то же время требуется дальнейшее научное изучение объектов культурного наследия для расширения данного списка. Эта проблема актуальна, потому что включение объекта в список способствует не только

его международному престижу, но и экономической выгоде, развитию туризма.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена еще тем, что экономика современной Монголии в достаточной степени строится на утилизации продуктов кочевого скотоводства, развитии производства кожаных и трикотажных изделий, их широком экспорте. Немалое место в экономике занимает производство сувениров из кожи животных и рыб, меха и трикотажа различной ценовой категории. Сбор новых материалов по традиционной монгольской технологии обработки домашнего сырья, введение их в научный оборот могут способствовать внедрению дополнительных методов традиционных техники и технологии в современное фабричное производство. Практика использования традиционных знаний в современной технологии получает в мире все большее развитие, в том числе в Монголии и России.

Еще одним аспектом актуальности темы является ее малоизученность. Объективно отмечено, что реальное развитие культурологии в Монголии происходит с двух сторон: с одной, исследование монгольскими учеными культуры своей страны, с другой – исследование культуры Монголии зарубежными учеными-монголоведами, в том числе советско-российскими. Весомый вклад российского монголоведения в изучение культуры заключается в подготовке высококвалифицированных кадров в вузах и аспирантуре, а также в создании научных институтов для изучения истории и культуры Монголии [2].

Трудов, посвященных культурологическим аспектам истории и культуры Монголии, в настоящее время немного. Это обусловлено, как объективно отметил в 2006 г. монгольский исследователь Б. Нацагдорж, тем, что «самостоятельную дисциплину – культурологию в Мон-

голии развивают совсем недавно» [10, с. 7]. Подобным образом ситуацию видит и О. Дарамзагдын [3]. С тех пор прошло десять лет, монгольская культурология естественно получила дальнейшее развитие. Например, опубликована статья С. Г. Жамбаловой и Д. Эрдэнэбата о военной культуре монголов [6]. Вышли и другие материалы по культурологии [1], целый ряд работ написан в Монголии.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Актуальность культурологического изучения исторической преемственности в сохранении культурного наследия Монгольской империи в современной Монголии обосновывается рядом объективных причин различного порядка. Это современные общемировые процессы, повысившие роль культуры и культурного наследия в жизнедеятельности государств. Новые мировые идеологические представления усилили интерес к Монгольской империи, а современные методологии и методы научного исследования открыли перспективы изучения известных источников и фактов с новых позиций. Результаты исследования могут найти практическое применение. Они будут содействовать включению новых монгольских объектов в список культурного наследия ЮНЕСКО и организации акций для сохранения раритетов, что в свою очередь активизирует туристические потоки, имеющие важное значение для экономики страны. Современные политические и экономические стратегии Монголии актуализируют исследования исторической преемственности в сохранении средневекового культурного наследия в современном государстве. Приведенные аргументы обоснования актуальности рассмотрения данной темы демонстрируют потенциальные возможности получения определенных научных результатов, имеющих теоретическую и практическую значимость.

1. Бадамжавын, Б. Проблема периодизации музыкальной культуры Монголии: автореф. дис. ... канд. культурологии / Б. Бадамжавын; МГУ. – Москва, 2000. – 22 с.
2. Вклад русских ученых-монголоведов в развитие культурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eastasiacademy.com/mongolia.html>. – Дата обращения: 03.11.2015.

3. Дарамзагдын, О. Семейная культура современной Монголии: автореф. дис. ... канд. культурологии / О. Дарамзагдын; ВСГАКИ. – Улан-Удэ, 2005. – 21 с.
4. Дахин, С. Д. Сохранение материального культурного наследия в полиэтничном регионе: историко-культурный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Д. Дахин; Астраханский гос. ун-т. – Астрахань, 2012. – 20 с.
5. Жамбалова, С. Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации / С. Г. Жамбалова // Ученые записки Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-та. Сер.: Филология, история, востоковедение. – 2012. – № 2 (43). – С. 142–149.
6. Жамбалова, С. Г. Некоторые аспекты феномена военной культуры Монгольской империи / С. Г. Жамбалова, Д. Эрдэнэбат // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2015. – № 4 (22). – С. 77–85.
7. Крадин, Н. Н. Империя Чингис-хана / Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Москва: Восточная литература, 2006. – 557 с.
8. Кяхтинский краеведческий музей предлагает облачиться в доспехи рыцаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minkultrb.ru/news/detail.php>. – Дата обращения: 13.01.2016.
9. Монгольский мир: между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. – Новосибирск: Автограф, 2014. – 351 с.
10. Нацагдорж, Б. Монгольская культура в цивилизационно-историческом контексте: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Б. Нацагдорж; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006. – 21 с.
11. «Ратная доблесть веков»: Реконструкция оружия и доспехов XIII – XVII вв.: пресс-релиз [Электронный ресурс] // Вестник Кирилло-Белозерского музея. – 2011. – № 21. – Режим доступа: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=48704>. – Дата обращения: 13.01.2016.
12. Browse the lists of intangible cultural heritage and the register of best safeguarding practices [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/lists>. – Дата обращения: 11.01.2016.

Получено 25.01.2016

D. Erdenebat

post-graduate student,
Buryat State University
E-mail: erdenebat_buural@yahoo.com

THE PRESERVATION OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE MONGOL EMPIRE IN THE MONGOLIAN STATE: THE RELEVANCE OF THE STUDY OF HISTORICAL CONTINUITY

Abstract. *The above article's arguments lead to the conclusion of a special cultural relevance of the study of historical continuity in preservation of the cultural heritage of the Mongol Empire in Mongolia. Some important aspects of it have been revealed: global processes, significantly increasing the role of culture and cultural heritage in the life of nations; changing ideological concepts thanks to which the opportunity to study the history and culture of the Mongol Empire has appeared after many years of neglect; further development of science, new methodologies and methods allowing to explore the topic from a new angle. The study can promote the inclusion of Mongolian objects in the list of tangible and intangible cultural heritage of UNESCO that promotes activation of tourist flow into the country and carrying out actions for the conservation of rarity. The relevance of the research has been justified by the political and economic policies of modern Mongolia. The topic is little-studied as well as development of cultural studies as a science in Mongolia taking its first steps. Identified aspects of the relevance of studies demonstrate the potential for obtaining certain scientific results having theoretical and practical significance not only for Mongolia, but also for Russian science.*

Keywords: *Mongolian state, Mongolia, the Mongol Empire, cultural heritage, preservation, relevance*

For citing: *Erdenebat D. 2016. The preservation of the cultural heritage of the Mongol Empire in the Mongolian State: the relevance of the study of historical continuity. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 129–133.*

References

1. Badamzhavyn B. 2002. Problema periodizatsii muzykal'noy kul'tury Mongolii [Problems of periodization of musical culture of Mongolia]. Moscow: Moscow State University. 22 p. (In Russ.).
2. Vklad russkikh uchenykh-mongolovedov v razvitie kul'turologii [Contribution of the Russian scientists-mongolists to development of cultural science] [Electronic resource]. Available from: <http://eastasiaacademy.com/mongolia.html> (accessed: 03.11.2015). (In Russ.).
3. Daramzagdyn O. 2005. Semeynaya kul'tura sovremennoy Mongolii [Family culture of modern Mongolia]. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts. 21 p. (In Russ.).
4. Dakhin S. 2012. Sokhranenie material'nogo kul'turnogo naslediya v polietnichnom regione: istoriko-kul'turnyy analiz [Preservation of material cultural heritage in the poliethnic region: historical and cultural analysis]. Astrakhan: Astrakhan State University. 20 p. (In Russ.).
5. Zhambalova S. 2012. The nomadic way of life in the modern world: problems of traditionalism and modernization. Uchenye Zapiski Zabaykal'skogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scholarly notes of Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies]. № 2: 142–149.
6. Zhambalova S., Erdenebat D. 2015. Some aspects of a phenomenon of military culture of the Mongolian empire. Issues of social-economic development of Siberia. № 4 (22): 77–85. (In Russ.).
7. Kradin N., Skrynnikova T. 2006. Imperiya Chingis-khana [The Empire of Genghis Khan]. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russ.).
8. Kyakhtinskiy kraevedcheskiy muzey predlagaet oblachit'sya v dospekhi rytsarya [The Kyakhtinsky museum of local lore suggests to put on the knight's armor] [Electronic resource]. Available from: <http://minkultrb.ru/news/detail.php> (accessed: 13.01.2016). (In Russ.).
9. Mongol'skiy mir: mezhdue Vostokom i Zapadom [Mongolian world: between East and West]. 2014. Popkova IU., Amarsana ZH., ed. Novosibirsk: Avtograf. (In Russ.).
10. Natsagdorz B. 2006. Mongol'skaya kul'tura v tsivilizatsionno-istoricheskom kontekste [Mongolian culture in a civilization and historical context]. Rostov-on-Don: Rostov State University. 21 p.
11. «Ratnaya doblest' vekov». Rekonstruktsiya oruzhiya i dospekhov XIII – XVII vv. [“Military valor of centuries”: Reconstruction of the weapon and armor of the 13–17 centuries]. 2011. Vestnik Kirillo-Belozerskogo muzeya [Bulletin of the Kirillo-Belozersky museum]. [Electronic resource]. № 21. Available from: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php> (accessed: 13.01.2016). (In Russ.).
12. Browse the lists of intangible cultural heritage and the register of best safeguarding practices [Electronic resource]. Available from: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/lists> (accessed: 11.01.2016).

Received 25.01.2016

Рубрика «На столе ученого» появилась в нашем журнале сравнительно недавно, еще не стала постоянной, но уже привлекла внимание читателей и авторов, позволив осуществить предварительное знакомство с исследованием, «предпросмотр» того, что еще не стало широко доступно, либо обобщение результатов масштабных научных работ (см.: Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2. С. 129–145).

И если первая статья представила основные выводы уже изданной работы (Мациевский И. В. Музыкальные инструменты гуцулов. Винница: Нова книга, 2012. 467 с.), то сейчас предложена публикация, материалы которой в той или иной степени войдут в будущую монографию.

В текущем выпуске вниманию читателей представлена статья доктора исторических наук, профессора Владимира Яковлевича Рушанина, посвященная одному из периодов жизни известного ученого и организатора народного образования на Урале Ивана Александровича Тихомирова (1852–1928).

Ранее в «Вестнике ЧГАКИ» в разделе «Социально-гуманитарное знание» уже были опубликованы материалы о начальном этапе жизни И. А. Тихомирова (семейное воспитание, обучение в духовном училище и семинарии), его студенческих годах и периоде руководства Екатеринбургским учительским институтом (см.: Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 4. С. 133–138; 2014. № 1. С. 107–117; № 2. С. 131–139).

История культуры, изучение достижений человечества непосредственно связаны с историей личности ученого, деятеля культуры. Автор проводит доскональную реконструкцию жизни историка, что поможет нашим современникам оценить масштаб его личности, возродить идеи просветителя И. А. Тихомирова.

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Последний, самый тяжелый период жизни писателя, историка и педагога Ивана Александровича Тихомирова пришелся на первое десятилетие становления советской власти. Гнетущие события следовали одно за другим: закрытие института, увольнение, лишение средств к существованию, гибель старшего сына, репрессии и аресты когда-то состоятельных людей, отсутствие работы. Спасения в «окаянные дни» многие преподаватели и ученые искали в провинции, для семьи Тихомировых убежищем стало имение жены Ивана Александровича. В 1927 г. по просьбе заведующего окружным земельным управлением Тихомировыми был заложен питомник молодых растений для выдачи местному населению и переселенцам. Впоследствии сад как большая культурная ценность был взят под опеку государства. Вынужденные ходатайства о назначении персональной пенсии как ученому не привели к результату. Несмотря на преклонный возраст Иван Александрович продолжал научные изыскания, но его деятельность, вклад в отечественную историю и образование был оценен гораздо позднее.

Ключевые слова: И. А. Тихомиров, национализация, народное образование, советская власть, Троицк

Для цитирования: Рушанин, В. Я. Осень патриарха / В. Я. Рушанин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 135–147.

Иван Александрович Тихомиров возвращался в Троицк подавленным, с тяжелейшими мыслями. Всего за два года – ничтожный для истории срок – произошел безумный тектонический разлом, не просто разделивший страну на два враждующих лагеря. Казалось, что некогда крепкие идеалы вдруг превратились в деревянных идолов и с легкостью покатались со священных холмов; разом обесценилась история российской государственности, пусть и выстроенная на сословной преемственности поколений; заслуги перед Отечеством вдруг превратились в «заслуги перед царским режимом», а надвигавшийся передел собственности на деле переламывал судьбы.

Пожилой педагог не испытывал симпатии к большевикам – и не мог испытывать: слишком значительна разница в мировоззрениях. Но то, что И. А. Тихомиров до последнего момента оставался в Екатеринбурге, пока в августе 1919 г. окончательно не был решен вопрос с учительским институтом и с ним лично, показывает: он все еще надеялся услышать нотки здравого смысла в действиях новых властей. Увы, институт закрыт, И. А. Тихомиров уволен и лишен пенсии.

Он возвращался – в Троицк, в осень, и впервые она не радовала его яркими красками. Особенно угнетало, что он ничего не знал о судьбе своего старшего сына Александра, офицера белой армии. От него не было ни весточки. Лишь позднее Иван Александрович узнает, что сын погиб.

Послереволюционный Троицк, переживший красных и белых, дутовцев, белочехов и колчаковцев, бывшего директора гимназии встретил холодно. В городе его знали как богатого человека, действительного статского советника («штатского генерала»), кавалера девяти орденов и медалей, владельца двух больших домов на улицах Монастырской и Набережной и нескольких участков земли¹. Не было и мысли, что все это не свалилось с неба, а приобреталось и накапливалось годами напряженной работы. Зато по улицам разливалось знакомое большевистское настроение: «пожили – хватит, теперь наша очередь».

Гражданская война заставила многих состоятельных людей, составлявших когда-то

¹ В анкете 1916 г. в графе «имущественное положение» И. А. Тихомиров записал, что он владел 260 десятинами земли в Пензенской губернии, а его жена М. М. Тихомирова – 400 десятинами в Оренбургской губернии [17].

экономическую основу города, бежать из Троицка, побросав все нажитое. Город покинули Н. Н. Внуков, П. И. Покрывалов, П. Е. Степанов, И. М. Гладких, Д. В. Кузнецов и мн. др. [3]. Наступление Красной армии и вызванная этим эвакуация чуть было не увлекла за собой в августе 1919 г. и семью Тихомировых. Однако они, как и другие представители южноуральской интеллигенции (например, Н. М. Чернавский [8, с. 170] или К. Н. Теплоухов [48, с. 346–359]), отъехав от родных мест и тщательно все взвесив, вернулись. Остается только гадать, жалели ли они об этом потом. Но совершенно очевидно, что чувство Родины оставалось неизменно глубоким, и никакие исторические обстоятельства не могли его выкорчевать.

В отношении «старорежимников» сразу начались репрессии. Так, на основании декрета Совнаркома от 23 сентября 1919 г. Троицкий уездный ревком постановил «всем бывшим помещикам-капиталистам и лицам, занимавшим ответственные должности при царском и буржуазном строе... в течение двухдневного срока со дня опубликования настоящего Обязательного Постановления явиться для регистрации в отдел Управления в здание бывшего Окружного Суда». Добавив при этом, что те, кто уклонится от регистрации, «как уличенные в государственной измене будут подвергнуты по законам революционного времени суду Военно-Революционного Трибунала вплоть до конфискации имущества» [36].

Вот еще приказ № 29 от 18 ноября 1919 г. Троицкого ВРК: всем гражданам города в трехдневный срок надлежало сдать «все имеющиеся у них канцелярские принадлежности, как-то: пишущие машинки, ленты к ним, счеты, чернильные приборы, писчую бумагу и прочее» [2]. Складывалось ощущение, что мир словно скатывался в тартарары – элементарные бытовые вещи становились предметом политики, приправленной к тому же «революционной бдительностью».

Работы у Ивана Александровича не было. О том, чтобы устроиться в школу – «единые трудовые», как их тогда называли, – не могло идти и речи. Основное внимание в начавшейся реформе школы уделялось классовому, мар-

ксистскому воспитанию детей, где во главу угла было поставлено нарочитое неприятие прежних ценностей и сословная вражда.

На учеников-разночинцев тоже не было надежды – каждый из них выкраивал свою судьбу по другим, отличным от Тихомирова, лекалам. Так, с 1 апреля 1920 г. одним из руководителей школьного отдела в Троицке стал П. Л. Велин, его воспитанник в учительском институте, который и без того «попортил крови» в мятушемся 1917 г. в Екатеринбурге, примкнув к большевикам [35]. П. Л. Велин считал учителей средней школы «элементом буржуазным, враждебно относящимся ко всем мероприятиям Советской власти вообще и в области народного образования в частности».

Считать – одно, действовать – другое. Еще в сентябре 1919 г. была арестована бывшая начальница Троицкой женской гимназии, многолетняя соратница И. А. Тихомирова Мария Васильевна Каменская. И хотя 29 сентября она была освобождена [Там же, л. 186об.], интеллигенция города получила отчетливый сигнал. С приходом П. Л. Велина ожидать, что ситуация изменится в пользу старых учителей, тоже не приходилось.

В 1920 и 1923 гг. в Троицке дважды арестовывается многолетний коллега Ивана Александровича, известный педагог, историк и казачий деятель А. И. Кривошеков [5]. Кстати, и А. И. Кривошеков, и М. В. Каменская, понимая, что работать и спокойно жить им не дадут, в итоге покинули родные края, обосновавшись на окраинах страны: во Фрунзе (Бишкеке) и в Ташкенте [9, с. 14]. Тем самым они спасли свои жизни и стали позднее заслуженными учителями Киргизии и Узбекистана.

Новые власти с подозрением относились ко всем «бывшим» повсеместно, пытались «врагами номер один» сделать купечество и интеллигенцию. Газеты пестрели заголовками: «Классовые враги в обличье спецов», «Экономическая контрреволюция», «Преступники на скамье подсудимых». М. Ю. Левидов, литературный и театральный критик, в 1923 г. писал: «Не исчезло из обихода молодого поколения это проклятое слово “интеллигент”, это бескостное, мяклое, унылое, мокрокурицынное слово, подобно-

го которому не найти ни в одном гоголевском языке. Через 20–30 лет исчезнет племя интеллигентов с земли русской. Достойный путь для интеллигента – покончить с собой, недостойный путь – эмиграция; но самый отвратительный интеллигент – тот, который остался жить в Советской России» [27; 45, с. 28].

И. А. Тихомиров с горечью узнает из газет, как летом 1923 г. в Москве закроются ученые общества, с которыми он был связан всю жизнь, – Археологическое, Московское историческое, старейшее Московское общество истории и древностей при Московском университете [10, с. 29, 68]. С недоумением он читает, что у пролетариата нет отечества – он интернационален и должен объединиться для захвата мирового господства. У пролетариата нет истории, так как Россия была буржуазной, а подлинная история еще только начинается – с Революции. Все это привело к исключению в школьных программах с 1921 г. курса истории как самостоятельного предмета. История стран и народов как живая перестала изучаться и была заменена курсом обществоведения [7, с. 47–48].

С ужасом он наблюдал, как власть, да и сам народ-богоносец в каком-то дьявольском раже стали разрушать святые храмы. В 1927 г. два храма Казанского женского монастыря в Троицке и церковь пророка Ильи на монастырском хуторе, рядом с Тихомировыми, были «закрыты, имущество сдано в госфонд, храмы преобразованы под культурно-просветительные нужды» [39, с. 7; 49, с. 132].

В феврале 1924 г. Иван Александрович пристально следил за известиями из Екатеринбурга – здесь начался судебный процесс по делу профессора Уральского университета Модеста Онисимовича Клера. И. А. Тихомиров хорошо знал и его, и его отца Онисима Егоровича Клера, основателя одного из крупнейших и авторитетнейших научно-краеведческих обществ России – Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), доктора естественных наук Женевского университета [50, с. 265], преподававшего в Уральском горном университете и Екатеринбургском учительском институте [17]. В 1920 г. после смерти отца М. О. Клер возглавил УОЛЕ,

стал профессором Уральского университета, но в мае 1923 г. он был арестован по обвинению «в экономическом шпионаже в пользу французских капиталистов».

Для Ивана Александровича Тихомирова понятно, насколько надуманным было «дело» Клера. С каким ужасом он читал обвинительные статьи, где сплошь и рядом фигурировали выражения: «ученая мумия», «домашний вор», «цирковое фиглярство». Суд вынес приговор: Клера расстрелять, но «принимая во внимание международное положение СССР и рост экономической мощи его, заменить расстрел заключением на 10 лет со строгой изоляцией и последующим поражением в правах на 5 лет» [25]. Известного ученого, профессора, основателя Уральской гидрогеологической школы погубили не контакты с французами как консультанта треста «Уралплатина», а учеба за границей, знание французского языка и швейцарское подданство, которое он сохранил [11, с. 157–159].

Модест Онисимович не признал себя виновным ни в экономическом шпионаже, ни в контрреволюционном предоставлении убежища. В силу экономических причин и крайней нехватки опытных специалистов М. О. Клера отпустят. Летом 1927 г. он приедет в Троицк – здесь начиналось строительство водопровода, а ученому было предложено провести изыскательные работы [49, с. 6] – и первым делом навестит Ивана Александровича на его заимке...

Жить в Троицке становилась все труднее. Особенно сложно было в голодных 1921–1922 гг. Город наводнили спекулянты всех мастей, прикрываясь американской администрацией помощи голодающим АРА, они толкались на базарах, выменивали на продукты питания золото, платину, драгоценности, иногда дома, надворные постройки, строевой лес, сельскохозяйственный инвентарь, сбрую и другое приглянувшееся им имущество [28, с. 138–139]. Но это не отменяло главного: на Южном Урале голодало все население.

О глубине трагедии можно судить по тому, что в Троицком уездном доме матери и ребенка за три осенних месяца 1921 г. от голода и

болезней умерло 200 детей при его вместимости 100 человек [30, с. 154]. Кстати, именно в это время соратница Ивана Александровича, бывшая начальница Троицкой женской гимназии М. В. Каменская, усыновила трех осиротевших детей и, спасая их от голода, выехала в Ташкент [20, с. 62].

Естественно И. А. Тихомиров переживал за младшего брата Николая, который оставался в Петрограде, где положение дел с продовольствием и вовсе было критическим. В первые революционные годы, не выдержав голода и разрухи, ушли из жизни многие видные ученые, в их числе А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Радлов и др. [21]. Писатель М. М. Пришвин в дневнике 18 сентября 1921 г. записал: «Слышал, что академик Шахматов, умирая, радовался, что расстается с такой жизнью, и пел даже псалом. Говорят, что и многие ученые так покидали наш свет. Сколько мучеников!» [40, с. 208].

Спасаясь от холода и голода, репрессий и «окаянных дней», многие преподаватели и ученые стали в массовом порядке переезжать в провинцию [26, с. 73–74]. В эти годы жили на хуторах такие известные русские историки, как Н. И. Кареев [23] (1850–1931), С. Б. Веселовский (1876–1952) [10, с. 49], пытались приспособиться к экстремальным условиям обитания. Свой сугубо «деревенский» период жизни начнется и у Тихомировых.

Убежищем для семьи в 1920-х гг. стало имение жены Ивана Александровича Маргариты Марквартовны, естественно, урезанное, «реквизированное». Ей оставили лишь небольшую часть земли в двадцати верстах от города.

В марте 1921 г. был составлен список «крупных торговцев, владельцев домов, хозяев приисков, фабрик, заводов» в городе Троицке и уезде. В этом списке под № 161 («I район уезда») значилась Маргарита Марквартовна Тихомирова. Отмечено, что ей 64 года, состав семьи – 6 человек. В графе «Наименование собственного дома, имения, фабрик, заводов и проч.» сказано: «культурно-сельскохозяйственная отрадна». «Отрадна», на наш взгляд, это производное в руках малограмотных перепис-

чиков от прежнего названия «Отрадное». С помощью зятя, агронома И. А. Бакгофа, и местных крестьян, которые тридцать лет получали не только работу, но и агрономическую помощь, хозяйство М. М. Тихомировой было утверждено коллегией земельного направления как «культурное», а она – «заведующей культурным хозяйством» [32]. Согласно выданному удостоверению, утвержденная площадь земли данного хозяйства не подлежала в дальнейшем ни уравниванию, ни какому-либо распределению.

Прежнее «барское имение» – а именно так оно и воспринималось новой властью – в силу исторических обстоятельств превратилось в хутор, заимку или дачу. По данным переписи 1926 г. в Карсинском сельсовете Троицкого округа Уральской области под № 11 значилось «Тихомировой, дача. Число хозяйств – 2. Население 6 чел. (2 мужчин и 4 женского пола). Водный источник – колодец. Расстояние в км до сельсовета – 5, до города – 17» [47, с. 56–57].

Здесь еще до революции построили большой дом, несколько добротных строений (в одном из них в 1930-х гг. разместится клуб), хозяйственные постройки. Была устроена оранжерея, произведены посадки кустов, яблонь различных пород, лиственных и хвойных деревьев, в том числе сибирского кедра. Работал даже небольшой фонтан в саду.

В августе 2012 г. мы вместе с троицкими краеведами Р. Н. Гизатуллиным и Е. Г. Подгайко нашли место, где сорок лет протекала жизнь семьи Тихомировых. От усадьбы остались часть фундамента дома, перестроенная конюшня; с большим трудом обнаружили фундамент бассейна и фонтана, густо заросшего бурьяном и молодыми растениями. А вокруг шумели вековые деревья, посаженные заботливыми руками Маргариты Марквартовны, которую практически можно считать основателем любительского садоводства на Южном Урале [29, с. 713].

В этом саду доживал свои годы Иван Александрович, тяготясь возрастом, чувствуя свою ненужность новой власти, мучаясь мыслью о том, что с его смертью никому не инте-

ресными станут все его наработки. Он словно «утихомирился», стал кроток и молчалив, понимая, что та Россия, которую он любил, ушла безвозвратно, а новая была для него чужой.

Что И. А. Тихомиров думал, глядя в свой сад? Деревья будут по-прежнему зеленеть и качаться от ветра, когда его уже не будет. Они запомнят все: плач и смех маленьких детей, веселые гимназические компании, визиты монахинь, неторопливые вечерние беседы на террасе, породистых лошадей и удивительно красивые цветочные клумбы.

Тихомировы называли свое место не дачей, а заимкой. И на это были причины. Местная газета сообщала, что все дачи, находящиеся в окрестностях города Троицка (Кузнецова, Русяева, Зуккера), национализированы и сданы под курорты и дома отдыха [13; 14]. Кстати, еще в 1930-е гг. на картах Троицкого района значилось поселение Тихомировка.

На хуторе постоянно жили дочь Елизавета, ее муж агроном Иван Андреевич Бакгоф и их сын Николай (1918 г. р.). Часто бывал сын Сергей, вернувшийся в 1923 г. после тяжелых мытарств в Китае к родителям. Из Челябинска надолго приезжала Тамара, жена любимого первенца Александра, потеря которого оставалась живой, болящей раной, с дочкой Ниной (1916 г. р.). На даче часто гостили и подолгу жили их троицкие друзья: семья лесничего С. И. Федорова, врачей Березовских.

Хозяйство было большим. Кроме сада и цветников, Тихомировы, по словам дочери Е. И. Бакгоф, держали 6–7 коров и 4–6 лошадей [33]. На время сельскохозяйственных работ нанимались сезонные рабочие; на постоянной основе трудились лесник и пастух. Все это абсолютно встраивалось в реалии проводимой советской властью новой экономической политики, однако нравилось далеко не всем. С места сообщали в Троицк, что хозяйство носит нетрудовой характер, в Красной Армии из членов семьи никто не служил.

Ревнителю революционной бдительности считали, что М. М. Тихомирова по размеру своего землепользования в дореволюционное время относилась к категории помещиков; ука-

зывали, что обработка земли проводится с наймом рабочей силы, а каких-либо заслуг перед советской властью у членов семьи не имеется. Так что желающих «выселить» Тихомировых было немало

Помогали хлопоты работающего в окружном земельном управлении зятя И. А. Бакгофа и... заступничество крестьян ближайших сел и станиц. Так, например, крестьяне Кособродского сельсовета заявляли проверяющим: «Вы обязательно посетите заимку Тихомировой. Много интересного увидите там. Многие из наших крестьян горячо берутся за устройство садов, или в худшем случае – плодовых кустарников, ягодников»¹.

– Первый садовод в округе, – с гордостью заявляли крестьяне, – от Тихомировой пошли у нас сады и палисадники, а переселенцы, особенно из южных губерний, так просто бредят садами и разводят их на громадных площадках...» [15].

В саду Тихомировой имелись ягодные и декоративные растения. «Окружающему населению, – сообщал орган Уральского общества любителей естествознания, – всегда давались высадки бесплатно в неограниченном количестве. С 1926 года, когда обработка сада стала дорога, Тихомирова назначила учреждениям на высадки цены очень незначительные. В 1925 году были посланы семена лесничему в Челябинск, в 26-м году Кумысрайону отпущено 3760 разных ягодных кустов, в 27-м году отпущено Горсовету г. Троицка 6800 разных растений и кустов».

В 1927 г., по просьбе заведующего окружным земельным управлением, Тихомировыми был заложен питомник молодых растений для выдачи местному населению и переселенцам. В питомнике имелись сорта яблок, слив, вишни, несколько сортов крыжовника, около десяти сортов малины, ежевика, смородина черная, красная, белая, розовая, земляника крупноплодная, ирга и др. Из старого сада, которому было около 40 лет, отпускались отростки деревьев и кустарников: лиственница, сосна, пихта, ель,

¹ И. А. Бакгоф работал в главном курортном управлении начальником эксплуатационно-хозяйственного отдела и заведующим курортными советскими хозяйствами [4].

тополь бальзамический, карагач, липы, клены, ясени, рябина, черемуха, сирень белая, розовая, темно-лиловая, красная, акация, жимолость, боярышник, жасмин, калина, шиповник, розы разных сортов [51, с. 36].

Имея в семье ученого-агронома (И. А. Бакгоф), опытного ветеринара (С. И. Тихомиров), садовода-селекционера с сорокалетним стажем (Маргарита Марквартовна), Тихомировы смогли в 1920-х гг., в условиях новой экономической политики, организовать великолепное хозяйство «с опытно-показательной целью». Во время допросов в 1937 г. И. А. Бакгоф объяснял, что он и его семья «как люди интеллигентные и исключительно большие любители природы, решили все свои средства израсходовать на подсобное хозяйство, которое представляло культурные цели и где мы сами во время отпуска и в свободные выходные дни могли заниматься в производстве и дать от своей практической работы наглядную и материальную пользу местному населению путем распространения высокосортного и племенного материала» [33].

Выдающийся ученый-ботаник, профессор Пермского университета А. Г. Генкель, обследовавший в 1927 г. районы Троицкого округа, подчеркнул большую роль в обогащении культурной флоры края, в деле развития садоводства сада Тихомировых, назвав его «показательным» [15; 31].

О том, как жили Тихомировы на заимке, можно судить по трем сохранившимся письмам Ивана Александровича и Маргариты Марквартовны к сыну Сергею; они датированы 1925 г.¹ Большой частью – о внуке Николае, дочери Лизе, гостивших у них; о делах домашних, словно быт оказался своего рода противоядием от всех тех событий, что происходили за пределами заимки. «У нас нового на заимке очень мало, – сообщал И. А. Тихомиров. – Колюшка уже вторую неделю живет на заимке и в город не хочет ехать, собирается делать катуш-

ку в саду. Своим присутствием и проказами он оживляет нашу однообразную жизнь». В письме подробный рассказ о том, как отелилась корова, о рождении бычка Рогдая; о том, что пала телка Идишка, и, по мнению И. А. Бакгофа, это могла быть сибирка. «Как бы нам не посмотреть так и остальную скотину».

В другом письме радость, что Сережа благополучно добрался до Москвы, и огорчения, что можно было еще неделю побыть в Троицке, так как занятия еще не начались. И снова – о хозяйстве «Бычка-крошку еще не продали, – сообщал отец сыну, – мама сказала цену 150 руб.», приезжали смотреть из татарского педтехникума. В письме от 27 сентября 1925 г. говорилось, что «хлеб весь обмолотили: ржи намолотили 21 пуд с 2-х десятин, овса – 30 пудов, пшеницы – 85 пудов; картошки накопали 130 пудов крупной и 50 пудов мелкой». «С молотилкой была большая канитель: дождь не давал молотить, промочили весь хлеб, пришлось его разбрасывать и сушить». Много зерна осталось в соломе, – сетовал Иван Александрович. – Плохо было и с сеном: его трижды пришлось разбрасывать и сушить. Теперь, слава Богу, все убрано».

Маргарита Марквартовна радовалась, что сын хорошо устроился, советовала ему ходить в театры, просила, чтобы он купил теплое одеяло, белье и костюм. «Сейчас у нас Лиза и Коля ночуют 2 ночи. Я очень им рада, т. к. не была в городе 2 недели и их не видела». Сообщала Сергею, что в огороде все убрала, рассадил 1500 кустов земляники. Просила сына купить ей в Москве по лоту: петрушки бардовской, каратели нантской, редиса разного. Из цветочных семян: 1 пакет махровой петунии, 1 пакет левкой, английских махровых астр Виктория, 1 пакет анютиных глазок, 1 пакет настурции и др.»².

В Троицк Тихомировы выбираются нечасто – лишь по мере крайней необходимости. Неприглядные картинки троической жизни прорываются и в письмах И. А. Тихомирова. Так,

¹ В 1925 г. С. И. Тихомиров, работающий в Троицкой ветеринарно-бактериологической лаборатории, три месяца занимался в Москве на курсах усовершенствования ветеринарных врачей под руководством будущего академика К. И. Скрябина [16; 43, с. 161].

² Подлинники писем находятся во Владивостоке у внука Ивана Александровича – Александра Сергеевича Тихомирова, бывшего ректора местного медицинского института.

он сообщает сыну, что в городе произошло дерзкое преступление – был убит кассир финотдела. «Граждане взволнованы и напуганы убийством этим. Так что после 6 ч. вечера не выходят из дома. Ночью ездят патрули...».

Впрочем, и на заимке спокойной «осени жизни» не получилось. В 1925 г. началась кампания по выселению бывших помещиков – на местах приступили к исполнению мартовского постановления Президиума ЦИК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах» [24, с. 136].

Постановление отменяло право на владение наделом земли даже при условии ведения хозяйства без наемного труда («культурное хозяйство») – указывалось, что данное требование неоднократно нарушалось. Бывшие помещики и крупные землевладельцы, подлежащие выселению, были обязаны сдать находящееся в их пользовании национализированное имущество [38, с. 5]. Исключение сделали лишь для отдельных групп землевладельцев, имеющих особые заслуги, отмеченные постановлениями ЦИК и СНК Союза ССР и Союзных республик [Там же, ст. 4, п. «в»]. Выселение бывших помещиков и крупных землевладельцев должно было быть закончено к 1 января 1926 г. На местах составлялись списки, в основу которых легли циркуляры Наркомата земледелия.

В заметке «Выселение помещиков», опубликованной в троицкой газете «Вперед», говорилось: «Окрисполком вынес постановление о выселении в течение лета текущего года с занимаемых участков государственных земельных имуществ бывших владельцев: Тихомирову, Чернову, Кузьмина и Рогожникова. Приняты меры к охране сооружений и культурных насаждений» [12]. Таким образом, прекрасный сад, который выращивался более тридцати лет, с площадью увеличившейся постепенно до пяти гектаров, был взят под опеку государства как большая культурная ценность. Дальше – появятся чужие люди в обжитых стенах.

Увы, в свои 74 года Иван Александрович вынужден начать «хождение по мукам». В частности, ему посоветовали обратиться в Центральную комиссию по улучшению быта ученых при Совнарком – ЦЕКУБУ. В 1920-е гг. эта аббревиатура была широко известна в писательской среде благодаря участию в создании комиссии М. Горького [6]. Своим обращением И. А. Тихомиров, естественно, косвенно признавал советскую власть и просил назначить ему пенсию, какое-либо пособие или паек. Но для этого он должен был быть внесен в список научных работников. Поэтому в октябре 1925 г. И. А. Тихомиров обратился в комиссию по улучшению быта ученых при Уральском политехническом институте «с заявлением об исходатайствовании персональной пенсии, как ученому». Историк указывал в заявлении: «Я имею 60 печатных трудов научного характера, а два из них удостоены Академией Наук премией гр. Уварова; мое имя, как писателя, занесено в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и в Большую энциклопедию».

Он не был оригинален в своих действиях – опросные листы для научных работников, зарегистрированных ЦЕКУБУ, заполнили такие уральские историки, как Н. М. Чернавский, В. И. Будрин, Д. М. Бобылев, В. П. Бирюков и др. [18].

В 1925–1926 гг. И. А. Тихомиров обратился за поддержкой и к своему бывшему ученику, а ныне члену президиума ВЦИКа Л. С. Соновскому, в письме к которому ссылался на его статью в «Правде» «в защиту престарелых тружеников пера, ищущих себе на старости лет материальной поддержки в виде персональной пенсии» и просил «посодействовать скорейшему разрешению вопроса» [46].

Ответ «бывшего» ученика И. А. Тихомирову был жестким и оскорбительно-унизительным. «Я помню вас, почтеннейший директор Иван Александрович! Помню вас и в мундире, помню и в таком хвостатом фраке вицмундирного образца. Помню вас и в парадном виде с крестом на шее и еще с какими-то наградами на груди. Вы не были худшим, это бесспорно. Но не были и лучшим».

Через двадцать пять лет Тихомиров для него все еще действительный статский советник, «ваше превосходительство». Л. Сосновский уличает его в том, что его педагогическая деятельность «направлена была совсем не к тому, чтобы воспитывать большевистских литераторов». Он старался выпестовать из учеников «усердных слуг царю и Отечеству, людей с твердыми монархическими убеждениями» [Там же]. Рассчитывать на помощь в получении пенсии после такой отповеди, конечно, не приходилось.

Еще оставалась надежда на Академию наук, но и она быстро таяла – старые профессора у советской власти были явно не в фаворе. Тем не менее И. А. Тихомиров обратился за помощью к известному историку, академику Сергею Федоровичу Платонову. У них имелись значимые точки соприкосновения – например, общий учитель и наставник К. Н. Бестужев-Рюмин. К тому же в 1880-х гг. С. Ф. Платонов преподавал в Петербургском историко-филологическом институте, где в свое время учился И. А. Тихомиров [22, с. 240–246]. Наконец, С. Ф. Платонов, будучи редактором «Журнала Министерства народного просвещения», знал И. А. Тихомирова как многолетнего автора этого авторитетного издания.

В октябре 1926 г. Иван Александрович сообщал академику: «В настоящее время я нахожусь в крайне стесненном материальном положении... С 1919 года без работы – да и трудно было бы мне, имея за плечами 74 года, заниматься чем-либо... Пенсии за свою продолжительную службу никакой не получал. Почти все свое имущество потерял отчасти во время гражданской войны, отчасти в голодные 1921–22 гг.» [37].

В этом письме он также просит поддержать его ходатайство в комиссии по улучшению быта ученых при Академии наук СССР «О назначении мне за мои ученые труды по Русской Истории пенсии или какого-либо пособия, положенного существующими законами». Просит зарегистрировать его «как ученого». На протяжении десятилетий он «свое свободное время посвящал учено-литературным трудам, главным образом по Русской истории». «Занятия Русской Историей я

продолжаю и до настоящего времени», – писал он. В качестве доказательства связей с Академией указывал на присылку ему книг из ее библиотеки и попытку в 1925 г. разместить свою статью в одном из академических изданий [Там же].

Сергей Федорович Платонов, которого в те годы медленно, но верно «затирали» с ключевых академических постов, скорее всего, напишет такое ходатайство. Судя по его переписке 1920-х гг., подобных просьб было немало. В частности, перед экспертной комиссией ЦЕКУБУ он поддержал известного новгородского исследователя и ученого А. Я. Садовского [1, с. 249]. Позднее С. Ф. Платонову следователи ОГПУ припомнят эти ходатайства – в рамках показательного «академического дела». Ему в числе других ученых коллегия ОГПУ предъявит обвинение, академик будет арестован, сослан в Самару, где и умрет в 1933 г. [42].

Последние годы И. А. Тихомиров жил достаточно замкнуто: старых друзей почти не осталось. Это острое чувство горечи он испытал еще в 1917 г., когда по случаю 50-летия Петербургского (Петроградского) историко-филологического института вышел большой «Биографический словарь лиц, окончивших курс института». Кого-то из его IV выпуска 1874 г. уже не было в живых, кто-то был далеко. Некоторые из его сокурсников имели научные работы и печатные труды – не больше десяти публикаций, а то и ни одной; лишь у И. А. Тихомирова список трудов почти в 60 наименований занял в справочнике три страницы [41, с. 68–71]. Но за каждым именем – судьба.

Перелистывать страницы можно долго. Но в холодном осеннем Троицке Иван Александрович с грустью вспоминал строчки своего любимого В. А. Жуковского, написанные незадолго до смерти, – воспоминание о старом царскосельском лебеде, никогда не покидавшем своего уединенного пруда:

*Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Ты их поминаешь думой одинокой...*

Возможно, Иван Александрович ловил себя на грустной и жестокой мысли: счастливы те, кто ушли раньше срока и не увидели всех

«свинцовых мерзостей жизни», как сказал бы М. Горький, но уже в «советском исполнении». Ушли в зените славы и добрых воспоминаниях, ушли в незнании того, что «день грядущий им готовит», ушли, не увидев переворошенной страны, не заметив превращения Петербурга в Ленинград, а Екатеринбурга – в Свердловск...

Осень 1927 г., холодным ветром срывая последний «лиловый, золотой багрянец», приносила ему ужасную усталость – от всех треволнений и предательств последнего времени. Вдобавок дочь Лиза была беременна вторым ребенком – а он, дед, ничем не мог помочь. Разве – добавить неприятностей, связанных с его «статсосветниковским прошлым».

Новый 1928 год встретили тихо – рождественских надежд было меньше, чем бумажных ангелов. Прошел морозный январь, за ним – февральские ветрогоны, особенно ощутимые в южноуральской троицкой степи. 12 марта 1928 г. Иван Александрович Тихомиров умер. А на следующее утро родился его внук Иван...

Позднее – о чем уже Иван Александрович никогда не узнает – будет арестован, а затем брошен в лагеря ГУЛАГа его сын Сергей, где и умрет в военное лихолетье – в 1944 г. Еще в конце 1920-х гг. он был лишен избирательных прав «за службу в белой армии, как сын крупного землевладельца, за связь с родителями» [16].

Тяжело придется и зятю. И. А. Бакгоф уже в 1924 г. был вынужден в «Уральском рабочем» публично отречься от партии левых эсеров, в рядах которой он состоял с 1905 г. «как рядовой член». Но это его не спасло. В 1927 г. он оказался под следствием по ст. 109–111 УК, но по суду был оправдан [33]. Грустную «итоговую точку» поставит роковой 1937 год – Иван Андреевич будет арестован и осужден на десять лет [19]. В его деле будут свидетельские показания сослуживцев, ставивших ему в вину то, что в годы НЭПа он «имел хорошее хозяйство, хороших племенных лошадей и пасеку пчел». А его коллега техник И. Ф. Клепиков «вспомнил», что Бакгоф «женился на дочери крупного графа. Отец ее и дедушка имели громадные площади земли, имели свою собственную дачу. В первые годы Советской власти Бакгоф на этой даче за-

нимался сельским хозяйством, имел свои сельскохозяйственные машины, скот» [34].

Впрочем, вся эта трагедия развернется потом. А пока, в марте 1928 г., ни одна газета в Троицке, Челябинске, Свердловске не откликнулась на смерть патриарха-историка – словно И. А. Тихомирова и не было вовсе. Родные в сердцах отправили письмо на имя президента Академии Наук СССР с просьбой поддержать их ходатайство о присвоении ему посмертно звания «Героя труда», которое еще только входило в силу, и о присвоении его имени школе в городе Троицке, организованной в бывшем доме Тихомировых на улице Набережной.

Через год, 10 марта 1929 г., в Троицкий отдел народного образования на бланке президента Академии Наук СССР пришло письмо. Его подписал уралец, выходец с Туринских горных заводов, выдающийся геолог и палеонтолог, первый выборный президент Российской академии наук Александр Петрович Карпинский:

«Мне и академику Платонову, – писал он, – представляется совершенно ясным, что работа Тихомирова далеко превосходит те пределы, за которые это звание представляется... Имя Ивана Александровича Тихомирова давно известно в ученом мире и, в частности, Академии Наук и моим коллегам, как, например, известному ученому, академику Сергею Федоровичу Платонову, одному из самых лучших современных историков нашей страны.

По его мнению, которое я вполне разделяю, Тихомиров принадлежал к тем людям, которые, несмотря на преклонный возраст, продолжали научные занятия и притом, в провинциальных условиях, менее благоприятных при отсутствии на местах научной исторической литературы и документов. В этом отношении Тихомирову помогала наша Академия Наук, посылавшая ему до последнего времени материалы из академической библиотеки, директором которой состоял академик Платонов. Академия, как известно, премировала и исследование Тихомирова.

Все его научные работы представляют ценное добровольное добавление к его полувековой педагогической деятельности. Явле-

ние это для провинциальных мест (не считая больших научных центров, какими являются города с университетскими и другими высшими учебными заведениями) представляется исключительным. Поэтому, мне кажется, что местное население имеет особенное основание ценить деятельность Тихомирова...

Лично я не знал покойного Тихомирова, но мне, состоявшему действительным

членом Академии уже 43 года, была известна его научная деятельность. Вдову его я знаю давно, со времен моих геологических работ в Троицком уезде и, впоследствии, я видел ее неоднократно во время ее приездов в наш город...»¹.

Увы, о письме академика А. П. Карпинского постараются забыть – и, как оказалось, на долгие десятилетия...

1. Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками: в 2 т. Т. 1. – Москва: Наука, 2003. – 399 с.
2. Архив г. Троицка. Ф. 244. Оп. 1. Д. 14. Л. 8, 128об.
3. Архив г. Троицка. Ф. 244. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–4.
4. Архивный отдел администрации Троицкого района. Ф. 463. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1об.
5. Баканов, В. П. Историк и бытописатель Оренбургского казачества Александр Иванович Кривошеков / В. П. Баканов // Города Урала в контексте русской культуры. – Челябинск, 1993. – С. 106–109.
6. Барков, А. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Альтернативное прочтение [Электронный ресурс] / А. Барков. – Режим доступа: <http://menippea.narod.ru/master12.htm>.
7. Богуславский, М. В. Развитие общего среднего образования: проблемы и решения. Из истории отечественной педагогики 20-х годов XX века / М. В. Богуславский. – Москва, 1994. – 182 с.
8. Боже, В. С. Н. М. Чернавский – летописец Оренбургского края / В. С. Боже // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. – Челябинск, 1996. – С. 161–177.
9. Бородина, Н. В. Заслуженная учительница УзССР Мария Васильевна Каменская / Н. В. Бородина. – Ташкент, 1956. – 27 с.
10. Веселовский, С. Б. Из старых тетрадей. Страницы из дневника. 1917–1923 / С. Б. Веселовский. – Москва, 2004. – 93 с.
11. Вибе, Ф. И. Повесть о трудолюбивом Груме / Ф. И. Вибе. – Екатеринбург, 2006. – С. 157–159.
12. Вперед. – 1925. – 14 мая. – № 55.
13. Вперед. – 1928. – 12 янв. – № 5.
14. Вперед. – 1928. – 26 апр. – № 48.
15. Вперед. – 1928. – Авг. – № 72.
16. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 70178. Л. 372, 650.
17. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 7, 24.
18. ГАСО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 214. Л. 9, 20, 237.
19. Гизатуллин, Р. Н. Иван Андреевич Бакгоф (1885–1971) – ученый-агроном (к будущей биографии) / Р. Н. Гизатуллин, Е. Б. Ткачева // I Тихомировские чтения: сб. материалов. – Челябинск, 2012. – С. 16–17.
20. Гизатуллин, Р. Н. Каменская Мария Васильевна / Р. Н. Гизатуллин // Челябинская область: энцикл.: в 7 т. Т. 3. – Челябинск, 2008. – С. 62.
21. Голодные годы: 1920–1921 // Вестник Российской Академии наук. – 1996. – Т. 6. – № 6. – С. 536–547.
22. Дойков, Ю. В. Самые знаменитые историки России / Ю. В. Дойков. – Москва: Вече, 2004. – 384 с.
23. Долгова, Е. Тяжелое материальное положение должно будет отразиться и на ходе научных работ. Частная жизнь профессора Кареева при Советской власти / Е. Долгова, А. Тихонова // Родина. – 2012. – № 7. – С. 158–160.
24. Известия ЦИК СССР. – 1929. – 29 марта. – № 72.
25. Коврижных, Г. Н. «Дело» Модеста Онисимовича Клера / Г. Н. Коврижных // Двенадцатые Бирюковские чтения. – Челябинск, 1996. – С. 49–51.

¹ В Троицкий отдел народного образования: письмо президента АН СССР (из фонда музея Троицкого педагогического колледжа).

26. Кривошеин, Н. В. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа / Н. В. Кривошеин, Ю. А. Рыжков. – Москва: Древлехранилище, 2011. – С. 315 с.
27. Левидов, М. Организованное упрощение культуры / М. Левидов // Красная новь. – 1923. – № 1. – С. 318.
28. Лютов, В. Забытые тайны Южного Урала / В. Лютов, О. Вепрев. – Челябинск: Книга, 2011. – 288 с.
29. Морозов, Е. Г. Садоводство / Е. Г. Морозов // Челябинская область: энцикл.: в 7 т. Т. 5. – Челябинск, 2008. – С. 713.
30. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – Москва: РОССПЕН, 2001. – 633 с.
31. Николаев, С. Ф. Доктор ботаники А. Г. Генкель / С. Ф. Николаев. – Пермь, 1959.
32. ОГАЧО. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 41. Л. 46об., 58об.
33. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9584. Л. 3об., 24–24об., 49.
34. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 32. Д. 9584. Л. 14, 17.
35. ОГАЧО. Ф. Р-603. Оп. 1. Д. 41. Л. 91–91об., 186об.
36. ОГАЧО. Ф. Р-885. Оп. 2. Д. 18. Л. 85.
37. Отдел рукописей РНБ. Ф. 585. Оп. 1. № 4353.
38. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.03.1925 «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=5439>.
39. Православные храмы Троицка. – Троицк, 2005. – 88 с.
40. Пришвин, М. М. Дневники: Книга третья. 1920–1922 гг. / М. М. Пришвин. – Москва: Московский рабочий, 1995. – 334 р.
41. Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института: биографический словарь лиц, окончивших курс института. Ч. 1. Вып. I – XXIII. – Петроград, 1917. – С. 68–71.
42. С. Ф. Платонов – учебник русской истории [Электронный ресурс] // Русская историческая библиотека. – Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial>.
43. Скрябин, К. И. Моя жизнь в науке / К. И. Скрябин. – Москва: Политиздат, 1969. – 491 с.
44. Собрание узаконений и распоряжений. – Москва: Главлит, 1925. – 1164 с.
45. Соколов, А. В. Мифология и онтология русской интеллигенции / А. В. Соколов. – Челябинск, 2007. – 51 с.
46. Сосновский, Л. Письмо на родину / Л. Сосновский // Прожектор. – 1926. – № 6 (76). – С. 10–12.
47. Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. – Свердловск, 1928. – 116 с.
48. Теплоухов, К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. / Центр историко-культурного наследия г. Челябинска. – Челябинск, 2001. – С. 346–359.
49. Троицкий городской округ: энцикл. – Челябинск: Каменный пояс, 2013. – 432 с.
50. Уральская историческая энциклопедия. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 649 с.
51. Уральское огородничество и садоводство. Сб. № 1. – Свердловск, 1928. – С. 36.

Получено 18.03.2016

V. Rushanin

Doctor of Historical Sciences,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: rushanin@chgaki.ru

PATRIARCH'S AUTUMN

Abstract. *The last and most difficult period in the life of the writer, historian and teacher Ivan Aleksandrovich Tikhomirov coincided with the first decade of the Soviet power. Tragic events followed one another: closing of the institute, dismissal, no means of subsistence, the death of the elder son, repressions and arrests of earlier wealthy people, lack of work. Province was the only place where many teachers and scientists found shelter in those "damned days". For the Tikhomirov family the estate of his wife became such a shelter. In 1927 at the request of*

the district land management chief the Tikhomirows founded a garden of young plants for local people and migrants. Later the garden was taken under the guardianship of state as the greatest cultural value. All forced applications of personal pension award for Tikhomirov as a scientist were in vain. Ivan Aleksandrovich continued his scientific investigations despite his advanced age but his activities and his contribution to the domestic history and education was appreciated much later.

Keywords: *I. A. Tikhomirov, nationalization, popular schooling, Soviet power, Troitsk*

For citing: *Rushanin V. 2016. Patriarch's autumn. Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 135–147.*

References

1. Akademik S. F. Platonov. Perepiska s istorikami [Academician S. F. Platonov. Correspondence with historians]: in 2 vol. Vol 1. 2003. Moscow: Nauka. 399 p. (In Russ.).
2. Archive of Troitsk. Fund 244. Inventory 1. Document 14. Sheet 8, 128 turnover. (In Russ.).
3. Archive of Troitsk. Fund 244. Inventory 1. Document 20. Sheet 3–4. (In Russ.).
4. Archive of the department Troitsk district administration. Fund 463. Inventory 1. Document 2. Sheet 1–1 turnover. (In Russ.).
5. Bakanov V. 1993. The historian and chronicler of the Orenburg cossack Aleksandr Ivanovich Krivoshechekov. Goroda Urala v kontekste russkoy kul'tury [Cities of the Urals in the context of Russian culture]. Chelyabinsk. P. 106–109. (In Russ.).
6. Barkov A. Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: Al'ternativnoe prochtenie [M. Bulgakov's novel "Master and Margarita": Alternative reading] [Electronic resource]. Available from: <http://menippea.narod.ru/master12.htm>. (In Russ.).
7. Bogouslavskii M. 1994. Razvitie obshchego srednego obrazovaniya: problemy i resheniya. Iz istorii otechestvennoy pedagogiki 20-kh godov XX veka [The development of secondary education: problems and solutions. From the history of domestic pedagogics 20ies of 20 century]. Moscow. 182 p. (In Russ.).
8. Bozhe V. N. M. Chernavskii – chronicler of the Orenburg region. Orenburgskoe kazach'e voysko. Kul'tura. Byt. Obychai [Orenburg cossack army. Culture. Life. Customs]. Chelyabinsk. P. 161–177. (In Russ.).
9. Borodina N. 1956. Zasluzhennaya uchitel'nitsa UzSSR Mariia Vasilevna Kamenskaia [Honored teacher of the Uzbek SSR Mariia Vasilevna Kamenskaia]. Tashkent. 27 p. (In Russ.).
10. Veselovskii S. 2004. Iz starykh tetradey. Stranitsy iz dnevnika. 1917–1923 [From old notebooks. Pages from the diary. 1917–1923]. Moscow. 93 p. (In Russ.).
11. Vibe F. 2006. Povest' o trudolyubivom Grume [Tale of hardworking Grum]. Ekaterinburg. P. 157–159. (In Russ.).
12. Vpered [Forward]. 1925. 14 May. № 55. (In Russ.).
13. Vpered [Forward]. 1928. 12 Jan. № 5. (In Russ.).
14. Vpered [Forward]. 1928. 26 Apr. № 48. (In Russ.).
15. Vpered [Forward]. 1928. Aug. № 72. (In Russ.).
16. State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (GAAOSO). Fund R-1. Inventory 2. Document 70178. Sheet 372, 650. (In Russ.).
17. State Archive of the Sverdlovsk region. Fund 2. Inventory 1. Document 125. Sheet 7, 24. (In Russ.).
18. State Archive of the Sverdlovsk region. Fund 227. Inventory 1. Document 214. Sheet 9, 20, 237. (In Russ.).
19. Gizatullin R., Tkacheva E. 2012. Ivan Andreevich Bakgof (1885–1971) – agronomist (for a future biography). Tikhomirovskie chteniya [Tikhomirov's readings]. Chelyabinsk. P. 16–17. (In Russ.).
20. Gizatullin R. 2008. Kamenskaia Mariia Vasilevna. Chelyabinskaya oblast' [Chelyabinsk region: encyclopedia]: in 7 vol. Vol. 3. Chelyabinsk. P. 62. (In Russ.).
21. Locust years: 1920–1921. 1996. Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 6. № 6: 536–547. (In Russ.).
22. Doykov IU. 2004. Samye znamenitye istoriki Rossii [The most famous Russian historians]. Moscow: Veche. 384 p. (In Russ.).
23. Dolgova E., Tikhonova A. 2012. The difficult financial situation should be reflected in the progress of scientific papers. The private life of Professor Kareev under Soviet rule. Rodina [Motherland]. № 7: 158–160. (In Russ.).

24. Izvestiya TsIK SSSR [Proceedings of the USSR Central Executive Committee]. 1929. 29 March. № 72. (In Russ.).
25. Kovrizhkin G. 1996. "Business" of Modest Onisimovich Kler. Dvenadtsatye Biryukovskie chteniya [Twelfth Biryukovsk's readings]. Chelyabinsk. P. 49–51. (In Russ.).
26. Krivoshein N., Ryzhkov IU. 2011. Petr Nikolaevich Chermenskiy: zhizn' i deyatel'nost' vydayushchegosya kraevedy [Petr Nikolaevich Chermenskiy: life and work of prominent local historian]. Moscow: Drevlekhranishche. 315 p. (In Russ.).
27. Levidov M. 1923. Organized simplification of culture. Krasnaya nov' [Red Virgin Soil]. № 1: 318. (In Russ.).
28. Liutov V., Veprev O. 2011. Zabytye tayny Yuzhnogo Urala [Forgotten secrets of the Southern Urals]. Chelyabinsk: Kniga. 288 p. (In Russ.).
29. Morozov E. 2008. Gardening. Chelyabinskaya oblast' [Chelyabinsk region: encyclopedia]: in 7 vol. Vol. 5. Chelyabinsk. P. 713. (In Russ.).
30. Narskii I. 2001. Zhizn' v katastrofe: budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Living in a crash: weekdays Ural population, 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN, 633 p. (In Russ.).
31. Nikolaev S. 1959. Doktor botaniki A. G. Genkel [Doctor of botany A. G. Genkel]. Perm. (In Russ.).
32. United State Archive of the Chelyabinsk region. Fund R-434. Inventory 2. Document 41. Sheet 46 turnover, 58 turnover. (In Russ.).
33. United State Archive of the Chelyabinsk region. Fund R-467. Inventory 3. Document 9584. Sheet 3 turnover, 24–24 turnover, 49. (In Russ.).
34. United State Archive of the Chelyabinsk region. Fund R-467. Inventory 32. Document 9584. Sheet 14, 17. (In Russ.).
35. United State Archive of the Chelyabinsk region. Fund R-603. Inventory 1. Document 41. Sheet 91–91 turnover, 186 turnover. (In Russ.).
36. United State Archive of the Chelyabinsk region. Fund R-885. Inventory 2. Document 18. Sheet 85. (In Russ.).
37. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 585. Inventory 1. № 4353. (In Russ.).
38. USSR Central Executive Committee, Council of People's Commissars Decree of 20.03.1925 "Deprivation of former landowners the right to land and residence belonged to them before the October Revolution farms" [Electronic resource]. Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=5439>. (In Russ.).
39. Pravoslavnye khramy Troitska [Troitsk Orthodox churches]. 2005. Troitsk. 88 p. (In Russ.).
40. Prishvin M. 1995. Dnevnik: Kniga tret'ya. 1920–1922 gg. [Diaries: Book Three. 1920–1922]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. 334 p. (In Russ.).
41. Pyatidesyatiletie Petrogradskogo istoriko-filologicheskogo instituta: biograficheskiy slovar' lits, okonchivshikh kurs instituta [The fiftieth anniversary of the Petrograd Institute of History and Philology: biographical dictionary of persons who graduated the institute]. 1917. Part 1. Issue I – XXIII. Petrograd. P. 68–71. (In Russ.).
42. S. F. Platonov is a textbook of Russian history [Electronic resource]. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. Available from: <http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial>. (In Russ.).
43. Skriabin K. 1969. Moya zhizn' v nauke [My life in science]. Moscow: Politizdat. 491 p. (In Russ.).
44. Sbranie uzakoneni i rasporyazheniy [Collection of laws and orders]. 1925. Moscow: Glavlit. 1164 p. (In Russ.).
45. Sokolov A. 2007. Mifologiya i ontologiya russkoy intelligentsii [Mythology and the ontology of the Russian intelligentsia]. Chelyabinsk. 51 p. (In Russ.).
46. Sosnovskii L. 1926. Letter to the homeland. Prozhektor [Floodlight]. № 6 (76): 10–12. (In Russ.).
47. Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti. T. XIII. Troitskiy okrug [The list of settlements of the Ural region. Vol. XIII. Troitsk county]. 116 p. (In Russ.).
48. Teploukhov Kh. 2001. Chronicles of Chelyabinsk: 1899–1924 gg. Tsentr istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska [Center of historical and cultural heritage of Chelyabinsk]. Chelyabinsk. P. 346–359. (In Russ.).
49. Troitskiy gorodskoy okrug [Troitsk Borough: encyclopedia]. 2013. Chelyabinsk: Kamennyy poyas. 432 p. (In Russ.).
50. Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya [Ural Historical Encyclopedia]. 2000. 2nd edition, revised. Ekaterinburg: Akademkniga. 649 p. (In Russ.).
51. Ural'skoe ogorodnichestvo i sadovodstvo [Ural horticulture and gardening]. Compilation № 1. 1928. Sverdlovsk. (In Russ.).

Received 18.03.2016

Раздел III

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА МУЗЫКАНТА

Актуальность заключается в важности для музыкальной культуры профессионального отбора компонентов исполнительского и педагогического мастерства.

Определяя в качестве цели конкретизацию профессиональной подготовленности музыканта, мы выявляем макроструктурные, мезоструктурные и микроструктурные показатели. Составляющие их элементы являются факторами эффективности деятельности и выражаются в профессиональном мастерстве исполнителя и педагога.

В профессиографическом описании слагаемых профессионального мастерства музыканта-исполнителя и педагога выделим четыре основных блока: музыкально-исполнительскую направленность, знания, умения и профессионально важные качества музыканта. Диагностируемые качества отражают фенотипические возможности человека, сплав его врожденных и приобретенных особенностей и свойств. Способности в сочетании со знаниями и умениями в их реализации образуют горизонтальную структуру профессионально важного качества. Но способности имеют иерархическое строение, поэтому названные качества обладают и вертикальной структурой, в которой каждый компонент более высокого уровня базируется на компоненте более низкого. Такая совокупность горизонтальной последовательности и вертикальной иерархии реально отражает практику педагогической и исполнительской деятельности музыканта.

Ключевые слова: компоненты исполнительского и педагогического мастерства музыканта, структура деятельности музыканта, факторы эффективности, слагаемые профессионального мастерства музыканта

Для цитирования: Серегин, Н. В. Формирование исполнительского мастерства музыканта / Н. В. Серегин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 149–153.

Важность сложившегося в российской музыкальной культуре профессионального отбора компонентов исполнительского и педагогического мастерства следует из анализа содержания деятельности музыканта. Она заключается в непрерывном процессе: обучения и самообучения, репетиционной и концертно-исполнительской деятельности. Особую важность приобретает содержание учебно-воспитательного процесса, где решаются задачи профессионального обучения и общие психолого-педагогические вопросы, формирующие плацдарм для подготовки мастера – музыканта, педагога, исполнителя.

Определяя уровень профессиональной подготовленности музыканта, мы исходим из того, что структуру его деятельности можно рассматривать в более широком и более узком смыслах. В широком смысле речь идет о про-

фессиональной деятельности, осуществляемой на протяжении многих лет или десятилетий. В случае такого макроструктурного рассмотрения «единицами» деятельности являются учебные занятия, репетиции, концертные выступления. Если говорить об отдельных учебных занятиях или концертных выступлениях, то мы перейдем к мезоструктурному рассмотрению деятельности. Структурными «единицами» здесь являются действия (сенсорные, умственные, двигательные). Конечно, в данном случае деятельность нельзя рассматривать как простую сумму совершаемых музыкантом действий. Деятельность – это действия, объединенные в целостную систему, взаимосвязанные друг с другом и выполняемые по общему плану (программе) занятия или выступления.

Но и действия, связанные с организацией разделов урока, разучиванием, исполне-

нием какого-то музыкального произведения или его элемента, состоят из отдельных, еще более мелких фрагментов, из отдельных действий или движений, которые называются операциями (они составляют микроструктуру деятельности).

Возможности музыканта представляют собой сплав врожденных и приобретенных свойств, названный великим русским физиологом И. П. Павловым фенотипом [1]. Одним из проявлений фенотипических возможностей, как считает Е. П. Ильин, являются качества, уровень проявления которых зависит как от врожденных психологических, физиологических и морфологических особенностей человека, так и от его опыта – знаний, как лучше использовать особенности, и умения использовать знания [2]. Комплекс этих знаний закладывается содержанием музыкально-педагогического процесса.

Внутренние факторы эффективности деятельности выражаются в профессиональном мастерстве исполнителя и педагога. В профессиографическом описании слагаемых профессионального мастерства целесообразно выделить четыре основных блока: музыкально-исполнительскую направленность, знания, умения и профессионально важные качества музыканта.

Музыкально-исполнительская направленность включает в себя ряд компонентов. Прежде всего отметим такой общий для всех профессий момент, как престижность, значимость которой показана в ряде работ и не вызывает сомнения [3]. В большом количестве источников указывается на любовь к музыке как общую профессиональную направленность всех музыкальных специальностей [4–6]. Наконец, структура музыкально-исполнительской направленности была бы неполной без включения в нее потребности сценического самовыражения [6–7].

Данная направленность связана также с потребностью музыкально-эстетического воспитания людей и реализуется в процессе достижения трех иерархически восходящих целей: 1) эмоционального воздействия на

слушателей, связанного с регуляцией их эмоциональных состояний и формированием адекватных эмоциональных реакций; 2) формирования у слушателей умения воспринимать музыкальные образы; 3) формирования музыкальности слушателей.

Знания музыканта состоят из двух блоков: общие и специальные. Общие знания в свою очередь подразделяются на общеобразовательные, общие психолого-педагогические и общекультурные. Значение общеобразовательных знаний основывается на том, что любой деятель искусства должен быть прежде всего образованным человеком. Общие психолого-педагогические знания оснащают музыканта способностями сохранять уровень музыкально-исполнительских достижений, создавать возможности для их развития подрастающими поколениями. Они являются базовыми для передачи исполнительских, искусствоведческих, методических традиций и достижений в области музыкальной деятельности. Роль же общекультурных знаний становится ясной, если учесть, что все виды искусства – изобразительное, архитектура, театр, кинематография и художественная литература – так или иначе связаны с музыкой. Существенно, что они объединяются общим основополагающим признаком – наличием художественного образа.

Среди специальных знаний традиционно выделяют музыкально-исторические и музыкально-теоретические. В процессе обучения музыканта-исполнителя они приобретаются во время изучения таких дисциплин, как специальный инструмент, дирижирование, история музыки, гармония, сольфеджио, полифония, анализ и т. д.

Умения музыканта – это практическое владение способами выполнения отдельных действий и операций (операционные умения) или деятельностью в целом (деятельностное умение) в соответствии с правилами и целью деятельности. Для музыкантов-исполнителей можно выделить три группы умений: коммуникативные (включая артистические), гностические (включая перцептивные) и двигательные (включая прикладные).

Профессионально важные качества являются четвертым главнейшим слагаемым мастерства музыканта. Под качеством мы будем понимать вслед за Е. П. Ильиным фенотипическую характеристику человека, отражающую наличный уровень проявления того или иного психического процесса (памяти, мышления и т. д.) и характеристик движений (силы, быстроты, точности и т. д.) [2]. Структура профессионально важных качеств разделяется на подструктуры: общемузыкальных, непосредственно исполнительских и психолого-педагогических качеств.

Подструктура общемузыкальных качеств соотносится с категорией «общее» и необходима для каждого человека, занимающегося музыкальной деятельностью. К ней, наряду с педагогической и музыкально-исполнительской относится также деятельность композитора и музыковеда (которые, по аналогии с профессией музыканта-исполнителя, разделяются на ряд специальностей). Функцией общемузыкальной подструктуры профессионально важных качеств является обеспечение успешности всех без исключения видов музыкальной деятельности. В подструктуру общемузыкальных входят качества, образующие структуру музыкальности, – сенсорно-перцептивные (связанные с ощущениями и восприятием), эмоциональные, мнемические (связанные с памятью), интеллектуальные и имажинитивные (связанные с мышлением и воображением). В профессиональном мастерстве существенную роль играют также нравственные качества, так как они во многом определяют направленность репертуарной политики, общий облик музыканта как представителя и пропагандиста музыкального искусства.

В подструктуру непосредственно исполнительских качеств входят психомоторные (связанные с исполнительской техникой), артистизм, надежность в концертном выступлении, аттенционные (связанные с проявлением различных свойств внимания), коммуникативные и волевые. Основой для этой подструктуры являются общемузыкальные качества, а для общемузыкальных – общие компоненты про-

фессионально важных качеств – восприятие, память, мышление, воображение, эмоции, мотивация, внимание, психомоторика и др.

В свою очередь общие компоненты профессионально важных качеств базируются на фундаменте психолого-педагогических качеств, нейродинамических и морфофункциональных особенностей, призванных обеспечить сохранение, развитие и передачу музыкально-исполнительского искусства.

Как уже было сказано, то или иное качество отражает фенотипические возможности человека, т. е. сплав его врожденных и приобретенных особенностей и свойств. Врожденные особенности реализуются в способностях [2; 8]. Способности в сочетании со знаниями и умениями в их реализации образуют горизонтальную структуру профессионально важного качества. Но способности имеют иерархическое строение, поэтому профессионально важные качества обладают вертикальной структурой, в которой каждый компонент более высокого уровня базируется на компоненте более низкого. Такая совокупность горизонтальной последовательности и вертикальной иерархии реально отражает практику педагогической и исполнительской деятельности музыканта [9; 10].

К примеру, яркое проявление какой-либо психической функции Е. П. Ильин считает способностью только в том случае, если оно обусловлено исключительно врожденными (генотипическими) особенностями человека. Если же оно детерминировано опытом, обучением, тренировкой, тогда уровень проявления данной функции рассматривается уже как фенотипическая характеристика возможностей человека, т. е. как качество. Таким образом, способность характеризует потенции данной функции, а качество – наличный уровень ее проявлений.

Любая врожденная музыкальная способность (музыкальный слух, музыкально-ритмическая способность, музыкальная память и т. д.) в благоприятных условиях развивается. В учебном процессе музыкальные способности того или иного учащегося представляют собой сплав врожденного и приобретенного, что тем более характерно для спо-

собностей профессионального музыканта. Поэтому характеристика той или иной музыкальной способности сочетает в себе анализ как ее врожденной части, так и степени ее развития. Уровень же проявления музыкальной способности в профессиональной деятельности определяет его качество.

Вышеизложенное обуславливает необходимость более эффективного внедрения в учебный процесс психолого-педагогических знаний. Однако введением в новые образовательные стандарты курса музыкальной педагогики и психологии систематизировать ком-

поненты исполнительского и педагогического мастерства музыканта весьма непросто. Необходимо не только осознать всю глубину этого предмета, включить в него те необъятные требования, которые предъявлены стандартами, но и сформировать последовательную конкретизацию соответствующих знаний и умений посредством таких углубляющих предметов, как возрастная музыкальная педагогика, музыкальное исполнительство и педагогика, других дисциплин, выводящих выпускника на научную проблематику исследования и защиту дипломного проекта.

1. Павлов, И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных / И. П. Павлов. – Москва: Наука, 1973. – 661 с.
2. Ильин, Е. П. Психомоторная организация человека: учеб. для вузов / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 384 с.
3. Климов, Е. А. О становлении профессионала: приближение к идеалам культуры и сотворение их (психологический взгляд): учеб. пособие / Е. А. Климов. – Москва: МПСИ, 2006. – 176 с.
4. Нейгауз, Г. Г. Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога / Г. Г. Нейгауз. – 5-е изд. – Москва: Музыка, 1988. – 240 с.
5. Теплов, Б. М. Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – Москва: Наука, 2003. – 379 с.
6. Коган, Г. М. У врат мастерства / Г. М. Коган. – Москва: Классика-XXI, 2004. – 98 с.
7. Гольденвейзер, А. Б. О музыкальном искусстве / А. Б. Гольденвейзер. – Москва: Музыка, 1975. – 416 с.
8. Шадриков, В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В. Д. Шадриков. – Репр. воспр. текста изд. 1982 г. – Москва: Логос, 2007. – 192 с.
9. Цагарелли, Ю. А. Психология музыкально-исполнительской деятельности: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / Ю. А. Цагарелли. – Ленинград, 1989. – 425 с.
10. Сулейманов, Р. Ф. Психология профессионального мастерства музыканта-инструменталиста: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / Р. Ф. Сулейманов. – Санкт-Петербург, 2004. – 422 с.

Получено 21.01.2016

N. Seregin

*Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,
Altai State Institute of Culture
E-mail: SereginNV@yandex.ru*

THE FORMATION OF THE MUSICIAN PERFORMANCE SKILLS

Abstract. *Relevance of work consists in importance of professional selection of components of performing and pedagogical skill for musical culture. Continuous process of training and self-training, rehearsal and concert and performing activity demands systematization. Orderliness helps to solve the problems of a vocational education and the general psychology and pedagogical questions forming the base for training of the master – the musician, the teacher, the performer.*

Defining a specification of professional readiness of the musician as the purpose of the work, we reveal macrostructural, mesostructural and microstructural indicators. The elements making them are factors of efficiency of activity and are expressed in professional skill of the performer and teacher.

In the description of the composed professional skill of the performing musician and the teacher it is expedient to allocate four main units: musical and performing orientation, knowledge, abilities and professionally important qualities of the musician. The diagnosed qualities reflect fenotype opportunities of the person, an alloy of its congenital and acquired features and properties. Abilities in a combination to knowledge and abilities in their realization form horizontal structure of professionally important quality. But abilities have a hierarchical structure therefore professionally important qualities have also vertical structure in which each component of higher level is based on a component of lower level. Such set of horizontal sequence and vertical hierarchy really reflects practice of pedagogical and performing activity of the musician.

Keywords: components of executive and pedagogical mastery of musician, structure of musician's activity, factors of effectiveness, components of musician's professional mastery

For citing: Seregin N. 2016. The formation of the musician performance skills. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. № 1 (45): 149–153.

References

1. Pavlov I. 1973. Dvadsatiletniy opyt ob"ektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhi-votnykh [Twenty years' experience of objective studying of higher nervous activity (behavior) of animals]. Moscow: Nauka. 661 p. (In Russ.).
2. Ilin E. 2003. Psikhomotornaya organizatsiya cheloveka [Psychomotor organization of the person]. Saint Petersburg: Piter. 384 p. (In Russ.).
3. Klimov E. 2006. O stanovlenii professionala: priblizhenie k idealam kul'tury i sotvorenie ikh (psikhologicheskii vzglyad) [About formation of the professional: approach to ideals of culture and their creation (a psychological look)]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. 176 p. (In Russ.).
4. Neuhaus H. 1988. Ob iskusstve fortepiannoy igry: Zapiski pedagoga [About art of piano game: Teacher's notes]. Moscow: Muzyka. 240 p. (In Russ.).
5. Teplov B. 2003. Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey [Psychology of musical abilities]. Moscow: Nauka. 379 p. (In Russ.).
6. Kogan G. 2004. U vrat masterstva [At a skill gate]. Moscow: Klassika-XXI. 98 p. (In Russ.).
7. Goldenveizer A. 1975. O muzykal'nom iskusstve [About musical art]. Moscow: Muzyka. 416 p. (In Russ.).
8. Shadrikov V. 2007. Problemy sistemogeneza professional'noy deyatel'nosti [Problems of a sistemogenez of professional activity]. Reproduction of text edition 1982. Moscow: Logos. 192 p. (In Russ.).
9. Tsagarelli IU. 1989. Psikhologiya muzykal'no-ispolnitel'skoy deyatel'nosti [Psychology of musical and performing activity]. Leningrad. 425 p. (In Russ.).
10. Suleimanov R. 2004. Psikhologiya professional'nogo masterstva muzykanta-instrumentalists [Psychology of professional skill of the musician-instrumentalist]. Saint Petersburg. 422 p. (In Russ.).

Received 21.01.2016

ВОСТОЧНАЯ МОНОДИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЛЬНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ОДНОГОЛОСИЯ И МНОГОГОЛОСИЯ

Воспроизведение и развертывание музыки осуществляется непосредственно в музицировании. Многообразие видов последнего группируется по двум основным направлениям – сольные (индивидуальные) и коллективные (ансамблевые), включая их различные соотношения. Логические основы формирования сольных и коллективных видов музицирования раскрываются в контексте информационно-коммуникативного процесса. Специфика проявляется в разных векторах передачи информации: расчлененно от себя другим (сольность) и совместно для себя (коллективность). В народных музыкальных традициях сольное выступление всегда направлено на передачу информации от себя другим и предполагает отдельно от передающего наличие получателя информации.

В свете исходной представленности феноменов сольности и коллективности в коммуникативном процессе выявляются особенности генезиса одноголосия и многоголосия. Одноголосие как одиночное пение и отдельный субъект в системе взаимоотношений в своем генезисе непосредственно обусловлено сольной вокально-речевой коммуникацией, в которой четко представлена расчлененность подачи информации. Генетические аспекты проблемы сольности и коллективности, монодии и многоголосия получили глубокую научную разработку в программе, публикациях и материалах Международного музыковедческого симпозиума, посвященного 1400-летию выдающегося представителя таджикско-персидской классической музыкальной системы Борбада (Душанбе, 1990). Дискуссия продемонстрировала широту взглядов и подходов к рассмотрению проблемы. Общим итогом стало утверждение понимания: 1) в основе музыкальной культуры народов находится не нечто абстрактное, а прежде всего человек; 2) историческое, культурное, художественное, смысловое равноправие различных музыкальных систем и в том числе тех, в чьей основе лежит монодическое и полифоническое мышление. Исследование феноменов сольности и коллективности, одноголосия и многоголосия дает возможность осмыслить специфику музицирования в восточных музыкальных традициях, в большинстве жанров которых, в особенности в жанрах изустной профессиональной музыки, доминирует вокально-сольная монодия, органично использующая инструментальное сопровождение.

Ключевые слова: музицирование, сольность, коллективность, одноголосие, многоголосие, монодия, генезис, информационно-коммуникативный процесс, линейность

Для цитирования: Ульмасов, Ф. А. Восточная монодия в контексте сольного музицирования и проблемы генезиса одноголосия и многоголосия / Ф. А. Ульмасов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 154–160.

Изучение вопросов специфики восточной монодии как типа музыкального мышления, характерного для многих народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Центральной Азии, является приоритетным исследовательским направлением музыкального востоковедения. Мы рассмотрим особенности сольного и коллективного музицирования в контексте информационно-коммуникативных отношений и

проблемы генезиса монодии и многоголосия, что даст возможность прояснить некоторые существенные стороны определения феномена восточной монодии.

Известно, что фундаментальной особенностью музыки как вида искусства является ее бытие в исполнении, практическом обнаружении, когда музыкальная идея разворачивается и осуществляется в процессе музицирования, в

котором также участвуют слушательское восприятие и среда социального востребования.

Понятие *музицирование* – одно из распространенных и широко используемых в различных научных работах музыковедческого, педагогического и культурологического профиля. Важным вкладом в осмысление данного феномена стали труды Б. Асафьева, где прямо или косвенно затрагивается проблематика, связанная с музицированием, рассматриваемая в контексте социального обнаружения музыки. В одной из своих ранних работ исследователь писал, что главное «свойство музыкальных композиций существовать (пребывать) в становлении, только в воспроизведении, то есть, будучи крепко спаянными в некое единстве и целостности. Такое их свойство ведет к тому, что в самом процессе воплощения они, чтобы быть воспринятыми, должны явиться миру каждый раз в состоянии развертывания» [4, с. 17].

Воспроизведение и развертывание музыки осуществляется непосредственно в музицировании. Это видение специфики реализации музыкального процесса получило всестороннее развитие в его дальнейших работах. Отметим такую мысль: «Музыкальная форма как явление социально детерминированное, прежде всего, познается как форма (вид, способ и средство) социального обнаружения музыки в процессе интонирования... – за всем этим кроется длительный процесс нащупывания, исканий и приспособлений наилучших средств для наиболее “доходчивого” выражения, т. е. такого рода интонаций, которые усваивались бы окружающей средой через формы музицирования возможно продуктивнее» [3, с. 21].

Идеи Б. Асафьева о природе и особенностях музицирования получили дальнейшее развитие и широкое признание. Так, например, М. Арановский в своей работе «Концепция Б. В. Асафьева» резюмировал следующую мысль ученого: «Музыка понимается Асафьевым как явление социального бытия, а последнее выражает себя в практике музицирования, в процессе которого закрепляются найденные музыкой средства» [2, с. 271]. Выделив это положение, исследователь высветил чрезвычайную

актуальность такого понимания существа музыки, в том числе и феномена музицирования.

Значительный вклад в развитие идей Б. Асафьева о музицировании внес И. Земцовский, выявивший тесную связь социального и художественного в народной музыке. В таком единении происходит тесный контакт взаимодействий: музыкальные формы, «возникнув в зависимости от определенных форм музицирования и сложившись в типы», в свою очередь «начинают оказывать воздействие на формы музицирования, по-своему организуя их» [5, с. 88].

Значение музицирования как особого феномена в музыкальной культуре раскрывается в концепции И. Земцовского, в которой центральное положение занимает человек – создатель творимого и выражаемого посредством музыки мира чувств и мыслей. Как считает исследователь, «интонация – это человек: в ней оказалась сконцентрированной сущность Человека музицирующего». В концепции И. Земцовского «Человек музицирующий» есть главное действующее лицо «музыки вообще и музыкальной коммуникативности в частности» [6, с. 97–103].

Многообразие видов музицирования группируется по двум основным направлениям – сольные (индивидуальные) и коллективные (ансамблевые), включая их различные соотношения. Они представляют собой реальную практику, существующую с древних времен, выполняют как общие, так и разные функции. Во всех традиционных музыкальных культурах народов мира представлены все упомянутые выше виды, но в каждой из них специфика музицирования проявляется в доминировании тех или иных его форм.

Особенности возникновения и функционирования основных видов музицирования раскрываются в контексте информационно-коммуникативных и социальных процессов. Важной стороной понимания является осознание реально существующего положения: любая система коммуникации образуется взаимодействием включенных в нее элементов. Каждый может выступать как отдельный субъект системы, выполняющий в ней определенную функцию

(от себя другим), а также как часть структуры в системе и реализовывать совместно с другими общую функцию (все вместе для себя).

Предложенное понимание предоставляет возможность осмысления универсальных субъектно-объектных отношений в системе музыкальной коммуникации, дает возможность рассмотреть логические основы формирования сольных и коллективных видов музицирования. Различие последних проявляется в разных векторах передачи информации. В народных музыкальных традициях сольное выступление всегда направлено на передачу информации от себя другим. Это его основная функция, предполагающая отдельно от передающего наличие получателя информации. Что касается традиционного коллективного музицирования – передача и получение информации осуществляется одновременно и совместно самим коллективом. В данной связи отметим мысль А. Юсфина: «В формах музыкального мышления, опирающихся на многоголосие (в народной практике) при интеграции сотворческой воли всех участников, исполнители одновременно являются слушателями, и специальных слушателей, как правило, нет» [11, с. 458].

Сольность как одна из форм проявления субъектности в социальных и коммуникативных отношениях выражает и подчеркивает статус отдельного человека, музыканта, выполняющего функцию передачи от себя другим какой-либо информации. В этом контексте субъектность сольности проявляется в разных аспектах практического обнаружения индивидуальности, своеобразия и лидерства.

С проблемой осмысления сольных и коллективных сторон информационно-коммуникативного процесса связаны вопросы генезиса одноголосия и многоголосия, которые могут рассматриваться как своеобразные формы инобытия двух сторон коммуникативного процесса. Одноголосие как одиночное пение и отдельный субъект в системе взаимоотношений в своем генезисе непосредственно обусловлено сольной вокально-речевой коммуникацией, в которой четко представлена расчлененность подачи информации. В качестве примера при-

ведем такое примечательное явление, взятое из практики: мы можем петь вместе, но одновременно разговаривать, т. е. сообщать друг другу одновременно какую-либо информацию, мы не можем. В данном случае всегда кто-то один говорит, а кто-то слушает.

Можно предположить, что одноголосие и многоголосие в народной музыке восходят к исходным формам информационно-коммуникативного общения, представляющим необходимые условия для возникновения и развития социальной деятельности человека. Если в этом контексте рассматривать сольность и коллективность, одноголосие и многоголосие как первичные, генетически данные человеку феномены коммуникации, находящиеся в неразрывной между собой взаимосвязи, тогда типологические различия существующих музыкальных систем могут быть осмыслены в аспекте реализации особенностей форм и видов соотношений названных феноменов в этих системах. В свете исходной представленности явлений сольности и коллективности в коммуникативном процессе появляется возможность с этих позиций рассмотреть проблемы генезиса одноголосия и многоголосия, отражающие актуальный аспект современной теории восточной монодии, связанный с определением специфики музыкальных культур народов Востока.

Вопросы определения генетических основ происхождения многоголосия и одноголосия получили глубокую научную разработку на Международном музыковедческом симпозиуме, который прошел в апреле 1990 г. в Душанбе и был посвящен 1400-летию выдающегося представителя таджикско-персидской классической музыкальной системы Борбада.

В изданных материалах симпозиума, в докладах и прениях по этой теме приняли участие ученые из разных стран мира: России – И. Земцовский, А. Юсфин, Х. Ихтисамов; США – В. Фелдман; Германии – Ю. Эльснер; Азербайджана – Н. Алиева; Армении – Н. Тагмизян, А. Багдасарян, К. Джагацпанян; Грузии – И. Жордания, К. Николадзе, М. Иашвили; Польши – А. Чекановская; Узбекистана – Т. Гафурбеков, А. Назаров, О. Матякубов,

Н. Янов-Яновская; Таджикистана – З. Таджикова, Ф. Ульмасов и др.

Ведущим обсуждения был один из авторитетных специалистов в мировом этномузыкальном доктор искусствоведения И. Земцовский, внесший существенный вклад в научную организацию симпозиума и проведение дискуссии по вопросам генезиса монодии и многоголосия.

И. Земцовский высказал мысль, что существуют два специфических типа музыкального мышления – монодия и полифония, а в явлении многоголосия есть универсальное качество, изначально присущее музыкальному мышлению, которое проявляется в его самых различных вариантах и типах. Ученый предложил ряд определений специфики монодии, где активную разработку получила идея семантического превалирования линии как важнейший атрибут монодии, отметил, что данное явление не тождественно понятию однолинейности и одноголосию [7, с. 394].

По мнению исследователя, «многоголосие развивается, исторически эволюционирует, меняет свои формы и т. д., но, строго говоря, не “происходит”: оно органически присуще музыке, как словесная речь – человеку» [Там же, с. 392]. Монодическая культура по своим профессиональным формам устной традиции находится на более высоком уровне исторического развития, чем некоторые многоголосные культуры. Очень важно поднять вопрос о становлении профессиональной монодии [9]. И. Земцовский считает, что монодия и полифония – термины искусственные, научные, и поэтому они достаточно условны. Необходимо употреблять их в каком-то определенном плане, как обозначение специфического типа музыкального мышления, которое в разных национальных культурах имеет самые различные формы проявления, причем многоголосие совсем не обязательно атрибут только полифонического мышления. Монодическая музыка богата многоголосной фактурой. Отождествлять многоголосие и полифонию невозможно, так же как и неверно отождествлять монодию и одноголосие [Там же].

Отметим также следующую очень важную мысль И. Земцовского: «Мы должны допустить

сосуществование разных музыкальных концепций одновременности. Монодическое многоголосие – специфический мир, плохо осмысляемый с позиций традиционной европейской полифонии или гомофонии и поэтому требующий особой методики изучения и описания» [7, с. 394].

Важное направление дискуссии предложила Н. Алиева, отметившая, что традиции мугамного¹ исполнительства выработали ансамблевый тип музицирования, своеобразные ансамблевые формы и ансамблевые интерпретации мугама, которые предполагают взаимодействие и взаимосогласование разных по функциям ансамблевых голосов. В этом контексте среди знаков мугамно-ансамблевого типа тематизма полифонические факторы играют одну из показательных ролей [1, с. 347–349].

Линию дискуссии Н. Алиевой продолжил также В. Фельдман, высказавший мысль, что природа полифонического мышления азербайджанского мугама может быть глубже понята, если его сопоставить с традициями исполнительства иранского дастгяха. Есть определенные различия в формах ансамблевого и сольного музицирования, что отражается на степени проявления полифонических соотношений в этих традициях [9].

Другой аспект в обсуждении значения ансамблевого музицирования был предложен нами: необходимо различать типы музицирования в контексте возможности формирования новой информации в максимально свободном творческом самовыражении [10, с. 463–466]. Существует два основных типа музицирования, предполагающих наиболее полное творческое проявление индивидуума: сольный и многоголосный коллективный.

Монодия изначально в своем генезисе представляет собой сольный тип музицирования, в котором певец сам может сопровождать свое пение на музыкальном инструменте («голос-инструмент»). Он по вариантным творческим потенциям принципиально отличается от вокального унисона, где нет возможности свободного вариантного изменения текста в про-

¹ Мугам – жанр азербайджанской традиционной музыки.

цессе исполнения. В этом контексте, когда мы говорим о монодии сольной или унисонной, необходимо их различать как две совершенно разные художественные системы [9].

В данном направлении обсуждения вопросов генезиса выступил О. Матякубов. Он отметил, что вокальный унисон в макомных ансамблях есть явление негативное, приводящее к застенчивости, закреплённости, не дающее возможности импровизаций, поскольку всякий унисон предполагает какую-то предварительную договорённость, его нужно отрепетировать, отрегулировать. Преобладание унисона в современных макомных ансамблях, по мнению учёного, есть результат общей идеи коллективизации, в свое время доминировавшей в обществе. Унисон, в строгом смысле, вряд ли может быть характерен для макомной традиции [Там же].

О сопоставлении монодии и многоголосия высказался А. Юсфин, отстаивавший мысль, что эти явления из разных рядов. По сути феномены *монология* и *полилогия* представляют собой не антиномичные явления [11, с. 457–460].

Т. Гафурбеков, выступая в дискуссии, обратил внимание на сложившуюся поляриность позиций: или они взаимодополняемые, или совершенно различные. Он предложил явления многоголосия и монодии расценивать не как элементы, а как ее специфическое качество – *полимонодия*, которое может быть использовано как компромиссный термин [9].

Относительно элементов многоголосия и их определения в системе восточной монодии выступила Н. Янов-Яновская, считающая, что принципиально неверно рассматривать монодию с позиции композиторского творчества (это не зародыши полифонии, а развитые формы монодии), и предложила свой термин – *моноподийное многоголосие* [9].

О нежелательности смешения различных культурно-исторических этапов и типов монодического и многоголосного музицирования высказался Ю. Эльснер. Он отметил, что развитие культур разных народов идет в разных формах и темпах, соответственно каждая музыкальная традиция имеет свои особенности исторического развития [Там же].

Иное предположение возникло у Н. Тагмизяна: может быть, мы усложняем выяснение проблемы генезиса монодии и многоголосия, поднимая вопрос – почему и когда возникло многоголосие? Профессиональное многоголосие возникло тогда, когда появилось нотописание, и именно с данным техническим условием все связано [Там же].

А. Чекановская обратила внимание, что гетерофония существует на Памире, Балканах, Соломоновых островах, в Индии и во многих других местах, но это не идентичные в культурном отношении феномены, а совершенно различные миры, другой принцип организации, другая стилистика. Так, например, в одних культурах диссонанс – позитивное явление, а в других – негативное. Если в широком плане говорить о явлениях многоголосия, нельзя забыть реальные факты его распространенности на различных континентах, в частности, в Африке. И нам станет ясно, что многоголосие характерно для самых первичных культур. А. Чекановская в завершение высказала мысль, что все начинается с многоголосия, а потом идет по разным путям развития [Там же].

Важный аспект образования вертикальных структур в инструментальном исполнительстве отметил в своем выступлении Х. Ихтисамов. Данный феномен, помимо других причин, он объяснил тенденцией к индивидуализации и семантизации струн музыкальных инструментов и предложил название: образно-символическая персонификация струн инструмента [8, с. 398–401].

В завершение дискуссии по данной теме И. Земцовский отметил, что проблема монодии и ее соотношение с теми или иными формами многоголосия является как для таджикской, так и для культур практически всех народов Востока чрезвычайно актуальной. Исследователь констатировал два фундаментальных положения, принятых всеми участниками: 1) в основе музыкальной культуры наших народов находится не нечто абстрактное, а прежде всего человек; 2) историческое, культурное, художественное, смысловое равноправие различных музыкальных систем (в том числе систем, в осно-

ве которых лежит монодическое и полифоническое мышление) [9].

Научная разработка феноменов сольности и коллективности, одноголосия и многоголосия дает возможность осмыслить специфику музицирования в восточных музыкальных традициях, где в большинстве жанров, в особенности в жанрах изустной профессиональной музыки, доминирует вокально-сольная монодия, органи-

чно использующая инструментальное сопровождение. В этом контексте необходимо отметить, что существенное преобладание сольных форм музицирования в традиционной музыке народов Востока, Центральной Азии, в сравнении с коллективными вокальными – хоровыми – формами, представляет реальный факт музыкальной практики и свидетельствует об определенной специфике этого явления.

1. Алиева, Н. К вопросу полифонического многоголосия в азербайджанском мугаме / Н. Алиева // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. – Душанбе, 1990. – С. 347–349.
2. Арановский, М. Музыка. Мышление. Жизнь. Статьи, интервью, воспоминания / М. Арановский; ред.-сост. Н. А. Рыжкова. – Москва: Государственный институт искусствознания, 2012. – 440 с.
3. Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс / Б. Асафьев. – 2-е изд. – Ленинград: Музыка, 1971. – 376 с., нот.
4. Глебов, И. Ценность музыки / И. Глебов // De musica. – Петроград, 1923. – С. 5–34.
5. Земцовский, И. Социальное и музыкальное. От форм музицирования к формам музыки / И. Земцовский // Советская музыка. – 1981. – № 1. – С. 84–88.
6. Земцовский, И. Человек музицирующий – Человек интонирующий – Человек артикулирующий / И. Земцовский // Музыкальная коммуникация: сб. науч. тр. Серия: Проблемы музыкознания. – Санкт-Петербург, 1996. – Вып. 8. – С. 97–103.
7. Земцовский, И. Проблема многоголосия в теории монодии / И. Земцовский // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. – Душанбе, 1990. – С. 391–395.
8. Ихтисамов, Х. Общетеоретический взгляд на восточную монодию и инструментальное многоголосие / Х. Ихтисамов // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. – Душанбе, 1990. – С. 398–401.
9. Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность: материалы Междунар. симп. – Душанбе, 1990 [рукопись].
10. Ульмасов, Ф. Восточная монодия: генезис и некоторые принципы формирования органичного взаимодействия монодийных и многоголосных культур на современном этапе / Ф. Ульмасов // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. – Душанбе, 1990. – С. 463–466.
11. Юсфин, А. Монодия и многоголосие: контрасты и контакты / А. Юсфин // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. – Душанбе, 1990. – С. 457–460.

Получено 21.01.2016

F. Ulmasov

Candidate of Art Criticism, Docent,
Research Institute of Culture and Information of
Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan
E-mail: firuz_ul@mail.ru

EASTERN HOMOPHONY IN THE CONTEXT OF SOLO MUSIC PLAYING AND MONOPHONY AND POLYPHONY GENESIS PROBLEM

Abstract. *Reproduction and development of music can be reached only by direct music playing. Different kinds of music playing can be grouped into two general directions – solo (individual) and collective (ensemble) including their different correlations. Logical grounds to form solo and collective kinds of music playing arise in the context of informational communication. Its peculiarities are revealed in different vectors of information transmission consisting in partitioning of you to others (solo vector) and together to yourself (collective vector). In tradi-*

tions folk music solo performance was always directed at the information transmission from you to others presupposing a recipient of information who exists independent from its sender.

Peculiarities of monophony and polyphony genesis arise in the light of initial introduction of the phenomena of solo and collective performance in communication. Monophony as a solo singing and a separate subject in the system of relationships in its genesis is directly stipulated by a solo vocal-speech communication where information transmission has a distinct differentiation. Genetic aspects of the solo and collective performance problem have received deep scientific development in the program, publications and materials of the International musicological symposium dedicated to 1400-th Anniversary since the birth of the great representative of Tajik-Persian classical musical system Borbad (Dushanbe, 1990). The discussion has proved the existence of different viewpoints and approaches to the solution of the problem. The final result of the discussion includes the mutual statement that first and foremost man but not anything abstract lies in the grounds of the musical culture of peoples, and second, historical, cultural, artistic and semantic equality of different musical systems including the ones containing monodic and polyphonic thinking. The studies of the solo and collective performance, of the monophony and polyphony phenomena give an opportunity to interpret the specific features of music playing in the eastern musical traditions in most genres especially in the oral professional music where vocal-solo monody (homophony) is performed with instrumental accompaniment.

Keywords: music playing, solo performance, collective performance, monophony, polyphony, monody (homophony), genesis, information communication, linearity

For citing: Ulmasov F. 2016. Eastern homophony in the context of solo music playing and monophony and polyphony genesis problem. *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. № 1 (45): 154–160.

References

1. Alieva N. 1990. On the question of the polyphonic polyphony in the Azerbaijan mugham. Borbad i khudozhestvennye traditsii narodov Tsentral'noy i Peredney Azii: istoriya i sovremennost' [Borbad and art traditions of the peoples of Central and Forward Asia: history and present]. Dushanbe. P. 347–349. (In Russ.).
2. Aranovskii M. 2012. Muzyka. Myshlenie. Zhizn'. Stat'i, interv'y, vospominaniya [Music. Mind. Life. Articles, interviews, recollections]. Moscow: State institute of Art Studies. 440 p. (In Russ.).
3. Asafev B. 1971. Muzykal'naya forma kak protsess [A musical form as a process]. Leningrad: Music. 376 p. (In Russ.).
4. Glebov I. 1923. The value of music. De musica. Petrograd. P. 5–34. (In Russ.).
5. Zemtsovskii I. 1981. Social and musical. From the forms of music-making to the form of music. Sovetskaia muzyka [Soviet music]. № 1: 84–88. (In Russ.).
6. Zemtsovskii I. 1996. A music-plays man – an intoning man – an articulating man. Muzykal'naya kommunikatsiya. Seriya: Problemy muzykoznaniya [Musical communication. Series: Musicology problems]. – Saint Petersburg. Issue 8. – P. 97–103. (In Russ.).
7. Zemtsovskii I. 1990. The problem of polyphony in the theory monody. Borbad i khudozhestvennye traditsii narodov Tsentral'noy i Peredney Azii: istoriya i sovremennost' [Borbad and art traditions of the peoples of Central and Forward Asia: history and present]. Dushanbe. P. 391–395. (In Russ.).
8. Ikhtisamov Kh. 1990. A general-theoretical view on eastern monody and instrumental polyphony. Borbad i khudozhestvennye traditsii narodov Tsentral'noy i Peredney Azii: istoriya i sovremennost' [Borbad and art traditions of the peoples of Central and Forward Asia: history and present]. Dushanbe. P. 398–401. (In Russ.).
9. Borbad i khudozhestvennye traditsii narodov Tsentral'noy i Peredney Azii: istoriya i sovremennost' [Borbad and art traditions of the people of the Central and Forward Asia: history and present: materials of the International symposium]. 1990. Dushanbe. [Manuscript]. (In Russ.).
10. Ulmasov F. 1990. Eastern monody: genesis and some principles of forming an organic interaction between monophonic and polyphonic cultures at the modern stage. Borbad i khudozhestvennye traditsii narodov Tsentral'noy i Peredney Azii: istoriya i sovremennost' [Borbad and art traditions of the peoples of Central and Forward Asia: history and present]. Dushanbe. P. 463–466. (In Russ.).
11. Iusfin A. 1990. Monody and polyphony: contrasts and contacts. Borbad i khudozhestvennye traditsii narodov Tsentral'noy i Peredney Azii: istoriya i sovremennost' [Borbad and art traditions of the peoples of Central and Forward Asia: history and present]. Dushanbe. P. 457–460. (In Russ.).

Received 21.01.2016

В. В. Бычков

д-р искусствоведения, профессор,
Челябинский государственный институт культуры
E-mail: vladimirbychkoff@mail.ru

В. Д. Путилов

старший преподаватель,
Уральский государственный университет физической культуры
E-mail: putilov_vd@mail.ru

МУЗЫКА ДЛЯ БАЯНА УРАЛЬСКИХ КОМПОЗИТОРОВ (СОНАТА № 1 В. ВЕККЕРА)¹

Рассматриваются тенденции в развитии жанра сонаты для баяна (середина 60-х – конец 70-х гг. XX в.), отмечаются особенности формы-схемы сонаты (одно-, двух-, трех-, четырехчастные циклы), анализируется ладогармонический язык сонаты № 1 В. Веккера, выявляются ее образно-ассоциативные связи с русской музыкой (Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, С. С. Прокофьев, С. Н. Василенко), указывается:

– на оригинальные приемы композиции и ладотональное мышление, преемственность творчества И. Ф. Стравинского (атональность, полиаккордика, тоникальность);

– звуковую интенсификацию «фактурно-тембрового эквивалента» – оркестрового приема, введенного В. Веккером в музыку для баяна;

– преемственные ладогармонические связи с народным творчеством и тембровую «имитацию» с народно-инструментальным творчеством в новом инструментальном контексте.

Также определяются черты новаторства музыки для баяна В. Веккера.

Ключевые слова: соната, симфонизация, камернизация, баянная музыка, образно-ассоциативные связи

Для цитирования: Бычков, В. В. Музыка для баяна уральских композиторов (Соната № 1 В. Веккера) / В. В. Бычков, В. Д. Путилов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 161–172.

Начиная с середины 60-х и до конца 70-х гг. XX столетия к жанру сонаты для баяна обращались М. Голубь, Ю. Шишаков, Ю. Соловьев, В. Золотарев, Н. Горлов, Г. Банщиков, П. Лондонов, В. Бонаков, А. Тимошено, М. Магиденко, К. Волков, А. Журбин, Л. Пригожин, А. Томчин, А. Кусяков, В. Зубицкий, В. Довгань, М. Грачев.

Большая или меньшая степень влияния основоположника баянной музыки Н. Чайкина на развитие жанра сонаты для баяна ощущается как в решении музыкальной драматургии, так и в выборе композиторами музыкально-выразительных и инструментально-технических средств.

Тип большой «симфонизированной» сонаты, утвержденный в его баянной музыке (Сонаты № 1, 2), получал свое продолжение в творчестве Ю. Шишакова (Соната № 1), А. Ти-

мошенко, В. Золотарева, М. Магиденко. Вместе с тем с развитием жанра выявляются новые тенденции, в частности, одна из доминирующих – камерность, которую необходимо рассматривать как результат влияния советской музыки, в это время связанной в первую очередь с «усилившимся интересом к глубокому и многогранному раскрытию внутреннего мира

¹ Владимир Павлович Веккер родился 2 февраля 1947 г. в Копейске Челябинской области. Окончил Челябинское музыкальное училище им. П. И. Чайковского по классу баяна П. М. Анохина, по композиции занимался у М. Д. Смирнова (1963–1967). После учебы в Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского по классу композиции профессора Н. М. Пузея (1970–1975) работал в Челябинском государственном институте культуры (1975–1994). С 1994 г. проживает в Германии. Член Союзов композиторов России (1981) и Германии (1995). В. Веккер – автор трех симфоний, оперы «Вызов на дуэль», балета «Тезей», пяти инструментальных концертов, произведений для симфонического, народного, эстрадного оркестров, хоровой и вокальной музыки. Среди сочинений для баяна: три сонаты, Концерт и Фантазия для баяна с оркестром, сюита «Русские мотивы», Хорал и fuga, Скерцо, три прелюдии.

человека» и характеризуемой повышенным вниманием «к индивидуально-личностному началу» [1, с. 15–17]. Черты камерности свойственны сонатам для баяна К. Волкова, А. Журбина, Г. Банщикова, Л. Пригожина, В. Бонакова, М. Голубь, А. Кусякова, П. Лондонова, созданным в описываемый период.

Новые тенденции отразились на выборе формы и трактовке цикла. Четырехчастный цикл с классическим сопоставлением частей избрали лишь А. Тимошенко, В. Золотарев (Соната № 3); трехчастный – Ю. Шишаков, Ю. Соловьев (Соната-новелла), М. Магиденко, В. Бонаков, В. Золотарев (Соната № 2), Г. Банщиков, Л. Пригожин, А. Кусяков, М. Голубь (Соната № 1), В. Довгань (Соната-рапсодия «Верховинская»), В. Веккер (Соната № 1); двухчастный – А. Томчин, К. Волков (Соната № 2); традиции романтической одночастной сонаты продолжены П. Лондоновым, М. Голубь (Соната № 3), В. Бонаковым (Соната № 1), К. Волковым (Соната № 1)¹.

Изменилась и трактовка цикла. Так, для некоторых сочинений характерно введение в цикл новых жанров и малых форм, в частности, полифонических (фуга в Сонате № 3 А. Кусякова, Сонате-новелле Ю. Соловьева, позднее в Сонате № 3 В. Веккера).

Существенно поменялось отношение композиторов к инструменту и его возможностям. Если раньше баян с готовыми аккордами сковывал инициативу профессиональных авторов (исключение составляет творчество Н. Чайкина, Ф. Рубцова, Ю. Шишакова), то сейчас этот барьер был преодолен с появлением готово-выборного многотембрового баяна.

Многие из сонат, созданных для готово-выборного инструмента, адресованы исполнителям, владеющим гаммой красок многотембровых инструментов последних моделей: «Россия», «Юпитер», «Аппассионата», «Левша» и др. (Третья соната М. Голубь, Сонаты № 1, 2 К. Волкова, Вторая соната Ю. Шишакова, сонаты Г. Банщикова, Л. Пригожина,

А. Журбина, А. Томчина, В. Золотарева, А. Кусякова, В. Довганя). Исполнителю была предоставлена возможность решить проблему регистровки музыки и, разумеется, по-своему интерпретировать авторский музыкальный материал. Знаменательно то, что сонаты № 1, 2 Н. Чайкина определили главную тенденцию жанра, характерную для музыки 1970–1980-х гг.: отход от традиций народного гармонно-баянного музицирования и все большее усвоение традиций классической и современной камерно-инструментальной музыки, своеобразное их преломление в оригинальной литературе². Это имело принципиально важное значение как для определения путей развития жанра, так и для баянного исполнительства, перешедшего на качественно новый уровень.

Соната № 1 В. Веккера (1974) написана для баяна с готовыми аккордами на левой клавиатуре. «Тембры-переключатели» на правой клавиатуре в первой авторской редакции не были предусмотрены. Публичное исполнение Сонаты № 1 В. Веккера (1 часть) состоялось в концертном зале Челябинской областной филармонии в одном из отчетных концертов челябинских композиторов (декабрь 1975 г.), который стал «крупным событием в жизни города, подлинным праздником для любителей музыки...». «Программу первого вечера составили камерные произведения. Среди них – романсы Ю. Гальперина на стихи М. Лермонтова, Соната для баяна В. Веккера в превосходном исполнении В. Бычкова» [11]. Позднее музыкальные критики писали о музыке В. Веккера: «Обращает на себя внимание последовательное освоение композитором (В. Веккером. – прим. авт. статьи) одной из самых динамических и перспективных музыкальных форм – сонатной».

Уже в ранний период творчества «определенно проявились такие профессиональные качества молодого композитора, как умение “строить” циклические формы, отбирать и органично развивать оригинальный тематический материал, добиваться большого фактурного разнообразия, создавать сильные очаги напря-

¹ Сонату № 1 К. Волкова, состоящую из четырех небольших частей, можно рассматривать как одночастный цикл (все части исполняются без перерыва).

² Исключение составляют Соната-рапсодия «Верховинская» В. Довганя, Соната на калмыцкие темы М. Грачева.

жения в кульминационных разделах. Характерным становится *синтез* (выделено авт. статьи) мелодического материала, связанного с русскими народными истоками, и современных острых гармоний, политональных сочетаний, нетрадиционных тональных планов, ритмического оstinato и ритмических сбивок, обогащение классических структур и гармонических формул элементами импровизации и *колорирования* (выделено авт. статьи), характерными для джаза» [6, с. 60–61].

В. Веккер избрал трехчастный цикл (1. *Allegro giocoso*. 2. *Largo*. 3. *Presto*). Первая часть открывается кратким двухтактовым медленным вступлением, намечающим общий тон-центр (in G), трактуемый композитором довольно широко. В нем заложен главный импульс, определяющий образно-эмоциональную сферу, и намечены конкретные художественно-выразительные и инструментально-технические средства (пример 1). Динамичную экспрессивную тему главной партии отличает краткость основной попевок, ритмическая изобретательность (неквадратные акценты, метрическое разнообразие: $\frac{2}{4}$; $\frac{3}{4}$; $\frac{4}{4}$), органичное сочетание музыкально-выразительных и инструментально-технических средств (острое *staccato*, а иногда указанное автором *staccatissimo*, восходящее к фортепианному стилю С. Прокофьева, именуемому словом «токатность», фразовые «ячейки» ритмически раздробленных долей (, завершающиеся в конце такта смысловым акцентом, близким народно-танцевальным темам с их характерным «припаданием» на последнюю долю). Авторская ремарка (*Allegro, giocoso* – ‘соро, радостно’) помогает исполнителю определить общий тонус образно-эмоциональной сферы музыки первой части.

В партии левой руки композитор прибегает к известному в академической музыке приему – органному пункту, который трактуется автором довольно оригинально. Именно в этом нам видится не прямая, а опосредованная связь мелодики и, более широко, ладово-гармонические связи Сонаты № 1 с народным творчеством. Данный прием В. Веккер использо-

вал позднее в сочинениях других жанров (2-я часть Концерта для балалайки с народным оркестром, где угадывается тема русской народной песни «Во саду ли, в огороде», но представленная в ином ладотональном, темброво-фактурном «наряде»).

Один из критиков писал (о Концерте для балалайки с оркестром): «Именно этот четырехтакт становится интонационно-тематическим зерном, развивающимся по принципу инструментального контраста на протяжении всей первой части...». Интонационный мотив, «определяющий не только жанровую принадлежность музыки первой части, но и служащий интонационно-тематическим стержнем музыкально-драматургической концепции сочинения» [4, с. 97]. И если в Концерте для балалайки В. Веккера можно выявить образно-ассоциативные связи с музыкой Н. Римского-Корсакова (фрагмент «Три чуда» из оперы «Сказка о царе Салтане»), то в основной теме первой части Сонаты № 1 они протягиваются к творчеству П. Чайковского (тема главной партии финала Скрипичного концерта) (пример 2).

В этой связи вспоминаются слова П. Чайковского: «Что касается вообще русского элемента в моей музыке и гармонии... то это происходит вследствие того, что я... с детства самого раннего проникся неизъяснимой простотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова» [5, с. 24].

Аналогичное решение, как и в Сонате № 1, В. Веккер принимает в музыкально-драматургических концепциях Концерта для баяна с симфоническим оркестром (1976) и «Фантазии» для баяна с оркестром русских народных инструментов (1988), где он использует те же «наработанные» методы и средства композиции, ставшие для него типичными.

Отметим еще одну формообразующую особенность музыкальной ткани темы главной партии первой части Сонаты № 1 – ладово обусловленную тоникальность, но не тональность. Это полиаккордовый гармонический комплекс по вертикали с тон-центром in G

(кстати, один из любимых приемов С. Прокофьева – «Скифская сюита» и И. Стравинского – «Весна священная»).

Но если для темы главной партии свойственен фигурированный бас (as – g), то в теме побочной партии – иное фактурное решение: неизменная лейтинтонация (f, c, a) и ее гармонизация различными функциями (1-й такт: B dur – b moll; 2-й такт: C dur – a moll; 3–4-й такты: D dur) (пример 3).

Разработка (как принято в классическом аллегро: экспозиция – разработка – реприза) начинается с новой темы (типичный прием для музыки романтиков, а именно – замена разработки тематизма экспозиции контрастным эпизодом).

На фоне лейтгармонического комплекса, включающего гармонию (уменьшенное трезвучие: a, c, es) и триольную фигурацию, экспонируется ясная, созерцательная тема (*Cantabile*), тонально определенная (тон-центр H) (пример 4). Ее ладовые контуры дают основание предположить, что это натуральный минор (h moll) с использованием вводного тона e# к f#, ее второе проведение в басу (pp) – тон-центре in G. Данную тему характеризует линейность (гармоническая независимость темы от гармонической фигурации, а именно – Ум7 в партии правой руки). Аналогичный композиционный прием применяется и во второй части Сонаты № 1 (основная тема).

Репризе предшествует развернутый процессуально развитый эпизод, основанный на интонациях темы побочной партии, но вначале экспонированный в *stretto* (пример 5, с. 6¹, *Elégante* – ‘изящно’), затем усложняющийся фактурно за счет введения темы эпизода в партию правой руки (типичный композиционный прием: экспонирование интонаций разных тем, развивающихся линейно в разных тональностях – тон-центр in A и фигурации in A, c, h, c, Ум7, D и т. д., с. 7). В разработке явные черты фактурной модификации (*Rubido* – ‘резко’, с. 8) и «игра» акцентов, не лишенная оригинальной

ритмической изобретательности. Фактурно насыщается музыкальная ткань – почти кластерные звуковые «пучки» (с. 9) подводят к репризе, возвращающей к теме главной партии, которая, в отличие от экспозиции, где она неизменна, органично «готовит» динамизированную генеральную кульминацию, основанную на совершенно нетипичных для баянной музыки полиаккордовых комплексах, функционально не связанных с классической мажор-минорной системой (интонации темы разработки) (пример 6). В этом и состоит новаторство В. Веккера как в «лепке» формы, так и в использовании новых средств ладогармонического языка. Вместе с тем появление темы побочной партии (тон-центр in G) воспринимается как устойчивая ладотональная связь между экспозицией и репризой.

Завершается первая часть сигнально-победной, но отнюдь не гимнообразной (как считают некоторые критики) интонацией темы побочной партии (G dur)².

Вторая часть (*Andante*) написана в трехчастной форме. Мягкая, лирическая, спокойная тема первого раздела, изложенная на фоне тон-центра Es (нонаккорд от Es), определяет содержание музыки, контрастной крайним частям. Это свободное повествование, раздумье, размышление, не претендующее на глубокий обобщенно философский смысл (пример 7, с. 15). Здесь, скорее, интимная лирика, которая в процессе своего развития динамизируется и на едином сквозном дыхании подводит к кульминации (т. 36–40), фактурно трансформируясь (раздел *Sostenuto*)³.

В среднем разделе – фугетте (пример 8) соблюдены все каноны экспозиции четырехголосной фуги. Вместе с тем, интенсифицируясь, основная тема логично подводит к кульминации всей части (т. 233–247), а затем возвращает в общую идиллическую образно-эмоциональную сферу.

² Пользуясь терминологией А. Веприка, звуковая интенсификация «фактурно-тембрового эквивалента» – оркестровый прием [См.: 5].

³ Такой композиционный прием довольно часто встречается в русской музыке, в частности, в первых частях 4-й, 6-й симфоний П. Чайковского, где тема главной партии интенсивно развивается в экспозиции, подводя к теме побочной партии.

¹ Нумерация страниц Сонаты дана по авторской рукописи В. Веккера без всяких исправлений и поправок со стороны авторов статьи и редакторов журнала.

Финал открывается несколько неожиданно. Появление и последующая «игра» акцентов в легких «задиристых» октавных фигурациях с «расщепленной» тоникой сначала на вторую, а затем – на первую доли подготавливает оригинальный тематический рисунок, свойственный народно-танцевальным жанрам, которому композитор поручает особую, формообразующую роль. Аналогичный драматургический прием «введения» в образно-эмоциональную сферу финала известен в баянной музыке – третья часть Второго концерта для баяна с малым симфоническим оркестром Н. Чайкина. И если его финал начинается с «демонстрации» ударных инструментов (треугольник, деревянная коробочка, малый барабан, тамбурин, литавры, колокол), воссоздающих картину приближающегося шествия праздничного народного карнавала, то в Сонате В. Веккера мы слышим «тембровую имитацию» народных звенящих и гремящих инструментов в звуках верхнего регистра правой клавиатуры (вторая и третья октавы), экспонированных острыми (*staccato*) созвучиями (своего рода кластерными гармоническими «пучками»: расщепленная тоника – тон-центр Е) (пример 9). В то же время никакой прямой образно-ассоциативной связи между творчеством Н. Чайкина и В. Веккера или преемственности нет.

Основная тема финала, основанная на авторской ритмоформуле (пример 10, *Presto*, с. 19), имеет народные истоки (своего рода «притопы» на последнюю долю фразы в девичьих «дубушках», напоминающие традиционный прием игры на балалайке – «бряцанье»). В дальнейшем своем развитии эта ритмоформула стала главным импульсом к ритмическим вариациям – *импровизации*, одной из главных исполнительских традиций народной музыки и закономерностей формообразования вариационной формы – структуры. Вполне оправданным можно считать появление «сигнальной» ноты ля (пример 11), типичной для инструментально-ансамблевой народной музыки («тембровой контраст» как вторжение жалейки – открытого тембровзвучия «чистого» ля в гармонической попевке гармошечных наигрышей, экспонированных в отдаленной, нехарактерной для

народной музыки тональности – *es moll*). Этот симбиоз позволяет композитору создать картину народного праздника с его шутовскими балаганскими представлениями озорных народных скоморохов-потешников: балалаечников, гармонистов, «гудошников», «ложкарей», виртуозных умельцев – исполнителей на бубне, бубенцах, трещотках, рубеле, рифленых, искусно раскрашенных стиральных досках¹.

Такова в целом музыкально-драматургическая концепция Сонаты № 1 В. Веккера, отражающая отнюдь не современный быт русского народа советского периода (70-е гг. XX столетия), эпохи, когда была создана музыка, а ретроспективный взгляд в детство композитора, 1950–1960-е гг.

Основоположник отечественной баянной литературы профессор Н. Чайкин писал: «Справедливости ради следует указать, что не все из написанных произведений (для баяна. – прим. авт. статьи) *равноценны* и даже не все *полноценны* (выделено авт. статьи). Объяснить это можно тем, что, с одной стороны, некоторая часть написанных и изданных сочинений по-прежнему принадлежат перу баянистов, не имеющих специальной композиторской подготовки; с другой же стороны, многие произведения, созданные профессионалами, грешат либо тем, что они, из-за недостаточного знания их авторами всей специфики выразительных средств инструмента, не ставят по-настоящему развернутых исполнительских задач и ограничиваются лишь “общим планом”, либо тем, что эти произведения, при наличии заключенных в них глубоких замыслов, находятся за пределами “фактурного благополучия” и

¹ Данный прием использовали как русские композиторы академической школы (М. Глинка, П. Чайковский), так и авторы симфонических и народно-инструментальных сочинений последующих поколений: С. Василенко (финал Концерта для балалайки с симфоническим оркестром, 1931), С. Слонимский, введший в свои опусы народный инструментарий, и, разумеется, В. Биберган со своими знаменитыми «Русскими потешками», музыку которых высоко оценивал Д. Шостакович (См.: Гуревич В. Композитор Вадим Биберган – творческий портрет. СПб.: Композитор, 2011). Аналогичное решение «темброво-фактурного эквивалента» и общей музыкально-драматургической концепции позднее предпринял В. Веккер (финал Концерта для балалайки с оркестром русских народных инструментов).

без героических усилий со стороны исполнителей не *достигают поставленной цели* (выделено авт. статьи)» [13, с. 10].

Это высказывание мастера баянной музыки не относится к Сонате № 1 В. Веккера – автора трех сонат (1977, 1979, 1987), сюиты «Русские мотивы» (1982), Хорала и фуги (1983), Скерцо (1983), Трех прелюдий (1988), Концерта для баяна с симфоническим оркестром (1976, 2-я редакция: для баяна – аккордеона – с камерным оркестром и расширенной группой ударных), Фантазии для баяна с оркестром русских народных инструментов (1988). Многие из названных сочинений опубликованы в нашей стране и за рубежом. Среди исполнителей этих произведений – именитые профессиональные музыканты, лауреаты международных конкурсов: народный артист России В. Романько, знаменитое Уральское трио баянистов, народные артисты России Н. Худяков, И. Шепельский, А. Хижняк, заслуженные артисты России З. Алешина и В. Герасимов, К. Ищенко, Н. Малыгин, Б. Потеряев, В. Грехов, солисты филармоний, студенты и аспиранты консерваторий, вузов культуры и искусств, некоторые сочинения записаны на грампластинки и компакт-диски¹.

Думаем, что в 20-е гг. XXI столетия наступит ренессанс музыки В. Веккера и мы вновь услышим новые интерпретации его сочинений в исполнении молодых исполнителей, ибо, как говорили древние, «не бывает музыки *старой*, есть музыка плохая и хорошая». И если музыка нашего земляка, челябинского автора звучит на сцене и в стенах консерваторий, следовательно, она достойна, востребована и исполнителями, и слушателями. «Успех премьеры (как и любого исполнения. – прим. авт. статьи) во многом зависит от того, *кто* представляет

новое произведение на суд слушателей, и от того, *как* оно прозвучит, незнакомое публике, пока “*живущее*” лишь в сознании автора, сочинение либо останется очередной работой, либо уйдет в будущее” – таково мнение В. Веккера, с которым трудно не согласиться [4, с. 102].

В этой связи вспоминается один исторический факт в биографии П. Чайковского. Как известно, композитор в процессе создания Первого концерта для фортепиано с симфоническим оркестром неоднократно встречался с Николаем Григорьевичем Рубинштейном и обсуждал вопросы не только концептуального характера (форма, структура, содержание, тематизм и средства его развития), но и фактуры сольной партии. Когда П. Чайковский показал фрагменты новой музыки Н. Рубинштейну (каденция первой части), возник спор о «расходящихся» (у автора) и «параллельных» октавах (у Н. Рубинштейна), закончившийся тем, что П. Чайковский посвятил свой шедевр фортепианной музыки Гансу фон Бюлову, замечательному музыканту и первому исполнителю Концерта № 1 композитора, хотя изначально исполнение этой музыки предназначалось Н. Рубинштейну. О данном факте убедительно свидетельствуют кадры из кинофильма «Чайковский».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что В. Веккер – первый на Урале профессиональный композитор, обратившийся к созданию музыки для баяна вообще и к жанру сонаты в частности (1974). Его первым сочинением крупной формы стал трехчастный цикл (1. Allegro giocoso. 2. Largo. 3. Presto), уже имевший свои традиции и развивавшийся в баянной музыке. Сохраняя классико-романтические особенности структуры (сонатное аллегро с традиционным соотношением главной и побочной партий, разработкой и репризой в первой части; сложная трехчастная форма во второй части; сонатное аллегро без разработки в финале) и ладогармонического языка, композитор значительно усложняет гармо-

¹ Высокую оценку Сонате № 1 В. Веккера дал один из бесспорных лидеров мирового баянно-аккордеонного искусства народный артист России, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных, вице-президент Международной конфедерации аккордеонистов В. Семенов после исполнения названного сочинения В. Веккера на Всесоюзном отборочном прослушивании (Ростов-на-Дону, 1977) к Международному конкурсу «Дни гармонии» (Клинтенталь, ГДР) (из воспоминаний В. Быčkova).

ническую вертикаль за счет расщепления устойчивых тонов мажоро-минорной системы, использует атональность и полиаккордовые комплексы, вместе с тем смело и мастерски вводит в авторский контекст на-

родные интонации, ритмы, сохраняет сочность, терпкость языка народного творчества, органично сочетая их с безудержным весельем уральской (танцевальной) народно-инструментальной музыки.

Примечание. В процессе подготовки статьи В. Бычков, первый исполнитель Сонаты № 1, поделился с нами личными впечатлениями о музыке В. Веккера: «Мне в жизни повезло, всегда было очень приятно общаться с Владимиром Павловичем в течение многих лет, строго говоря, со студенчества и всю сознательную жизнь, а играть его музыку – подлинное духовное наслаждение и большое счастье. В ней заложена мощная энергетика, которая “магнетизировала” и заставляла исполнителя достойно донести ее до слушателя. То, что она очень ярка по содержанию, совершенна по форме, эмоциональному тону и способности “держать” зрителя-слушателя в постоянном напряжении, несмотря на довольно сложный музыкальный язык, – это может сказать любой музыковед. Но то, что он внес весомый вклад в оригинальную музыку для баяна, – бесспорно»¹.

1. Алексеев, А. Музыкант-исполнитель и его время / А. Алексеев // Современные проблемы советского музыкально-исполнительского искусства. – Москва: Совет. композитор, 1985. – С. 15–17.
2. Баян: история, теория, практика, методика, творчество, психология исполнительства, педагогика, образование: сб. ст. и материалов / сост. И. В. Мациевский, В. В. Бычков; Рос. ин-т истории искусств; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Санкт-Петербург; Челябинск, 2009.
3. Бычков, В. В. История отечественной баянной и зарубежной аккордеонной музыки / В. В. Бычков. – Москва: Композитор, 2012. – 160 с.
4. Бычков, В. В. Шаукат Амиров / В. В. Бычков. – Москва: Композитор, 2014. – 272 с.
5. Веприк, А. Очерки по вопросам оркестровых стилей / А. Веприк. – 2-е изд., испр. – Москва: Совет. композитор, 1978. – 437 с.
6. Губницкая, С. Музыка челябинских композиторов для русских народных инструментов / С. Губницкая, Т. Синецкая // Оркестровое исполнительство Урала и Сибири / Челяб. гос. ин-т искусства и культуры. – Челябинск, 1991. – Вып. 1. – С. 54–71.
7. Долинская, Е. Фортепианный концерт в русской музыке XX столетия: Исследовательские очерки / Е. Долинская. – Москва: Композитор, 2005. – 560 с.
8. Начиная с мощного аккорда // Комсомолец (Челябинск). – 1976. – 10 янв.
9. Мюнш, Ш. Я – дирижер / Ш. Мюнш. – Москва: Музгиз, 1960. – 96 с.
10. Раабен, Л. Советский инструментальный концерт 1968–1975 / Л. Раабен. – Ленинград: Музыка, 1976. – 80 с.
11. Синецкая, Т. Четыре дня большой музыки / Т. Синецкая, С. Губницкая // Челябинский рабочий. – 1976. – 13 янв.
12. Синецкая, Т. М. Композиторы Южного Урала / Т. М. Синецкая. – Челябинск: Дом печати, 2003. – 349 с.
13. Чайкин, Н. Я. От редактора / Н. Я. Чайкин // Справочник баяниста / А. Басурманов; под общ. ред. проф. Н. Я. Чайкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Совет. композитор, 1986. – С. 3–13.

Получено 25.10.2015

¹ От редакции: В. Бычков – первый исполнитель сочинений В. Веккера: Концертной пьесы для баяна с оркестром русских народных инструментов (1967, оркестр Челябинского музыкального училища им. П. И. Чайковского под управлением В. Бычкова), Концерта для баяна с симфоническим оркестром (1977, Концертный зал Челябинской областной филармонии, симфонический оркестр Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки под управлением В. Васильева).

Нотные примеры

Пример 1. В. Веккер. Соната № 1 (1974)

Пример 2. П. Чайковский. Концерт для скрипки с симфоническим оркестром. 3 ч.

Пример 3. Тема побочной партии

Пример 4. Эпизод

Cantabile (небуре)
mp
p *mp* *pp*
staccatissimo
secco

Пример 5. Разработка

ritard. (расширение) *rit.* *a tempo* *Elegante (изяжно)*
f *mp*

Пример 6. Кульминация

mf *f* *p* *piu ff*
ferese

Пример 7

Largo (очень медленно) II часть

Пример 8. Средний раздел

staccato *mf* *dimin.* *rit.*

a tempo *pp* *sempre legato* *cresc.*

х) Можно на выборном 17- (аккорды сам 7^а в левой руке снять)

Пример 9

Presto *staccato* *scherzando* (шрибо) III часть

Пример 10. Тема главной партии

Presto (очень быстро)

Пример 11. Эпизод

V. Bychkov

Doctor of Art Criticism, Professor,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: vladimirbychkoff@mail.ru

V. Putilov

Senior Lecturer
Ural State University of Physical Culture
E-mail: putilov_vd@mail.ru

**URAL COMPOSERS BUTTON ACCORDION MUSIC
(SONATA NO. 1 BY V. VEKKER)**

Abstract. The author studies the development tendencies of the sonata genre for button accordion (middle 60s – end 70s 20 century) emphasizes the peculiarities of the form-scheme of a sonata (one-, two-, three- and four-parts cycles), analyzes the tonal-harmonic language of Sonata No. 1 by V. Vekker and reveals its image-associative ties with Russian music (N. A. Rimsky-Korsakov, P. I. Tchaikovsky, S. S. Prokofiev, S. N. Vasilenko etc.). Special attention is paid by the author to:

- the original technique of composition and tonal thinking, succession of I. F. Stravinsky creative activity (atonality, polychords, tonality);
- sound intensification of “sound-timbre equivalent” – orchestral technique introduced by V. Vekker into the button accordion music;

– successive tonal-harmonic ties with folklore and timbre “imitation” with folk-instrumental creative activity in a new instrumental context.

The article also determines innovatory features of the button accordion music by V. Vekker.

Keywords: sonata, symphony music technique, chamber music technique, button accordion music, image-associative ties

For citing: Bychkov V., Putilov V. 2016. Ural composers button accordion music (Sonata No. 1 by V. Vekker). *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 161–172.*

References

1. Alekseev A. 1985. The musician-artist and his time. *Sovremennye problemy sovetskogo muzykal'no-ispolnitel'skogo iskusstva* [Modern problems of the Soviet musical and performing arts]. Moscow: Sovetskiy kompozitor. P. 15–17. (In Russ.).
2. Bayan: istoriya, teoriya, praktika, metodika, tvorchestvo, psikhologiya ispolnitel'stva, pedagogika, obrazovanie [Bayan: history, theory, practice, technique, creativity, psychology of performance, pedagogy, education]. 2009. Matsievskii I., Buchkov V., comp. Saint Petersburg; Chelyabinsk: Russian Institute of Art History; Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. (In Russ.).
3. Bychkov V. 2012. *Istoriya otechestvennoy bayannoy i zarubezhnoy akkordeonnoy muzyki* [History of domestic bayan and foreign accordion music]. Moscow: Kompozitor. 160 p. (In Russ.).
4. Bychkov V. 2014. Shaukat Amirov. Moscow: Kompozitor. 272 p. (In Russ.).
5. Veprik A. 1978. *Ocherki po voprosam orkestrovyykh stiley* [Essays on orchestral styles]. 2nd edition, revised. Moscow: Sovetskiy kompozitor. 437 p. (In Russ.).
6. Gubnitskaia S., Sinetskaia T. 1991. Chelyabinsk music composers for Russian folk instruments. *Orkestrovoe ispolnitel'stvo Urala i Sibiri* [Orchestra playing in the Urals and Siberia]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. Issue 1: 54–71. (In Russ.).
7. Dolinskaia E. 2005. *Fortepianny kontsert v russkoy muzyke XX stoletiya: Issledovatel'skie ocherki* [Piano concert in Russian music of the 20 century: Research essays]. Moscow: Kompozitor. 560 p. (In Russ.).
8. Starting with a powerful chord. 1976 Jan 10. *Komsomolets* (Chelyabinsk). (In Russ.).
9. Munsh Sh. 1960. I am conductor. Moscow: Muzgiz. 96 p. (In Russ.).
10. Raaben L. 1976. *Sovetskiy instrumental'nyy kontsert 1968–1975* [Soviet instrumental concert 1968–1975]. Leningrad: Muzyka. 80 p. (In Russ.).
11. Sinetskaia T., Gubnitskaia S. 1976 Jan 13. Four days of great music. *Chelyabinskiy rabochiy* [Chelyabinsk worker]. (In Russ.).
12. Sinetskaia T. 2003. *Kompozitory Yuzhnogo Urala* [Composers of the Southern Urals]. Chelyabinsk: Publishing house. 349 p. (In Russ.).
13. Chaikin N. From the editor. 1986. *Spravochnik bayanista* [Guide accordionist]. 2nd edition., revised. Moscow: Sovetskii kompozitor. P. 3–13. (In Russ.).

Received 25.10.2015

**«В РОССИИ СЛЕДУЕТ ПОДУМАТЬ ГОСУДАРСТВУ ОБ ИСКУССТВЕ»:
МИНИСТЕРСТВО ИСКУССТВ В ДИСКУССИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ
(1917 г.). Ч. 1**

Первая часть исследования посвящена министерству искусств, замысел по созданию которого активно обсуждался в ходе революций 1917 г. Развиваются представления Пьера Бурдьё о символическом насилии государства, этот феномен рассматривается как элемент практик, связанных с реализацией такого символического насилия. Анализируется контекст зарождения идеи формирования подобного министерства, и начало ее активного осмысления просвещенным русским обществом связывается с возрождением проекта А. Н. Бенуа, относящегося еще к 1905 г. А. Н. Бенуа и М. Горький способствовали тому, что данная тема вновь стала обсуждаться в 1917 г. В отличие от 1905 г., круг лиц, оказавшихся вовлеченными в дискуссии, был гораздо шире. В центре исследования – собрание деятелей искусств и наук, состоявшееся 7 марта 1917 г. в Институте истории искусств. Изучаются архивные материалы, посвященные событию, и устанавливается состав участников, отмечаются их гендерные и профессиональные характеристики. Анализируется доклад Владимира Курбатова, в котором представлена официальная точка зрения Института на проблему создания министерства. Определяются основные проблемы для рассмотрения учреждением в будущем, его связь с музейной деятельностью и актуальной культурной жизнью.

Ключевые слова: министерство искусств, революция, музей, А. Н. Бенуа, В. Я. Курбатов, Институт истории искусств

Для цитирования: Ананьев, В. Г. «В России следует подумать государству об искусстве»: министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч. 1 / В. Г. Ананьев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 173–181.

Государственная власть помимо сугубо функционального имеет еще и значительное символическое измерение. Система государственных учреждений, ее формирование и трансформации в различные моменты истории представляют собой своеобразную ментальную карту механизмов управления. Развивая восходящую к идеям М. Вебера теорию П. Бурдьё о том, что государство есть институция, успешно претендующая на легитимность использования не только физического, но и символического насилия над определенными территорией и населением [3, с. 225–226], можно утверждать, что именно структура государственного аппарата является механизмом реализации такого символического насилия. Имея в виду эти общие наблюдения, полезным кажется обратиться к истории формирования в России системы государственных органов охраны памятников культуры.

На основании материалов периодической печати и архивных источников мы попытаемся реконструировать дискуссии, развернувшиеся в России в ходе революции 1917 г. вокруг проекта создания министерства искусств. В его обсуждении приняли участие широкие круги русского просвещенного общества. Дискуссии, помимо характеристики еще одного этапа в развитии споров о взаимоотношении государства и культуры в России, позволяют проследить, как в тот период понималось само проблемное поле культуры, происходило оформление концепции государственной охраны памятников и как осмыслялось взаимоотношение концептов старой и современной культуры.

Впервые идея создания специального ведомства, объединяющего художественные учреждения страны, была высказана в конце 1905 – начале 1906 г. А. Н. Бенуа, опублико-

вавшим в четырех номерах газеты «Слово» фельетон под названием «Художественные реформы», основное содержание которого и составляет проект будущего министерства искусств. Он демонстрирует, как, с одной стороны, в условиях революционных событий возникает идея реформы Министерства двора и как, с другой – благодаря отбору материала планируемое министерство искусств в первую очередь ассоциируется с министерством художественного наследия (концепт, очевидно предшествующий концепту культурного наследия), а само художественное наследие в свою очередь рассматривается в качестве условия развития современной художественной культуры.

Проект А. Н. Бенуа не получил реализации. Его установки не соответствовали курсу культурной политики позднимперского периода. Однако с новым витком революционных событий идея создания министерства искусств вновь приобрела былую актуальность. На этот раз политические коннотации были очевидны. Все тот же А. Н. Бенуа в дневнике, тексте совершенно иной прагматики и риторики, нежели фельетон, эксплицитно увязывает изменение государственного строя с проблемой охраны памятников. В записи, сделанной в четверг, 2 марта 1917 г., он отмечает: «...мы узнали о задержании Государя где-то у Бологого. Тотчас же во мне проснулась острая тревога за Царскосельский дворец. Вообще, особенно страшно за все памятники, которые так или иначе “причастны царизму”» [1, с. 114]. Безусловно, это волнение разделялось многими представителями интеллигенции. Уже вечером 3 марта было принято решение о созыве на квартире М. Горького «Учредительного собрания по вопросам искусства». Помимо самого М. Горького у истоков данного начинания стояли, вероятно, художник К. С. Петров-Водкин и издатель З. И. Гржебин. Кроме опасений за судьбу культурного наследия, в такой активности играли роль и кружковые интересы. А. Н. Бенуа заносит в дневник слова К. А. Сомова о том, что в связи с упразднением Министерства двора «необходимо нам предупредить другие пар-

тии и захватить власть!» [Там же, с. 125]. Однако установить точную принадлежность этих самых «нас» представляется весьма затруднительным. Часть исследователей склонна определять их как «ядро группы “Мир искусства” во главе с А. Н. Бенуа» [5, с. 149]. Но сами дневниковые записи художника вынуждают внести в данное утверждение поправки. Говоря о собрании 4 марта, он заносит в дневник: «Пришли все званные, но пришли и незванные, пришли и такие, которых никто не знал в лицо... Всего набралось свыше сорока человек» [1, с. 126]. Среди участников А. Н. Бенуа называет М. Горького, М. Ф. Андрееву, Н. К. Рериха, С. К. Маковского, А. И. Гидони, А. П. Эйнера, В. В. Маяковского, И. А. Фомина, О. Э. Бразз, М. В. Добужинского, К. С. Петрова-Водкина, З. И. Гржебина, Ф. И. Шаляпина, А. И. Таманова, Г. К. Лукомского, И. Я. Билибина, В. И. Нарбута, А. Е. Яковлева, О. К. Аллегри, Н. Е. Лансере. С учетом того, что собрание готовилось в крайней спешке (оно состоялось вечером 4 марта, а приглашения на него получались утром того же дня), не приходится удивляться определенной пестроте состава участников. Мирискусники были здесь лишь одной, пусть и достаточно активной группой. А. Н. Бенуа, готовясь к собранию, «набросал род общего положения к тому ведомству, что объединит все государственно-художественные дела». В дневнике он прямо пишет – в этом ему пригодился проект, опубликованный в «Слове» в 1905–1906 гг. [1, с. 126]. Составлен список лиц, которых можно привлечь в новое министерство, и тех, чье участие в нем признавалось недопустимым. Собрание решило отправить депутацию к правительству и установить с ним контакты по вопросам, связанным с охраной памятников. Сообщения о собрании были опубликованы в прессе [2; 9; 10], а в ходе самого заседания выяснилось, что «с проектом министерства искусства уже возятся всюду: и в Академии художеств, и в разных музейных советах, и в частных кружках» [1, с. 129].

Одним из таких частных кружков был Институт истории искусств, основанный в 1912 г. графом В. П. Зубовым. Собрание, состояв-

шееся 7 марта в помещении данного учреждения, размещавшегося в его особняке на Исаакиевской площади, упоминалось в отечественной историографии лишь кратко [7, с. 87]. Так, например, Ю. Н. Жуков писал о том, что в первые дни революции инициативу горьковской комиссии «поддержал ряд видных представителей петроградской творческой интеллигенции, встретившихся на деловом совещании в Институте истории искусств, делегатов художественных, научных обществ и организаций, театров, консерватории» [6, с. 42]. А М. Ю. Евсеев характеризовал собрание как «частное совещание по вопросу о ведомстве изящных искусств» и выделял две его цели: «поддержать группу Бенуа в ее начинаниях» и «возможность перехватить инициативу в вопросе о министерстве» [5, с. 150, прим. 9]. Последние утверждения вызывают определенные сомнения. Во-первых, как отмечалось выше, горьковскую комиссию едва ли можно называть «группой Бенуа» в полном смысле этих слов. Она формировалась стихийно, и состав ее во многом был случайным. Во-вторых, в самом выделении двух именно таких целей собрания в институте есть противоречие: или поддержать группу А. Н. Бенуа, или же перехватить у нее инициативу. Сделать и то, и другое одновременно можно было бы только при условии, что Зубов считал себя частью группы А. Н. Бенуа, а инициатива находилась в руках неких третьих лиц. Это, однако, не так. Установление истинной картины событий требует обращения к источникам¹.

Сразу же следует оговориться, что формальным инициатором созыва совещания был не В. П. Зубов, а совет Института истории искусств. По уставу, утвержденному в августе 1916 г., в его состав вошли все профессора и почетные члены под председательством директора. Многочисленные черновики списка приглашенных, сохранившиеся в архивном фонде Института, показывают, что отбор участников

в данном случае стал более тщательным и менее стихийным, чем в случае с участниками совещания у М. Горького [11, л. 4–9]. Всего к участию в заседании было приглашено 116 человек. Подавляющее большинство составляли мужчины (104), но было и несколько женщин (12). Такое значительное количество лиц требовало определенного времени, следовательно, можно предположить, что сама идея о созыве собрания появилась не как реакция на совещание у Горького, а значит, и изначальной целью его едва ли можно считать стремление «поддержать группу Бенуа в ее начинаниях». Нельзя согласиться и с тем, что совещание состояло из «делегатов художественных, научных обществ и организаций, театров, консерватории». В списках приглашенных упоминаются конкретные лица, никаких сведений о том, что организации делегировали их к участию в совещании, нет. Имплицитно такая связь, безусловно, присутствовала (в самом протоколе они определены как «представители ученых и художественных обществ, учреждений, Мариинской оперы, балета, Александринского театра и консерватории» [11, л. 27]), но важно подчеркнуть, что вопрос о том, кто именно будет представлять ту или иную организацию, решался самими организаторами собрания на основании не механической выборности от коллектива, а скорее с учетом социального капитала (научного, культурного авторитета и т. д.). В таком контексте данное собрание может рассматриваться как некоторая гибридная форма перехода от выборности по авторитету к выборности по решению большинства.

Реальное число участников оказалось несколько меньшим, чем ожидали организаторы. Из 116 приглашенных прибыл 71 человек (66 мужчин и 5 женщин) [11, л. 1–3, 34]. Если попытаться разделить участников собрания по профессиональной принадлежности, картина получится примерно следующей.

Большинство среди приглашенных и прибывших составляли те, кого можно было бы назвать художественными деятелями: музейные работники, искусствоведы, «писатели по искусству». Приглашено было 39 человек,

¹ Часть материалов совещания была опубликована М. П. Ирошниковым и В. П. Ярошецкой [См.: 4]. Обращение к архивным материалам в рамках нашего исследования объясняется тем, что именно неопубликованные черновики позволяют уточнить существенные детали собрания.

пришло – 26¹. На втором месте стояли академические ученые: из 21 – 17². Третье занимали деятели драматического театра: из 15 – 11³. На четвертом находились представители музыкального мира: из 19 – 10⁴. На пятом – художники и архитекторы: из 14 – 9⁵. На последнем месте находились государственные деятели: из 6 – 1⁶.

А. Н. Бенуа оставил в дневнике краткую запись о состоявшемся совещании: «Зашел с Петровым-Водкиным к Аргутону⁷ и оттуда, уже втроем, – в Зубовский институт (истории искусств), где состоялось собрание разных светил все по тому же вопросу: о создании Министерства искусства. К счастью, мы явились, когда уже кончился доклад милейшего пискуна Курбатова и шли возникшие по поводу этого прения. Говорили старцы и полустарцы, говорил сам Никодим Павлович (дальнее других); вещал актер Ге, что-то промямлил тридцатилетний “старичок” Чудовский, очень красиво

говорил Фадей Францевич Зелинский. Всех этих схоластов особенно интересовал вопрос – будет ли это министерство или ведомство, будет ли оно при Министерстве Народного Просвещения или чем-то самостоятельным. Резко, громко, бодро и остроумно им отвечал М. И. Ростовцев. Он стоит на точке зрения, довольно схожей с моей. Он признает факт потребности государством (государственным организмом) художества. До окончания прений мы, не промолвив ни слова, удалились» [1, с. 148–149]. Судя по тому, что в следующем предложении рассказывается, как В. Н. Аргутинский-Долгоруков и А. Н. Бенуа отправились с В. А. Верещагиным домой к последнему, можно предположить, что, не дожидаясь завершения собрания, Институт покинула не только троица А. Н. Бенуа – К. С. Петров-Водкин – В. Н. Аргутинский-Долгоруков, но и некоторые другие участники совещания.

Общий ироничный тон записи и отсутствие особого интереса со стороны А. Н. Бенуа к состоявшемуся собранию едва ли позволяют считать, что он видел во всем происходящем на Исаакиевской площади попытку «поддержать его намерения». Тот факт, что он с товарищами действительно пришел на собрание одним из последних, подтверждает сохранившийся в архивном деле лист с подписями участников мероприятия. Подписи А. Н. Бенуа, В. Н. Аргутинского и К. С. Петрова-Водкина действительно стоят в его самом конце. Судя по всему, после них пришли только художник В. Я. Чемберс и искусствовед В. Ф. Левинсон-Лессинг [11, л. 3].

Открылось собрание в 20.50 кратким обращением директора Института В. П. Зубова. Приветствуя всех присутствующих, он особо выделил «лиц, взявших на себя инициативу в деле охраны памятников искусства и собравшихся для этого у великого русского писателя Максима Горького» [11, л. 27–27об.]. Отметим, что самих этих лиц в зале не наблюдалось: А. Н. Бенуа и К. С. Петров-Водкин пришли позже, а сам М. Горький так на собрании и не появился.

Далее В. П. Зубов подчеркнул, что инициативу созыва данного совещания взял на

¹ Здесь и далее жирным шрифтом выделены те, кто приглашен был, но не явился: кн. В. Н. Аргутинский-Долгоруков, А. Н. Бенуа, О. Ф. Вальдгауер, П. П. Вейнер, В. А. Верещагин, А. Л. Вольнский, А. Ф. Гауш, В. А. Головань, А. Г. Горюфельд, В. Д. Дурдин, И. И. Жарновский, граф В. П. Зубов, А. Н. Кубе, В. Я. Курбатов, В. Ф. Левинсон-Лессинг, Э. Э. Ленц, Э. К. фон Липпарт, Н. Е. Макаренко, А. К. Марков, Н. М. Могилянский, П. И. Нерадовский, П. П. Покрышкин, В. Н. Ракинт, Н. К. Рерих, К. К. Романов, А. А. Ростиславов, Н. П. Сычев, С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников, Б. И. Ханенко, В. Н. Ханенко, В. Е. Чешихин, К. Д. Чичагов, В. А. Чудовский, К. И. Чуковский, Д. А. Шмидт, кн. С. А. Щербатов, С. П. Яремич, М. Горький.

² Д. В. Айналов, Е. М. Браудо, А. А. Брок, В. Т. Георгиевский, Н. А. ван Гильзе ван дер Пальс, С. Г. Елисеев, С. А. Желелев, Ф. Ф. Зелинский, Н. П. Кондаков, С. Н. Кондаков, Н. А. Котляревский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. В. Оссовский, Е. М. Придик, А. Н. Римский-Корсаков, М. И. Ростовцев, Я. И. Смирнов, Б. А. Тураев, Б. В. Фармаковский, Н. Ф. Финдейзен.

³ Л. С. Вивьен, Г. Г. Ге, М. Н. Ермолова, А. Н. Лаврентьев, Е. К. Лешковская, В. Э. Мейерхольд, К. М. Миклашевский, Н. В. Петров, М. А. Потоцкая, Н. В. Ростова, Е. М. Садовская, Н. В. Смолич, Е. И. Тиме, А. И. Южин, Ю. М. Юрьев.

⁴ Л. С. Ауэр, М. Н. Барина, И. И. Витоль, А. К. Глазунов, И. В. Ершов, Е. И. Збруева, В. Г. Каратыгин, Т. П. Карсавина, Н. Н. Кедров, А. К. Коутс, П. Я. Курзнер, С. М. Ляпунов, Н. А. Малько, Л. В. Николаев, И. В. Тартаков, М. М. Фокин, Н. Н. Черепнин, М. Б. Черкасская (Палечек), Ф. И. Шаляпин, М. О. Штейнберг.

⁵ Ф. Г. Беренштам, И. Я. Билибин, О. Э. Браз, В. В. Воинов, А. Я. Головин, М. В. Добужинский, Г. И. Котов, А. П. Остроумова-Лебедева, К. С. Петров-Водкин, В. А. Покровский, А. И. Таманов, В. Я. Чемберс, В. А. Чуко, Н. А. Фомин.

⁶ Граф П. Н. Игнатъев, А. Ф. Кони, Н. Н. Львов, П. Н. Милуков, граф Д. И. Толстой, С. И. Шидловский. Один человек (Н. А. Лавров), приглашенный на собрание, но не явившийся, остался нами не идентифицирован.

⁷ Дружеское прозвище В. Н. Аргутинского-Долгорукова.

себя совет Института, «предложив ему рассмотреть вопрос об организации и размерах деятельности самостоятельного Ведомства Искусств» [11, л. 27–27 об.]. Проигнорировать инициативу горьковской комиссии, широко освещавшуюся в прессе, было, конечно же, невозможно. Умолчание о ней оказалось бы слишком одиозным. Однако дабы несколько нивелировать ее значение, В. П. Зубов попытался противопоставить авторитету «великого русского писателя» авторитет «великого русского адвоката», зачитав перед собравшимися короткую записку А. Ф. Кони, большая часть которой состояла из объяснений причин невозможности его личного участия в работе собрания. Лишь в конце он сообщил о том, что поддерживает идею создания особого министерства для театров и Эрмитажа, и заявлял: «Я с Вами». В протоколе собрания эта, по сути, частная записка, написанная трудночитаемым почерком пожилого академика, получила статус «приветственного письма» [11, л. 24–25, 27 об.].

Председателем собрания единогласно был избран неприменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, активно включившийся после Февральской революции в общественную жизнь страны и принимавший участие во многих начинаниях различных творческих и научных обществ и союзов. Секретарями стали молодые востоковед, преподаватель Петроградского университета С. Г. Елисеев и художественный критик, сотрудник Эрмитажа И. И. Жарновский [11, л. 27 об.]. С докладом от имени совета Института выступил один из основоположников научного петербурговедения В. Я. Курбатов. Этот доклад, вероятно, на самом деле носил программный характер. Вскоре он был отпечатан за счет Института «на правах рукописи» в типографии «Двигатель» тиражом в 500 экземпляров. Во многом этот текст, получивший при печатании название «Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств?», восходил к раннему проекту А. Н. Бенуа 1905–1906 гг., однако характеризовался большей полнотой и детализацией рассматриваемого вопроса.

Сразу же следует оговориться, что В. Я. Курбатов всячески подчеркивает: он озвучивает не свою точку зрения, а мнение совета Института, которое последний «просил его» донести до сведения собравшихся. Более понятным из текста выступления становится и кем именно, по мнению устроителей, были участники совещания. Сам В. Я. Курбатов определяет их как «представителей всех отделов искусства». Иными словами, если собравшиеся и могли рассматриваться организаторами в качестве делегатов, то делегатов от «отделов искусств», а не от конкретных организаций или учреждений.

Основание самостоятельного ведомства искусств признается уже в самом начале речи «безусловной государственной необходимостью». Цель выступления В. Я. Курбатов определяет как стремление выявить *основания* такой необходимости, *задачи* будущей организации и некоторые *приемы* ее работы [8, с. 3]. Главной причиной создания он считает почти полное отсутствие в России художественной культуры. Несколько культурных центров (Петроград, Москва, Киев) практически не связаны с остальной страной. Даже в них отнюдь не все население испытывает влияние накопленного культурного потенциала. Государственная политика по ознакомлению кустарей «с сомнительными западноевропейскими образцами 80-х – 90-х годов» привела к тому, что «непосредственное художественное творчество народа» почти полностью убито; при отсутствии продуманной государственной политики «художники не могут приложить своих талантов и гибнут, как погиб Врубель»; произведения искусства не проникают в повседневную жизнь; народным и государственным праздникам уделяется недостаточное внимание. Создание специального ведомства искусств должно исправить ситуацию [8, с. 4–5].

Для определения того, чем будет заниматься планируемое ведомство, В. Я. Курбатов сначала устанавливает то, чем оно заниматься не будет: оно не «должно регулировать направления искусства, сдерживать новые течения, покровительствовать угодным и затруд-

нять неудобные». Иными словами, сразу же отвергаются подозрения в возможной поддержке кружковых интересов и «художественной диктатуре». Министерство должно создать в «нескольких местах России» «очаги художественной культуры» и способствовать развитию их «ответвлений» в провинции, так чтобы «эти ответвления коснулись незаглохших еще родников народного творчества» [8, с. 6–7]. В данном случае общая задача самим автором, вероятно, увязывается с конкретной проблемой развития кустарной промышленности. Последняя рассматривается В. Я. Курбатовым в контексте широко распространенных в конце XIX в. идей представителей южно-кентонской школы, в соответствии с которыми прогресс в эстетической области ведет к прогрессу в области социальной. Мы можем увидеть определенную прагматику: задав общую задачу будущего ведомства, автор иллюстрирует ее примером, связанным с развитием народного декоративно-прикладного искусства, т. е. с *актуальным* состоянием культуры и искусства. Оно увязывается им, однако, и с музейной проблематикой, так как одним из рычагов для его развития оказывается создание художественных музеев, «воспитывающих вкус и заставляющих стремиться к высшим достижениям». Здесь докладчик следует в русле тех тенденций, что были весьма характерны для музейного мира рубежа XIX – XX вв., в котором за музеями все чаще начинают признаваться образовательные функции и именно музеи декоративно-прикладного (промышленного) искусства выступают флагами этих перемен.

В. Я. Курбатов предлагает пять возможных зон действия будущего ведомства. Первое – это «забота о существующих произведениях искусства и сохранение их в жизни». Автором имеются в виду меры по охране культурного и исторического наследия. Приводя примеры небрежного отношения к памятникам архитектуры, он отмечает, что необходимо центральное учреждение, которое «изучило бы все художественные запасы страны, выяснило бы значительность каждого из них и авторитетно объявило о ней». Иными словами, деклариру-

ется необходимость составления полного перечня всех находящихся на территории России памятников культуры. Помимо сугубо научных целей, подобный список имеет еще и политическое значение. В Западной Европе русские памятники архитектуры и живописи «известны меньше, чем искусство Индии или далекого Китая». Формирование искомого перечня – «общегосударственной переписи памятников русского искусства» – будет способствовать пропаганде русского искусства и «заставит к самой стране относиться значительно иначе, чем было до сих пор». В качестве потенциальных объектов сохранения В. Я. Курбатов следует схеме, набросанной в 1905 г. А. Н. Бенуа: здесь и отдельные постройки (вроде Михайловского дворца или церкви Спаса на Нередице), и целые архитектурно-парковые ансамбли (Павловск, Петергоф, Останкино и т. д.), и даже ландшафты («сказочные виды» Москвы), вопрос сохранения которых казался А. Н. Бенуа особенно трудным [8, с. 8–13]. В целом политическое измерение возможного знакомства Запада с памятниками русской культуры ближе всего к программе культурного «вторжения в Париж», разработанной Бенуа в 1905–1906 гг. и нашедшей воплощение в практике знаменитых «Русских сезонов» [12, с. 49].

Вторая сфера деятельности будущего министерства – это «забота о творимом искусстве, т. е. том, что существует лишь в момент проявления, как искусство сцены и музыка». Уже в самом начале разговора о данном направлении работы В. Я. Курбатов предлагает в сжатой форме то, что можно было бы назвать философией искусства, присущей авторам доклада. Он ведет речь о развитии искусства, «дающего непосредственный отдых и отвлекающего людей от тягот жизни». Эта, казалось бы, эскапистская концепция искусства на проверку оказывается заряженной очевидно политическим содержанием, потому что, критикуя упадок художественной составляющей публичных праздников и общественных торжеств, причину сложившегося положения вещей В. Я. Курбатов видит в подавлении «всякого общественного творчества и регламентации правительст-

вом уличных украшений или декорирования во время торжеств и празднеств». Однако о полной эмансипации перформативных искусств речи не идет, так как, отмечая неразвитость вкусов широкой публики и слабую традицию меценатства, автор доклада настаивает на сохранении государственных театров – и драматических, и музыкальных. Причем всячески подчеркивает идею необходимости активной гастрольной деятельности таковых. Любопытно отметить, что свое важное место в этой части проекта занимает и тот вид искусства, который в скором времени приобретет статус «важнейшего из всех искусств», т. е. кино. Вновь оговаривая невозможность со стороны государства регламентации вкусов, В. Я. Курбатов отмечает мощный просветительский потенциал кинематографа. Он предлагает использовать его «для ознакомления толпы с произведениями искусства». Именно благодаря кинолентам жители провинции могут ознакомиться с «видами художественных русских городов, национальных дворцов и парков» [8, с. 13–16]. Практика создания тиражируемых образов произведений искусства будет теоретически осмыслена В. Беньямином как одно из средств эмансипации искусства, его демократизации и приобретет широкое распространение в первые после революционные годы, причем зачастую в самых неожиданных формах.

Третья сфера – это сохранение произведений искусства, «вышедших из круга жизни», т. е. образование постоянных музеев. Последние ассоциируются в докладе именно с произведениями истории искусства, а не его актуального состояния. Для «новых произведений искусства» музеи являются «своего рода темницами», для старых же они необходимы как инструменты сохранения и популяризации, «как зародыши великого искусства, разбрасываемого в народную среду» [8, с. 16].

Вновь, как и в случае с проектом А. Н. Беньямина, речь здесь идет почти исключительно о художественных музеях, при этом общее изложение проблемы несет на себе черты определенной поверхностности и случайности в отбо-

ре материала. В. Я. Курбатов говорит не об организации музейной сети в целом (вероятно, понимания самой сути данного феномена как упорядоченной системы множества элементов у него, как и у подавляющего большинства его современников, еще нет), а лишь об отдельных ее составляющих: о пополнении эрмитажной коллекции произведениями западноевропейских художников XIX в., памятниками античного и древневосточного искусства; о создании в Петрограде Музея слепков, наподобие Трокадеро или Южно-Кенсингтонского музея и музея национальной скульптуры; о важности создания городскими властями музеев нового национального искусства; о необходимости передачи в центральный музей национального искусства произведений из государственных учреждений; о создании музея, в котором были бы представлены модели образцов деревянного церковного зодчества Русского Севера и т. д. Последнее любопытно как еще один пример «экспортного подхода» к культурному наследию: оговаривая важность охраны образцов деревянного зодчества, В. Я. Курбатов не забывает и о том, что «нужно показать их иностранцам, чтобы они чувствовали оригинальность и свободу народного творчества». Возможно вообще всплеск интереса к русскому деревянному зодчеству, характерный для рубежа XIX – XX вв., пусть и имманентно, но подпитывался этой «оглядкой на Запад».

Лишь в самых общих чертах затрагивая положение музеев в провинции, В. Я. Курбатов оговаривает потребность в открытии 4–5 художественных центров в Европейской России и 2–3 в Сибири. Для ознакомления с произведениями искусства более широких масс необходимо создание передвижных музеев и выставок, представляющих как подлинные произведения, так и копии. В каждом городе и области должны появиться музеи, в которых «будут сосредоточены и образцы местного народного творчества (кустарные производства)». Установлением связи между ними, обменом, а также передачей отдельных, «особо выдающихся предметов» в центральные музеи должно заниматься проектируемое министерство. Состав-

ление единого каталога всех музеев страны, «что и даст в будущем полную сводку данных о художественном творчестве России», станет еще одной его задачей.

В рамках этого же направления В. Я. Курбатов рассматривает и работу по проведению археологических раскопок – она не выделяется

им в самостоятельное направление, но привязывается к проблематике музейной деятельности. Будущее министерство обязано выработать план археологического обследования России и на практике начать его реализацию [8, с. 16–19]. Иными словами, взять на себя функции существующей Археологической комиссии.

1. Бенуа, А. Дневник 1916–1918 годов / А. Бенуа. – Москва: Захаров, 2006. – 766 с.
2. Биржевые ведомости. – 1917. – 6 марта. – Веч. вып. – № 16121.
3. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 288 с.
4. «В сознании высокого долга и прекрасной цели». Материалы совещания деятелей искусств и науки в Петрограде. Март 1917 г. // Исторический архив. – 1994. – № 2. – С. 168–185; № 3. – С. 87–103.
5. Евсеев, М. Ю. Из истории художественной жизни Петрограда в 1917 – начале 1918 г. / М. Ю. Евсеев // Проблемы искусствознания и художественной критики. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1982. – С. 148–182.
6. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. / Ю. Н. Жуков. – Москва: Наука, 1989. – 302 с.
7. Лапшин, В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году / В. П. Лапшин. – Москва: Советский художник, 1983. – 495 с.
8. Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств? Доклад В. Я. Курбатова, прочитанный по поручению Совета Института истории искусств на совещании деятелей искусства 7 марта 1917 года / В. Я. Курбатов. – Петроград: Двигатель, 1917. – 25 с.
9. Петроградская газета. – 1917. – 5 марта. – № 55.
10. Русские ведомости. – 1917. – 7 марта. – № 52.
11. Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7.
12. Эткинд, М. Г. Александр Бенуа как художественный критик / М. Г. Эткинд. – Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2008. – 88 с.

Получено 11.01.2016

V. Ananiev

Candidate of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University
E-mail: v.ananiev@spbu.ru

“IN RUSSIA STATE SHOULD THINK ON ART” (Ministry of arts in discussions during the revolution time, 1917). Pt. 1

Abstract. The article is the first part of a study on the phenomenon of “the Ministry of Art”, the idea of creation of which is actively discussed during the revolutions of 1917. As developing the ideas of Pierre Bourdieu's symbolic violence of the state, the author considers this phenomenon as part of practices associated with such symbolic violence. The author analyzes the context of the formation of the idea of creating such a ministry and connects the beginning of its active conceptualization by enlightened Russian society with the revival of the project of A. Benois, relating back to first Russian revolution of 1905. A. Benois and M. Gorkii contributed to the fact that these ideas were again discussed in 1917. At the same time, in contrast by 1905, the circle of persons caught up in the discussion was much wider. In the center of this article – a meeting of art and science persons, which took place March 7th, 1917 at the Institute for History of Art (Petrograd). The author analyzes archive materials, dedicated to this event, and sets of participants. Author gives gender and professional characteristics of the participants. Author analyzes the report of

V. Kurbatov, which was presented as the official point of view of the Institute on the problem of the creation such ministry. Author sets out the main issues that should be handled of this agency in the future. Author pays a special attention on the connection of this project with the museum's activities and current cultural scene.

Keywords: Ministry of arts, revolution, museum, A. Benois, V. Kurbatov, Institute for history of arts

For citing: Ananiev V. 2016. "In Russia state should think on art" (Ministry of arts in discussions during the revolution time, 1917). Pt. 1. Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 173–181.

References

1. Benois, A. 2006. Dnevnik 1916–1918 godov [The diary of 1916–1918 years]. Moscow: Zakharov. 766 p. (In Russ.).
2. Birzhevye vedomosti [The news of stock exchange]. 1917 March 6. Evening edition. № 16121. (In Russ.).
3. Bourdieu P. 2007. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [The sociology of social space]. Saint Petersburg: Ale-teyya. 288 p. (In Russ.).
4. "In the reflection of honor duty and ideal goal". Materials of meeting of art and science people in Petrograd. March 1917. 1994. Istoricheskiy arkhiv [History archive]. № 2: 168–185; № 3: 87–103. (In Russ.).
5. Evsevev M. 1982. From the history of Petrograd art life in 1917 – early 1918. Problemy iskusstvoznaniya i khudozhestvennoy kritiki [Problems of art and art criticism]. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University. P. 148–182. (In Russ.).
6. Zhukov IU. 1989. Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskikh organov okhrany pamyatnikov istorii kul'tury: 1917–1920 gg. [The formation and activity of soviet organs of preservation of monuments of history and culture: 1917–1920]. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).
7. Lapshin V. 1983. Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu [Art life of Moscow and Petrograd in 1917]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. 495 p. (In Russ.).
8. Neobkhodimo li samostoyatel'noe vedomstvo izyashchnykh iskusstv? Doklad V. IA. Kurbatova, pročitanny po porucheniyu Soveta Instituta istorii iskusstv na soveshchanii deyatel'ey iskusstva 7 marta 1917 goda [Do we need an special agency of fine arts? Paper of V. IA. Kurbatov, delivered after assignment of Council of Institute of Arts History during the meeting of artists, 7 March 1917]. 1917. Petrograd: Dvigatel'. 25 p. (In Russ.).
9. Petrogradskaya gazeta [Newspaper of Petrograd]. 1917 March 5. № 55. (In Russ.).
10. Russkie vedomosti [Russian records]. 1917 March 7. № 52. (In Russ.).
11. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of Literature and Arts of Saint Petersburg]. F. 82. Op. 1. D. 7. (In Russ.).
12. Etkind M. 2008. Aleksandr Benua kak khudozhestvennyy kritik [Alexandre Benois as art reviewer]. Saint Petersburg: Zhurnal "Zvezda". 88 p. (In Russ.).

Received 11.01.2016

МОРФОЛОГИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ВАРИАТИВНЫХ СТРУКТУР (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА ТОМА ТИКВЕРА «ПРИНЦЕССА И ВОИН»)

В современном кинематографе некоторые схемы строения текстов и особенности взаимодействия пользователя с информационными потоками в гиперпространстве стали образцом для организации новых типов повествования. Существует ряд картин, где общая композиционная схема является основой для разнообразных сюжетных интерпретаций. Режиссеров интересуют возможности изображения вариативного развития сюжета, рассказа о событиях, которые происходят, происходили или могут произойти в сосуществующих альтернативных реальностях. Строение электронного гипертекста в кинематографе только имитируется. Это происходит в особом гипертекстовом киноповествовании, при его анализе внимание привлекают активные элементы композиции фильма. Они связывают его части между собой и взаимодействуют друг с другом, имитируя работу гиперссылок. Данные элементы, попадая в нелинейную, открытую композицию, оказываются способны катализировать неожиданные повороты сюжета. Тем самым обеспечивается возможность повествовательной вариативности.

Фильм рождает новые уровни смысла за счет активных элементов композиции, киноповествование обретает вариативность путей своего развития, имитирует выбор хода действия на экране зрителями или персонажами. Композиция вбирает в себя элементы, которые не относятся непосредственно к сюжету. Но за счет особого рода связей и общего контекста они начинают поддерживать идею произведения, работать на смысл.

Ключевые слова: кинематограф, киноповествование, композиция, гипертекст, гипертекстовое киноповествование, фабула, сюжет, сцена

Для цитирования: Гусев, А. О. Морфология повествования вариативных структур (на примере фильма Тома Тиквера «Принцесса и воин») / А. О. Гусев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 182–187.

В начале двадцать первого века ряд причин социального и общекультурного характера стали активно воздействовать на строение сюжетно-композиционных схем кинематографа. В структурах киноповествования начали использоваться принципы, сходные с принципами работы компьютеров. В таких обновленных типах повествования осуществляется синтез различных жанров и видов кинематографа, стилей, элементов других искусств и медиа. Данные вопросы рассматриваются в работах зарубежных и отечественных исследователей Л. Мановича [9], Г. Ландоу [8], К. Э. Разлогова [6], Я. Б. Иоскевича [3], И. В. Евтеевой [1], Н. И. Дворко [2], М. Б. Ямпольского [7] и др.

Создателей фильмов интересуют возможности изображения вариативного развития со-

бытий, которые происходят в сосуществующих альтернативных реальностях. За последние два десятилетия появилось большое количество подобных произведений. Одним из них является фильм Тома Тиквера «Принцесса и воин» (2000). Однако исследований, затрагивающих вопросы объединения частей композиции в таких фильмах между собой, крайне мало.

На экране сюжетная вариативность, как правило, изображается при помощи нелинейной, фрагментарной полевой структуры – гипертекстового киноповествования. «Гипертекст – в отличие от линейного текста – это особая форма организации и представления текстового материала, в которой смысловая структура базируется на таком объединении внутренних структур некоего со-

держания с технической программой, которое – объединение – позволяет, переходя между взаимосвязанными составляющими этого материала, осваивать структуру смысловых связей» [5, с. 442].

В кинематографе создание форм, полностью аналогичных компьютерному гипертексту, невозможно. Гипертекст в чистом виде существует в электронном пространстве, где залогом его функционирования является интерактивность. Безграничный гипертекст в произведении искусства попадает в определенные автором рамки, он подчиняется главной идее, темам, темпоритму фильма, а также его стилистическим особенностям. Соответственно, строение гипертекста в кинематографе может только имитироваться.

Уникальный, авторский способ связи элементов повествования в фильме во многом определяет его идею и эстетическое содержание, помогает зрителю воспринимать смысл. При анализе гипертекстового киноповествования внимание привлекают активные элементы композиции фильма. Они связывают его части между собой и взаимодействуют друг с другом, имитируя работу гиперссылок.

В гипертексте все элементы равнозначны. В каталоге – списке информации сосуществуют описания самых разных понятий, предметов, явлений. Гипертекст постоянно расширяется и открыт для интеграции новых элементов. В гипертекстовом киноповествовании такого рода открытость также может имитироваться. Повествование фильма способно развиваться за счет использования «случайных» факторов. Режиссер сознательно включает заранее отобранные и подготовленные «случайные» события, персонажей, детали. Эти элементы, функционируя в нелинейной, открытой композиции, катализируют неожиданные повороты сюжета и тем самым обеспечивают возможности вариативности. Такие вариативные построения связаны с идеей особого восприятия времени. По словам Т. Тиквера: «Растягивая время, обнаруживаешь эти маленькие миры внутри, можно рассмотреть маленькие каналы в этом растянутом временном отрезке.

Это позволяет мне следовать разным линиям повествования, говорить: “Что делает этот герой сейчас? А что происходит с этим?” И остается только следовать за жизнью в каждый данный момент» [11].

В фильме «Принцесса и воин» за счет активных элементов композиции киноповествование обретает вариативность путей своего развития, имитирует выбор хода действия на экране зрителями или персонажами, рождает новые уровни смысла.

Композиция «Принцессы и воина» построена таким образом, чтобы максимально точно выявить механику судеб персонажей фильма. Не связанные на первый взгляд «случайные» события становятся вполне закономерными и взаимно обусловленными.

Завязка сюжета берет свое начало с детали – письма. Зритель следит за молодой женщиной, которая пишет письмо, уходит из дома на морском берегу, бросает его в почтовый ящик. Затем очень динамично прослеживается путь письма в механизмах почтовой службы. Наконец, конверт падает в ящик. Камера фокусируется на адресе: «Психиатрическое отделение больницы Биркенхоф. Сисси Шмидт». После этого действие переносится в пространство больницы. Таким образом, деталь превращается в скрытый стержень, на который «нанизывается» повествование фильма.

В основе фабулы фильма лежат две основные направляющие – детективная и любовная линии. Спроецируем фабулу относительно детали – письма. Подруга Сисси – Майке отправляет ей письмо с просьбой получить вещи в банке. Сисси пытается исполнить ее просьбу, но попадает под машину. Бодо спасает ей жизнь. В следующий раз Сисси заходит в банк с письмом, но становится невольной соучастницей попытки ограбления и в свою очередь спасает Бодо. Сисси и Бодо (два главных героя) бегут от полиции и приезжают на машине в дом Майке, в то самое место, откуда начало свой путь письмо. Фотография дома неоднократно до этого момента появлялась на экране.

Судьбы героев, кроме письма, объединяют и другие детали. Например, медальон с изо-

бражением женщины в руках Сисси. Бодо рассматривает медальон:

- Я ее знаю. Она умерла.
- Откуда ты ее знаешь?
- Я ее хоронил.

Для понимания смысла происходящего чрезвычайно важно, что зрителю уже показали сцену похорон этой женщины. Таким образом, с помощью активного элемента композиции раскрывается закономерность «случайного» совпадения. Зритель подготовлен к тому, чтобы поверить в чудо. События в фильме, поначалу представленные как случайные, выстраиваются в четкую логическую систему. По словам Ю. М. Лотмана: «если какая-либо деталь повторяется не в двух, а в большем числе случаев, возникает ритмический ряд, который, являясь мощным средством смысловой насыщенности, одновременно скрепляет отдельные кадры в единый ряд» [4, с. 663]. Эта мысль, как видно на примере работы деталей в функции активных элементов композиции в «Принцессе и воине», оказывается верной не только для отдельных кадров. Подобная ситуация реализуется и на уровне сцен и эпизодов.

В картине используется множество композиционных параллелей и повторов. Они значимы для раскрытия смысла и определения отношений между персонажами. Симона (она же Сисси) первый раз появляется на экране в тот момент, когда вместе с пациентом перебирает кусочки льда. Руки Бодо тоже перебирают лед в сцене второго ночного видения. В моменты встреч Бодо и Симона оказываются пространственно в одинаковом положении: в первую их встречу Сисси лежит под бензовозом на спине, а Бодо сверху оказывает ей помощь; в следующий раз девушка вновь лежит на земле, однако в этой ситуации Бодо пытается душить ее. Главные герои композиционно объединяются и тем, что они оба спасают людей. Симона выталкивает из-под колес машины слепого малыша. Она не дает Бодо и охраннику в банке застрелить друг друга. А «воин» в свою очередь спасает жизнь «принцессы».

Не раз в картине фигурирует фотография дома у моря – Симона рассматривает ее в

больнице, перед тем как отправиться в банк; она же находится в машине в финале фильма; изображение «оживает», когда главные герои приезжают к Майке. Композиция, таким образом, становится цикличной. И в начальных, и в финальных кадрах фильма изображено одно и то же здание. Письмо, ставшее катализатором сюжета, возвращается вместе с адресатом туда, где было написано. Сюжетные линии соотносятся не произвольно, а симметрично, как в орнаменте.

В активных точках композиции киноповествование обретает вариативность путей своего развития. Например, в эпизоде автоаварии сходится ряд сюжетных линий, именно здесь главные герои впервые встречаются.

В завязке Симона читает письмо подруги и прикладывает к уху раковину. «Дорогая Майке, я хотела сразу пойти в банк, но потом...» – в этот момент взгляд зрителя проникает в глубину спирали морской раковины и «вылетает» в пространство городской улицы, в другое время – в следующий день и, соответственно, в другую сцену. В ней смонтированы одновременно происходящие события: Бодо бежит от преследующих его работников магазина, параллельно едет бензовоз.

Т. Тиквер увеличивает напряжение, создавая ложную кульминацию этой сцены. Пути Бодо и машины пересекаются, Бодо чуть не попадает под колеса, но успевает заскочить на машину. Линии машины и главного героя временно соединяются. Далее ритм действия и монтажа ускоряется: Симона идет в банк со слепым малышом (сквозная линия письма Майке развивается). Они подходят к пешеходному переходу; водитель бензовоза смотрит в зеркало заднего вида на Бодо и кричит; Бодо на ходу спрыгивает с машины; главная героиня и малыш оказались на пути бензовоза; Симона выталкивает малыша с дороги; водитель отвлекся на Бодо и поэтому не успевает затормозить. Наконец, бензовоз сбивает Симону.

В этой точке соединяются линии главных героев, больничная линия, линия письма, детективная линия, линия транспорта и дороги, смерть и спасение. Уходя от погони, Бодо бе-

жит через небольшой магазин, где над дверью звонит колокольчик (который становится еще одной художественной деталью). Впоследствии через эту деталь слепой малыш приводит Сисси к другой – фотографии на стене. Она становится ключом во время поисков Бодо. Таким образом, изображение какого-либо события или детали в «Принцессе и воине» рождает целую лавину последствий.

Сисси рассказывает, что «...мать умерла. Фен упал в ванну. А мой отец здесь... Среди этих». Бодо принимает ванну. Один из больных пробует убить его точно таким же способом. Встык смонтированы две реплики, обращенные к одному персонажу в разное время. Сначала мы видим мать Симоны: «Что ты здесь делаешь?», и сразу главного героя: «Что тебе нужно?». Сцена из прошлого практически буквально повторяется в настоящем. Для показа событий прошлого режиссером вводится черно-белое изображение, а его действия в настоящем времени показаны в цвете. С помощью данного композиционного приема зритель получает ответы сразу на два вопроса: становится ясно, каким образом погибла мать Симоны и кто приходится ей отцом. Иначе говоря, это варианты развития одного и того же события, которые даются в очередной активной точке композиции.

Повтор сцены на бензоколонке является важнейшим для реализации идеи картины. Жена главного героя трагически погибла, заправляя машину. Тяжелый груз мнимой вины будоражит воспоминания Бодо, приводит к болезненным видениям. Бодо делится своей проблемой с любимой: «Это был не несчастный случай. Это была ссора. Очередная, одна из многих». И опять в повествование фильма включена ретроспекция. В развязке принцесса и воин оказываются на той же самой бензоколонке или, другими словами, в активной точке композиции. Открывается множество вариантов для развития сюжета. И получается, что вариативные возможности киноповествования нагнетают драматическое напряжение! В этой точке пространства и времени прошлое и настоящее соединяются – на бензоколонке появ-

ляется еще один Бодо. Данная сцена предваряет очередной перекресток возможностей сюжета. Теперь уже два Бодо едут в машине и останавливаются на перекрестке. Психически неуравновешенный, несчастный Бодо остается на дороге, а возрожденный главный герой уезжает с Симоной к берегу моря.

В фильме «Принцесса и воин» активные элементы композиции выполняют функции компьютерных гиперссылок и оказываются способны воздействовать на ход повествования, которое здесь разворачивается линейно-последовательно и одновременно в объеме, таким образом приобретая многоуровневый смысл. Еще одной характерной особенностью гипертекстового киноповествования является использование различного рода повторов: при изображении мест действия, деталей, отдельных реплик, композиций кадров и мизансцен, героев и т. д. Они работают в разных компонентах киноповествования: визуальной, звуковой или вербальной. Вероятно, это необходимо для того, чтобы нелинейная, вариативная структура воспринималась как цельная и логически связанная.

Рассмотренный нами тип композиции организован таким образом, что он способен принимать в себя элементы, которые не относятся непосредственно к сюжету. За счет особого рода связей и общего контекста подобные активные элементы, находясь в нелинейной, открытой композиции, обеспечивают возможность вариативного развития сюжета.

Также оказалось, что активные элементы композиции не всегда совпадают с драматургическими микрособытиями. Здесь выделяются три вида их соотношений: *микрособытие и активный элемент композиции совпадают* (Сисси сбивает бензовоз); *активный элемент композиции не совпадает с микрособытием* (раковина, которую слушает Сисси, не является микрособытием, однако становится началом развития следующей сцены); *активный элемент композиции находится в точке соединения нескольких микрособытий* (в сцене автомобильной аварии). В последнем случае происходит своего рода

драматургический «взрыв», из-за чего фильм получает мощный толчок для дальнейшего вариативного развития.

Наряду с фрагментарным или сложным нелинейным строением, взаимными отсылками частей, повторяемостью циклов, акцентированием конструктивных особенностей повествования вариативная структура «Принцессы и воина» обладает еще одним свойством. Она может принимать в себя элементы, напрямую

не относящиеся к развитию действия. Поэтому важное значение приобретает фактор случайного. Картина построена на «случайных» стечениях обстоятельств, которые за счет специфики авторского повествования приобретают для зрителя закономерность. За рядом случайных событий скрывается замысел. Тем самым авторы фильма утверждают, что случайного нет, все события организованы, обусловлены и связаны между собой.

1. Евтеева, И. В. Межвидовой синтез в контексте кинематографа / И. В. Евтеева // Искусство и новые технологии: сб. науч. тр. – Санкт-Петербург, 2001. – Вып. 7. Методологические проблемы современного искусства. – 144 с.
2. Интерактивное повествование и режиссура мультимедиа: сб. науч. тр. Центра образования и исслед. в обл. интерактив. цифровых медиа / под ред. Н. И. Дворко. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУКиТ, 2010. – 161 с.
3. Иоскевич, Я. Новые технологии и эволюция художественной культуры / Я. Иоскевич. – Санкт-Петербург: РИИИ: С.-Петерб. гос. ун-т кино и телевидения: Алетейя, 2000. – 190 с.
4. Лотман, Ю. М. Природа киноповествования / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург, 1998. – 704 с.
5. Новые аудиовизуальные технологии: учеб. пособие / отв. ред. К. Э. Разлогов. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 488 с.
6. Разлогов, К. Э. Искусство экрана: проблемы выразительности / К. Э. Разлогов. – Москва: Искусство, 1982. – 158 с.
7. Ямпольский, М. Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. – Москва: Культура, 1993. – 456 с.
8. Landow G. P. 1997. Hypertext 2.0. The convergence of contemporary critical theory and technology text. Baltimore: Johns Hopkins UP. 368 p.
9. Manovich L. 2001. The language of new media. MIT Press. 354 p.
10. Tom Tykwer spoke with Martin Blaney [Electronic resource]. – Available from: <http://www.german-cinema.de/magazine/2000/01/germdirect/tykwer.html>.

Получено 05.11.2015

A. Gusev

competitor of a scientific degree of Candidate of Art Criticism,
Russian Institute of Art History
E-mail: Alexeygusev@mail.ru

THE MORPHOLOGY OF NARRATION OF VARIED STRUCTURES (TOM TYKWER'S FILM "THE PRINCESS AND THE WARRIOR" AS AN EXAMPLE)

Abstract. In modern cinematography some schemes of texts' structures and peculiarities of the communication of a user with informational streams in the hyperspace have become an example for the organization of new types of narration. There exist a number of films in which a general compositional scheme is the basis for various interpretations of the plot. The authors are interested in the possibility to present a varied development of the events, the presentation of the events which are happening, have already happened or may happen in the coexisting alternative realities. The structure of electronic hypertext can only be imitated. It happens in a special hypertext film narration. While analyzing this type of narration our attention is attracted by some active elements of the composition of the film. They connect the parts of the film imitating the work of hyperreferences.

These elements, getting in a nonlinear open composition, become able to catalyze unexpected turns of the plot. So a possibility of the varied narration is provided.

Using Tom Tykwer's film "The Princess and the Warrior" (2000) one can observe how due to the active elements of the composition film narration gets the variability of its development and how the imitation of the choice of the way of development on the screen by the viewers and the film characters brings about new levels of the understanding of the message.

The composition of Tykwer's film is organized in such a way that it accepts the elements that are not directly connected with the plot. But due to some special connections and a general context such elements support the message of the film improving its understanding.

Keywords: cinematography, film narration, composition, hypertext, hypertext film narration, plot, subject, scene

For citing: Gusev A. 2016. The morphology of narration of varied structures (Tom Tykwer's film "The princess and the warrior" as an example). *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. № 1 (45): 182–187.

References

1. Evteeva I. 2001. Interspecific synthesis in the context of cinematography. *Iskusstvo i novye tekhnologii* [Art and new technologies]. Issue 7: Metodological problems of modern art. 144 p. (In Russ.).
2. Interaktivnoe povestvovanie i rezhissura mul'timedia [Interactive narration and multimedia production]. 2010. Dvorko N., ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Film and Television. 161 p. (In Russ.).
3. Ioskevitch IA. 2003. Novye tekhnologii i evolutsiya khudozhestvennoy kultury [New technologies and evolution of artistic culture]. Saint Petersburg: Russian Institute of Art History: Saint Petersburg State University of Film and Television: Aleteyya. (In Russ.).
4. Lotman IU. 1998. Priroda kinopovestvovaniya. The nature of film narration. *Ob iskusstve* [About art]. Saint Petersburg. P. 704. (In Russ.).
5. Novye aydiovisualnye tekhnologii [New audiovisual technologies]. 2005. Razlogov K., ed. Moscow: Editorial URSS. 488 p. (In Russ.).
6. Razlogov K. 1982. *Iskusstvo ekrana: problemy vyrazitelnosti* [The art of screen: problems of expressiveness]. Moscow: Iskusstvo. 158 p. (In Russ.).
7. Iampolskii M. Pamyat' Tiresia: Intertekstualnost' i kinematograf [In memory of Tiresia: Intertextuality and cinematograph]. Moscow: Kul'tura. (In Russ.).
8. Landow G. P. 1997. Hypertext 2.0. The convergence of contemporary critical theory and technology text. Baltimore: Johns Hopkins UP. 368 p.
9. Manovich L. 2001. The language of new media. MIT Press. 354 p.
10. Tom Tykwer spoke with Martin Blaney [Electronic resource]. Available from: <http://www.german-cinema.de/magazine/2000/01/germdirect/tykwer.html>.

Received 05.11.2015

**НЕТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЯ НА
ФОРТЕПИАНО В СИМФОНИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. КРАМА**

Фортепиано впервые вошло в состав оркестра как колорирующий инструмент в первой половине XIX в. и получило широкое распространение в симфоническом творчестве композиторов в XX в. Естественным следствием стало появление способов его использования как оркестрового инструмента, в том числе подразумевающих применение новых исполнительских техник. Яркие иллюстрации этого мы находим в сюите "Echoes of time and the river" (1967) Дж. Крама.

В результате подробного анализа музыкального материала были выявлены следующие тенденции. С одной стороны, на примере сюиты Крама прослеживается преемственность в музыке XX в.: ряд сформировавшихся в XIX в. функций оркестрового фортепиано остается неизменным (колорирование, уплотнение фактуры, структурирование и т. д.); с другой – их реализация сильно отличается от того, что мы находим в произведениях более ранних эпох. К примеру, палитра тембральных красок обогащается за счет применения расширенной трактовки инструмента (комбинирование игры на клавишах с pizzicato на рояльных струнах в первой части сюиты Крама и т. д.). В то же время в XX в. появляется много принципиально нового. Новаторские исполнительские техники создают иллюзию одновременного звучания нескольких инструментов – один пианист в составе оркестра заменяет небольшой ансамбль (например, 1 ч. "Frozen time"). Благодаря появлению усилителей становится возможным использование для достижения нужного колористического эффекта постепенно затихающих колебаний басовых струн (3 ч. "Collapse of time"), шорохов и призвуков. Кроме того, рояль с поднятыми демпферами служит дополнительным резонатором для других инструментов (ч. 2–3).

Таким образом, на примере произведения Дж. Крама мы видим, что в XX в. диапазон возможностей оркестрового фортепиано расширяется и развивается в соответствии с требованиями эпохи. При этом данный феномен остается недостаточно изученным, хотя дивергентность развития свидетельствует о его прекрасных перспективах.

Ключевые слова: фортепиано в составе симфонического оркестра, новые методы звукоизвлечения на фортепиано, расширенная трактовка фортепиано, тембрика XX в., Дж. Крам, "Echoes of time and the river"

Для цитирования: Малофеева, И. В. Нетрадиционные способы звукоизвлечения на фортепиано в симфоническом произведении Дж. Крама / И. В. Малофеева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1 (45). – С. 188–195.

Фортепиано в качестве колорирующего инструмента впервые вошло в состав симфонического оркестра в первой половине XIX в.¹ [12, с. 3]. В XX в. его использование как оркестрового инструмента стало широко распространенной практикой [2]. Однако несмотря на распространенность явления, эта область по сей день остается недостаточно изученной в отечественном музыкознании.

Как отмечают многие исследователи, в XX в. неимоверно возросла значимость тембра как формообразующего и структурно организующего музыкальный материал фактора [6]. В результате произошел уход от унифицированной звучности оркестра, а его состав и задействованные способы звукоизвлечения приобрели особую смысловую нагрузку. Одним из результатов поиска иных оркестровых красок стало появление различных техник и ме-

¹ Г. Берлиоз. Монодрама «Пелио» (1831).

тодов звукоизвлечения на разных инструментах, в том числе на фортепиано.

Мы рассмотрим использование новых методов звукоизвлечения на оркестровом фортепиано в произведении Дж. Крама "Echoes of time and the river" (1967).

Как подчеркивает ряд исследователей, музыка Дж. Крама богата необычными, «нестандартными» звучностями, а ее организация – это синтез разнообразных акустически допустимых звучаний [3]. В своем произведении "Echoes of time and the river" композитор, создавая типичный для него образ с обилием завуалированных, «призрачных» звучностей, массой отзвуков и длительных колебаний звуковых волн, одним из первых использовал *нетрадиционные приемы звукоизвлечения (piano effects)* на оркестровом фортепиано.

Сюиту "Echoes of time and the river" (Echoes II) в большинстве случаев отличает камерное звучание, что отчасти обусловлено ее

глубинной связью с более ранним квинтетом Дж. Крама "Eleven echoes of autumn" (1966) [11]. Общая прозрачность звучания достигается за счет мастерской подборки тембральных и фактурных решений в партиях всех оркестровых инструментов, в том числе *двух фортепиано*.

Сюита состоит из четырех частей: "Frozen time", "Remembrance of time", "Collapse of time", "Last echoes of time". Фортепиано задействовано во всех частях, причем, несмотря на относительную лаконичность партий, фактура и приемы звукоизвлечения отличаются красочностью и разнообразием.

В первой части доминируют таинственные приглушенные звучности. Три ударника пересекают сцену в ритуальной процессии, произнося нараспев девиз Западной Виргинии: "Montani semper liberi?"¹ («Горцы всегда свободны»). Здесь в почти полной тишине вступают сразу оба рояля (см. пример 1).

Пример 1

The musical score for Example 1 is divided into three main sections: Piano I, Piano II, and Percussion I. Piano I and Piano II both feature a melodic line with various articulations and dynamics, including 'pp' (pianissimo) and 'ff' (fortissimo). The Percussion I section includes a 'Chinese temple Gong' played with 'soft sticks' and a 'poco f' (poco fortissimo) dynamic. The score also includes a '5th partial harmonics: strike' instruction, which is a technique for creating a bell-like sound by striking the key with the right hand while touching the string at the proper node with the left hand. Other instructions include 'like ghostly bells', 'rapid attack over strings (one finger) poco f', 'palm on strings (within lowest octave)', and 'Chinese temple Gong (soft sticks) poco f (don't cover pianos)'. The score is marked with various dynamics such as 'pp', 'ff', and 'f', and includes articulations like '(lasc. vibr.)' (lasciato vibrato).

¹ Вопросительный знак был добавлен самим композитором.

Невнятный рокот в нижнем регистре сменяется отчетливо звучащими интервалами с авторской пометкой «как *призрачные колокольчики*» [8; 10]. Крам добивается нужного эффекта, комбинируя звукоизвлечение на клавишах с *pizzicato* на струнах при поднятых демпферах. За счет наличия больших резонирующих поверхностей роялей при столь малом количестве нот композитору удастся добиться объемности звучания. Далее прозрачная звучность мгновенно рассыпается под ударом общего *fffz*, где кластеры в самых нижних регистрах двух фортепиано *уплотняют общую звучность*. После продолжительного *glissando* струнных вновь появляются рояли примерно с той же фактурой, а затем следует нечто весьма интересное: пианисты оставляют демпферы поднятыми и исполняют партию на струнах палочками для литавр (прием *tremolo*) (см. пример 2).

Здесь у Дж. Крама ярко проявляется идея, побудившая его дать одному музыканту несколько инструментов¹, – примерно та же, которая подтолкнула к созданию подготовленного фортепиано Дж. Кейджа: *универсализация исполнителя*; развитие концепции «человек-оркестр» [4; 9], подразумевающей расширение роли оркестранта в создании общей музыкальной ткани. Эта концепция еще более ярко проявляется в третьей части сюиты. “Remembrance of Time” открывают отдаленные нежнейшие

звуки фортепиано, ударных и арфы. Здесь мы практически сразу слышим новые приемы игры на фортепиано. Помимо игры на клавишах автор требует «быстро провести ногтем по обмотке струны», «приглушить струну пальцами», «легко коснуться струны по центру». Благодаря этому два рояля звучат как *несколько принципиально разных инструментов* [7]. При этом нельзя не вспомнить слова Дж. Кейджа, признававшегося, что к созданию подготовленного фортепиано его подтолкнуло желание превратить рояль в перкуссионный ансамбль [9, с. 38]. Однако при этом у Дж. Крама инструмент не утрачивает своей индивидуальности – за счет традиционно звучащих нот, взятых на клавишах, которые становятся полностью недоступными при использовании подготовленного фортепиано, т. е. создавая на базе рояля некий ансамбль, композитор не «исключает из состава» собственно фортепиано.

Далее в низком регистре фортепиано вновь звучат кластерные аккорды, падающие с тяжелой неотвратимостью посреди достаточно прозрачной, но интонационно неопределенной фактуры остальных инструментов. Несмотря на совершенно иную эпоху и стилистические особенности произведения здесь возникают прямые ассоциации с ролью струнно-клавишных в эпоху барокко: *структурирование* и *создание базиса* для остальных голосов [5].

Пример 2

The image shows a musical score for two percussion parts, Perc. III. and Perc. II., which are played on the strings of Piano I. and Piano II. respectively, using mallets. The notation includes a series of notes with a 'mp delicate, hauntingly' dynamic marking. The bottom staff also includes the note 'pp delicate, hauntingly (echo of Perc. III.)'.

¹ В инструкции к данному произведению Дж. Крам указывает, что у пианистов должны быть сагаты, тамбурины и палочки для литавр.

Пример 3

Затем у деревянных и медных духовых, играющих на сцене и за сценой, начинают повторяться обрывки веселой ярмарочной музыки, невольно вызывающей в памяти сцену гуляний из «Петрушки» И. Стравинского. Характерная для Дж. Крама круговая нотация [1] усиливает ощущение нелепой и безудержной кутерьмы. При этом, указывая, что правая педаль рояля должна быть нажата на протяжении всей «круговой музыки»¹, композитор использует его как **дополнительный резонатор**. Это принципиально новый способ применения фортепиано в составе оркестра.

Далее два рояля вновь превращаются в «ансамбль ударных»: нарастающий рокот в низком регистре дополняет звон бубна, который, согласно авторской ремарке, пианисты должны беззвучно положить на басовые струны для свободного резонирования (см. пример 3).

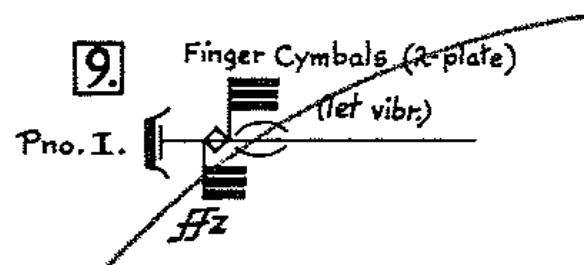
Окончание второй части по своему образному складу подобно началу первой и напоминает восточную (китайскую) церемониальную музыку.

Самая свободная и фантастичная часть данной сюиты – это, конечно, “Collapse of time”. В самом начале фортепиано своими диссонирующими аккордами и кластерами вносят немалый вклад в создание внезапного **fff** и **ffff**. Аналогичные аккорды вновь и вновь «рвут» тонкую музыкальную ткань наряду с бессмысленным – зловеще апокалиптическим для Дж. Крама! [10] – возгласом исполнителей: «Кректу-дай!». В этой части особенно отчетливо слышны **колебания затихающего звука басовых струн**. Использование этого эффекта как художественной составляющей также можно отнести к новшествам XX в.

В новом эпизоде «круговой музыки» композитор в очередной раз требует от пианистов держать правые педали нажатыми, чтобы звук медных духовых инструментов заставлял резонировать струны роялей. Более того, для усиления эффекта группам медных духовых предписывается направлять раструбы непосредственно в рояль. Таким образом, здесь фортепиано вновь выполняет функцию **дополнительного резонатора**, даже более ярко выраженную, чем во второй части.

На третьем круге у фортепиано появляются короткие мотивы в нижнем регистре и репетиции на басовых нотах с добавочными «обертонами» сверху – нотами, которые играют пальцами на струнах. Но особый интерес вызывает следующий фрагмент: в партии фортепиано композитор указывает «сагаты», т. е. по факту звучит не фортепиано, а совершенно другой инструмент. Однако благодаря тому, что оно и ранее «сотрудничало» с ударными (тамбурин на струнах, игра по струнам палочками для литавр), в данном контексте это не кажется чем-то парадоксальным или чужеродным (см. пример 4).

Пример 4

Данный элемент становится более ясным и понятным, если обратить внимание на то, что в первом, втором и четвертом круге, где фортепиано отсутствует, сагаты приходится использовать

¹ Имеется в виду эпизод с необычным, характерным для Дж. Крама способом нотной записи, где такты располагаются по кругу.

трубачу (Trumpet III). Таким образом, пианист полностью вытесняет и заменяет его в третьем круге, в том числе с сагатами. Присутствует некая *замкнутость в плане инструментовки*: инструмент либо играет «в круге» с определенной периодичностью, создавая ощущение цикличности, либо полностью отсутствует. Данный эффект можно рассматривать как проявление в музыке философских взглядов Дж. Крама, воспринимающего время как не линейный, а циклический, замкнутый континуум.

Четвертая часть "Last echoes of time" – своеобразный «отдых» от всего, что было ранее. Музыкальная ткань строится по принципу наслаивающихся отзвуков – эха.

Пример 5

The image displays two staves of musical notation, labeled "Piano I." and "Piano II.", with various performance instructions and annotations. The notation includes notes, rests, and dynamic markings.

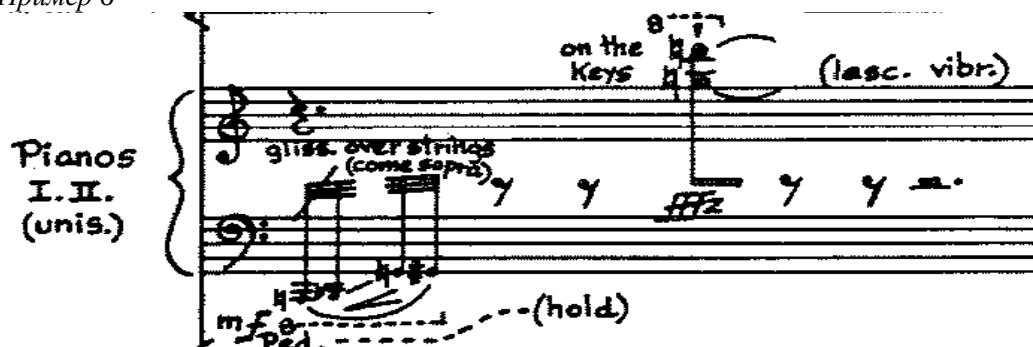
Piano I.:

- Annotations: "(incisive whisper) tao!", "rapid gliss. over strings (fingertip)", "(Knuckles on beams)", "depress silently and hold", "Senza Ped.", "Ped.".
- Staff markings: "CB III.", "CB II.", "ff", "f", "poco", "lasc. vibr.".

Piano II.:

- Annotations: "rapid gliss. over strings (fingertip)", "(Knuckles on beams)", "depress silently and hold", "Senza Ped.", "Ped.".
- Staff markings: "CB II.", "CB I.", "poco", "f", "lasc. vibr.".

Пример 6

В четвертой части фортепиано наконец «выбираются» в верхний регистр. Музыка прозрачна и строится по принципу расходящихся волн от блоков «Музыки А» и «Музыки Б» к вступлению Piano I и Piano II соответственно. Причем во второй «волне» партии первого и второго рояля сдвигаются друг относительно друга, а в четвертой – полностью исчезают. Таким образом, помимо симметрии по вертикали возникает и линейная симметрия, которую можно рассматривать как элемент того же «круга».

Еще больше усиливая цикличность и замыкая «круг» сюиты, в самом конце четвертой части в партиях фортепиано возникает обрывок реплики из начала первой части. Инструменты звучат в унисон (см. пример 6):

Вся четвертая часть наполнена «отголосками» из предыдущих, что дает нам основания рассматривать этот финал как некий итог или переосмысление. К концу все упрощается, постепенно стихает и растворяется в свисте ветра.

Итак, на примере сюиты Дж. Крама мы проследили новые тенденции использования рояля в качестве оркестрового инструмента в XX в.: как своеобразного *перкуссионного ансамбля* и как *дополнительного резонатора* для других инструментов (фортепиано с поднятой крышкой и нажатой правой педалью). Также в художественно-выразительных целях применяются особенности звучания различных регистров рояля – длительные, отчетливо слышные *колебания звука басовых струн*; возможности создания эффекта *невнятного рокота* (короткие длительности в низком регистре на правой педали) либо *мощного ударного инструмента* с более или менее определенной звуковысотностью (аккорды или кластерные группы в басу) и т. д. Таким образом, в XX в. функции фортепиано как инструмента симфонического оркестра были значительно расширены за счет вышеперечисленных средств. Информация об этом представляет большой интерес для исполнителей, композиторов и музыковедов и требует отдельного подробного анализа и систематизации.

1. Адаменко, В. О мифологическом в творчестве Крама / В. Адаменко // Миф. Музыка. Обряд: сб. ст. / ред.-сост. М. Катунян. – Москва: Композитор, 2007. – С. 53–62.
2. Антонова, Ю. П. Фортепиано как инструмент симфонического оркестра / Ю. П. Антонова // Научно-методические проблемы преподавания в специализированном вузе искусств: сб. ст. – Москва, 1997. С. 147–164.
3. Горбунова, Ю. В. О стиле Джорджа Крама [Электронный ресурс] / Ю. В. Горбунова // Израиль XXI: муз. журн. – 2012. – № 31 (январь) / ред. М. Райс. – Режим доступа: <http://www.21israel-music.com/Crumb.htm>.
4. Исакофф, С. Громкая история фортепиано. От Моцарта до современного джаза со всеми остановками / С. Исакофф. – Москва: АСТ, 2014. – 480 с.
5. Карс, А. История оркестровки: пер. с англ. / А. Карс. – Москва: Музыка, 1989. – 304 с., ил., нот.
6. Теория современной композиции: учеб. пособие для вузов / отв. ред. В. С. Ценова. – Москва: Музыка, 2005. – 624 с., нот.
7. Хруст, Н. Новые техники игры на музыкальных инструментах. Ч. 3: Инструменты меняются ролями / Н. Хруст // Музыкальная жизнь. – 2011. – № 1. – С. 18–20.

8. Bruns S. George Crumb: Echoes of time and the river [Electronic resource]. – Available from: <http://www.thomasconlin.com/echoes.html>.
9. Cage Jh., Daniel Ch. 1981. For the birds: John Cage in Conversation with Daniel Charles. London: Marion Boyers. 239 p.
10. Crumb G. 1968. Echoes of time and the river: four processional for orchestra. New York: Belwin-Mills: Aleatory music. 20 p.
11. Kennedy Jh., McMahan R. Crumb: Variazioni [Electronic resource]. Echoes of Time and the River. – Available from: http://www.naxos.com/mainsite/blurbs_reviews.asp?item_code=FECD-0008&catNum=FECD-0008&filetype=About-%20this%20Recording&language=English. (In Eng.).
12. Rauscher J. F. 1991. Treatment of the piano in the orchestral works of Igor Stravinsky. 168 p.

Получено 22.12.2015

I. Malofeeva

post-graduate student,

Russian State Specialized Academy of Arts

E-mail: Inna_edel@mail.ru

PIANO EXTENDED TECHNIQUES IN GEORGE CRUMB'S ORCHESTRA WORK "ECHOES OF TIME AND THE RIVER"

Abstract. *Pianoforte as we know it now entered the orchestra in the first half of the 19th century and as late as 20th century the usage of this keyboard instrument in orchestral works became wide spread occurrence. As a result, there were a lot of innovation and creativity in the "orchestral" piano area at the time and, it must be emphasized, this included application of extended piano techniques. George Crumb's suite "Echoes of time and the river" (1967) is a great illustration for different types of piano usage in orchestral works.*

Detailed analysis of the Crumb's suite revealed following basic tendencies. On the one hand, in the 20th century instrumental music could be traced the continuity of tradition: a whole number of 19th century piano functions in the orchestra remain constant (coloration, texture consolidation etc.). On the other hand, implementation of these functions differs very much from patterns and methods of prior epochs. For example, orchestral timbre palette in Crumb's "Echoes of time and the river" enrich extended piano techniques – plucking the strings directly in combination with standard piano playing on the keyboard (1 part "Frozen time"). At the same time, 20th century is a period of innovations. In some cases, – in the 1 part of Crumb's suite etc. – extended piano techniques create an illusion of the pianist playing several instruments simultaneously – as if substituting for a percussion ensemble while a part of orchestra. Thanks to invention of amplifier, strings rustle and overtones and, of course, long vibration of bass strings became audible for the public. Crumb used it with a great effect – particularly in the 3 part of suite ("Collapse of time"). In addition, piano with all its dampers raised off the strings performed in his suite a function of supplementary resonator for other orchestra instruments (parts 2–3).

As can be seen from Crumb's suite "Echoes of time and the river", in 20th century "orchestral" piano received an extended range of options and new developments to fit times. The usage of extended piano techniques in symphonic music stays underestimated and insufficiently studied area of musicology, but divergence in this phenomenon development is a good sign of its promising outlook.

Keywords: *piano as an orchestral instrument, piano extended techniques in orchestra work, functions of timbre in 20th century instrumental music, George Crumb's "Echoes of time and the river"*

For citing: Malofeeva I. 2016. Piano extended techniques in George Crumb's orchestra work "Echoes of time and the river". *Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. № 1 (45): 188–195.*

References

1. Adamenko V. 2007. About mythological works of Crumb. Mif. Muzyka. Obryad [Myth. Music. Rite]. Katunian M., ed.-comp. Moscow: Kompozitor. P. 53–62. (In Russ.).
2. Antonova IU. 1997. The piano as an orchestral instrument. Nauchno-metodicheskie problemy prepodavaniya v spetsializirovannom vuze iskusstv [Scientific and methodical problems of teaching in a specialized arts high school]. Moscow. P. 147–164. (In Russ.).
3. Gorbunova IU. 2012. On George Crumb's musical style [Electronic resource]. Izrail' XXI [Israel XXI]. № 31 (January). Available from: <http://www.21israel-music.com/Crumb.htm>. (In Russ.).
4. Isacoff S. 2014. Gromkaya istoriya fortepiano. Ot Motsarta do sovremennogo dzhaza so vsemi ostanovkami [A natural history of the piano: from Mozart to modern jazz and everything in between]. Moscow: AST. 480 p.
5. Carse A. 1989. The history of orchestration: translated from Eng. Moscow: Muzyka. 304 p. (In Russ.).
6. Teoriya sovremennoy kompozitsii [Theory of modern composition]. 2005. Tsenova V., executive ed. Moscow: Muzyka. 624 p. (In Russ.).
7. Khrust N. 2010. Extended instrumental techniques. Part 3: Instruments switch the roles. Muzykal'naya zhizn' [Musical life]. № 11: 18–20. (In Russ.).
8. Bruns S. George Crumb: Echoes of time and the river [Electronic resource]. – Available from: <http://www.thomasconlin.com/echoes.html>. (In Eng.).
9. Cage Jh., Daniel Ch. 1981. For the birds: John Cage in Conversation with Daniel Charles. London: Marion Boyers. 239 p. (In Eng.).
10. Crumb G. 1968. Echoes of time and the river: four processional for orchestra. New York: Belwin-Mills: Aleatory music. 20 p. (In Eng.).
11. Kennedy Jh., McMahan R. Crumb: Variazioni [Electronic resource]. Echoes of Time and the River. – Available from: http://www.naxos.com/mainsite/blurbs_reviews.asp?item_code=FECD-0008&catNum=FECD-0008&filetype=-About-%20this%20Recording&language=English. (In Eng.).
12. Rauscher J. F. 1991. Treatment of the piano in the orchestral works of Igor Stravinsky. 168 p. (In Eng.).

Received 22.12.2015

*Научный
профиль*

СЛОВО О МАСТЕРЕ

Татьяна Михайловна Синецкая – член Союза композиторов РФ, почетный деятель Союза композиторов России, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный деятель искусств РФ, почетный работник высшего образования РФ, заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества, профессор, Почетный профессор ЧГАКИ, кандидат педагогических наук.

А также: член Союза театральных деятелей, председатель секции музыкальной критики при СТД, зам. председателя общественного Совета по вопросам культуры и искусства Законодательного собрания Челябинской области, участник разработки официальных символов Челябинской области, член аттестационной комиссии Министерства культуры Челябинской области, делегат VII, VIII, IX, X съездов Союза композиторов России.

С Татьяной Михайловной (автор этих строк) знакома почти 50 лет. Казалось бы, этого времени вполне достаточно, чтобы с легкостью построить повествование на эмоциональном перечислении ее заслуг, достижений. Но рассказать об этом удивительном человеке весьма трудно, поскольку Татьяна Михайловна не любит высокопарности, пафоса. Поэтому начну с фактов.

Родилась в 1941 г., в многодетной семье. В 1965 г. окончила Уральскую консерваторию по специальности «музыковедение», после чего

три года преподавала в Магнитогорском музыкальном училище. В 1967 г. вернулась в Челябинск и работала в Челябинском музыкальном училище (зав. теоретическим отделением), а затем в Челябинском институте культуры – в должности заведующего кафедрой теории и истории музыки, декана музыкально-педагогического (консерваторского) факультета, а также проректора по научной работе (в течение 16 лет).

Все ступени восхождения к вершинам профессионального мастерства пройдены убедительно, четко, в хорошем темпоритме, без срывов, остановок. Сознательно избегаю детального перечисления дат (хронологии событий), поскольку для меня гораздо важнее попытаться передать миропонимание, мироощущение Татьяны Михайловны.

В первую очередь хочется отметить удивительное качество Татьяны Михайловны – ярко и постоянно проявляющийся инстинкт **семьи**. Поскольку была старшей сестрой в своей большой семье, многие жизненные тяготы ей пришлось делить наравне со взрослыми. Где бы ни находилась Татьяна Михайловна – кафедра, филармония, Союз композиторов, редакция журнала «Автограф», – все превращалось в ее **Дом**. Замечу, что и коллективы, о которых пишет Татьяна Михайловна в монографиях, книгах, становились тоже ее **семьей**. В этом доме нет мелочей: от простой чистоты (обязательно заметит крошки на столе) до постоянной готовности помочь (никто не вспомнит случая отказа), защитить, стать «жилеткой», поддержать интересные творческие начинания. С Татьяной Михайловной всегда надежно, тепло, уютно – **по-домашнему**! Вспоминается случай, когда Татьяна Михайловна при сильнейшей зубной боли с моей сестрой (музыковедом) долго обсуждала некий текст: настойчивые просьбы перенести встречу не подействовали...

Татьяна Михайловна была на руководящих должностях постоянно: декан, заведующая кафедрой, проректор, председатель Челябинского отделения Союза композиторов РФ, редактор музыкального раздела журнала об искусстве «Автограф. Челябинск-АРТ». Корректность, абсолютная честность и искренность, простота и доступность, неподдельное дружелюбие Татьяны Михайловны делали категорически невозможным в чем-то с ней схитрить или обмануть.

А начиналось все с элементарной общественно-просветительской работы. Лозунг тех далеких (1960–1980-е) лет – даешь культуру в массы! По инициативе «сверху» продвигались грандиозные программы работы с населением по самой разнообразной тематике, в том числе и по музыкальному искусству (филармония, народные университеты, общества знаний и прочее). Музыковед Т. М. Синецкая, со свойственным ей энтузиазмом, включилась в данную работу! Сегодня я с искренним удивлением отмечаю, насколько эта деятельность в руках Татьяны Михайловны стала живой, значимой, животрепещущей, настоящей. Это был прорыв «слова об искусстве» в область публичных просветительских лекций: рецензирование значимых культурных событий в масштабах города, региона, страны. Работа велась ритмично, непрерывно, расширяясь географически по провинциальным городам, селам и деревням, притягивая к себе все новые и новые имена, среди которых не могу не вспомнить талантливого музыковеда Светлану Зейликовну Губницкую. Вот что по этому поводу говорит сама Татьяна Михайловна: «Я начинала в то время, когда путь на радио и ТВ был абсолютно открыт. Нас ждали с удовольствием, ограничений в жанрах не было. Если мы предлагали творческую встречу с композитором – пожалуйста, монографическую передачу на 30–40 минут – тут же ставили в программу»¹. Татьяна Михайловна старалась использовать *любую* возможность для продвижения музыкальной культуры

в массы. Замечу, что рецензии на филармонические концерты, музыкальные спектакли и прочее-прочее в периодической печати (газетах, журналах) появлялись *«ежеконцертно»*, как утренний хлеб в булочной...

Татьяна Михайловна – талантливый педагог. Впечатляющая победа на педагогическом поприще – ее студентка Люда Зубанова, далее – аспирантка, далее – кандидат наук и, наконец, – доктор культурологии, заведующая кафедрой культурологии и социологии нашего вуза Людмила Борисовна Зубанова.

Главный и любимый предмет Татьяны Михайловны – полифония. Этот самый сложный учебный курс она... нет, не знает: она его чувствует, как живое существо. Даже самые нерадивые студенты проникаются *любованием* полифонией, ее стилистикой, технологией, художественными образами. Впрочем, слышу ее возражения: тайны преподавания полифонии существуют и сегодня, а пути их постижения многочисленны и до конца не постижимы... Свидетельствую: студенты, прошедшие «через» Татьяну Михайловну, получают некую «печать мудрости» на лицах.

И все же самое значимое, впечатляющее в творческом пути Татьяны Михайловны – ее научно-исследовательская работа. Поражают невероятное сочетание внутренней сосредоточенности и динамизма и, конечно же, трудолюбие, самодисциплина, умение организовать себя на пути к цели, к мечте. Неслучайно и в собственной семье Татьяны Михайловны выросли двое ученых: сын Сергей (Сергей Борисович Синецкий) – доктор культурологии; внук Никита (Никита Сергеевич Синецкий) – кандидат культурологии (защитился в Москве, по проблематике Востока).

С самых первых шагов научная деятельность связана с изучением музыкальной культуры Уральского региона. И параллельная «линия» – эстетическое воспитание молодежи. В дальнейшем обе линии шли всегда рядом: профессиональное музыкальное искусство – с одной стороны, и совершенствование форм его бытования в социуме – с другой.

¹ Марьина Т. Важно сохранить внутреннюю свободу // Синецкая Татьяна Михайловна: биобиблиограф. указ. Челябинск: ЧГАКИ, 2009. С. 18.

Поистине героическим можно считать первое научное исследование, посвященное возможностям музыкально-эстетического воспитания молодых рабочих. К сожалению, учащиеся технических училищ (ПТУ) были едва ли не самым сложным молодежным контингентом вообще, а для музыкально-эстетической образовательной программы в частности. В 1982 г. это исследование завершилось защитой кандидатской диссертации. В ней были обоснованно доказаны *реальные возможности* положительных практических результатов!

В работе по изучению музыки уральских композиторов открывается еще одна грань таланта: Татьяна Михайловна блестяще справляется с труднейшей музыковедческой задачей – анализом «свежей» музыки. Разбор сочинений, «вслушивание» в партитуру у Татьяны Михайловны всегда настолько ювелирно, что можно сравнить его (анализ новой музыки) с сонаром для обнаружения подводной лодки. Это уникальный опыт, потому что данные Татьяной Михайловной эстетические оценки историческое время, как правило, не меняет: и сегодня музыка наших земляков воспринимается «по-синецки». Об этом свидетельствует успех у слушателей в концертном зале, а также успех интереснейших учебных дисциплин «Музыкальная культура Урала», «Творчество композиторов Южного Урала», разработанных Татьяной Михайловной для студентов-исполнителей. Опирающиеся на музыкальные события, проблематику Уральского региона, оказались не менее интересными и авторские курсы «Социология музыки», «Музыкальная критика».

Отвлекусь на еще одно воспоминание. Сравнительно недавно прочла «от корки до корки» книгу Т. М. Синецкой «Челябинская филармония: люди и время (1937–2007)». Можно себе представить, сколько на 504 страницах книги рецензий на концертные программы (!), сколько характеристик исполнителей (!), сколько описаний различных мероприятий (!) – за 70 лет!!! Но нет и намека на монотонность: для каждого эпизода свои краски, свои слова, своя интонация... Столь

виртуозное владение словом ставит литературный стиль Татьяны Михайловны в один ряд с профессиональным мастерством писателя. Ну а как еще?¹

Музыкальной культуре Урала посвящены многие научные форумы, конференции, организовывать которые Татьяна Михайловна умеет блестяще.

Столь пристальное внимание Татьяны Михайловны к творчеству уральских композиторов делает ее не только музыкальным историком, музыкальным летописцем своего края, но и подлинным патриотом.

Помимо уральской темы, круг научных интересов Татьяны Михайловны достаточно широк и охватывает проблемы современного отечественного музыкознания. Осведомленность, компетентность в вопросах современного музыкознания неизменно поддерживается, сохраняется как неотъемлемое требование к профессионализму музыковеда. И вовсе неслучайно на кафедре истории и теории музыки *все* преподаватели имеют ученую степень кандидата искусствоведения, являются дипломированными специалистами. Это свидетельствует о том, что именно Татьяна Михайловна, будучи и заведующей кафедрой, и проректором по науке, и профессором кафедры, высоко подняла планку научного статуса, авторитета и состоятельности преподавателя музыковедческих дисциплин в нашем вузе. Хотя научные интересы у всех преподавателей самые разные: отечественная музыка начала XX в. (Л. К. Игнатьева), проблемы старинной западноевропейской музыкальной культуры (О. А. Гумерова), оперное творчество Н. А. Римского-Корсакова (С. В. Черевань), проблемы жанра симфонической картины (О. Ф. Ширяева), проблемы творческо-композиторского подхода к преподаванию музыкально-теоретических дисциплин (В. И. Харишина). Но всех связывает одно неизменное качество: скрупулезность, добросовестность и доскональность исследования, внимание к логике изложения, четкости фор-

¹ Замечу, что знакомство с книгой «Филармония...» вызвало желание прочесть и другие книги Татьяны Михайловны. Что и было сделано!

мулировок. За этим Татьяна Михайловна внимательно следит...

Особо отмечаю 10-летний срок работы в журнале «Автограф» в качестве редактора раздела «Музыка». Этот журнал – образец профессионализма, безупречного вкуса, глубины и актуальности поднимаемых проблем об искусстве. Сама Татьяна Михайловна, будучи активным автором журнала, с благодарностью и теплотой вспоминает это время: сколько интересных встреч, контактов!.. И какая школа!

Библиографический указатель (список) – огромен! Монографии и книги: «Композиторы Южного Урала» (2003), «Магнитогорская государственная академическая хоровая капелла им. С. Г. Эйдинова: от мечты к реальности» (2005), «Концерт как отражение художественных интересов населения города» (1993, коллективная монография «Город и культура»), «Челябинская филармония: люди и время» (2007), «Дом по имени “Камерный хор”» (2012), «Времена года “Классики”» (2016). Свыше 40 учебно-методических работ. Около 300 (287) публикаций в книгах, периодических и продолжающихся изданиях. Около 40 (36) наименований работ, в которых Татьяна Михайловна приняла участие как редактор, составитель и рецензент. «От первых критических заметок до фундаментальных монографических исследований Татьяна Синецкая прошла немалый путь. Сложился авторский стиль – узнаваемый, ценный именно с точки зрения глубины и достоверности фактов и событий, погружения в материал, внимательного и объемного раскрытия личности»¹. Замечу, что о

жизни, творческой деятельности самой Татьяны Михайловны написано немало (76) статей: это и благодарные коллеги, и профессиональные музыканты-исполнители, и видные философы, культурологи, журналисты.

Говорить о Татьяне Михайловне можно бесконечно долго... Ну как не упомянуть о том, что:

Татьяна Михайловна – президентский стипендиат в номинации «Выдающиеся деятели искусства и культуры» (2003);

Татьяна Михайловна – лауреат премии и медали Законодательного собрания Челябинской области (2004);

Татьяна Михайловна – лауреат премии «Женщина года» (2000);

Татьяна Михайловна – обладатель диплома «Персона года» газеты «Музыкальное обозрение» (2006);

Татьяна Михайловна – лауреат премии «Золотая лира» (2016)!

В заключение моих кратких заметок о Татьяне Михайловне Синецкой хочу сказать: бесконечно благодарна судьбе, провидению за встречу и сотрудничество с Вами! Вы – самый значимый персонаж на моем профессиональном пути! Мое воображение не в силах охватить масштабы и горизонты Вашего поля деятельности! Здоровья Вам **для полноценного переживания любви** к родным, друзьям, коллегам! А Вашим новым идеям, планам пусть будет тесно и пусть между ними развернется борьба за первенство появления (реализации) на свет!

Браво, маэстро!!!

¹ Марьина Т. Важно сохранить внутреннюю свободу // Синецкая Татьяна Михайловна: биобиблиограф. указ. Челябинск: ЧГАКИ, 2009. С. 18.

СЛУЖИТЬ НАУКЕ!

Гульсина Якуповна Гревцева – доктор педагогических наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ) по секции «Безопасность жизнедеятельности» (Санкт-Петербург, 2009); член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ) по секции «Педагогические науки» (Москва, 2013), отличник народного просвещения (1994), кавалер ордена Трудовой Славы III степени (1986).

В 2015 г. к 60-летию Г. Я. Гревцевой в серии «Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы» вышел библиографический указатель («этюд»), отражающий основные вехи ее жизненного пути и научной деятельности. Редакция журнала поздравляет юбиляра и предлагает вниманию читателя интервью с одним из ведущих специалистов в области образования и воспитания.

Гульсина Якуповна, сквозная тема всех ваших публикаций – гражданское образование, а в последние годы Вы все больше обращаетесь к развитию высшего образования (Вестник ЧГАКИ. 2012. № 4), его интернационализации (Вестник ЧГАКИ. 2015. № 3). Что привлекает Вас в этой теме?

Сперва о первой теме. Выбор ее неслучаен. После окончания ЧГПУ, я преподавала в школе историю и обществознание, основы правовых знаний, экономику и право. Экспериментальная работа велась, когда я уже была заместителем директора по научно-методической работе. Кандидатская была посвящена воспитанию гражданственности у старшеклассников средствами общественных дисциплин и защищена в 1998 г. С 2000 г. я работала преподавателем в ЧГПУ, связь со школами не теряла, была научным консультантом. Докторская диссертация «Гражданское воспитание как фактор социализации школьников» стала продолжением и результатом исследовательской работы.

Вопросы интернационализации заинтересовали меня после того, как я в составе преподавателей ЧГПУ прошла курсы повышения квалификации в Хэбэйском профессиональном институте.

Поездка дала толчок к изучению данной проблемы. При сохранении национального суверенитета в области образования и его на-

ционального многообразия значение интернационализации (и внешней, и внутренней) растет, процесс интернационализации усиливается. Интернационализация высшего образования создает новые возможности, способствует повышению доступности образования и его качества, внедрению инновационных методов работы. И конечно же, интернационализация способствует укреплению международного сотрудничества.

Плодотворной была поездка в 2015 г. под руководством В. Я. Рушанина. Результат – подписаны договоры о сотрудничестве Челябинского вуза культуры с Хэбэйским профессиональным институтом иностранных языков, Яньшанским государственным университетом.

Отмечу, что процесс интернационализации касается не какой-либо одной области. Например, требования, предъявляемые к научным изданиям для включения международных базы, многие расценивают как жесткие, не имеющие отношения собственно к смысловому наполнению, самому содержанию, и тем не менее выполнение их упрощает адаптацию продукта в иноязычной среде, позволяет представителям российской науки выйти за рамки своей организации, города, страны.

Изменяется статус ученого, характер и стиль его деятельности, возрастает статус науки в обществе, а следовательно, повышается и ответственность за результаты деятельности, в том числе публикационной. Надо ска-

зять, что добросовестный, ответственный подход к делу должен быть на протяжении всего пути становления ученого, более того – у всех, кто имеет отношение к этому процессу.

Вы являетесь членом трех диссертационных советов (ЧГИК, ЧГПУ – специальности: 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности; 13.00.08 – теория и методика профессионального образования), как научный руководитель, рекомендуете ли Вы своим ученикам сделать выбор в их пользу (эффективность работы диссертационных советов во многом оценивают по числу защищенных диссертаций)?

Моя докторская диссертация – по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования; по специальности 13.00.08 – теория и методика профессионального образования под моим научным руководством защитились два человека, по этой же специальности предстоит еще одна защита в конце месяца. А по специальности 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности защитился только один человек. В данный период над своим исследованием под моим руководством аспиранты работают преимущественно по специальности 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности. Темы актуальны и интересны, близки мне по области моих научных интересов (проблемы воспитания, социализации, технологий и т.д.). Безусловно, я высоко оцениваю работу наших советов.

Как Вы думаете, публикация в журналах Перечня ВАК, позволяет говорить о качестве выполненной работы или это формальные требования, но которые необходимо строго соблюдать.

Мы уже говорили о современных требованиях, они разумны. Считаю, что лучше написать одну статью в год, но качественно (!) и опубликовать ее в авторитетном издании, возможно, из числа мировых научных журналов, а погоня за количеством статей приведет к низкой научной ценности.

Вы являетесь членом редколлегии нескольких изданий, «Музейный вестник»

(ЧГИК), «Современная высшая школа: инновационный аспект» (Челябинск), «Инновационный центр развития науки и образования» (ИЦРОН, Нижний Новгород), а как Вы оцениваете работу нашей редакции?

Работу редакции Вестника Челябинской государственной академии культуры, несомненно, оцениваю высоко. Большой объем, разнообразие рубрикаций, различные проблемы требуют не только редакторской правки, следует вникнуть в проблемы общенаучного, фундаментального характера. Журнал предназначен для специалистов, чья профессиональная деятельность опирается на результаты научных исследований, требует осмысления практического опыта на теоретическом уровне и связана с внедрением научных разработок в практику. Мы на практических занятиях по педагогике используем материалы нашего Вестника, делаем обзор научных статей по изучаемой теме.

В нашей редакции работают компетентные специалисты, оперативные, мобильные, креативные, энергичные!

Ведущие мировые системы цитирования как обязательное требование для журналов выдвигают четкое следование принципам редакционной этики (этики научных публикаций). Могли бы Вы сформулировать кодекс профессиональной этики члена диссертационного совета?

Служить науке! Поведение должно отвечать принципам нравственности. Необходимо добросовестно выполнять обязанности, возложенные на члена диссовета.

В работе с соискателями: информация о работе соискателя должна быть объективной, понятной, не должна вводить в заблуждение автора о качестве его исследования. Уважительно относиться к соискателю.

Роберт Мертон в работах по социологии науки определил четыре моральных принципа: *коллективизм* – результаты должны быть открыты для научного сообщества; *универсализм* – оценка любой научной идеи или гипотезы должна зависеть только от ее содержания и соответствия техническим стандартам научной деятельности, а не от характеристик ее автора, например, его социального статуса; *бескорыстность* – при опубликовании научных результатов исследователь не должен

стремиться к получению какой-то личной выгоды, кроме удовлетворения от решения проблемы; *организованный скептицизм* – исследователи должны критично относиться как к собственным идеям, так и к идеям, выдвигаемым их коллегами.

– Мы еще не затронули еще одну для Вас важную тему – воспитание. В чем заключается сущность гражданского воспитания? Изменились ли Ваши взгляды на данную проблему с момента защиты докторской диссертации?

Диплом доктора педагогических наук я получила в 2007 г., прошло 9 лет. Основные идеи, изложенные в авторской концепции гражданского воспитания как фактора социализации школьников, по-прежнему, актуальны. Это объясняет и то, что приглашают оппонировать диссертации, что количество цитирований растет, значит – мои работы читают, изучают, анализируют...

Гражданское воспитание имеет конкретно-исторический характер, несет в себе отличительные черты, запросы эпохи, отражает уровень развития общества, государства. Происходящие в последние годы события влияют на систему воспитания, на повышение требований к подготовке будущих специалистов в учреждениях высшего образования.

Появились диссертации по проблеме гражданского воспитания. Я оппонировала работы Р. Р. Шапировой «Формирование гражданственности студентов в образовательном процессе педагогического вуза», Л. А. Дорошук «Воспитание основ гражданственности у детей старшего дошкольного возраста в учреждениях дополнительного образования», докторское исследование И. Ф. Габидуллина «Концепция и модель развития гражданско-правового сознания студентов вуза» и др.

Сегодня заслуживают внимания и дальнейшего изучения следующие вопросы: корректировка содержания гражданского воспитания молодежи, взаимодействие различных социальных институтов в процессе гражданского воспитания, в том числе сетевое взаимодействие, разработка инновационных технологий, изучение зарубежного опыта, создание региональных центров и т. д.

Мы говорим о воспитании подрастающего поколения, а можно ли повлиять на уже сформировавшуюся личность?

В двух словах: воспитать легче, чем перевоспитать. Предотвратить ошибку всегда легче, чем исправить – это выводы, к которым приходят студенты, когда мы обсуждаем этот вопрос на одном из занятий по педагогике.

Влияние на личность в большой мере оказывает социум, социальное окружение, индивидуальный опыт индивида, который определяется также окружением, например, природой. Культура является носителем определенных социальных норм и ценностей, которые вносят свои коррективы в формирование личности.

Своевременное правильное педагогическое воздействие поможет ребенку стать сильной личностью и не поддаваться вредному влиянию и т. д.

Над чем Вы работаете сейчас? Каковы перспективы научной деятельности?

Сейчас я готовлю к изданию учебное пособие для магистрантов «Педагогика высшей школы», а также монографию, посвященную проблемам воспитания и социализации.

Гульсина Якуповна, благодарим Вас за беседу и желаем дальнейших успехов!

*Беседу вела
В. А. Макарычева*

ЛИЧНО ПРИЧАСТНА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

Зоя Витальевна Руссак – кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ

В юбилей Зои Витальевны Руссак, чье имя в нашем вузе в настоящее время четко ассоциируется с диссертационным советом, невольно также задаешься вопросом: «Интересно, а как в свете научных исследований выглядит специалист, вся профессиональная жизнь которого прошла в одной организации? Кто он: представитель редкого случая необычайной преданности делу и своим коллегам или пугливый, не желающий большего (или – меньшего) человек? Глубоко вторгшийся в профессиональную сферу или не умеющий больше ничего, а потому – держащийся за имеющееся?»

Вероятно, наука, как всегда, найдет аргументы для правильного ответа. В нашем же случае самым убедительным аргументом является общественное, коллективное отношение к Зое Витальевне: в высокой оценке ее морально-нравственных и профессиональных качеств я уверена, как и в том, что уже несколько десятилетий без нее трудно предста-

вить жизнь кафедры, факультета, где она работает, а, впрочем, и всего нашего вуза.

Зоя Витальевна родилась 1 декабря 1950 г. в городе Бресте. Девочка росла не «простой»: вроде бы все, как у всех девчонок – косы-бантики, хорошие оценки в школе, но не меньше было в ней и мальчишеского: не все пацаны могли ее догнать, маленький рост не мешал серьезному отношению к баскетболу, а увлечение футболом довело до участия в республиканском конкурсе знатоков, на который ее пригласили в Минскую киностудию.

После школы (так сложилось) надо было идти работать. По случайности, определившей всю ее последующую жизнь, она оказалась в сельской библиотеке под Брестом и трудилась там почти два года. Теперь она точно знала, кем быть, и в 1970 г. стала студенткой Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской. Здесь и состоялся настоящий старт в ее будущую жизнь. Хорошая ученица, активистка, надежный товарищ – все это было оценено и преподавателями, и однокурсниками. З. В. Руссак была в составе первой группы студентов факультета, проходивших практику в Чехословакии под руководством заведующего кафедрой библиотекосведения, ведущего ученого факультета А. Н. Ванеева, а позже она стала его дипломницей.

Институт окончен, перспективную студентку распределяют на работу в Ленинградскую область. Но должность «заведующая читальным залом» в библиотеке городка Шлиссельбурга осталась вакантной... И не потому, что молодой специалист З. В. Руссак не явилась по распределению.

Декан библиотечного факультета ЧГИК В. А. Ермакова, писавшая в то время диссертацию под руководством А. Н. Ванеева, отправляет в ЛГИК письмо с просьбой о направлении на кафедру для преподавательской работы способного выпускника. Выбор

Анатолия Николаевича был однозначным: З. В. Руссак. Так, 25 августа 1974 г. на Челябинском вокзале и появилась молодая девушка с большим чемоданом, с тревогой всматривающаяся в лик чужого города.

Началась преподавательская деятельность Зои Витальевны в нашем вузе. В должности ассистента кафедры библиотекведения она пребывала до 1976 г., до поступления в дневную аспирантуру ЛГИК им. Н. К. Крупской. Научным руководителем Зои Витальевны вновь выступил профессор А. Н. Ванеев. В 1980 г. она успешно защитила диссертацию по проблеме психолого-педагогических аспектов методического руководства библиотеками.

По возвращении на кафедру на должность старшего преподавателя З. В. Руссак активно включается в общественную работу: она назначается заместителем декана по воспитательной работе, исполняет обязанности куратора, многократно избирается в состав парткома института, много лет является секретарем партийной организации факультета, позже – членом профкома академии. Но самая ее главная работа все эти годы состояла в руководстве кафедрой библиотекведения: с 8 декабря 1982 г. по 1 сентября 2007 г.

Из 39 лет истории кафедры библиотекведения нашего вуза 25 ее бессменно возглавляла Зоя Витальевна Руссак. Это были непростые, но интересные годы: на них выпало время стабилизации преподавательского состава кафедры, коренного изменения содержания и структуры профессиональной библиотечной подготовки, информатизации учебного процесса, создания аспирантуры при кафедре, внедрения первых образовательных стандартов, расширения системы заочного обучения и др. В том, что все эти годы кафедра пользовалась неизменным авторитетом в библиотечном сообществе страны и региона, заслуга прежде всего ее руководителя. В 1990 г. Зое Витальевне было присвоено звание заслуженного работника культуры РФ, в 1991 г. она была участником сессии ИФЛА в Москве, в 1999 г. награждена дипломом лауреата Премии Губернатора Челябинской области, в 2000 г. по

приглашению Госдепартамента США проходила стажировку в библиотеках Америки, в 2003 г. – отмечена Благодарностью Губернатора Челябинской области за плодотворную работу по подготовке кадров для учреждений культуры и искусства.

Но помимо официальных званий и наград есть у Зои Витальевны и другое «богатство» – уважение и глубокая симпатия коллег и студентов. Все, кто с ней работал в составе кафедры библиотекведения, ностальгически вспоминают те годы, когда жили за хрупкой спиной заведующей как за каменной стеной. На все вопросы она знала ответы, помнила и учитывала все моменты, имеющие отношение к производственной деятельности каждого члена коллектива. При этом З. В. Руссак всегда была в тонусе: максимально собранная, компетентная во всем, легко, без «надрыва», иногда – интригуяюще, иногда – с юмором, но всегда оптимистично решающая любые производственные проблемы. Хорошее человеческое и профессиональное настроение в коллективе кафедры – кредо Зои Витальевны Руссак.

Столь же доброжелательны и результативны были и есть ее отношения со студентами, руководителями и сотрудниками библиотек города. Она – частый гость в коллективах городской ЦБС, ЧОЮБ: очень плодотворно сотрудничает с ними в организации научных конференций, проведении исследований. И это естественно для Зои Витальевны, чей исследовательский интерес всегда лежал в практической плоскости: обслуживание пользователей, социология современного чтения – проблематика для нее наиболее привлекательная.

Уже более 40 лет Зоя Витальевна входит в студенческую аудиторию: все годы она неизменно преподает курс «Библиотечное обслуживание», наряду с которым ведет обучающую деятельность по таким дисциплинам, как «Рекламная деятельность библиотек», «Библиотечные исследования», «Правовое обеспечение библиотечной деятельности». Как преподавателя З. В. Руссак отличают не только глубокое знание преподаваемых дис-

циплин, но прежде всего их сознательно прагматичная подача – как необходимого в профессиональной библиотечной деятельности. Отсюда ее осведомленность о состоянии практики, желание показать студенту связь между аудиторной темой и проблемами функционирования конкретной библиотеки, стремление не «теоретизировать», а обучить библиотечному искусству как совокупности точных знаний и правильных умений.

Преданность Зои Витальевны «живому» библиотековедению и сделала ее лидером среди преподавателей кафедры в организации обучения в системе дополнительного профессионального образования. Здесь она абсолютно в своей стихии! Формирование групп в регионах УрФО и Казахстана, создание для них учебного плана, координация деятельности педагогов кафедры, контроль за обучением слушателей и многое другое – все ею учтено, организовано. Об этой успешной деятельности Зои Витальевны не так давно в журнале «Школьная библиотека» с восторгом отзывались слушатели ОДПО из Костаная.

О научном авторитете З. В. Руссак свидетельствует то, что под ее руководством выполнено 6 кандидатских диссертаций, при этом все ее бывшие аспиранты сделали успешную профессиональную карьеру. Ее первая защитившаяся аспирантка – И. Ю. Окольников, тогда – преподаватель кафедры библиотековедения, ныне – зав. кафедрой ЮУрГУ, доктор экономических наук, профессор, член Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО), член гильдии мар-

кетологов России, член американской академии маркетинга, сертифицированный РАСО PR-специалист. Среди других бывших аспирантов – И. А. Гильфанова, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Свердловской областной специальной библиотеки для слепых; Т. В. Зайцева, доцент кафедры документоведения и музееведения ЧГИК; Е. А. Потанина, заместитель главного редактора журнала «Чем развлечь гостей» (Курган); Е. А. Лукьянчикова, преподаватель Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

В настоящее время Зоя Витальевна чрезвычайно квалифицированно проявила себя и как организатор науки в должности ученого секретаря Диссертационного совета, которую она занимает последние восемь лет. Скрупулезность, даже – необходимая в этом случае – дотошность, внимание ко всем обстоятельствам складывающейся каждый раз уникально предзащитой ситуации, и при этом доброжелательность и желание помочь – в этих «компонентах» залог ее нынешней успешной деятельности.

Коллеги и друзья знают Зою Витальевну и как отзывчивого, внимательного человека, и как гостеприимную хозяйку, и как счастливую женщину, имеющую замечательную семью, любящую и поддерживающую ее.

Сердечно поздравляя Зою Витальевну Руссак, желаем ей дальнейшей плодотворной жизни на профессиональном научно-преподавательском поприще, которому она верно и ответственно служит всю свою жизнь.

Уважаемые читатели и авторы!

«Вестник ЧГАКИ» представлен в открытом доступе
в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru

Десятка научных журналов
(тематика «Искусство. Искусствоведение»)

Сравнение журналов по показателю
«Рейтинг SCIENS INDEX» за 2014 год*

№	Название журнала	Показатель
1	Музыкальная академия	0,295
2	Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств	0,142
3	Культура и цивилизация	0,132
4	Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15	0,094
5	Научный вестник Московской консерватории	0,090
6	Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств	0,081
7	Проблемы музыкальной науки	0,080
8	Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение	0,080
9	Музыковедение	0,080
10	Вестник Московского государственного университета культуры и искусств	0,067

*По данным НЭБ eLIBRARY.ru (30.03.2016)

Научная жизнь

**ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ**

Диссертационный совет Д 210.020.02

В декабре 2015 г. состоялось заседание диссертационного совета Д 210.020.02 в связи с защитой кандидатских диссертаций Новодворской Наталии Борисовны «Социально-педагогическое сопровождение деятельности менеджеров социально ориентированных некоммерческих организаций», Ивченко Елены Викторовны «Развитие художественно-творческой активности студенческой молодежи в социально-культурной деятельности вуза», Даниловой Анастасии Анатольевны «Формирова-

ние корпоративной культуры студенческой молодежи в социокультурном пространстве вуза средствами деловой игры». Все три диссертации были выполнены по специальности 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности.

Темы исследований вызвали интерес своей актуальностью, при обсуждении работ состоялись дискуссии. Результаты голосования показали, что защиты прошли успешно. Соискателям присвоено ученое звание кандидата педагогических наук.

*Материал подготовлен З. В. Русак,
ученым секретарем
диссертационного совета*

НАУЧНЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

**Общество знания – общество
активной работы по выявлению
и обработке скрытого знания
(открытый библиографический урок)**

Научная жизнь института активно проявляется в проведении преподавателями научно-исследовательских работ, причем любая из них имеет библиографическую основу, предполагающую в том числе выявление, ранжирование, анализ информации об объекте пристального интереса ученого; характеристику информационного шлейфа объекта; изучение предшествующего знания; выявление критических точек в развитии объекта и др. Все это – на основе качественного выявления информации в мировом информационном пространстве. Одновременно библиографическая работа в другом ее направлении – отражение и концентрация трудов ученого с целью его персонификации в мировом информационном пространстве – является своеобразным итогом, показателем научно-исследовательской работы конкретного ученого, широты или глубины его научных интересов, потенциала развития научного знания через включенность в актуальные научно-исследовательские проблемы современности. В обоих направлениях важно продемонстрировать возможности поиска информации, ее обработки, анализа, показать результаты работы (СБА и биобиблиографический указатель, ко-

торые в то же время выступают «отправной точкой», средством для проведения последующих работ и научных, аналитических изысканий). И то, и другое, особенно корпус биобиблиографических указателей, в своей совокупности позволяют библиографам научных библиотек проводить самые современные, актуальные исследования: библиометрический анализ, анализ цитирования, картирование объекта, построение карты науки, моделирование, семантометрический анализ, исчисления h5-Index и др. В основе всего – продвижение библиографического знания через пропаганду и популяризацию обращения к библиографической продукции, в которой и сосредоточено библиографическое знание.

Описанное – предмет активных научных изысканий и практических приложений библиографов Научной библиотеки ЧГИКа с участием библиографов кафедры библиотечно-информационной деятельности. Тема плановой мартовской (11 марта 2016 г.) встречи-занятия библиографов со студентами культурологического факультета и факультета документальных коммуникаций и туризма – «Современный СБА как база подготовки биобиблиографической продукции» в рамках дисциплины «Информационно-библиографическая деятельность библиотеки» и формирования информационной культуры студентов. Целью совместной

работы со студентами разных факультетов было осмысление возможностей подготовки междисциплинарной библиографической и аналитической продукции, основанной на поиске информации об объекте, что предполагает полное или неполное на основе какого-либо качественного (проблема, тема) или формального (временной период, виды изданий) критерия выявление и отражение информационного шлейфа объекта. Последний представляет собой документный массив – массив публикаций об объекте. Главным источником выявления документного массива об объекте является ретроспективная библиография (включая каталоги и картотеки библиотеки – ее СБА).

Специфика мероприятия – в предложении темы для поиска и библиографических изысканий соответственно кругу научных предпочтений доктора культурологии, профессора, почетного гостя встречи-занятия С. Г. Фатыхова. Тем самым студентам были продемонстрированы: 1) непосредственная работа библиографа со специалистом высочайшего научного, профессионального уровня; 2) грамотная формулировка информационной потребности специалиста и проблемного поля его научных изысканий; 3) качественная постановка задачи для информационного поиска специалистом (виртуозное научное выступление – фрагмент лекции С. Г. Фатыхова); 4) стиль речи и понятийный аппарат специалиста; 5) особенности профессиональной коммуникации «библиограф – библиограф», «библиограф – специалист», «библиограф – электронный каталог» – все то, с чем сталкивается библиограф научной библиотеки в работе с читателем: от научного стиля речи, богатой специфической терминологией, до необходимости изучения понятийного аппарата и проблемного поля сферы деятельности специалиста для качественного понимания запроса и необходимости встать на уровень специалиста при выдаче ответа на запрос, особенно в письменном аналитическом виде, не только библиографическом. Главное, что дало участие С. Г. Фатыхова в открытом занятии: и студентам, и преподавателям, и библиотекарям, – это безусловное обогащение знаниями,

демонстрацию высокой культуры изложения материала и ведения лекции, просто общение с этим интереснейшим человеком, знакомство с его опытом и знаниями.

Ценнейшими были комментарии другого почетного гостя занятия – доктора филологических наук, профессора В. Я. Аскаровой – по методике постановки задач; весомое замечание – подведение итога (как всегда – виртуозная, четкая, однозначная, просто красивая своей научностью формулировка мыслей) на основе наблюдений за выполнением задания «формулирование запроса и введение его в ЭК для поиска» – о важности формирования широкого кругозора, развития общей культуры для библиографа, необходимости воспитания в себе информационной активности, информационной открытости, профессиональной памяти и интуиции для верного орфографического и стилистического введения запроса в машину.

Библиографами – Ю. В. Гушул, Т. Н. Моквой, Ю. Б. Разиной, В. Р. Абрамовских, О. В. Бессмертной – было показано, что современный СБА библиотеки функционирует и используется специалистом как в традиционном, так и в электронном виде. Обращение к традиционному актуально в том случае, когда следует выявить публикации глубокой ретроспективы, те, которые объективно не отражены в электронном каталоге; в случае, если библиотека не замораживала традиционные каталоги, обращение к ним актуально для проверки, перепроверки и редактирования сведений, полученных через электронный каталог. Современные информационные технологии в библиотеках позволяют специалисту обращаться не только к электронному каталогу конкретной библиотеки (в фонде которой может не оказаться документа об интересующем его объекте исследования), но с целью максимально полного поиска информации – к электронному каталогу (ЭК) любой библиотеки мира. Ю. В. Гушул было отмечено, что самый полный каталог и фонд литературы находится в Российской государственной библиотеке, так как она получает обязательный экземпляр (согласно Закону РФ «Об обязатель-

ном экземпляре») любого документа, изданного на территории Российской Федерации; кроме того, в библиотеке функционирует специализированное подразделение «Информкультура», которое пристально регистрирует всю издающуюся литературу, связанную с культурой в нашей стране; так что обращение к ЭК главной – государственной – библиотеки страны должно быть одним из первых шагов в выявлении информации. Следующий по значимости – ЭК Российской национальной библиотеки с глубокой ретроспективой, весьма важной для историков науки. При организации поиска информации регионального характера, который был проведен под руководством библиографов Т. Н. Моковой, Ю. Б. Разиной, В. Р. Абрамовских, отмечено, что незаменим ЭК областной универсальной научной библиотеки, также получающей обязательный местный экземпляр всех изданий, выходящих на территории области, являющихся часто малотиражными, ведомственными, с ограниченным сроком актуальности заключенной в них информации и не всегда (в силу своей информационной малой востребованности широким кругом читателей, актуальности и возможности использования только на региональном уровне) поступающих в фонд государственной или национальной библиотеки. Большое внимание было уделено разноплановой работе с ЭК Научной библиотеки института культуры, поскольку на протяжении многих лет он профильно создавался с без-

условным учетом информационных потребностей специалистов и студентов сферы культуры на основе трепетного, точнейшего выявления местных документов по проблемам культуры.

СБА – не просто готовый неизменный продукт в библиотеке, но продукт, который постоянно пополняется новыми библиографическими записями. Таким образом, к примеру, каталог – это одновременно и средство, и результат библиографической деятельности. Как средство достижения цели библиограф использует каталог для выявления информации об объекте исследования. Как результат – обновленный каталог каждый раз представляется при редактировании, пополнении его новыми библиографическими записями, полученными в результате дополнительных специальных или (нередко) случайных изысканий. Так что уже определены направления новых междисциплинарных встреч-занятий для факультетов института, что обогащает знаниями и практикой преподавателей (междисциплинарным подходом к предмету своих научных изысканий, ознакомлением с иными профессиональными специфическими запросами к устоявшейся практике и современными информационными запросами); ориентирует библиографов в возможностях библиографического и аналитического отражения персоны в мировом информационном пространстве; учит студентов на конкретных примерах научной и информационной коммуникаций.

*Материал подготовлен
Ю. В. Гушул*

Третий международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрестке» (Челябинск, 24–25 сентября 2015 г.): материалы форума / М-во культуры Российской Федерации, М-во культуры Челяб. обл., Рос. библ. ассоциация, Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред.-сост. В. Я. Аскарова. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 484 с.

Сборник включает материалы Третьего международного интеллектуального форума «Чтение на евразийском перекрестке» (Челябинск, 24–25 сентября 2015 г.). В сборник вошли разноплановые статьи теоретического и практического характера, статьи-размышления, эссе и эмпирический материал, отражающий опыт работы. Публикации охватили практически всю проблематику форума: по вопросам поддержки и развития чтения изложили свои позиции читателеведы, библиотековеды, библиографоведы, книговеды, музееведы, культурологи, хореографы, издатели, филологи, специалисты области образования, писатели и поэты. Издание адресовано исследователям и специалистам, занимающимся проблемами поддержки и развития чтения.

Цена: 300,00 руб.

Современная библиотека: правила игры и требования времени: сб. материалов пятой и шестой межрегион. Школ инноватики / под. ред. И. Ю. Матвеевой; Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ГКУК «Челяб. обл. юнош. б-ка». – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 252 с.

Сборник включает материалы пятой межрегиональной Школы инноватики «Молодежь и библиотека. Правила игры или требования времени», проходившей в 2013 г. на базе ЦБС г. Челябинска, и шестой Школы инноватики «Библиотека – территория интеллектуального развития», состоявшейся в ЦБС Коркинского муниципального района в 2014 г., а также материалы об опыте библиотек других регионов по теме школ.

Молодежь в науке и культуре XXI в.: материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 2–3 ноября 2015 г. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 434 с.

В сборник вошли научные материалы (статьи и тезисы выступлений) молодых ученых и их наставников, подготовивших доклады на XIV международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI века».

Инициатором проведения данного мероприятия выступает аспирантура Челябинской государственной академии культуры и искусств, которая в ноябре прошлого года отметила 20-летие со дня первого набора. За это время было подготовлено и защищено около 300 кандидатских и докторских диссертаций по разным специальностям.

Апробацию своих исследований молодые ученые и их наставники проходят на данном форуме.

Культура – искусство – образование: XXXVII науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава вуза / сост., авт. предисл. А. В. Штолер; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 376 с.

В сборнике представлены итоги научных изысканий преподавателей Челябинского государственного института культуры, научные материалы объединены в тематические разделы, ориентированные на выделение теоретико-методических проблем образования, исторических, теоретических и прикладных аспектов познания социокультурных явлений и процессов, художественного творчества, образования в сфере культуры и искусства. Внутри разделов материалы распределены в алфавитном порядке.

Издание адресовано преподавателям, сотрудникам, аспирантам, студентам вуза, исследователям и специалистам, заинтересованным проблемами развития социально-го и гуманитарного знания.

Цена: 300,00 руб.

Сафаралиев, Б. С. Развитие информационной компетенции в условиях дополнительного образования: монография / Б. С. Сафаралиев, Н. С. Кольева; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 138 с.

В монографии рассматриваются теоретико-методологические и методико-практические аспекты развития информационной компетенции. Представлена авторская концепция решения проблемы на основе системно-деятельностного, компетентностного и аксиологического подходов. В рамках концепции рассмотрены сущность и содержание информационной компетенции, разработана модель ее развития, обоснованы педагогические условия эффективного функционирования, а также критериальный инструментальный диагностики развития информационной компетенции.

Работа адресована преподавателям вузов, аспирантам, а также будет полезна историкам, культуроло-

гам, педагогам учреждений дополнительного образования и всем, кто интересуется проблемами развития информационной компетенции.

Цена: 150,00 руб.

Гревцева Гульсина Якуповна: биобиблиогр. этюд / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; отв. за вып. В. Я. Рушанин; сост. Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина, О. В. Бессмертная. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 105 с.: цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

В издание включены биографические данные, воспоминания коллег, учеников, газетные статьи, сведения о научных трудах, отражающие содержание научной, педагогической и общественной деятельности одного из ведущих ученых Челябинской государственной академии культуры и искусств – профессора кафедры педагогики и психологии, доктора педагогических наук, действительного члена Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), члена-корреспондента Российской академии естествознания (РАЕ), отличника народного просвещения, кавалера Ордена трудовой славы III степени Г. Я. Гревцевой.

Герасимов Виктор Геннадьевич: биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; отв. за вып. В. Я. Рушанин; сост. О. В. Бессмертная, Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 90 с.: цв. фот. – (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

Данный биобиблиографический указатель содержит перечень основных трудов и литературу о деятельности музыканта-инструменталиста, заслуженного артиста РФ, профессора Челябинской государственной академии культуры и искусств, дипломанта и лауреата международных конкурсов Виктора Геннадьевича Герасимова. Издание приурочено к 60-летию педагога.

Адресовано специалистам сферы культуры и искусства, преподавателям, аспирантам, студентам.

Вестник Института культуры детства. Вып. 15. Теория и практика формирования культуры детей и подростков / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; редкол.: Р. А. Литвак, К. В. Горбачева. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 88 с.

Сборник включает серию публикаций научно-методического характера, выполненных в процессе деятельности Института культуры детства при Челябинской государственной академии культуры и искусств. Мате-

риалы отражают научно-методические исследования преподавателей, аспирантов и соискателей, проведенные в текущем году на базе учреждений дополнительного образования, общеобразовательных школ и учреждений социального патронирования, которые являются экспериментальными площадками Института культуры детства.

Издание предназначено преподавателям, аспирантам, соискателям и студентам, исследующим как проблемы формирования культуры детей и подростков, так и профессиональной направленности специалистов в области культуры и искусства.

Воронцова, Ю. В. Перспектива: учеб.-метод. пособие по дисциплине «Технический рисунок» для студентов, обучающихся по направлению подготовки 54.03.01 Дизайн / Ю. В. Воронцова; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 87 с., ил.

Учебно-методическое пособие содержит подробное описание заданий с чертежами, описывает взаимосвязь технического рисунка и академических рисунка и живописи. Приведены примеры выполнения контрольной работы по курсу.

Для студентов высших учебных заведений, изучающих курс «Технический рисунок», обучающихся по направлению Дизайн.

Цена: 200,00 руб.

Булгакова, С. Н. Эволюция формы мессы и развитие жанров духовной музыки от эпохи раннего Средневековья к XX веку: учеб. пособие / С. Н. Булгакова; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 122 с.

Учебное пособие направлено на развитие профессиональных знаний студентов, расширение педагогического и концертного репертуара хорового класса. В издании представлена эволюция хорового творчества от эпохи раннего Средневековья до музыки XX в. Через призму становления и развития формы мессы рассмотрены важнейшие вехи в истории западноевропейской музыкальной культуры. Краткий исторический анализ сочинений современных композиторов, представленный в третьей части, может служить в качестве учебного материала по музыкально-теоретическим дисциплинам, истории хорового искусства и для работы в хоровом классе, на занятиях по дирижированию.

Издание адресовано студентам вузов, музыкальных колледжей и средних профессиональных учебных заведений.

Цена: 200,00 руб.

Дубских, Т. М. Хореографическое искусство Южного Урала (башкирский и татарский танцы): учеб. пособие / Т. М. Дубских; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 175 с.

Данное учебное пособие – результат практического опыта работы автора в течение ряда лет и изучения специальной литературы, посвященной танцу башкир и татар.

Издание адресовано преподавателям и студентам институтов культуры, искусств, культурно-просветительных училищ, а также специалистам-хореографам.

Цена: 200,00 руб.

Лазарева, Л. Н. История и теория праздников: учеб. пособие / Л. Н. Лазарева; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 251 с.

В работе освещается праздник как знак культуры и знаки в празднике; историческая детерминанта форм и содержания праздничной культуры, обусловленная характером базисных ценностей; основные движущие силы праздничной деятельности в конкретные исторические промежутки; формирование мировой «копилки» художественно-выразительного языка праздника; вопросы жизнедеятельности праздника в современных условиях.

Цена: 200,00 руб.

Филонов, В. Ф. Событие как первооснова сценического действия: учеб. пособие по дисциплинам «Мастерство артиста драматического театра», «Режиссура и актерское мастерство» для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 52.05.01 Актерское искусство / В. Ф. Филонов; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 132 с.

В учебном пособии рассмотрен вопрос определения одного из важнейших театральных понятий – события, а также его роль в методе действенного анализа и в воспитании профессионального мышления. Приведенные упражнения и учебные задания позволяют студентам совместить теоретические знания с практическим опытом, а педагогам наметить путь воспитания событийно-действенного мышления.

Издание адресовано студентам и преподавателям вузов культуры и искусств, а также театральных училищ. Может быть использовано в учебном процессе для студентов, обучающихся по направлению подготовки 52.05.02 Режиссура театра.

Цена: 150,00 руб.

Панов, Д. П. Берег детства, надежды и любви [Ноты]: репертуар. сб. / Д. П. Панов; Челяб. гос. ин-т культуры; каф. эстрад.-оркестр. творчества. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 58 с.

В сборник вошли четыре произведения известного челябинского композитора, объединенные общей тональностью, подбором выразительных средств.

Издание адресовано опытным исполнителям, но может быть использовано и на занятиях по предметам «Вокальный ансамбль», «Сольное пение», «Фортепианное исполнительство» для студентов, обучающихся по направлению 53.03.01 Музыкальное искусство эстрады (профиль подготовки «Эстрадно-джазовое пение»).

Вычислительные системы, сети и телекоммуникации: учеб. пособие / авт.-сост. С. В. Буцык; А. С. Крестников; А. А. Рузаков; под общ. ред. С. В. Буцыка; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 116 с.

Пособие раскрывает содержание части курса «Вычислительные системы, сети и телекоммуникации». Авторами поставлена задача обеспечения доступности к современной информации ввиду сложности материала традиционных учебников и быстрого их устаревания (при динамично развивающейся сфере информационных технологий).

Работа адресована студентам направления 09.03.03 Прикладная информатика (уровень бакалавриата), а также преподавателям соответствующих дисциплин.

Шкербина, Т. Ю. Детская музыка [Ноты]: цикл пьес для фортепиано / Т. Ю. Шкербина; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 27 с.

Фортепианный цикл «Детская музыка» написан челябинским композитором Т. Шкербиной к 125-летию со дня рождения С. С. Прокофьева.

Сборник адресован студентам высших и средних музыкальных учебных заведений, юным исполнителям, а также преподавателям курсов «Специальный инструмент», «Музыкальное исполнительство и педагогика», «Фортепиано», «Изучение концертного репертуара», «Совершенствование исполнительского мастерства в классе по специальности», «Музыка второй половины XX – начала XXI века», «История исполнительских стилей» и др.

Цена: 100,00 руб.

Шкербина, Т. Ю. Произведения [Ноты]: для женского хора a capella / Т. Ю. Шкербина; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2016. – 62 с.

Консерваторский факультет Челябинского института культуры представляет сочинения для женского хора а capella челябинского композитора Т. Шкербиной.

Сборник адресован профессиональным хоровым коллективам, а также студентам – дирижерам академического хора, преподавателям средних и высших музыкальных учебных заведений.

Цена: 100,00 руб.

Бычков, В. В. Шаукат Амиров / В. В. Бычков. – Москва: Композитор, 2014. – 272 с.

Современная история исполнительства на народных инструментах, в частности на балалайке, в последние годы все чаще становится предметом исследования многих ученых. В этом ряду книга профессора Владимира Васильевича Бычкова «Шаукат Амиров», изданная в 2014 г. издательством «Композитор» (Москва), заслуживает отдельного внимания. Являясь одной из немногочисленных работ, посвященных исключительно искусству исполнительства на балалайке, она подтверждает востребованность этого инструмента в современной музыкальной культуре и науке.

Несмотря на столь активную и богатую концертно-педагогическую деятельность, искусство Шауката Амирова до сих пор не становилось объектом для фундаментального и глубокого исследования, хотя его творчество многократно освещалось в различных статьях и заметках российской и международной прессе.

Монография В. В. Бычкова является первым серьезным изданием, обращенным к творчеству народного артиста России, лауреата всероссийского, всесоюзного и международных конкурсов, профессора Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского Шауката Сабировича Амирова. Это, безусловно, определяет значимость и актуальность данной работы.

Первая глава исследования содержит уникальные материалы, раскрывающие этапы становления творческой личности Ш. Амирова. Здесь ценными являются воспоминания самого Шауката Сабировича, а также его матери Мунавары Сунгатовны.

Во второй главе, наряду с балалаечной историей исполнительства, представлен анализ ряда сочинений из исполнительского репертуара Ш. С. Амирова. Достоинством является и введение в научный обиход ряда новых сочинений для балалайки, ранее не попадавших в круг внимания ученых: сочинения Р. Губайдуллина, Е. Гудкова, Н. Шульмана, И. Жака, В. Минцева и др. Автором проработан значи-

тельный музыкальный материал, что представляет не только научную, но и бесспорную практическую ценность работы.

Третья глава раскрывает еще одну грань Мастера, а именно – его педагогические достижения, позволяющие говорить о наличии самостоятельной школы Ш. Амирова. Сформировавшиеся с годами методические принципы позволили воспитать большое количество учеников, многие из которых стали известными высокопрофессиональными исполнителями и педагогами.

Все достижения Шауката Амирова систематизированы в обширном приложении, которое содержит списки учеников, публикаций, дискографию и перечень фондовых записей, а также гастрольные маршруты.

Монография В. В. Бычкова представляет собой объемный фундаментальный труд, охватывающий множество аспектов деятельности Шауката Амирова, связанных как с жизненным и творческим путем, его педагогической и концертной деятельностью, так и с общими тенденциями развития профессионального народно-инструментального искусства в России.

*Из рецензии кандидата
искусствоведения А. А. Усова*

*По вопросам приобретения данной книги обращаться
по тел. 8-908-049-78-85, Владимир Васильевич Бычков.*

Полтавская, Е. И. Схематизация понятий как метод исследования: документно-коммуникационный аспект / Е. И. Полтавская. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2014. – 312 с.

Рассматриваются теоретические основания, технология и практика схематизации понятий социальных общностей организация (учреждение) и социальный институт – базовых понятий для наук документно-коммуникационной сферы. Автор обосновывает схематизацию понятий как теоретический комбинированный (сочетающий приемы абстрагирования, моделирования и формализации) метод, необходимый при уточнении или пересмотре понятийного аппарата из-за обнаружения в нем противоречия, при отграничении смежных наук в группе родственных, систематизации и отражении в классификациях, рубриках, а также для понимания законов социально-гуманитарных наук.

По заключению автора, схематизация понятий – это одна из трансдисциплинарных стратегий исследования, которая способствует преодолению разобщенности научных дисциплин, укрепляет их взаимосвязь путем организации знаний в социально-гуманитарной области, а также науки в целом.

Книга может быть полезна преподавателям в научной и педагогической работе, студентам и аспирантам (особенно обучающимся по документно-коммуникационным специальностям), а также всем интересующимся вопросами теории и методологии социально-гуманитарных наук.

Цена: 150,00 руб.

Рябков, В. М. *Антология научно-педагогической работы ведущих ученых социально-культурной деятельности России: учеб. пособие в 12 т. / В. М. Рябков; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014.*

– Т. 10. (конец XIX – начало XX века) – 306 с.

– Т. 11 (вторая половина XX – начало XXI века). – 396 с.

Это уникальное издание, в котором впервые рассказывается о выдающихся ученых внешкольного образования, политико-просветительской работы, культурно-просветительной и социально-культурной деятельности России, внесших неоценимый вклад в развитие социально-культурной деятельности на различных этапах ее развития. Это история нашей науки – социально-культурной деятельности. Каждый ученый, включенный в это издание, представляет эпоху своего времени. Мы считаем, что рассказ о научно-творческом пути ученого, мнение коллег о его деятельности, а также список его публикаций дают представление о вкладе ученого в теорию и практику социально-культурной деятельности. Молодые ученые, студенты, магистры, аспиранты, изучающие социально-культурную деятельность, должны знать ученых своей эпохи, использо-

вать их достижения и продолжить развитие науки социально-культурной деятельности в новых условиях. Издание может служить учебным пособием студентам при изучении истории социально-культурной деятельности, истории и теории культуры, культурологии, будет интересен аспирантам и преподавателям вузов культуры и искусств, педагогических учебных заведений и университетов.

Цена: 500,00 руб.

Урсул, А. Д. *Природа информации: философский очерк / А. Д. Урсул; Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Науч.-образоват. Центр «Информационное общество»; Рос. гос. торгово-экон. ун-т; Центр исслед. глоб. процессов и устойчивого развития. – 2-е изд. – Челябинск, 2010. – 231 с.*

Без теории информации не могут обойтись ни физика, ни биология, ни лингвистика, ни многие другие науки. Информационные процессы происходят всюду: и при общении людей друг с другом, и при передаче наследственных признаков от одного живого организма к другому, без них немыслима ни работа сложного автоматического устройства, ни управление предприятием. Автор этого издания вводит читателя в круг основных понятий теории информации, высказывает свою точку зрения по дискуссионным вопросам. В книге рассматривается связь понятия информации с некоторыми философскими категориями, раскрывается возможность применения теоретико-информационного метода в логике, теории познания.

Цена: 120,00 руб.

Материал подготовлен С. А. Ульяновой

По вопросам приобретения обращаться в сектор распространения издательской продукции Челябинского государственного института культуры по адресу:

454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе 36а, каб. 3101;

тел./факс тел. (351) 263-86-83, (351) 263-87-73;

e-mail: lib18@chgaki.ru

Подробная информация на сайте: http://chgik.ru/sectr_raspr_izdat_prod

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ» В 2015 ГОДУ

Штолер А. В., Штолер Н. Н. Научно-исследовательская деятельность вузов культуры и искусств: опыт сопоставительного анализа. № 1 (41). С. 6–19.

РАЗДЕЛ I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ

Авдеева Н. В., Ледовская В. М. Некорректные заимствования в диссертациях: способы их обнаружения. № 3 (43). С. 16–20.

Мальцева М. Р. Генезис понятия «виртуальное библиотечное обслуживание». № 2 (42). С. 39–45.

Михайлова А. В. Интегративная функция библиотеки в информационно-образовательном пространстве вуза. № 3 (43). С. 21–28.

Оганова О. А., Кирсанова А. И. Методы исследования информационных потребностей ученых УРО РАН. № 4 (44). С. 7–14.

Сафаралиев Б. С., Буриев К. Б. Источники по истории таджикской советской библиографии (1920–1960-е гг.). № 1 (41). С. 30–37.

Смирнов Д. М. О современных проблемах авторского права в Российской Федерации. № 1 (41). С. 38–45.

Смолина С. Г. Развитие информационной компетенции будущего специалиста в условиях вузовской библиотеки. № 2 (42). С. 46–54.

Сокольская Л. В., Руссак З. В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов? № 1 (41). С. 21–29.

Стрельников А. В. Автодидактика как одно из условий формирования информационно-коммуникационной культуры. № 2 (42). С. 55–61.

Тузовский И. Д. Исторические обстоятельства, обусловившие синкретизм и конвенционализм современного состояния теории информационного общества. № 3 (43). С. 7–15.

Чеботарев А. М. Развитие рекламы книги в России в XVIII в.: к вопросу об уточнении второго этапа. № 2 (42). С. 32–38.

Шицкова М. А. Роль библиотек в развитии книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. № 4 (44). С. 15–19.

РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Россия в межцивилизационных союзах: культурно-гуманитарные аспекты евразийского сотрудничества. № 3 (43). С. 29–36.

Астахов О. Ю. Творческая деятельность в гносеологии символизма Андрея Белого (по материалам статьи «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма»). № 1 (41). С. 55–61.

Бенгардт Д. В. Ценность культуры России в эпоху глобализации. № 1 (41). С. 76–82.

Биче-оол В. К., Халина Е. М. Эволюция православия на Таймыре. № 1 (41). С. 68–75.

Булыко И. П. Обожение согласно учению архимандрита Киприана (Керна). № 2 (42). С. 81–89.

Буцык С. В. Дискурс в современном научном познании. № 4 (44). С. 44–48.

Васильева Э. В. Модный показ как система кодов современной культуры. № 2 (42). С. 98–105.

Глазкова Т. В. Семья в концептосфере русской культуры. № 4 (44). С. 56–61.

Данилова Ю. Н. Универсалии «вина» и «стыд» как выражение русскости в морали. № 1 (41). С. 96–101.

Епифанова А. Г., Нестерова Н. В. Функциональность дизайна в рекламном дискурсе: культурологические основания. № 4 (44). С. 62–66.

Исмаилов А. Ю. Философско-антропологический концепт «человек здоровый»: постановка проблемы. № 2 (42). С. 71–75.

Каминская Е. А. Контексты исторической памяти и традиционный фольклор. № 2 (42). С. 90–97.

Каминская Е. А. Культурные смыслы мифов и их отражение в традиционном фольклоре. № 4 (44). С. 49–55.

Кара-оол Ч. А. Детские словесные игры устного народного творчества в традиционной культуре тувинцев. № 1 (41). С. 101–105.

Карачканов А. А. Феномен организационной культуры в современной философии: методологические основания исследования. № 1 (41). С. 83–88.

- Консон Г. Р.** Катастрофическое ощущение жизни и катастрофизм личности. № 3 (43). С. 37–45.
- Лобова М. П.** Феномен досуга как культурологического фактора формирования мужества сибиряков в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). № 4 (44). С. 67–75.
- Рябков В. М.** Биографика социально-культурной деятельности: методология и методы исследования. № 2 (42). С. 63–70.
- Соковиков С. С.** Пространство киномузыки и киномузыка в культурном пространстве: популярная культура как контекст. № 4 (44). С. 36–43.
- Сумская А. С.** «Выбирайтесь своей колеей», или О проблемах воспроизводства региональной медиаотрасли в условиях информационной культуры современности. № 3 (43). С. 51–59.
- Точилкина А. С.** Театр в жизни современного города: концептуальное осмысление понятий «театральная культура» и «театральная среда». № 3 (43). С. 60–67.
- Флиер А. Я.** Культура общества как системный феномен. № 4 (44). С. 21–27.
- Флиер А. Я.** Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (*окончание*). № 1 (41). С. 47–54.
- Чемодуров К. В.** Философская исповедь: от Античности до Возрождения. № 1 (41). С. 89–95.
- Чивилёв А. А.** Межличностная коммуникация как объект исследования культурологии. № 3 (43). С. 46–50.
- Ширинкин П. С.** Культурный туризм как метод развития территории (концепция «Пермская Биармия»). № 1 (41). С. 62–67.
- Щеглинина Е. В.** Религиозная самотрансценденция как фактор становления религиозного сознания человека (на примере духовной жизни в постсоветской России). № 2 (42). С. 76–80.
- Ярошенко Н. Н.** Воспитательный потенциал современной индустрии досуга. № 4 (44). С. 28–35.

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Амолин И. А.** Опыт реконструкции штрихов на домре конца XIX – начала XX в. № 3 (43). С. 107–111.
- Бережной В. Ю.** Формирование профессионально-академического исполнительства в дуэте баянистов (30-е гг. XIX – 70-е гг. XX в.). № 3 (43). С. 95–101.
- Борщ Е. В.** Гравюры по рисункам К.-П. Мариле в книжных коллекциях Екатеринбурга. № 4 (44). С. 92–99.
- Бурель А. В.** Скрипичные концерты К. Сен-Санса в русле творческого стиля композитора. № 3 (43). С. 102–106.
- Иванова Е. К., Охтярова Т. И.** Пути формирования и сохранения профессиональных качеств голоса. № 2 (42). С. 134–139.
- Имханицкий М. И.** О сущности музыкальной артикуляции как степени как степени весомости соотносимых звуков. № 2 (42). С. 107–112.
- Калентьева Н. В.** Современное клавишное искусство в аспекте герменевтики. № 2 (42). С. 145–151.
- Камалиева А. С.** Башкирская шапка кашмау: семантический аспект. № 2 (42). С. 128–133.
- Костерина А. Б., Бельтюков А. О.** Музыкальный стиль как художественная модель бытия. № 2 (42). С. 140–144.
- Кочек В. Ф.** Василий Федорович Крылов – этапы жизненного пути одного из основателей Уральской баянной академической школы. № 3 (43). С. 77–83.
- Мельник А. А.** «Еврейская молитва» Марка Карминского. № 3 (43). С. 90–94.
- Мурашова Н. С.** Принципы систематизации духовных стихов. № 3 (43). С. 69–76.
- Полисадова О. Н.** Танец как диалог культур и поколений (к вопросу об этнохореографии и исторической интерпретации в танцевальном искусстве). № 3 (43). С. 112–117.
- Просеков А. В.** Творчество мастеров Московской школы в церковно-певческом искусстве XVI – XVII вв.: к истории изучения. № 2 (42). С. 152–159.
- Пупина О. А.** Музыкальная пауза как фактор исполнительского интонирования (на примере пятой пьесы *Sunt lacrymae rerum, en mode hongrois* из третьего «Года странствий» Ф. Листа). № 1 (41). С. 121–126.
- Пурик А. С., Морозова И. Н.** Пластические метаморфозы гончарной формы в современной отечественной керамике (конец 70-х гг. XX в. – начало XXI в.). № 4 (44). С. 86–91.
- Слюсаренко Т. А.** Бандурное исполнительство как объект научного исследования (конец XX – начало XXI в.). № 1 (41). С. 127–131.
- Смирнов Б. Ф.** Коллективное исполнительство в детских музыкальных школах и школах искусств как социокультурная проблема. № 2 (42). С. 113–119.

- Степанова И. В.** Творческий дневник – традиционное средство театральной педагогики. № 3 (43). С. 84–89.
- Умеркаева С. Ш.** Формирование представлений о музыкальном стиле у певцов хора. № 2 (42). С. 120–127.
- Ширяева О. Ф.** Опера Т. Шкербиной «Дюймовочка»: к вопросу об истории и теории жанра детской оперы. № 1 (41). С. 114–120.
- Ширяева О. Ф.** Симфоническая картина: судьба жанра в XX – начале XXI в. № 4 (44). С. 77–85.
- Ягодинцева Н. А.** Литература как инструмент социально-культурного проектирования. № 1 (41). С. 107–113.

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

- Вековцева Т. А.** Особенности досуговой деятельности преподавателя вуза в современных условиях. № 3 (43). С. 142–148.
- Гиззатуллин И. Г.** Развитие социального лидерства педагога дополнительного образования. № 4 (44). С. 134–141.
- Грунчева Е. В.** Органайзинг как этап в развитии аудиовизуальной культуры студенческой молодежи средствами информационных технологий. № 4 (44). С. 109–116.
- Днепров С. А., Мантурова Н. С.** Активизация познавательной деятельности в формировании профессиональных ценностей бакалавров документоведения и архивоведения. № 3 (43). С. 161–167.
- Егле Л. Ю., Библиева О. В.** Источниковедческие проблемы изучения духовных песнопений российских немцев. № 2 (42). С. 178–185.
- Зуева Т. В.** Социализация подростков: роль интеграции социально-культурной деятельности школы и семьи. № 3 (43). С. 155–160.
- Иванова Е. К., Чемерилова И. А.** Педагогические условия реализации воспитательного потенциала хореографических занятий с дошкольниками. № 1 (41). С. 145–150.
- Ивченко Е. В.** Модель развития художественно-творческой активности студенческой молодежи в условиях социально-культурной деятельности. № 4 (44). С. 122–127.
- Ильченко О. М.** Концептуальные положения системы дополнительного профессионального образования в социокультурной сфере. № 4 (44). С. 117–121.
- Казеева А. А., Овчинникова Е. А.** Медиакомпетентность как фактор развития профессиональной мобильности личности. № 4 (44). С. 128–133.
- Кириллова Я. В.** Самосовершенствование как основа конкурентоспособности будущих выпускников современного вуза. № 3 (43). С. 149–154.
- Коробков Ю. Д., Гневэк О. В.** Гол, да не вор: стратегии совладающего поведения уральских рабочих и крестьян в пореформенный период по материалам пословиц и поговорок. № 4 (44). С. 101–108.
- Котлярова И. О.** Модель развития готовности профессорско-преподавательского состава университета к международному сотрудничеству. № 2 (42). С. 161–168.
- Кузнецов А. Б., Худяков В. Н.** Электронный учебно-методический комплекс как аспект повышения качества подготовки студентов вуза. № 1 (41). С. 133–138.
- Куличкина Г. В., Мельникова Н. С.** Фестиваль как форма межкультурной коммуникации в условиях полиэтнического региона. № 3 (43). С. 127–133.
- Лешуков А. Г.** Генезис информационно-рекламной коммуникации в политической сфере пореформенной России (вторая половина XIX в.). № 1 (41). С. 151–157.
- Литвак Р. А., Дударева Н. В.** Проблемы формирования художественной культуры личности в современном социально-культурном пространстве. № 1 (41). С. 139–144.
- Мэн С.** Практика как организационная форма развития готовности будущего менеджера по туризму к инновационной деятельности в КНР. № 2 (42). С. 207–213.
- Рушанин В. Я., Гревцева Г. Я.** Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования. № 3 (43). С. 119–126.
- Цыбикова-Данзын И. А.** Педагогическая деятельность композитора В. Усовича. № 2 (42). С. 186–189.
- Цыдендоржиева Э. Д.** Просветительно-оздоровительное направление в учреждениях культуры Бурятии. № 2 (42). С. 200–206.
- Юсупов М. Р.** Внешкольное образование в России: эффекты культурной диффузии. № 3 (43). С. 134–141.
- Юсупов М. Р.** Сущность и значение внешкольного образования как социокультурного института. № 2 (42). С. 169–177.

ДИСКУССИИ

- Дыдров А. А.** Противостояние библиотек и «эффект сгущения». № 1 (41). С. 159–163.
- Зубанова Л. Б.** Безграничная культурология: к проблеме конвертации и интеграции методологических подходов. № 3 (43). С. 179–87.
- Синецкий С. Б.** Гуманитарные науки – от государственных стандартов к профессиональному саморегулированию. № 4 (44). С. 143–149.
- Триодин В. Е.** Социально-культурная деятельность в эпоху нового Великого Перелома. № 3 (43). С. 169–178.
- Флиер А. Я.** Основания систематизации – граница между научными дисциплинами. № 2 (42). С. 215–221.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

- Александрова Н. О., Штолер А. В.** Издательское дело на Урале в годы Великой Отечественной войны. № 2 (42). С. 23–31.
- Вороничева О. В.** Великая Отечественная война как главная тема брянского текста. № 4 (44). С. 159–165.
- Гаража Н. А.** Восточные рабочие в Третьем рейхе: специфика межэтнического взаимодействия. 1941–1945 гг. № 3 (43). С. 188–195.
- Гушул Ю. В.** Библиографическая деятельность библиотек в годы Великой Отечественной войны. № 1 (41). С. 165–177.
- Полынский А. С.** Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны. № 2 (42). С. 190–199.
- Рубанова Т. Д.** Войны газетная строка: особенности функционирования периодической печати на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. № 2 (42). С. 7–22.
- Тажидинова И. Г.** «Жизнь на войне» в дневниках советских офицеров 1941–1945 гг. № 4 (44). С. 150–158.

РЕЦЕНЗИИ

- Андреева И. В.** От *tactica conclavium* до новой музеологии (Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: учеб.-метод. пособие. Санкт-Петербург, 2014. 136 с.). № 1 (41). С. 179–185.

НАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

- Буцык С. В., Полушкина М. С.** Юбилей большого ученого. № 2 (42). С. 223–225.
- Литвак Р. А., Швачко Е. В.** Траектория жизни: от ученика к учителю, от учителя к ученому. № 4 (44). С. 173–175.
- Невелева В. С.** Синтез философии и науки. № 1 (41). С. 187–189.
- Штолер А. В.** Мост через океан. № 2 (42). С. 226–229.

DIGEST

- Askarova V.** A collective monograph “Reading. 21 century” as a reflection of the current state of the science of reading. № 4 (44). С. 167–171.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Итоги визита в Китайскую Народную Республику. № 3 (43). С. 197–198.
- Кочиков В. Ф.** Парад дирижеров – эффективная форма совершенствования народно-оркестрового исполнительства. № 1 (41). С. 191–195.
- Культура – искусство – образование. № 1 (41). С. 195–196.
- Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве. № 1 (41). С. 196.
- Матвеева И. Ю.** На перекрестках образовательных реформ. № 2 (42). С. 231–233.
- Молодежь в науке и культуре XXI века (Челябинск, 2–3 ноября 2015 г.). № 3 (43). С. 200.
- Профессиональный стандарт библиотечного специалиста. № 4 (44). С. 178–179.
- Третий Международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрестке». № 4 (44). С. 177–178.
- Успех объединяет молодых. Итоги второго межрегионального библиомарафона молодых библиотекарей Челябинской области и Республики Башкортостан «Формула успеха». № 3 (43). С. 198–200.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аванесова Галина Алексеевна** – доктор философских наук, профессор кафедры отечественной истории и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. *E-mail: gal-09@list.ru*
- Ананьев Виталий Геннадьевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета. *E-mail: v.ananьев@spbu.ru*
- Андреева Ирина Валерьевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и музееведения Челябинского государственного института культуры. *E-mail: andreevairina7@gmail.com*
- Астафьева Ольга Николаевна** – доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федераций Федерального собрания РФ. *E-mail: onastafieva@mail.ru*
- Буриев Курбонали Бозорович** – кандидат исторических наук, директор Национального агентства международной цифровой стандартизации книги «Дом книги Таджикистана». *E-mail: kurbonalib@mail.ru*
- Бычков Владимир Васильевич** – доктор искусствоведения, профессор кафедры эстрадно-оркестрового творчества Челябинского государственного института культуры, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. *E-mail: vladimirbychkoff@mail.ru*
- Гусев Алексей Олегович** – соискатель ученой степени кандидата искусствоведения сектора кино и телевидения Российского института истории искусств (17.00.09), доцент кафедры кинофотоискусства Санкт-Петербургского государственного института культуры. *E-mail: Alexeygusev@mail.ru*
- Гушул Юлия Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, директор Научно-образовательного центра «Информационное общество» Челябинского государственного института культуры. *E-mail: disser2007@yandex.ru*
- Дворовенко Ольга Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного института культуры. *E-mail: os.ui@kenguki.ru*
- Дискья Наталья Ивановна** – соискатель ученой степени кандидата культурологии кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры (24.00.01), директор Челябинской областной универсальной научной библиотеки. *E-mail: lib@chelreglib.ru*
- Емченко Евгения Павловна** – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна, рекламы и связей с общественностью Челябинского государственного института культуры. *E-mail: jemchenko@mail.ru*
- Ефимов Владимир Фёдорович** – доктор педагогических наук, профессор кафедры начального и дошкольного образования Государственного гуманитарно-технологического университета. *E-mail: profefim53-1953@km.ru*
- Кислов Александр Геннадьевич** – доктор философских наук, профессор кафедры права Российского государственного профессионально-педагогического университета. *E-mail: akislov2005@yandex.ru*
- Малофеева Инна Владимировна** – аспирант кафедры теории и истории музыки (17.00.02), преподаватель кафедры инструментального исполнительства Государственной специализированной академии искусств. *E-mail: Inna_edel@mail.ru*
- Павлова Александра Юрьевна** – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры. *E-mail: astra861@rambler.ru*
- Пилко Ирина Семёновна** – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного института культуры. *E-mail: isp@kenguki.ru*
- Путилов Владимир Дмитриевич** – старший преподаватель кафедры теории и методики танцевальных видов спорта Уральского государственного университета физической культуры. *E-mail: putilov_vd@mail.ru*
- Рубанова Татьяна Давыдовна** – доктор педагогических наук, профессор кафедры документоведения и издательского дела Челябинского государственного института культуры. *E-mail: trubanova@yandex.ru*
- Рушанин Владимир Яковлевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и издательского дела, кафедры истории, ректор Челябинского государственного института культуры. *E-mail: rushanin@chgaki.ru*
- Серегин Николай Васильевич** – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования Алтайского государственного института культуры. *E-mail: SereginNV@yandex.ru*
- Сколова Наталья Викторовна** – доцент кафедры театрального искусства Челябинского государственного института культуры. *E-mail: nata.skolova@mail.ru*
- Сокольская Лэся Васильевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры. *E-mail: Isokolskaya@mail.ru*
- Солдаткин Владимир Евгеньевич** – кандидат культурологии, декан Института заочного обучения факультета театра, кино и телевидения Челябинского государственного института культуры. *E-mail: ves1972@mail.ru*
- Сумро Наталья Андреевна** – аспирант кафедры документоведения и библиографоведения Самарского государственного института культуры (05.25.03), директор научной библиотеки Самарского государственного медицинского университета. *E-mail: ddnsomro@inbox.ru*
- Сюзева Наталья Валентиновна** – соискатель ученой степени кандидата культурологии (24.00.00), старший преподаватель кафедры права Российского государственного профессионально-педагогического университета. *E-mail: mogilenko_nataly@mail.ru*
- Ульмасов Фируз Абдушукурович** – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий отделом искусствоведения Научно-исследовательского института культуры и информации Министерства культуры Республики Таджикистан. *E-mail: firuz_ul@mail.ru*
- Харишина Вера Ивановна** – кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой истории и теории музыки Челябинского государственного института культуры. *E-mail: if2@chgaki.ru*
- Шицкова Марина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и музееведения Челябинского государственного института культуры. *E-mail: ma1216@ya.ru*
- Эрдэнэбат Данзангийн** – аспирант кафедры общей истории (24.00.01) Бурятского государственного университета. *E-mail: erdenebat_buural@yahoo.com*
- Южалина Наталья Сергеевна** – кандидат культурологии, доцент кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета. *E-mail: Yuzhalina@yandex.ru*
- Яковлева Татьяна Анатольевна** – кандидат культурологии, доцент кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета. *E-mail: estania@list.ru*

AUTHORS

Ananiev Vitalii – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of Museology Department of the Saint Petersburg State University. *E-mail: v.ananiev@spbu.ru*

Andreeva Irina – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor of Museology and Tourism Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: andreevairina7@gmail.com*

Astafyeva Olga – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of Scientific-educational center "Civil society and social communications" of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, a member of the Council for State Cultural Policy under the Federation Council Chairman of the Federal Assembly of the Russian Federation. *E-mail: onastafieva@mail.ru*

Avanesova Galina – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Russian History and Cultural Studies Department of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities. *E-mail: gal-09@list.ru*

Buriev Kurbonali – Candidate of Historical Sciences, Docent, Director of National agency international digital books standardization "Book House in Tajikistan". *E-mail: kurbonalib@mail.ru*

Bychkov Vladimir – Doctor of Art Criticism, Professor, Professor of Pop-orchestral Creativity Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Honored Artist of Russia. *E-mail: vladimirbychkoff@mail.ru*

Diskaia Natalia – competitor of a scientific degree of Candidate of Culturology of Culturology and Sociology Department of Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts (24.00.01), Director of Chelyabinsk Regional Universal Scientific Library. *E-mail: lib@chelreglib.ru*

Dvorozenko Olga – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor of Documentary Communications Technology Department of the Kemerovo State Institute of Culture. *E-mail: os.ui@kenguki.ru*

Efimov Vladimir – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of Primary and Pre-school Education Department of the Moscow State Regional Institute of Humanities. *E-mail: profefim53-1953@km.ru*

Emchenko Evgeniia – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Design, Advertising and Public Relations Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: jemchenko@mail.ru*

Erdenebat Danzangiin – post-graduate student of Common History Department of the Buryat State University (24.00.01). *E-mail: erdenebat_buural@yahoo.com*

Gusev Aleksei – competitor of a scientific degree of Candidate of Art Criticism of Films and Television Sector of Russian Institute of Art History (17.00.09), Associate Professor of Cinema and Photography Department of Saint Petersburg State Institute of Culture. *E-mail: Alexeygusev@mail.ru*

Gushul Yulia – Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor of Library and Information work Department, Director of the Scientific-educational Centre "Information society" of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: disser2007@yandex.ru*

Iakovleva Tatiana – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Art Criticism and Culturology Department of South Ural State University. *E-mail: estania@list.ru*

Iuzhalina Natalia – Candidate of Culturology, Docent, Associate Professor of Art Criticism and Culturology Department of South Ural State University. *E-mail: Yuzhalina@yandex.ru*

Kharishina Vera – Candidate of Art Criticism, Docent, Head of History and Theory Music Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: if2@chgaki.ru*

Kislov Aleksandr – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Law Department of the Russian State Vocation Pedagogical University. *E-mail: akislov2005@yandex.ru*

Malofeeva Inna – post-graduate student of Music Theory and History Department (17.00.02), lecturer of Instrumental Performance Department of the Russian State Specialized Academy of Arts. *E-mail: Inna_edel@mail.ru*

Pavlova Aleksandra – Candidate of Culturology, Associate Professor of Culturology and Sociology Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: astra861@rambler.ru*

Pilko Irina – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Vice-Rector for Educational Activities of the Kemerovo State Institute of Culture. *E-mail: isp@kenguki.ru*

Putilov Vladimir – Senior lecturer of Theory and Techniques of Dance Sports Department of the Ural State University of Physical Culture. *E-mail: putilov_vd@mail.ru*

Rubanova Tatiana – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of Documentation and Publishing Business Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: trubanova@yandex.ru*

Rushanin Vladimir – Doctor of History, Professor, Professor of Documentation and Publishing Department, Professor of History Department, Rector of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: rushanin@chgaki.ru*

Seregin Nikolai – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Head of Folk Instruments and Orchestral Conducting Department of the Altai State Institute of Culture. *E-mail: SereginNV@yandex.ru*

Shitskova Marina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Museology and Tourism Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: ma1216@ya.ru*

Siuzeva Natalia – competitor of a scientific degree of Candidate of Culturology of Law Department of the Russian State Vocation Pedagogical University (24.00.00). *E-mail: mogilenko_nataly@mail.ru*

Skolova Natalia – Associate Professor of Theatre Art Department of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: nata.skolova@mail.ru*

Sokolskaia Lesia – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of Department of Library and Information Work of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: Isokolskaya@mail.ru*

Soldatkin Vladimir – Candidate of Culturology, Dean of Institute of Correspondence Study Faculty of Theatre, Cinema and Television of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts. *E-mail: ves1972@mail.ru*

Sumro Natalia – post-graduate student of Documentation and Bibliography Department of the Samara State Institute of Culture, Director of Science Library of the Samara State Medical University. *E-mail: ddnsoomro@inbox.ru*

Ulmasov Firuz – Candidate of Art Criticism, Docent, Head of the Art History Department of Research Institute of Culture and Information of Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan. *E-mail: firuz_ul@mail.ru*

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ (требования к материалам, представляемым для публикации)

1. К печати принимаются материалы, содержащие результаты самостоятельных научных исследований авторов. Тематика публикаций должна отвечать профилю журнала (в присланных материалах необходимо указывать название раздела журнала). О материале, отклоненном от публикации, редакция сообщает автору. В редакционном портфеле статья может находиться до года.

2. Рукопись передается в электронном виде и сопровождается письмом (по факсу или непосредственно в редакцию по образцу, который находится на сайте ЧГАКИ в разделе «Вестник ЧГАКИ»), подписанным научным руководителем (для соискателей) и автором (авторами). **Подпись автора подтверждает отсутствие плагиата и некорректного цитирования и означает согласие на передачу прав ЧГАКИ на распространение печатных и электронных вариантов представленной работы.**

3. Объем статьи не должен превышать 5–6 с. для аспирантов и соискателей, 10–12 с. для докторантов; объем остальных материалов устанавливается редколлегией. Параметры предоставляемых материалов: формат А4, поля с каждой стороны – 2 см, интерлиньяж – 1,5, кегль – 14, расширение документа .doc или .rtf.

4. Первая страница текста должна содержать следующую информацию:

- фамилия, имя, отчество автора (на русском и английском языках);
- краткие сведения об авторе (ученая степень, в том числе искомая, звания, место работы, должность);
- примерная дата защиты;
- контактная информация (**обязательно действующий e-mail**, а также телефон или факс, домашний адрес);
- название статьи (на русском и английском языках);

• **резюме и ключевые слова** (на русском и английском языках). Резюме к научной статье – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Объем в первую очередь определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью, практическим значением), примерно составляет 200–300 слов. Резюме должно отвечать следующим требованиям: информативность (не содержит общих слов); содержательность (отражает основное содержание статьи и результаты исследований); изложение соответствует логике развития темы в статье: актуальность, цель работы, постановка проблемы (если они не ясны из заглавия статьи); используемые подходы и методы для решения конкретных задач исследования; результаты работы, выводы.

Переводом названия статьи, аннотации, ключевых слов должен заниматься специалист, машинный перевод (онлайн-переводчики) категорически не допускается и редакцией приниматься не будет.

5. К рукописи обязательно приложить 2 рецензии на статью, полученные самим автором у специалистов соответствующего профиля.

6. Все представленные работы редакция журнала направляет на анонимное рецензирование специалистами по тематике рецензируемых материалов. Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

7. Отбор и структурирование содержания материалов желательно производить исходя из интересов широкого круга читателей, а не только специалистов узкого профиля.

В связи с этим изложение материала необходимо выстроить в определенной логической последовательности, которая предполагает: постановку проблемы и анализ существующих подходов к ее решению; выделение объектной и предметной сфер анализа, выдвижение гипотез и предположений; описание методического замысла и процедуры его реализации; предъявление основных исследовательских результатов и их научную интерпретацию; формулирование основных теоретических выводов и их аргументацию; разработку конкретных рекомендаций для работы специалистов в соответствующей сфере; список источников должен содержать не менее 10 позиций, включая исследования последних годов; отдельно необходимо предоставить список источников на английском языке (имена собственные транслитерируются).

8. Статья должна быть написана четко, ясно, без длинного введения и повторений, тщательно выверена автором.

9. Сокращения слов (аббревиатуры) допускаются для повторяющихся в тексте ключевых выражений или для часто употребляемых терминов, при этом все сокращения должны быть сначала приведены в статье полностью; сокращений не должно быть более 5–6.

10. Таблицы (не более 2–3) и рисунки (не более 3–4) должны быть построены наглядно и иметь название; их заголовки – соответствовать содержанию граф, все цифры в таблицах – тщательно выверены автором.

11. Источники в пристатейном библиографическом списке следует составить в алфавитном порядке и пронумеровать; каждый оформляется с новой строки. В списке перечисляются только те источники, ссылки на которые приводятся в тексте. В описании источника указывается до трех фамилий авторов. Библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», описание электронных ресурсов – по ГОСТ 7.82-2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления». Источники на иностранных языках приводятся после отечественных. Фамилии иностранных авторов даются в оригинальной транскрипции. Ссылки на литературу должны быть указаны в квадратных скобках [номер источника из списка литературы, цитируемые страницы]. За правильность приведенных в библиографическом списке данных ответственность несут авторы.

12. Редакция оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку без искажения смысла. На всех стадиях работы с рукописями для связи с авторами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Статья, нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и научного редактора. Автор должен учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний; в случае несогласия с рецензентом или редактором кратко и четко обосновать свою позицию. В случае отказа от публикации авторам представленных материалов направляется копия рецензии. Прошедшая редакционную обработку статья высылается автору в pdf-формате для согласования. При отсутствии ответа от автора материал не может быть опубликован и остается в редакционном портфеле до получения ответа.

Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Редакция обеспечивает постоянное хранение публикуемых научных статей и их доступность.

13. Статьи соискателей кандидатской научной степени публикуются бесплатно, оплата статей других авторов определяется при заключении договора.

При нарушении автором условий статья отклоняется от публикации и затраченные средства не возмещаются.

Адрес редакции: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, к. 201. **Тел./факс:** (351) 263-28-45; 263-94-67. **E-mail:** vestnik@chgaki.ru

Научное издание

ВЕСТНИК
Челябинской государственной академии
культуры и искусств
2016 / 1 (45)

Сдано в РИО 01.02.2016
Формат 60x84 1/8
Заказ № 1555

Подписанов печать 30.03.2016
Объем 26 п. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта РОССИИ" Ф. СП-1

Бланк заказа периодических изданий

	АБОНЕМЕНТ на		газету									
			журнал		48677 (индекс издания)							
	Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств											
	(наименование издания)					количество комплектов						
	на 2016 год по месяцам:											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда		(почтовый индекс)				(Адрес)					
	Кому		(Фамилия, инициалы)									

				на	газету							
					журнал		48677 (индекс издания)					
	ПВ	место	ли-тер									
	наименование издания											
	Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств											
			подписки		руб. коп.							
	Стои-мость		каталожная		руб. коп.		кол-во комп-лектов					
			переадресовки		руб. коп.							
	на 2016 год по месяцам:											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		(почтовый индекс)		(Адрес)								
Кому		(Фамилия, инициалы)										

**Вестник
Челябинской
государственной
академии
культуры и искусств**

рекомендован

ВАК

*Министерства образования и науки
Российской Федерации*

**см. Перечень российских
рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты
диссертаций на соискание ученых
степеней доктора
и кандидата наук**

Электронная версия журнала доступна в НЭБ

eLIBRARY.ru